

Все испытывайте, хорошего держитесь.
Ап. Павел (1 Фес 5:21)

REVIEW OF THE RUSSIAN CHRISTIAN ACADEMY FOR THE HUMANITIES

2021
volume 22
issue 4 (2)

Since 1997

*Published
4 times a year*

St. Petersburg

ВЕСТНИК

русской
христианской
гуманитарной
АКАДЕМИИ

2021
том 22
выпуск 4 (2)

---

*Издаётся
с 1997 г.*

*Выходит
4 раза в год*

Санкт-Петербург

Главный редактор

Д. К. Богатырёв

Зам. главного редактора

А. А. Ермичёв

Редакционная коллегия

О. И. Кулиев, К. В. Преображенская,

А. Ю. Рахманин, А. А. Синицын, М. Ю. Хромцова

Редакционный совет

Д. В. Масленников (председатель), М. Ю. Быстров,

Х. А. Гарсиа Куадrado (Памплона, Испания), о. Г. Григорьев, В. А. Гуторов,

А. А. Корольков, Л. Е. Шапошников

М. А. Маслин, М. Пизери (Аоста, Италия), М. С. Самарина,

Р. В. Светлов, И. П. Смирнов (Констанц, ФРГ), Фролова Е. А.

Вестник Русской христианской гуманитарной академии.

2021. Том 22. Вып. 4. Часть 2. — СПб.: Изд-во РХГА, 2021.

ISSN 1819–2777

Editor-in-Chief

Dmitry Bogatyrev

Editor

Alexander Ermichev

Editorial Board

Oleg Kuliev, Kira Preobrazhenskaya,

Alexey Rakhmanin, Alexandr Sinitsyn, Marina Khromtsova

Advisory Board

Dmitry Maslennikov (St. Petersburg, Russia) — chairman, Roman Svetlov
(St. Petersburg, Russia), Michael Bystrov (St. Petersburg, Russia), Igor Smirnov
(Konstanz, Germany), Grigory Grigoriev (St. Petersburg, Russia),
Alexander Korolkov (St. Petersburg, Russia), Vladimir Gutorov
(St. Petersburg, Russia), Michael Maslin (Moscow, Russia),
Marina Samarina (St. Petersburg, Russia), Elizaveta Frolova (Moscow, Russia),
Lion Shaposhnikov (Nizhny Novgorod, Russia),
José Ángel Garcia Cuadrado (Pamplona, Spain),
Maurizio Piseri (Valle d'Aosta, Italy)

The Russian Christian Academy for the Humanities Publishing House

St. Petersburg, Russia © Русская христианская

гуманитарная академия, 2021

© Авторы выпуска, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ

Борзова Е. П.

Переходный период мировой культуры. Куда роет «корт истории»?.....11

Голик Н. В., Богатырева Л. В., Щелкин А. Г.

«Реванш бога»: повод к размышлению о социальной онтологии 20

Голик Н. В., Щелкин А. Г.

Постмодернизм. Религия. Онтология 31

Михайлова М. В.

Бездомность в философии культуры XX века:
религиозно-культурологические смыслы 43

Филичева Н. В., Цветаева М. Н.

Символы «новой религии» в образах культуры на примере
ленинградского архитектурного конструктивизма.....54

СОЦИУМ И КУЛЬТУРА

Багдасарян В. Э., Реснянский С. И.

Генезис советской системы: Революция как механизм
цивилизационного воспроизводства 66

Борзова Е. П., Лебедев С. П., Голик Н. В.

«Знание — сила». В чем сила знания?
Образование, наука, культура, религия, философия 77

<i>Черепенчук В. С.</i>	
«Белый Омск» Николая Устрялова и газета «Сибирская речь»: личное и общественное.....	87
<i>Давыдова Т. Т., Шапиро А. М.</i>	
Цензура в Советской России в 1910–1920-х гг.....	96
<i>Богданова О. В., Гуторов В. А.</i>	
«Самый человечный человек» в литературе столетия (часть первая)	105
<i>Самойлов Д. Е., Северюхин Д. Я.</i>	
Лениниана новейшего времени	118
<i>Чистиков А. Н.</i>	
Плюсы и минусы «хрущёвского десятилетия»: оценка соратниками Н. С. Хрущёва в октябре 1964 года	132

ИСТОРИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Борзова Е. П., Лебедев С. П., Исаченко Ю. С.</i>	
Русский характер, православный культурный код и менталитет российского народа	145
<i>Никоненко С. В.</i>	
Рассел и Бердяев о марксизме, коммунизме и Советской России: сравнительный анализ	162
<i>Филичева Н. В.</i>	
«Незабвенно столетие»: историческое значение преобразований Петра I в области культуры	174
<i>Таирова Т. Г., Багро А. В.</i>	
Образ Петра I в «Летописи» Самойла Величка	186
<i>Гайнутдинова Л. А., Гайнутдинов Р. И.</i>	
Идеи Ш. Монтескье «о духе народа» и «образе правления» и их влияние на современный российский консерватизм	196
<i>Алташина В. Д., Алташина М. Р.</i>	
Между весами Правосудия и стрелой Амура: портреты Монтескье на фронтисписах	212
<i>Богданова О. В., Митрофанова И. А.</i>	
Н. А. Некрасов в восприятии А. П. Чехова (рассказ «У знакомых»)	223

*Прокофьев С. С.
(К 130-летию со дня рождения)*

<i>Власова Е. С.</i>	
Деятельность Н. Я. Мяковского в комитете по Сталинским премиям: С. С. Прокофьев (по материалам РГАЛИ)	245

<i>Брагинский Д. Ю.</i>	
Прокофьев и Мейерхольд. Границы сотрудничества: от оперного театра до физкультурного парада.....	.255
КУЛЬТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ	
<i>Ермичев А. А.</i>	
Культура Советской России — СССР в журналах русской эмиграции (о проекте издания)	.266
<i>Машукова Е. Ю.</i>	
Формирование советского человека в рецепциях авторов журнала «Новый град»	.278
<i>Базанов П. Н.</i>	
«Утверждения» России: политическая и издательская деятельность переволовлюционеров национал-максималистов	.290
<i>Базанов П. Н.</i>	
К грядущей Атлантиде — Третьей России: политическая и издательская деятельность народников-мессианистов	.304
<i>Святославский А. В., Егорова Е. В.</i>	
В. И. Ленин в литературно-художественной рецепции В. В. Набокова	.317
<i>Димяненко А. А.</i>	
Критика детской литературы русского зарубежья на страницах газеты «Накануне» Берлин, 1922–1924	.330
<i>Иеромонах Димитрий (Самойлов)</i>	
Особенности формирования аксиологического пространства современных масс-медиа: антропологический анализ	.337
<i>Борзова Е. П.</i>	
Роль России в сохранении общечеловеческих духовных ценностей будущего мировой культуры.....	.348

CONTENTS

THEORETICAL PROBLEMS OF CULTURE

Borzova E. P.

- The transitional period of world culture .....
What direction is the «mole of history» digging? 11

Golik N. V., Bogatyreva L. V., Shchelkin A. G.

- «God's revanche»: a reason for thinking about social ontology 20

Golik N. V., Shchelkin A. G.

- Postmodernism. Religion. Ontology 31

Mikhailova M. V.

- Homelessness in the philosophy of culture of XX century:
religious and cultural meanings 43

Filicheva N. V., Tsvetaeva M. N.

- Symbols of the «new religion» in the images of culture
on the example Leningrad architectural constructivism 54

SOCIETY AND CULTURE

Bagdasaryan V. E., Resnyanskiy S. I.

- Genesis of the Soviet system:
revolution as a mechanism of civilizational reproduction 66

Borzova E. P., Lebedev S. P., Golik N. V.

- «Knowledge is power». What is the power of knowledge?
Education, science, culture, religion, philosophy 77

Cherepenchuk V. S.

- «White Omsk» of N. V. Ustryalov and the newspaper «Siberian speech»:
personal and public 87

Davydova T. T., Shapiro A. M.

- Censorship in Soviet Russia in the 1910–1920 96

<i>Bogdanova O. V., Gutorov V. A.</i>	
«The most humane man» in the literature of the century (part one)	105

<i>Samoilov D. E., Severyukhin D. Ya.</i>	
Leninian of the modern time	118

<i>Chistikov A. N.</i>	
Pros and cons of the «Khrushchev decade»: assessment of N. S. Khrushchev's associates in october 1964	132

HISTORY OF RUSSIAN CULTURE

<i>Borzova E. P., Lebedev S. P. Isachenko Yu. S.</i>	
Russian character, orthodox cultural code and mentality of the Russian people.	145

<i>Nikonenko S. V.</i>	
Russell and Berdyaev on marxism, communism and Soviet Russia: a comparative study	162

<i>Filicheva N. V.</i>	
The experience of reformist transformations Peter the Great's in culture and education	174

<i>Tairova T. G., Bagro A. V.</i>	
The image of Peter I in the «Chronicle» Samilo Velychko	186

<i>Gaynutdinova L. A., Gaynutdinov R. I.</i>	
Montesquieu's ideas «About the spirit of the people» and «The way of government» and their influence on modern Russian conservatism.	196

<i>Altashina V. D., Altashina M. R.</i>	
Between the scales of justice and Cupid's arrow: Montesquieu's portraits on frontispieces	212

<i>Bogdanova O. V., Mitrofanova I. A.</i>	
N. Nekrasov in the perception of A. Chekhov (the story «At acquaintances»)	223

<i>Vlasova E. S.</i>	
N. Y. Myaskovsky's activity in the committee on Stalin prizes: S. S. Prokofiev (based on the materials from RGALI)	245

<i>Braginsky D. Yu.</i>	
Prokofiev and Meyerhold. The cooperation options: from an opera house to a sports parade.	255

CULTURE OF THE RUSSIAN ABROAD

<i>Ermichev A. A.</i>	
Culture of Soviet Russia — USSR in the magazines of the Russian emigration (about the project of the publication)	266

<i>Mashukova E. Y.</i>	
The formation of a new soviet man in the reception of the authors of the magazine «Novy grad».....	278
<i>Bazanov P. N.</i>	
«Affirmations» of Russia: political and publishing activities of the national maximalist revolutionaries	290
<i>Bazanov P. N.</i>	
Toward the coming Atlantis — the third Russia: political and publishing activities of the messianist populists	304
<i>Svyatoslavsky A. V., Egorova E. V.</i>	
V. I. Lenin in the literary and artistic reception of V. V. Nabokov	317
<i>Dimianenko A. A.</i>	
Criticism of children's literature of the Russian abroad in the pages of the newspaper “Nakanune” Berlin, 1922–1924	330
<i>Samoilov D. E.</i>	
The features of the formation of the axiological space in modern mass media: an anthropological analysis.....	337
<i>Borzova E. P.</i>	
The role of Russia in preserving the universal spiritual values of the future world culture.....	348

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.001

УДК 1 (091)

E. P. Борзова*

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ. КУДА РОЕТ «КРОТ ИСТОРИИ»?

В статье рассматривается современное состояние мировой культуры с философской точки зрения. Оно представляет собой внешнюю форму глобального исторического процесса, который является расставанием с изжившими себя формами семьи, общества и государства. Мировой дух, наделенный объективным разумом, как внутренним стержнем истории существования природы и человечества, проектирует себе путь через внешние исторические формы бытия. Именно так один способ жизни духа меняется на другой, более истинный, и в этом смысле процесса его развития на планете. Объективный разум как «крот истории роет» ей проход по виткам планетарной спирали вверх: геосфера, биосфера, техносфера, цифросфера, ноосфера (мир разума и духовных ценностей). Период оформления ноосферы как порождения новой формы закономерно проходит в муках преодоления жестокого духовного кризиса, и мир сегодня предстал перед нами как международное военно-финансово-интеллектуальное «чудовище».

Ключевые слова: мировая культура, исторический процесс, глобализация, объективный разум, мировой дух, миропорядок, планета, природа, человечество, духовный кризис, духовные ценности, ноосфера.

*E. P. Borzova
THE TRANSITIONAL PERIOD OF WORLD CULTURE.
WHAT DIRECTION IS THE “MOLE OF HISTORY” DIGGING?*

The article examines the current state of world culture from a philosophical perspective. It represents the external form of the global historical process, which is the parting with the outmoded forms of family, society and state. The world spirit, endowed with objective reason as the inner core of the history of existence of nature and humanity, makes its way through

---

* Борзова Елена Петровна, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы, президент Санкт-Петербургского института искусств и реставрации; borzova_01@mail.ru

the external historical forms of being. This is how one way of life of the spirit changes into another, more true, and this is the meaning of the process of its development on the planet. Objective mind as a «mole of history digs» its way through the coils of the planetary spiral upwards: geosphere, biosphere, technosphere, digisphere, noosphere (the world of reason and spiritual values). The period of formation of the noosphere as the generation of a new form naturally occurs in the throes of overcoming the brutal spiritual crisis, and the world today appeared before us as an international military-financial-intellectual «monster».

Keywords: world culture, historical process, globalization, objective mind, world spirit, world order, planet, nature, humanity, spiritual crisis, spiritual values, noosphere.

Крат истории роет в сторону формирования новой структуры уже прошедшего глобализацию мира. Всеобщая диалектика единства прокладывает себе путь посредством трудного подъема к вершине и одновременно — к своему основанию развития человечества — к Человеку, к гуманному обществу. Но видимая картина происходящих процессов кажется удручающей: «ночь особенно темна перед рассветом». Она показывает человеку, что именно ему надо преодолеть, исправить и развить, сосредоточиться, объединить все свои силы, перед прыжком и взлетом.

Изменения, которые касаются бытия человечества в мире, происходят на наших глазах и сегодня. Как понять, «куда несет нас рок событий. Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии» (С. Есенин). Попробуем все же увидеть некоторые ярко проявляющиеся аспекты того, что происходит с человеком, обществом, государством, как меняется и возникает новая система управления миром, какие центры «загораются» на политической карте мира.

В настоящее время, когда мир прошел стадию глобализации, однополярности, мировой межкультурной коммуникации, либерального миропорядка, финансового глобализма, он вступил на путь исторической «перезагрузки», а Россия — на дорогу поиска своего места в новом политическом миропорядке и одновременно поиска своей национальной идеи, формирования системы смыслов и целей народов внутри своей страны.

Сегодня, в первой четверти XXI века, Россия в цивилизованное пространство Запада, как и прежде, не включается. Запад считает своими западно-христианские народы и отделяет себя от мусульман и православных. Более того, Зб. Бжезинский в своей известной книге «Великая шахматная доска» говорил, что после падения коммунизма главным врагом Америки и всего Запада является Русское православие и нельзя допустить вновь возрождения евразийской империи [1]. Россия же двадцатилетие третьего тысячелетия от Рождества Христова отметила возрождением многих православных храмов, церквей и монастырей, большое количество из них восстановлено и отреставрировано, духовенство активно включилось в воскрешение «духа места» России. Также организуется много международных культурных, экономических и политических мероприятий восточного и евразийского характера: форумы, съезды, конкурсы, симпозиумы. Россия стала мировой державой.

Современное состояние человеческого мира в целом, с философской точки зрения, представляет собой внешнюю форму исторического процесса, которая является расставанием с изжившими себя формами семьи,

общества и государства. Мировой дух, наделенный объективным разумом, как внутренний стержень истории существования природы и человечества, проявляется через внешние исторические формы существования, которые, в свою очередь, со временем меняются, изживая себя. Именно так один способ жизни духа меняется на другой, более истинный, и в этом смысл процесса его развития на планете.

15 тысяч лет назад человечество уже находилось в том состоянии, когда существующая форма духа в общественно-историческом процессе изжила себя, предопределив наступление величайшей формы духовного кризиса. Тогда человечество вступило в фазу организации новой формы семьи, формирования частной собственности, как основы разделения общества на классы, и государства, как формы управления классовым обществом.

2 тысячи лет назад человечество опять пришло к такому состоянию, когда существующая форма духа в общественно-историческом процессе изжила себя и оказалась перед необходимостью изменения на более прогрессивную. Порождение новой формы закономерно происходит в муках преодоления жестокого духовного кризиса, и объективный разум изобретает новую форму бытия человеческого духа. Неслучайно именно в это время Иисус Христос с божественными ценностями пришел в мир. Своей духовной деятельностью, истинной духовностью он наполнил исчерпавший себя способ жизни духа. Учитывая, что всеобщая закономерность в мире такова, что исторически преодоленный способ жизни духа с необходимостью вытесняется более истинным, задача этого момента заключалась в том, чтобы человечество осознало главное, что именно он, дух, является определяющим моментом материи и всего материального. А мировой разум прокладывает себе путь через общий ход истории по виткам планетарной спирали вверх: геосфера, биосфера, техносфера, цифросфера, ноосфера (мир разума и духовных ценностей).

В настоящее время, когда мир прошел стадию глобализации, мировой межкультурной коммуникации, однополярности, финансового глобализма, он опять столкнулся величайшей формой духовного (идеологического, экологического, экономического) кризиса, когда существующая форма духа в общественно-историческом процессе ищет пути ее изменения, ищет новую прогрессивную модель человеческого сосуществования с природой. История мира в ближайшие времена будет жесткой для человечества, она будет историей агонии умирающего финансово-спекулятивного капитала. Показательно в этом плане названа книга Е. С. Лариной, исследующей особенности развития современного мира и роли элит в управлении им: «Умножающие скорбь. Как выжить в эпоху войны элит» [3]. Она раскрывает особенности формирования в истории наднациональных структур как особой касты управления и власти над миром. Более «оптимистично» назвал свое исследование современного состояния общества историк А. И. Фурсов — «Оргазм богомола» [5], где он вскрывает тайные замыслы препарирования мира элитами умирающего глобального финансового посткапитализма.

Объективная закономерность такова, что мир оказывается в трудном процессе поиска нового глобального социально-экономического проекта, который

смог бы удовлетворять принципам гуманности и социальной справедливости. Внешняя форма этого поиска демонстрирует жесточайшую фазу всеобщего кризиса мировой культуры.

Глобализация, которая активно развивалась в конце XX и самом начале XXI веков, сделала мир более тесным, границы государства — легко преодолимыми, население — более плотным. На короткий исторический промежуток времени показалось, что «мир — без границ», и есть лишь границы суверенитетов государств. Все стремительно стало меняться с 2019 года. А 2021 год оказался на гребне изменений, и мы уже имеем нечто новое в картине земного, планетарного миропорядка.

Большая политическая игра обозначила три центра на карте мира: США, Китай и Россия. Китай стал одним из мировых игроков по причине того, что добился огромных успехов в экономике; а с Россией невозможно не считаться потому, что она по некоторым показателям военной мощи вышла на первое место; США, бывшие ранее единственным полюсом в однополярном мире и остающиеся финансовым центром сегодня, объявили и Китай, и Россию своими врагами. Мир замер в ожидании военных конфликтов и пожаров на юге Евразии, поскольку именно там есть интересы и Китая, и России и планы организовать очаги раздора и военных конфликтов — у США.

Ускоренное развитие новых технологий, кибернетики, микроэлектроники, квантовой теории, генной инженерии, искусственного интеллекта не только включили человечество в цифровую цивилизацию, но и поставили перед проблемой «антропологического перехода». Так в настоящее время мир предстал как международное военно-финансово-интеллектуальное «чудовище».

Динамика научно-технологического прогресса и имеющие место экологические проблемы, а также неустойчивость климата — это те процессы, на которые человек пока не может повлиять. Кроме того, в процессе неизбежного кризиса капитализма, отягощенного климатической турбулентностью и огромной технологической сложностью, правящие группы мира, мировые элиты, озабочены решением задачи своего влияния на мир. И оно тоже меняется. Средства управления миром находятся в стадии перехода от государств и государственных полюсов к надгосударственным центрам: к наднациональным глобальным элитам, корпоратократии и нетократии. В этом процессе меняется общество и система управления им.

Можно выделить новые **средства управления человеком**, которые используются внутри государств всего мира в связи с вхождением человечества в цифровую цивилизацию:

1) **цифровые платформы** (Google, Microsoft, Amazon, Uber, Airbnb и другие) — платформы, на которых собраны и представлены все персональные данные людей и корпоративные данные компаний, информация о личностных вкусах, предпочтениях, симптиях, антипатиях, интересах, уровне образования, воспитания, талантах, увлечениях и пр. Вместе с появлением сначала интернета вещей, а затем — интернета всего, базирующегося на умных вещах, домах, городах, любое поведение и любая человеческая активность становятся оцифрованными и пригодными для обработки и использования в неявном управлении поведением людей и юридических лиц;

2) **видеонаблюдение** — системами наблюдения пронизывается все общество; *автономные устройства и системы* могут проникать в пространства, которые ранее были недоступны для людей;

3) определение **геопозиции** — сращивание человека со смартфоном и компьютером, чипирование населения, сети пятого поколения (5G) позволяют определить местоположение человека всегда и везде;

4) **воспитание и образование** — предоставление образовательных услуг, исключение воспитания из процесса образования, формирование при помощи СМИ квалифицированного потребителя потребительского общества, введение тестирования, дистанционного обучения, несистематизированный набор многознания в программе образования, внедрение клипового и фрагментарного сознания через социально-коммуникативные сети, воспитание в конечном счете ограниченного самосознания, исключение из целей образования подготовки человека-творца, человека труда; внедрение программы «Подготовка агентов изменений среди учителей средней школы» — Teach For All, официальная цель которой — изменение снизу российской школы и общества в целом в соответствии с либеральными ценностями, на самом деле разрушающее творческий, интеллектуальный и цивилизационный потенциал формирующегося ума человека; абсолютизация свободы личности как либеральной ценности у подростков, которая ломает систему базовых нравственных ценностей и приводит к насаждению альтернативных принципов морали;

5) попрание воспитания в духе традиционных ценностей: нравственных принципов, семьи, стирание разделения полов на мужчину и женщину (ЛГБТ-сообщества); негативное отношение к детям и семье, неограниченность действий ювенальной юстиции;

6) разрушение социальных основ человека, разобщение и индивидуализм (запрет на посещение общественных мест, внушение необходимости сидеть дома, ограничение живого общения методом расширения онлайн- и дистанционного общения); нагнетание страха, влияние на психику человека (маски, дистанция, приветствие локтями).

В процессе новой волны глобализации и новой фазы развития капитализма в мире — посткапитализма, формируются новые **средства управления глобальным миром**:

1) наднациональные, надгосударственные структуры управления миром;

2) отторжение государства от власти и управления в качестве своей долгосрочной цели имеет «новый интернационал», объединяющий посткапиталистические страны как движение неправительственных организаций, не подчиняющимся федеральным властям в государствах: ОГМВ («Объединенные города и местные власти» — Союз городов мира и местных властей, основной директивный орган ОГМВ — Всемирный совет) в перспективе должно подчиняться правительству мира; ВОЗ как всемирная организация берет под контроль и свое влияние здоровье населения планеты;

3) отторжению государства на второй план в управлении обществом, а затем и его погибели способствует фактор, определяющий арену элитной борьбы, — переформатирование глобального политico-экономического пространства: создание Транстихоокеанского торгового партнёрства (ТТП)

и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства (ТТИП). Эти организации формируют единую техническую **нормативную зону** и среду технической регуляции (стандарты) — единый «глобтехнадзор»; они же создают долгожданную независимую от национальных государств **судебную систему**. (важно, что планируется, что скоро эти зоны охватят более 60% мирового ВВП, 80% мировых финансовых рынков, более 90% патентов и ноу-хау);

4) наряду с **вооружёнными силами и со спецслужбами** государств создаются такие структуры, которые не будут зависеть от отдельных государств, — это «частные спецслужбы» ЧВК (частные военные компании), которые по своей мощи превосходят армии государств и теснят армии государств; подключение к управлению разведсообществ стало уже обычным делом: так, 70% деятельности американского разведсообщества выполняется частными подрядчиками, а Агентство национальной безопасности (АНБ) США — электронное «всевидящее око» мира, контроль за поведением граждан всех государств, централизованное поддержание миропорядка;

5) рассматривается и как перспективная форма управления — **секторальное управление миром**: при таком управлении в глобальной системе на континенте население будет делиться на анклавы, где эксплуатация людей будет разная: анклавы, где по-прежнему будет достойная жизнь, но где все будет контролироваться; анклавы, где население будет жестко эксплуатироваться; и некоторые регионы, которые будут изъяты из исторического процесса, как недостаточно развитые;

6) на уровне цифровых платформ и социально-коммуникативных сетей формируется **новая фундаментальная наука управления населением при помощи Цифры**: она, вероятно, будет включать разноуровневые формы, которые учитывают разнообразные виды профессиональной деятельности, социальный статус, сословия, слои населения (один из примеров уже существует в Китае как система социальных рейтингов, ранжирующая доступ к общественным благам в зависимости от поведения, образа жизни и интересов).

Частная собственность будет укрепляться в немногочисленной группе (касте) собственников, владеющих частной собственностью на:

1) энергоресурсы;

2) цифровые платформы и информационно-коммуникативные сети; платформы, зарабатывающие на том, что человек платит за право доступа к их услугам, а фактически — за право продавать, отдавать в пользование свою волю, себя как человека;

3) искусственный интеллект и отрасль микроэлектроники.

Цель современных изменений — управление развитием общества к кастовому строю по ступеням:

1) классовое;

2) сословное;

3) кастовое.

Новый мир предполагается как кастовый, составляющий три группы:

1) крупные собственники: владельцы секторальных корпораций, элита (их доля по сравнению с другим населением — маленькая, а доход стремительно растет);

2) нетократия: управленцы инженерами, программистами, учеными, аналитики финансирования и экономики доступа, сами топ-менеджеры, разработчики, программисты, рекламисты (их — 9,9% населения, их доход растет);

3) население: пользователи, производители, обслуживание (их примерно 90%, их доля дохода падает практически во всех странах мира).

По всему миру завершился процесс трансформации капиталистического **классового** общества в **сословное**, и формируется посткапитализм как **кастовое** общество, состоящее из 0,1% собственников транснациональной собственности (корпораций), почти 10% их интеллектуального, бытового и военно-силового обслуживания и остальных 90% населения.

Средства достижения цели:

1) пандемия как средство социального размежевания, разъединения (стрела в социальное сердце человека); как средство психологического давления на волю каждого человека посредством страха (стрела в личностную основу человека — подавление воли);

2) панцифровизация как перевод в цифровое подчинение воли, свобод и прав человека, цифровое отчуждение; экономика доступа (эксизм) становится господствующей и всеобъемлющей;

3) негативные и хаотичные потоки информации, разрушающие сознание и перекрывающие доступ к разуму; неслучайно высказывание: «Кто владеет информацией, тот владеет миром», — сегодня эта фраза имеет определенное значение, становится актуальной.

В процессе изучения современного состояния общества, его структурного изменения, историки, социологи, политологи предлагают разные названия и виды посткапитализма:

1) **эксизм** базируется на информационно-коммуникационных технологиях и их использовании для получения монопольного дохода, собственности на наиболее дефицитные факторы производства и, главное, для повышения уровня управляемости общества; цифровые платформы при этом в обществе доступа (эксизме) позволяют зарабатывать на том, что человек платит за право доступа к их услугам, а фактически — за право продавать, отдавать в пользование свою волю и право;

2) **инклюзивный, стейкхолдерский** (со служебным человеком) капитализм;

3) **надзорный капитализм** — это тот, при котором верхи контролируют духовные факторы производства, ресурсы и поведение людей;

4) **капитализм наблюдения**, экономики платформ или алгоритмического общества, в Соединенных Штатах, — это будет такой посткапитализм, где основная линия раздела главных каст или страт пройдет между теми, кто будет виден системам наблюдения, и теми кто не будет виден: верхи нового посткапиталистического мира изымут себя из-под бдительного ока систем наблюдения;

5) **цифровой авторитаризм** (Китай) — китайская система социального кредита, или, как ее именуют на Западе, — цифрового авторитаризма, основана на полном введении в управление морально-рейтинговой системы; внедренная система социальных рейтингов, ранжирующая доступ к общественным благам

в зависимости от поведения, хорошо ложится на традиционную китайскую (а также на корейскую и японскую) систему ценностей.

В преддверии неизбежного глобального кризиса капитализма, вошедшего в стадию посткапитализма, отягощенного климатическими, экологическими, духовными проблемами, интеллектуальные наемные гуманитарии верховой мировой элиты пытаются предложить тенденции развития будущего общества и представить концепты цифровой экономики и будущей нетократии, но теории построения будущего справедливого мира, такой, как некогда предложил марксизм, пока нет, а мир находится в той стадии, когда финансовый капитал будет пытаться договориться с капиталом социальных цифровых платформ.

Сегодня налицо две исчезающие силы: слабеющий, уходящий в небытие финансовый спекулятивный капитал и капитал реального сектора экономики, который в условиях нынешнего системного кризиса находится в глобальной депрессии. Появившаяся еще одна сила — капитал информационный, капитал социальных сетей и цифровых платформ, которые используются для управления большими массами людей, — выступает как реинкарнация финансового спекулятивного капитала, имеет будущее, но какое?

Что делать?

Планировать на государственном уровне гуманное развитие общества, базирующегося на духовных общечеловеческих ценностях.

Взять под контроль развитие положительных свойств глобализации, цифровизации, наук, технологий, образования.

Наконец, сделать главное: разработать проект умной экономики как разумной для человека, а построение нового общественного строя планировать как базирующуюся на принципиально новой энергетике, роботизации, искусственном интеллекте и науке, строя с эффективном прогнозированием и управлением на основе не информации, а раумных знаний, которые позволяют создавать все на благо человека и, наконец, реализовать принцип справедливости.

Роль России в «новой глобализации» мира и грядущем новом посткапиталистическом миропорядке может быть рассмотрена как цивилизаторская миссия, поскольку ее исторический опыт был всегда устремлен к возвышению духовности над национальными и этническими интересами. Сегодня в мире все информационные (средства массовой информации, реклама, индустрия развлечения, сетевые, «модельные», кибер, гибридные) войны направлены на борьбу за идеологию, за идею, за мировоззрение, поэтому очень важен и ответственный выбор идеалов, целей и принципов. Идеология определяет новый социальный строй, новый глобальный проект (после финансового монополизма), в котором идея обращена к любому человеку, независимо от того, кто он по национальности, расовой, социальной принадлежности: сословной, классовой, маргинальной.

Новое общество, устроенное по принципу социальной справедливости — это общество, способное совместить европейские и азиатские, восточные и западные идеалы в единой общечеловеческой духовности, которая возвышается над этническим многообразием человечества. В связи с этим актуальны слова русского мыслителя К. Н. Леонтьева, который говорил о цветущей социальной сложности в общественном устройстве, скрепленной общей идеей:

его «цветущая сложность» «воплощает как раз торжество насыщенного разнообразием единство на базисе общей внутренней идеи. В цветущем государстве это многословность, социальная многослойность, многокорпоративность, многоукладность, даже разноплеменность, — “разнохарактерность областей”, сложная — “бытовая узорность”, пестрота нравов, вкусов, обычаяев, разнообразная самобытность всякого местного творчества» [4, с. 21].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. — М.: Международные отношения. 2003. —256 с.
2. Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. — М.: Международные отношения. 2004. —288 с.
3. Ларина Е. С. Умножающие скорбь. Как выжить в эпоху войны элит? — М.: Книжный мир. 2021. — 448 с.
4. Леонтьев К. Н. Цветущая сложность: Избр. ст. — М., 1992. —56 с.
5. Фурсов А. И. Orgasm богомола. — М.: Наше завтра. 2021.

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.002

УДК 130.3

Н. В. Голик, Л. В. Богатырева, А. Г. Щелкин*

**«РЕВАНШ БОГА»:
ПОВОД К РАЗМЫШЛЕНИЮ О СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ****

В статье рассматривается вопрос, в какой степени может быть востребована (социальная) онтология как система мышления и отношения к миру (социальных) вещей в свете того, что постмодернистской парадигме не только не удалось продолжить интеллектуальный порядок в человеческом общежитии и культуре, но и своим произвольным подходом к «природе вещей» постмодернизм стал источником разночтений универсальных и общечеловеческих условий существования. В атмосфере ценностного релятивизма идет беспрецедентное «переопределение» таких категорий, как цивилизация, гендер, семья, детство и др. В этой ситуации лучше всего себя чувствуют политический цинизм и потребительское расхищение культуры. Своеобразной реакцией на происходящее можно считать феномен десекуляризации («Реванш бога»).

Ключевые слова: постмодернизм, онтология, цивилизация, десекуляризация.

*N. V. Golik, L. V. Bogatyreva, A. G. Shchelkin
“GOD’S REVANCE”: A REASON FOR THINKING ABOUT SOCIAL ONTOLOGY*

The article discusses the question of the extent to which (social) ontology can be in demand as a system of thinking and attitude to the world of (social) things in the light of the fact that the postmodern paradigm not only failed to continue the intellectual order in human society and culture, but also due to its arbitrary approach to the «nature of things» postmodernism has become a source of discrepancy between the universal and human conditions of existence. In an atmosphere of value relativism, there is an unprecedented

* Голик Надежда Васильевна, Социологический ин-т ФНИСЦ РАН, ассоциированный научный сотрудник, доктор философских наук, профессор; n_golik@mail.ru

Богатырёва Людмила Викторовна, кандидат философских наук, доцент, Русская христианская гуманитарная академия; bourlaka@mail.ru

Щелкин Александр Георгиевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, профессор; evropa.ru@gmail.com

** Статья выполнена в рамках проекта РФФИ № 21-011-44055 «Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах зрелого модерна и постмодерна».

«redefinition» of such categories as civilization, gender, family, childhood, and others. In this situation, political cynicism and consumer plunder of culture feel best. The phenomenon of desecularization («Revenge of God») can be considered as a kind of reaction to what is happening. Political cynicism and consumer plunder of culture feel best. The phenomenon of desecularization («Revenge of God») can be considered a kind of reaction to what is happening.

Keywords: postmodernism, ontology, civilization, desecularization.

Следующая мировая война, если она разразится,
будет войной между цивилизациями.

С. Хантингтон

Для Гегеля истина означает как форму познания,
так и форму существования [...] Существование
в истине — вопрос жизни и смерти.

Г. Маркузе

Каждый за себя, один бог — за всех.

Русская народная мудрость

S U B S P E C I E A E T E R N I T A T I S

Когда Жиль Кепель, французский политолог и арабист, опубликовал книгу «Реванш бога» [12], то для читателей было вполне ясно, о каком «реванше» идет речь. И без того было почти очевидно, что долгий тренд на секуляризацию, начатый чуть ли не со времен Великой французской революции, в конце XX столетия начал давать сбой. География «возвращения к религиозности» достаточно обширна: после опыта «светского» правления, включая и опыт построения «социалистических» режимов, в Юго-Восточной Азии, на африканском континенте и особенно на Ближнем Востоке началось чуть ли не «триумфальное» заполнение «светских лакун» в перечисленных регионах мира. Поскольку это движение шло в основном под знаком возрождения ислама, то в научной среде этот феномен получил название ре-исламизации.

Но со всей очевидностью сводить «реванш бога» только к странам мусульманского мира было бы неправильно. Масштабы «религиозного возрождения» шире. Ж. Кепель вполне обоснованно посвятил свою работу сравнительному анализу политico-религиозных движений в исламе, иудаизме и христианстве. Автор своим выбором попал в точку, и книга сразу стала бестселлером и была переведена на 19 языков. Симптоматично и то, что один из создателей теории растущей секуляризации П. Бергер в 1999 году отказался от этой идеи как ошибочной [11, р. 2–3]. И наш французский автор, и многие другие исследователи отметили самые различные причины указанного явления, включая его исторические, экономические, политические, идеологические объяснения. Вместе с тем остается еще не мало поводов взглянуть на происходящее, так сказать, и чуть шире, по-философски, *sub specie aeternitatis*.

Однако прежде, чем предложить читателю подобный ход рассуждения, будет правильно отметить, что авторы этих рассуждений понимают, конеч-

но, «реванш бога» не как такое сокрушительное событие, которое полностью переворачивает религиозную картину современности.

В самом деле, десекуляризация, какой мы её сегодня наблюдаем, не лишена своей парадоксальности. «Реванш» реваншем, но по результатам опроса Pew Research Center, проведенного в 2012 году, две трети граждан США (страны очень религиозной), считают, что религия в целом теряет влияние на жизнь американцев. В этом же ключе социологи отмечают, что число государств с официальной религией становится всё... меньше: с 1900 по 2000 год государственная религия была отменена в 63-х странах, а введена в 17-ти [13]. На фоне дискуссии о «Реванше бога» некоторые ученые говорили даже о «возвратной волне» секуляризации, о ре-секуляризации.

В целом создается впечатление, что если в глобальном масштабе и есть основание говорить о «реванше бога» за счет стран, не входящих в пул постиндустриальных государств (драматические примеры: Иран, 1979, Афганистан, 1996–2001, 2021; смена политического лидерства в сторону религиозной доминанты: сегодняшняя Турция под руководством Эрдогана, теперешняя Индия под эгидой религиозной движения «Бхаратья Джаната партия»; примеры Восточной Европы: Польша, Венгрия), — то в «постиндустриальных странах» церковь в значительной степени становится предметом факультативного отношения, начинает вытесняться постмодернистскими культурами.

Одним словом, хотя феномен «Реванша бога» и не поддается прямолинейной интерпретации, тем не менее, одно несомненно. Продолжает оставаться актуальной и заслуживающей внимания необходимость взглянуть на обсуждаемый феномен в разрезе того, что авторы данной статьи могли бы называть «философским» и «социоонтологическим» планом.

Начнем с еще не забытой работы С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций».

НЕДОУМЕНИЯ ОТ ПРОЧТЕНИЯ «СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

Указанное сочинение С. Хантингтона [8] написано в логике, близко совпадающей с подходом Ж. Кепеля. Оба главным фактором в такой конструкции, как цивилизация, считают религиозный фактор. Но есть и существенная разница. Американский социолог сам говорит, что «возрождение религии, или, говоря словами Ж. Кепеля, “реванш Бога”, создает основу для ... сопричастности с общностью, выходящей за рамки национальных границ — для объединения цивилизаций (выделено нами. — Авторы)». Это принципиально важно, потому что из одних и тех же предпосылок С. Хантингтон делает прямо противоположный прогноз — «столкновение цивилизаций»! «Вооружённые конфликты между группами, принадлежащими к разным цивилизациям, станут наиболее вероятным и опасным источником напряжённости, потенциальным источником мировых войн» [8].

А теперь попробуем подвести читателя к той простой мысли, в которой напрямую сквозит недоумение, неизбежное для всякого неиспорченного постмо-

дернистской модой сознания. У С. Хантингтона идет речь как раз не о «союзе», не об «объединении», не о «согласии», не о «взаимопонимании» и т. д. между такими мега-субъектами, которые не произвольно, а в точном смысле слова называются «цивилизацией», «культурой». И вдруг хорошенько дело — «война цивилизаций»! Не надо большого глубокомыслия, чтобы понять: что-нибудь одно — или война, или цивилизация. Из политической социологии известно: «демократии между собой не воюют» (новейшая история практически не знает исключений). А что «цивилизации»?

Когда-то М. Вебер честно признался: «я религиозно немузыкален», хотя неплохо разобрался в «хозяйственно-капиталистических» последствиях протестантского духа. С. Хантингтон даже не подозревал у себя «цивилизационной немузыкальности», поскольку априори взялся за глобальный конфликт современности с позиций постмодернистского релятивизма, с позиций принципа «плурализма суверенных цивилизаций». И прямо так и заявил — «война цивилизаций»: «Следующая мировая война, если она разразится, будетвойной между цивилизациями» [8].

При этом С. Хантингтон идентифицирует «цивилизацию» как наивысшее «культурное» образование. Sic! Но это похоже на самое настоящее издевательство над КУЛЬТУРОЙ и — пора сказать — над БОГОМ, как его понимают верующие. Цивилизация с античных времен определялась своим принципиальным отличием от того состояния, которое именовалось варварством/дикостью.

«Культура» — это еще более тонкое понятие и явление, чем «цивилизация». В «культуре» найдены и сформулированы настоящие и подлинные ценности, смыслы и цели. В ней нет места тому, что равносильно деградации человеческого. Этим культура отличается от жизни. Это в жизни может быть всё: и бесчеловечное, и культурное, и варварское, и цивилизованное. Причем первого может быть даже в избытке. Тогда бывает прав гомеровский Терсит: «Всё — война и разврат».

На примере хантингтоновского понимания цивилизации/культуры, легко понять, в какие дебри релятивизма и беспринципности заводит сегодняшний постмодернизм: под «цивилизацией» понимают то, что к цивилизации не имеет прямого отношения. Впрочем, от недоумения попробуем составить более четкое представление о предмете нашего разговора, иначе говоря, перейдем к научным и общепризнанным дефинициям специалистов по «теории цивилизации».

Предоставим слово специалистам. В частности, Б. С. Ерасов, считает, что сущность цивилизации состоит в таком «состоянии человеческой культуры, которое характеризуется полным отсутствием варварства и нерационального поведения, оптимальным использованием физических, культурных, духовных и человеческих ресурсов, а также полноценное устройство индивида в обществе» [4, с. 13]. Или: цивилизация — «совокупность достижений человеческой культуры и стремлений, выходящих за пределы собственно животного уровня» [4, с. 14]. В «Международной энциклопедии социальных наук» читаем: «Цивилизация — категория, используемая в противопоставлении понятию примитивной культуры». Поэтому повторим: представление С. Хантингтона о «Конфликте цивилизаций» ни к «конфликту», ни тем более к «цивилизации» не имеет отношения. Если это «конфликт», то не цивилизаций, а тех участников,

которые не дотягивают до уровня «цивилизованности». Если эти мега-субъекты отвечают критерию «цивилизации», то и конфликты между ними решаются более цивилизованно, во всяком случае, не в форме следующей мировой войны, о чём настойчиво предупреждает нас С. Хантингтон.

Здесь уместно сказать и об аналогичной «методологической» ошибке, которую делают многие авторы апокалиптических сценариев, характерных для художественного творчества. Достаточно, например, сослаться на классическую «Войну миров» (1897) Г. Уэллса или поток голливудских блокбастеров на аналогичную тему варварского вторжения «инопланетян». Любимая мысль всех этих авторов — сверхтехнологичный уровень «инопланетной цивилизации» (иначе бы они никогда бы не преодолели бы расстояние, отделяющее нас от «них») якобы может быть не чужд самым хищническим побуждениям к уничтожению «братьев по разуму». Но такого не бывает. Если на начальном технологическом уровне нашей земной истории мы еще можем наблюдать феномен «извращенной цивилизации», которую можно, вслед за Л. Толстым, назвать «Чингиз-ханом с телеграфом», то на высоких ступенях «научно-технического разума» последнему релевантен и высокий уровень, воспользуемся метким словом А. Швейцера, «благовение перед жизнью». На длинных дистанциях эволюция — это всегда гармоничность, а не деструктивность.

Если вернуться непосредственно к теме «Реванш бога», напрашиваются аналогичные выводы. Для религиозного сознания (речь идет не об «архаике» и «трайбализме», часто сопровождаемыми маргинальной девиантностью и фундаменталистской нетерпимостью, речь идет о мировых религиях) бог, по определению не «реваншист». Он, напротив, как бы констелляция примерных добродетелей. Некоторые издатели работы Ж. Кетеля перевели название сочинения французского автора именно в апокалиптическом ключе — как «Месть бога». Это пример всей той же, если так можно выразиться, постмодернистской бесцеремонности. Н. Бердяев, безусловно и верно чувствовавший эту сторону дела, подчеркивая нерепрессивную природу «высшей инстанции», любил говорить, что «бог не жандарм». Мысль Бердяева (впрочем, здесь наш религиозный мыслитель, отнюдь, не пионер) еще тоньше. Бог делает ставку на свободу человека, на свободного человека, который должен не столько заблудиться во всех своих «степенях свободы», сколько опереться на них в своей истинной самореализации.

По большому счёту постмодернистский принцип «дивергенции / разветвления цивилизаций» находится в сильном противоречии с наблюдаемой картиной современности — с её реальностями, как их ни назови: хоть «конвергенцией», хоть «глобализмом». Знаменателен почти скандальный прогноз одного из корифеев школы «множества непересекающихся цивилизаций / культур» О. Шпенглера: араб никогда не поймет китайца. Понятно, что имеется в виду культурная и религиозная составляющая выживших на сегодня «цивилизаций» (в техно-экономических и даже социально-политических интенциях многие из них, так сказать, изоморфны).

Почему же цивилизованность и культура должны привести эти цивилизации фатальному непониманию, вражде и даже к мировому конфликту? Вопрос этот имеет только один ответ. Под «цивилизацией» наши постмодернистские

авторы понимают то, что к цивилизации в сущностном понимании никакого отношения не имеет. С сущностной точки зрения картина выглядит по-другому. Достаточно задать вопрос: когда во времени формируются и где структурно представлены всеобщие (родовые) элементы/принципы мировых религий? По поводу «когда» лучше всего обратиться к К. Ясперсу с его открытием «осевого времени». «В эту эпоху, [800 и 200 гг. до н. э.] были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершился переход к универсальности (выдел. нами. — Авторы)» [9, с. 33]. По второму вопросу: «где» в современном религиозном сознании искать эти универсальные ценности и принципы — нам лучше последовать за Г. Померанцем, ближе других подошедшими к сути дела. «Всюду идет развитие через кризисы, надо просто жить одновременно и в истории, и хоть на полголовы поднимать голову над историей к вечным ценностям, которые могут быть понятны каждому человеку, к какой бы цивилизации он не относился. Я не думаю, как Шпенглер, что араб никогда не поймет китайца ... *Глубина каждой религии ближе к глубине другой религии, чем к собственной поверхности* (выдел. нами. — Авторы)... Чувство вечности помогает нравственным отношениям в жизни ... Идет процесс складывания мировой цивилизации, и путь России, и путь всех стран быть национальным выражением каких-то высот мировой цивилизации» [7, с. 25].

Конечно, мир 2020-х годов едва ли напоминает «симфонию» «культурных кодов», «созвучие» «суворенных демократий» и «приоритет» «общечеловеческих ценностей». Но чем темнее ночь, тем ярче звезды. Да, есть, конечно, и ослепление реальностью, оно паче всякой близорукости. Однако, и слава богу, философское, сознание мыслит иначе. Сущностно-онтологический подход ориентирован на природу вещей, в нашем случае — на сущность такого зрелого феномена, как цивилизация. Социальная же реальность может в своем «своенравии» и эксцессах девиации опасно удаляться от нормы, диктуемой «природой вещей». Возможно, поэтому на память приходит классика с её принципом «единства сущности и существования». На память приходит умение понимать мир не только и не столько в его «фактическом обличье», сколько в том варианте, каким этот человеческий мир мог бы и должен быть в соответствии «со своим понятием», в соответствии «со своей природой». И эта картина «нормального» отношения цивилизаций и культур принципиально отличается от постмодернистской «футурологии». Когда-то П. Сорокин в соответствии с этой классической парадигмой сформулировал модель «интегрального порядка», который собственно и отвечал бы требованию Современности (с большой буквы). «Если в недалеком будущем на Западе и Востоке, или во всем мире, не будет установлен какой-то новый и всеобщий культурно-общественный порядок, то творческую миссию человека на нашей планете можно считать исчерпанной ... Такие катастрофы постигали отдельные общества и народы во все времена, но вряд ли они могут разразиться в масштабах целых континентов или, тем более, всего земного шара» [14, р. 59].

Понятно, что речь идет не о том, что называют «несовместимостью», а тем более «столкновением» цивилизаций. Речь идет о том, что Восток и Запад — это не расходящиеся друг от друга «цивилизации». Напротив, они в своих лучших

вариантах и воплощениях суть «дополнение» друг друга. «Разнообразие восточной мысли, оснащенное и обогащенное научными достижениями Запада... позволит этим двум мирам наладить у себя собственные разновидности одного общего порядка» [14, р. 59]. Схожие мысли, правда, относящиеся к ситуации в западном обществе, позднее высказывал известный социолог Д. Белл в своей работе «Культурные противоречия капитализма» [1]. Если «культура» в социуме всегда несла так или иначе «интегрирующую», «конъюнктивную» миссию, то в современном западном мире «авангардная» контруктура, она же «культура постмодерна», скорее, «дезинтегративна» и «дизъюнктивна»: «Нынешнее общество, — говорит Д. Белл, — не интегрально, а дизъюнктивно» [10, р. 10]. Поэтому, считает американский социолог, необходимо поискать «консервативные» и «сберегающие» этос общества рецепты — не исключая, возвращение к религии и традиционным ценностям.

Что касается С. Хантингтона, то постмодернистская беспринципность оказала ему плохую услугу. Будучи сторонником не «качественного», а «количественного» подхода к цивилизации, сторонником теории «множественности цивилизаций», сторонником принципа, что все «цивилизации» суть «равнозначные» и «равноправные» состояния, С. Хантингтона слишком далеко ушел от «золотого правила» онтологии. Повторим его: «предметы должны соответствовать своим определениям, своим понятиям, своим сущностям». Тему эту в нашу «неклассическую эпоху» нельзя назвать популярной и востребованной. Скорее, наоборот, она вытесняется постмодернистскими субSTITUTами. Поэтому мы ничего не потеряем, если под девизом «Вперед к классике» попробуем выделить эту тему в качестве небольшого и отдельного пассажа.

«ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?»

Онтологическая ориентация на мир имеет принципиальное значение для социума на любом этапе человеческой истории. В сегодняшней ситуации потребность в онтологической модели стала актуальной, как никогда. И потребность эта обусловлена не просто «забвением бытия» (М. Хайдеггер). Дело в том, что онтологический принцип не просто «забыт», он (азартно, если не агрессивно) вытеснен «постклассическим» мировоззрением. Такое впечатление, что «осевое время» К. Ясперса приказало долго жить. И при этом нельзя сказать, что мы живем среди руин и в полной дезориентации. Постмодернистский взгляд на мир настолько приглядлен, что уже мало кого удивляет и шокирует «переопределение» основных категорий человеческой ментальной культуры. Такая онтологически бессмертная категория (она же и «регулятивный принцип»), как «истина», забракована и заменена таким мутным и необязательным суррогатом, как «постистина», «постправда». Вместе с тем социум как культурный порядок как раз и держится на онтологической «истине» как несущей конструкции человеческого сообщества.

Надо признать, что повседневное представление об «истине» скорее носит не онтологический, а гносеологический характер. Понятие «истина» обычно характеризуется как адекватность наших знаний относительно предметов

внешнего мира. Истина в этом смысле это всего лишь *adaequatio intellectus cum re*, адекватность мысли предмету мысли.

Но существует совершенно другое понимание истины — понимание, которое идет со времен греческой античности, присутствует в средневековой философии, но постепенно утрачивается в философской мысли Нового времени, переориентировавшейся с бытия на человеческое познание. Возвращение к онтологии началось с Гегеля. Вот знаменитый упрек Гегеля в адрес своего предшественника на философском поприще Канта в связи с исключительной ориентацией последнего не столько на архитектуру объективного мира, сколько на субъективную природу форм человеческого познания: «немецкий ипохондрический взгляд [Канта], который обратил в тщету всё объективное и только наслаждается этой тщетой в своей душе» [2]. Именно с онтологической точки зрения Гегель видит существенный недостаток философии Нового времени в том, что вместо познания мира сосредотачиваются на познании познания как бы с целью предварительной проверки самого инструмента познания. Это несуразно, потому что «исследование познания возможно только в процессе познания. Но желание познавать прежде, чем приступить к познанию, так же несуразно, как мудрое намерение того схоластика, который хотел научиться плывать прежде, чем бросится в воду» [3, с. 95]. Неудивительно, что Гегель сосредоточился на поисках истины не там, где ее привычно видело обыденное сознание (в совпадении наших представлений с наблюдаемым предметом), а там, куда это повседневное сознание и не заглядывало, — в мире собственно самих предметов. Предикат «истинный» относится у Гегеля не к нашему познанию, а к самим вещам объективного мира. Один из современных авторов, возможно, знаяших онтологию Гегеля совсем не хуже других современников, по этому поводу написал: «Для Гегеля истина означает как форму познания, так и форму существования <...> Существование в истине — вопрос жизни и смерти» [7, сс. 138, 148].

Это значит, что в гегелевской онтологии «истинное» означает «истинный предмет». Это разительно отличается от релятивизма, утверждающего, что «истина» относится к нашему знанию, а не к действительности и если для одного сознания тот или иной предмет является «истинным», то для другого это может быть совсем не так. Если вернуться к примеру с феноменом «цивилизации», то мы сразу обнаруживаем эту ошибку релятивизма на фоне того, как по-разному «читается» цивилизация в классическом и постмодернистском дискурсах: «мнимая», «самоназванная», «деспотическая» и т. д. цивилизация не может быть дефинитивно определена как «истинная цивилизация». Это только для релятивистского мышления «всё есть цивилизация *sui generis*, в своем роде». (Отечественный исследователь Мих. Лифшиц по поводу подобной легкомысленности однажды весело пошутил: «релятивизм — диалектика дураков».)

Возвращение к онтологическому смыслу «истины» в наше время начали М. Хайдеггер, Н. Гартман, Д. Лукач. В той же парадигме работал и уже упомянутый Мих. Лифшиц (1905–1983). С этой более фундаментальной точки зрения, «истина не только там, где налицо это соответствие мысли и её предмета. Истинными могут быть и вещи в самой реальности. Истина открыва-

ется в самих предметах. Истина по-гречески “алетейя” — “откровенность”... Есть истина самих вещей... *Veritas rei*, истина вещи» [5, с. 267]. Значит, есть вещи подлинные (истинные) и неподлинные (неистинные). И онтология — это не просто учение о бытие, но именно «учение об истинном бытии» [5, с. 144]. Отсюда — не будет большим риском сказать о приоритете онтологии перед гносеологией с её учением о субъекте, познающем мир. Дело в том, что «в действительности не мы мыслим и чувствуем объективную реальность — она мыслит и чувствует себя нами» [5, с. 223]. Более того, вещи в порядке демонстрации истины, могут обойтись без нас, субъектов, без наших слов. Это случай «самоговорящих ситуаций». Это случай, когда выражение «ситуация говорит сама за себя» надо понимать не метафорически, а буквально. Равно как библейское «Если мы промолчим, то камни возопируют» — тоже и как раз на эту онтологическую тему. Такое «самоговорение» бытия, по философской традиции, называют «откровением бытия». Считается, что находиться в окрестностях этих «откровений» и «возможностей» бытия — это как бы «звездные часы человечества», «благость истории» и т. д.

В М Е С Т О З А К Л Ю Ч Е Н И Я

Заметные изменения, случившиеся с массовым религиозным сознанием за последние 50 лет, возможно, при неприхотливом взгляде на вещи и подпадают под то название, которое Ж. Кепель вынес в заглавие своей книги. Однако артикулируем ещё раз: с «онтологической» точки зрения «реваншистские», а тем более «местнические» мотивы поддержания авторитета высшей инстанции в религии, достигающей мировой масштабности, не только не характерны, но и противоестественны. Карающая и антропоморфно-изощренная сила бога (богов) — «боги жаждут» — это, скорее, удел языческих религий эпохи трайбализма. Мировые религии делают ставку не столько на страх, сколько на мораль. Человечество распостилось с «антропоморфной/человекоподобной» религией, когда канул в лету её греко-римский образчик в лице античной мифологии. Онтологическое понимание феномена бога имеет большой смысл и силу, когда мы ищем причину человеческого порядка и цивилизационной устойчивости, имея в виду, что порядок и устойчивость, предоставленные сами себе или «сами по себе», суть вещи, которые не «довлеют себе», то есть абсолютно негарантированные. Эта «негарантированность» и сегодня выглядит непреодоленной. Об этом вынужден в последние годы говорить П. Бурдье: «*Le précarité est partout*» («Негарантированность повсюду»). П. Бурдье говорил о несовершенстве коллективного разума и своекорыстии хозяев политического дискурса. Философы диагностируют ситуацию не менее фундаментально: говорят о «пороках цивилизации», говорят о необходимости «регулятивных принципов» (И. Кант: «Из столь кривой тесины, как та, из которой сделан человек, нельзя сделать ничего прямого»). И природа этих принципов, поневоле, оказывается трансцендентной. Они родом из «осевого времени» мировых религий. В этом плане, по большому счёту, бог не возвращался, потому что не уходил, не брал реванш, потому что не проигрывал. Прямолинейный атеист, например, всегда

будет стоять обезоруженным перед собственным атеизмом, не вмещающим парадоксальную природу бога: «бог есть, даже и особенно если считать, что его нет». Другой немецкий философ высказал мысль, которую сегодня можно прочитать в прямо противоположном смысле, чем тот, который этот мыслитель хотел вложить в своё суждение: «Не сознание религиозно, а общество религиозно». Но это же чистая онтология: не то главное, что субъект религиозен, религиозна социальная субстанция этого субъекта. Конечно, упомянутый немецкий мыслитель и одновременно политический радикал представлял себе социальную онтологию человека как свободную от «регулятивных принципов». Но опять же, как показывает особенно «современная» жизнь, общество плохо поддается такой «беспринципной» эманципации. Общество реагирует тяжелейшими кризисами на эти «марксистские» эксперименты.

Действительно, найти в человеческом обществе такой материальный фактор, от которого зависит всё, а он (этот фактор) не зависит ни от чего, — оказалось не самым трудным и в то же время небезопасным делом. «Техника / производительные силы» были выбраны в качестве такой героической и несокрушимой силы, и не одно поколение «марксистов» жило под гипнозом этого «техницистского фетишизма». Более того, проблема касается и нынешней цивилизации, чем больше в «органическом строении» этой цивилизации разворачивается супер-технологическая доминанта. Последствия на лицо. Hard-technology, предоставленная самой себе и не управляемая «внепрототипическими принципами», ставит современное общество на грань экологической и климатической катастрофы. Soft-technology, развивающаяся без оглядки на человеческую природу и культурную деонтологию, самоуверенно искушает нас триумфом «цифровой технологии без границ». С онтологической точки зрения, это тоже вид «забвения бытия». Без «регулятивных принципов» цифровая детерминанта редуцирует человеческую ментальность до редуцированного машиноподобия. Еще недавно «искусственный интеллект» трактовался как некое ремесленное пособие для Мастера. Сегодня IT-специалисты с подозрительной готовностью говорят, что «реальные», «жизненные» успехи ждут человека, только при условии, если он уподобится «искусственному интеллекту». Но это тот сорт «бытийного отчуждения», когда «искусственное» грозит полностью поменяться местами с «естественным». А ведь как «хорошо» начиналось!

Начиналось с открытия, что «производительные силы» детерминируют всё! Базис есть базис. Всё в нем и для него. «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом». Как бы там ни было, однако, ставка на один фактор (если это только не «целое», не «универсум»), — такая ставка чревата. Ставка на технику, на «инструментальный разум», вполне понятна и оправдана на той фазе человеческой истории, когда идет борьба против нужды за приемлемый уровень богатства и достатка. Но на зрелом этапе цивилизации в игру вступает в качестве «регулятивного принципа» пресловутая «надстройка». Именно она обладает привилегией «думать за всех». Ибо в противном случае «целое» под напором одного монопольного фактора затрешит по швам. В старые добрые времена классической философской культуры это покушение на «целое» именно так и понималось. «Тут человечество! Перед этим я должен остановиться»

(Шеллинг). Эту мудрость «заботы о целом» хранит как естественную ценность и русское религиозное сознание: «Каждый за себя, один бог — за всех».

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл, Д. Культурные противоречия капитализма (Фрагмент из книги) // Этическая мысль. 1990. — М.: Политиздат, 1990.
2. Гегель Г. В. Ф. Письмо Гегеля Дюбоку от 30 июля 1822 г. — URL: <https://biography.wikireading.ru/51515>
3. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. — М.: Наука, 1974–452 с.
4. Ерасов Б. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. — М.: Аспект Пресс, 1998. — 556 с.
5. Лифшиц М. В мире эстетики. — М.: Изобразительное искусство. 1985. — 320 с.
6. Маркузе Г. Разум и революция. — Санкт-Петербург: «ВЛАДИМИР ДАЛЬ», 2000. — 541.
7. Померанц Г., Миркина З. Великие религии мира. — М.: Международный университет в Москве, 2006.
8. Хантингтон С. — URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2498>
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с.
10. Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1976.
11. Berger. The Desecularization of the World: A Global Overview. — Washington, D.C.: Ethic and Public Policy Center, 1999.
12. Kepel. The revenge of God: The resurgence of Islam, Christianity and Judaism in the modern world. — Cambridge, Polity, 1994.
13. Pew Research Center, 2012 — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BA%D1%83%D1%8B%D1%8C%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%BE%D0%BA%D0%B8>
14. Sorokin P. Basic Trends of Our Times. — New Haven, Connecticut: College and University Press Services, 1964.

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.003

УДК 130.3

Н. В. Голик, А. Г. Щелкин*

ПОСТМОДЕРНИЗМ. РЕЛИГИЯ. ОНТОЛОГИЯ

В статье анализируются позиции, которые занимает постмодернистская философия по отношению к такому заметному феномену, как десекуляризация современности («Реванш бога»). При том, что исходно постмодернистские авторы не разделяют религиозных принципов, постмодернизм делает попытки ориентироваться в религиозной современности. И даже адаптируется к ней. Но эти попытки скорее, похоже ведут к результатам, не совпадающим с этими намерениями. Во многом это связано с общей неадекватностью самого постмодернизма тем решениям, в которых нуждается наша современность. В этой связи авторы рассматривают возможность и необходимость обращения к потенциальному «онтологической парадигмы», как она присутствует в классической философии, и в частности онтологии Г. Гегеля.

Ключевые слова: десекуляризация, неудача постмодернизма, актуальность «онтологической парадигмы», онтология Гегеля.

*N. V. Golik, A. G. Shchelkin
POSTMODERNISM. RELIGION. ONTOLOGY*

The article analyzes the positions taken by postmodern philosophy in relation to such a noticeable phenomenon as the desecularization of modernity («Revenge of God»). Despite the fact that initially postmodern authors do not share religious principles, however, postmodernism makes attempts to navigate in religious modernity. And even adapt to it. But these attempts are more likely to lead to results that do not coincide with these intentions. This is largely due to the general inadequacy of postmodernism itself to the solutions that our modernity needs. In this regard, the authors consider the possibility and necessity of addressing the potential of the «ontological paradigm» as it is present in classical philosophy and in particular ontology of Hegel.

Keywords: desecularization, failure of postmodernism, relevance of the «ontological paradigm», Hegel's ontology.

---

* Голик Надежда Васильевна, Социологический ин-т ФНИСЦ РАН, ассоциированный научный сотрудник, доктор философских наук, профессор; n_golik@mail.ru

Щелкин Александр Георгиевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, профессор; evropa.ru@gmail.com

В [Пост]современности сущностью дистанцирования является то, что различия из характеристик становятся самоценностями.

М. Фуко

В понятии Бога существенно единственное число.

Э. Гуссерль

[Вещи, которые имеют таким образом определяемую неистинность,] «должны пойти ко дну [zugrunde gehen], и эта их гибель служит проявлением несоответствия между их понятием и их существованием».

Г. В. Ф. Гегель

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ В ЗЕРКАЛЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА И РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

«Реванш бога», который провозгласил Ж. Кепель в своей книге (1994), по логике постмодернистов, должен был поставить последних в тупик. «Не верю!» Станиславского могло бы быть самым коротким описанием этого ступора. Ведь слишком не совпадали «онтические» картины мира у авторов «постсовременного дискурса» и носителей религиозного слова. Но мы, похоже, недооценивали протеевскую всеядность постмодерна.

Известно, что постмодернизму предшествовала недолгая эпоха «декадентства». Именно тогда и началась «плурализация» бога и игровое дистанцирование от него. В. Брюсов в стихотворении с характерным названием «Я» (1899) напишет: «Я все мечты люблю, мне дороги все речи // И всем богам я посвящаю стих... // Как верный ученик, я был ласкаем всеми, // Но сам любил лишь сочетанья слов». Именно в те годы тогда стало набирать силу то, что Р. Генон назвал «царством количества». Однако неприхотливый плурализм множественных начал стал в постмодернизме превращаться в небезопасное кредо. Радикальное «бог умер» у Ницше даже оказалось, похоже, менее грозным оружием, чем ревизионистское торжество по поводу «плурализированного» бога. Если Ницше на свой лад разбудил церковь и даже подтолкнул ее к бдительности, то негромкая, искусственная «революция» постмодернистов грозила отвечать и соответствовать «интересам» и «любопытству» ряда верующих, ищущих новые религиозные «парадигмы» и «ориентации».

Но это был период, когда старая, классическая культура еще оставалась на плаву и продолжала плодоносить, а эпоха с самоназванием «модерн» с готовностью передавала бразды правления новому законодателю мод и тоже с самоназванием — теперешнему «постмодернизму». В искусстве «новая эпоха» уходила от «образности» (характерна реакция С. Булгакова на работы П. Пикассо — «Труп красоты»). В науке постмодерн отказывается от такой вершины познавательных средств, как понятия, и заменяет их «фактами», «case^{*}ами», «событиями» и проч. (почти такой же диагноз сегодня ставит Зб. Бауман: «Публичный дискурс засорен предпонятиями») В религиозной сфере, мы уже

говорили, — «плюрализмом» религиозных практик, архаическими культурами, суевериями и многобожием. Многие представители классической культуры мышления успели оставить свой приговор беспринципности, произвольности и релятивизму наступающей квази-культуры. В частности, Э. Гуссерль еще в «Логических исследованиях» (1909) не постеснялся назвать повсеместное присутствие «индивидуального релятивизма» не иначе, как «наглым». А в аспекте интересующего нас вопроса высказался в поздней работе «Кризис европейского человечества и философия» (1935) вообще четко и категорично: «В понятии Бога существенно единственное число» [4].

Но время классики безвозвратно уходило. На дворе уже стояла другая эпоха «социального конструирования» новой реальности как на базисе корпоративно-фашистского государства, так и «диктатуры пролетариата». Классическая культура плохо корреспондировала с новым массовым сознанием. Т. Манн в споре с О. Шпенглером с отчаянием назвал это «гуманистическим поражением». В послевоенный период интеллектуальная и художественная элита едва ли могла составлять новоявленному постмодернизму какую-либо идейную конкуренцию, поскольку сама в значительной степени оказалась носителем именно этих вкусов и идей. С заразительной модой на постмодернизм в значительной степени готова была бороться только церковь.

Принимать вызовы, идущие от общества и истории, для церкви не впервые. Католическая церковь последние полтора века работает, скажем так, в условном формате энциклики «Rerum Novarum», Православная — имеет собственную «Социальную доктрину». Исторически самым серьезным экзаменом для христианства было Просвещение. Постмодернизм стал не менее коварным противником. Особенно заметным является противостояние по гендерной, семейной и сексуальной тематике. Если православная церковь, поддерживаемая в целом обществом и властью, стоит на позиции защиты традиционных ценностей и институтов в этой области, то западная христианская церковь, не желая терять поддержки со стороны своих «продвинутых» верующих, вынуждена так или иначе «модернизироваться» и идти навстречу эпохе «постмодернизма». Но постмодерн отражается на церкви и более радикально.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Речь идет о появлении в послевоенный период «нетрадиционных» религиозных сект, течений, церквей с собственным или заимствованным из архаики культом. Если раньше, как правило, «обновление» и вообще «метаморфоза» церковного учения шли через новые идеи и практики, но именно внутри единого тела церкви, удерживаемого киприановским догматом «Вне церкви нет спасения», то теперь именно вне церкви начали расти как грибы самые разнообразные опыты и эксперименты по «спасению души», к сотерологии не имеющие никакого отношения. Многие из таких квазирелигиозных практик уже не несут в себе никакого «трансцендентального» тонуса, экзистенциального напряжения, мученического искания правды и проч. и попросту вырождаются в повседневный прихотливый и самопотворствующий образ жизни — в замет-

ном соответствии с логикой инволюции самого постмодернистского тренда. Интересно, например, отметить, что одним из первых о «множественности» духовных практик высказался отец современного прагматизма У. Джеймс в книге «Многообразие религиозного опыта». Но в нашем случае интересным является не этот «пионерский» факт. Любопытно другое. Дж. Сантаяна, соотечественник У. Джеймса, в отличие от авторов множества положительных рецензий на сочинение последнего, подметил ту суть, о которой приходится сейчас говорить в связи с темой «Религия и постмодернизм». В частности Дж. Сантаяна заявил, что величайшим недостатком работы «Многообразие религиозного опыта» является «стремление дезинтегрировать идею истины, предлагать веру без разума и потворствовать предрассудкам». Примерно в этих терминах многие критики постмодернизма оценивают как раз и сокрушительные последствия «постсовременности» сегодня.

В самом деле, теперешняя ситуация с безбрежной религиозной «диверсификацией», наблюдаемая, чаще всего, в западном мире постмодерна, достаточно хорошо описана исследователями. Не всегда, правда, подчёркивается, что «плюрализация» религиозной жизни идет рука об руку именно с этой постмодернистской доминантой в культуре и новых ментальных привычках. И более того, такое постмодернистское попустительство имеет свою социальную цену. В самом благосклонном варианте эту цену можно назвать «иронией судьбы».

Видно невооруженным глазом, что постмодернизм эксплуатировал демократические и либеральные ценности по полной программе. Именно под прикрытием этих ценностей ставка была сделана на кромешный индивидуализм и социальный эгоизм. Все продвинутые, новые «церкви» построены в стиле знаменитого «калифорнистского культа» «самовыражения и поиска своего индивидуального Я». Это, как легко видеть, «один в один» совпадает с азами постмодернистской аксиологии. Но эксклюзивный акцент на «индивидуалистический» формат человеческой идентичности как на единственный формат (что мы наблюдаем у всех «игровых» и «искусственных» религий) плохо соответствует аутентичной природе человеческого Я.

Создаётся впечатление, что церковь и философская метафизика лучше справляются с коварной для постмодерна идеей нонконформизма. Когда христианская церковь провозглашает: «Аще и все, но не яз», то это не противоречит опорной точке христианства — соборности, братству, коллективности. Христос как-то добровольно и в одиночку взошел на крест «за всех». В этом есть его человеческое призвание. Постмодернистский же «культ», он же «культ личности», не об этом. Он о «себе любимом». В более светских терминах о том же самом можно сказать и так. Человек сущностно корреспондирует с «коммуникацией», «социумом», то есть с «общим», а не исключительно с «индивидуальным». «Индивид» переводится как «далее неделимый», то есть как бы последняя неделимая точка социума. В классической философии «человек» всегда ассоциируется «человечностью», с «человечеством». Или, как выразился Николай Кузанский: «Homo non vult esse nisi homo» — «Человек не хочет быть ничем иным, кроме как человеком».

Наряду с церковью не случайно пришлось чуть выше упомянуть добродетели философской метафизики. Той самой метафизики, о ничтожестве

и смерти которой так настойчиво и периодически объявляют «реалисты» и «прагматисты» из постмодернистского лагеря. «Ирония судьбы», действитель но не заставляет себя ждать. Она преследует «постсовременников» как награда за собственную нищету философии-метафизики. Дело в том, что если человек, делающий выбор (с подачи постмодернистов) в пользу всё того же «реализма», «прагматизма-позитивизма» (а сегодня это — как минимум «цифровизация», «киборг-интерфейсы» etc.), то такое интереснейшее произведение Природы и Истории, как человек, становится «лишним». Это называется «инверсией целей и средств». За *техно-фидеизм* приходится расплачиваться как за всякую передозировку. «Субституты» вытесняют «собственников». Есть вещи, о которых лучше знали и предупреждали в эпоху классики, чем отдают себе отчёт в эпоху постклассики. Гамлетовский урок, который шекспировский герой вынес за короткий период своего участия в жизни, умещается в несколько слов: «The awareness is all» — «Бдительность — это всё». Ничего детективного премудрость эта не содержит, кроме того простого смысла, что человек — существо метафизическое, и не редуцируйте его до «фактичности» и «реализма»! Когда вы берете человека как он есть, вы обединяете и оскорбляете его. К этой очевидной мысли, высказанной Гёте, можно добавить, что об обывательской и вообще худшей стороне человека, «чела», как говорит по-постмодернистски беспечная молодёжь, — об этом позаботится «жизненка» (типичное выражение пролеткультовских писателей 1920–1930-х годов).

Нам же лучше закончить этот эпизод нашего теоретического повествования обращением к достойным источникам вековой давности:

По общему свойству человеческого ума, склонного предаваться односторонним течениям, она [человеческая мысль] обратилась не только против увлечения идеализма, но и против философии вообще. В движении мысли произошел крутой поворот. Дошедши до крайних пределов одностороннего пути [...] мышление внезапно перескочило на противоположный конец [...] Метафизика была отброшена как бред воображения, и единственным руководящим началом [...] признан был опыт... Последняя односторонность оказалась, однако, горше первой. Если идеализм, витая в облаках, предавался иногда фантазиям и действовал разрушительно на практику, то в нем самом заключалась и возможность поправки: под влиянием критики односторонние определения заменяются более полными и всесторонними. Реализм же, лишенный идеальных, т. е. разумных, начал, остается беспомощным против всяких нелепых теорий. [...] Человек по природе своей (в отличии от «вещей природы». — Отмечено нами. — Авторы) есть метафизическое существо; метафизические начала руководят его действиями; они входят как основной элемент во все общественные отношения. Поэтому как скоро метафизика была отброшена, так все теоретические основания общества были расшатаны [10, cc. 4, 7].

Если бы мы поставили эти слова без ссылки на автора и дату их написания, то даже не сильно искушенный в теории читатель невольно мог бы подумать, а не о наших ли знаменитых «постмодернистах» идет речь. Ничто не ново под луною.

Впрочем, оставляя на этом разбор темы «Постмодернизм и религия», было бы несправедливо (хотя и большой справедливости в этом тоже нет)

не отметить, конечно, как курьёз попытку адептов постмодернизма «услужить» христианству и поучаствовать в социальном визионёрстве на тему, как должна или могла бы выглядеть «Пострелигия». Сошлемся на статью молодого сербского ученого Немания Вукчевича «Есть ли у постмодерна религия?» [1].

Здесь нас ждёт такой авторский полёт фантазии, что читателю лучше по-прочнее уместиться на том месте, где бы ни застало его чтение этого постмодернистского шедевра. Конечно, в поисках «иного религиозного инжиниринга» молодой учёный опирается на «информационно-цифрово-биологическую революцию, в которой постмодерн достигает своей вершины» [1]. Автор уверен, что на этих путях у нас складываются принципиально «другие» отношения к Реальности и восприятие её, потому что мы сами био-технологически уже «другие». Мы можем позволить себе роскошь стать био-киборгами (скрещивание живых клеток и цифровой технологии). А это как-никак иное сознание, иная рецепция объектов, иная опять же Реальность. «*Esse est percipi*» — «Существовать значит быть воспринимаемым». И самое главное! Мы как био-киборги имеем преимущество и привилегию контактировать не просто с «новой реальностью», а с такой «виртуальностью», которая реальнее самой реальности. Или как у автора: «Виртуальная реальность может искусственное представить настолько реально, что оно становится более реальным, чем сама реальность» [1]. И здесь мы уже практически у цели. Читатель, мы тебя предупреждали: держись крепче! «Научно-технологическая революция постмодерновому человеку даёт возможность “видеть”, всеми чувствами испытать Бога, у него не будет необходимости верить в Него (выделено нами. — Авторы)».

«Не будет необходимости верить в Него»! А мы-то, наивные люди, думали, что «вера» в феномене «религиозная вера» есть субстанция, а не акциденция. Думали, что вера движет горами. Что вера и сила духа — это синонимы. Что вера — лучший вид надежды. Нас же искушают другой перспективой — «визуализацией», если не «вуюеризмом».

Вещь известная, надо полагать, и для энтузиастов постмодернизма тоже. Человек эргономически успешнее достигает цели, когда в некоторых видах деятельности прибегает с помощью техники к «визуализации». Изображение — почти универсальный язык. Язык, который не надо переводить. Но, упаси нас бог, прибегать к ней, к «визуализации», как облегчению в общении с богом. Или прибегать к ней в самом лучшем и интимном проявлении и существовании человека. Известно, что визуализация легализовала бесстыдство, сделав порнографию массовым и беспечным досугом. В результате в сексуальной любви всё меньше остается пространства и содержания любви. Не о такой ли репутации постмодернистской философии сексуальности сказано в эпоху, когда онтологическая классика еще не исчезла с горизонта: «Философия и изучение действительного мира относятся друг к другу, как онанизм и половая любовь» (К. Маркс).

Конечно, такие ученические макеты «пострелигии» — продукты первых опытов осмыслиения религии в терминах супертехнологической цивилизации. В таком качестве они, может быть, и простительны, если не считать, что они не имеют никакого отношения к природе религии, равно как и метафизической природе человека, о чем говорилось выше. «Производство бога» в визуальном пространстве ради непосредственного контакта с ним — это почище «бог

умер» у Ницше. Но если у Ницше этот конструкт анигилирует в человеке «всё слишком человеческое» с целью утверждения «сверхчеловека», то в религии постмодернизма отношение к богу без «усилия веры» делает человека абсолютно безрелигиозным, что, надо думать, не входило в планы первопроходцев «религиозного инжиниринга». «Зло в человеке от юности его».

Гораздо большую претензию обнаруживают, однако, старшие постмодернисты, чей интерес к архитектонике «пострелигии» свободен от модной опоры на техно-симулякры и сетевые интерфейсы. Главная ставка делается на человеческий произвол и даже каприз, на плюрализм религиозных практик, а целое, всеобщность и интегрированность объявляются исчадьем «тоталитаризма» и, по этой причине, «врагом № 1» (этот *casus belli* Ж.-Ф. Лиотар объявил в своей еще пионерской работе «Состояние постмодерна» (1979)). Постмодернизм, возведенный в статус религии, принято у этих авторов называть «слабой теологией», или «теологией без догм». С этих позиций, например, написано сочинение двух гуру постмодерна Р. Рорти и Д. Ваттимо «Будущее религии» (2005). Авторы с деланной, а лучше сказать, с невинной наивностью, граничащей с явной научной некорректностью, сооружают свой конструкт на тех принципах, которые сами должны быть подвергнуты онтологической критике. «С точки зрения Рорти и Ваттимо, возможна религия постмодернизма, которая является современным мировоззрением, основанным на постмодернистской философии, [сама базирующаяся] на таких принципах, как плюрализм, субъективизм и индивидуализм. И хотя такая религия не может исповедоваться широкими массами населения [...], именно она, следуя Рорти и Ваттимо, соответствует духу времени (выделено нами. — Авторы)» [8]. В свете именно онтологической критики сразу же бросается в глаза неуместная уверенность, что постмодернизм заслуживает титула «духа времени». Если говорить о знаменитом феномене *Zeitgeist*, то тут не может быть никакого произвола. Главный вопрос: а чему собственно соответствует сам «дух времени» — то есть, отражает ли он подлинную или неподлинную реальность? Хорош «дух времени», если он взялся выражать картину реальности, тонущей в безбрежном «эклектизме», «плюрализме», «субъективизме», «иронизме», «индивидуализме». Если он, действительно, «дух времени», то он не услужливо отражает «этую реальность», а в случае необходимости вопиет против неё. Такова природа духа, ибо он знает «иную реальность», подлинную действительность. Почти по Г. Гейне: зову живых, а не мертвых. Собственно это относится и к церкви. «Когда всё в мире хорошо, церковь может и промолчать. Нам нужна церковь, говорящая правду, когда в мире плохо (Г. Честертон).

С ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. «РЕВАНШ ГЕГЕЛЯ»

Как выразился Аристотель, «известное известно немногим». Не грех будет повторить, что понимание «истины» как «истины вещей» (а не только и не столько как «истины знания») сегодня актуально по очень простой и са-

мой банальной причине. В постмодернизме вещи не делятся на «истинные» и «неистинные». Постмодернизм не признает такой дилеммы. В соответствии с постклассическим принципом «равнозначности состояний» всё вещи и состояния, не подпадающие под категорию «auténtичности», идут по разряду просто «других». В свое время Гегелю пришлось строго развести два феномена — «реальность» и «действительность». Область «реального» — это, грубо говоря, всё без исключения, что мы наблюдаем и с чем сталкиваемся в жизни. Причем речь идет не только о физических вещах, но и о ментальных образах. Человеку приходится иметь дело как с некими реалиями и с тем, и другим. Но главное не в этом. «Всё без исключения» означает, что имеется в виду: «реалии» могут быть как «истинными», «подлинными», так и, соответственно, «неистинными», «неподлинными». «Следует вообще напомнить о том, что когда в философии говорится о неистинном, то это не должно понимать так, что этого неистинного не существует. Дурное государство или больное тело могут всё же существовать; но эти предметы неистинны, ибо их понятие и их реальность не соответствуют друг другу» [2, с. 301]. То же самое Гегель говорить о невещественных реалиях (человеческих идеях и образах): они могут быть как «подлинными», то есть, адекватными отображениями природы вещей, так и сбирающим «химер» и «пустых вымыслов» [2, с. 91].

Но поскольку Гегель отличает «реальность» от «действительности», то понятно, что область «реального» — это скорее, по Гегелю, пространство «неподлинных» вещей или еще не состоявшихся «подлинностей», «действительных» вещей. Такое чувство, что в гегелевской онтологии присутствует нескрываемая забота о том, чтобы мы не обольщались «реализмом» вещей: в нем с избытком присутствует несовершенство и даже отклонение от «природы» этих вещей, несовпадение «сущности» и «существования» опять же этих вещей, несовпадение их с собственными понятиями.

«Понимание подобным образом неистинное есть то же самое, что обычно называют также плохим. Плохой человек есть неистинный человек, то есть человек, который не ведет себя согласно своему понятию или своему назначению» [2, с. 401].

Так просматривается реальность сквозь призму онтологического принципа! То, что звучит у Гегеля дальше, звучит как социальное предупреждение, как самый настоящий алармизм: «Насквозь плохое или неприемлемое для понятия есть именно поэтому нечто распадающее в самом себе» [2, с. 491]. Примерно с этих позиций в XX веке П. Бурдье называл социологию, стоящую на страже от засилья девиантного, «бдительностью» и даже «боевым искусством». Иными словами, онтологическое разведение «реального» и «действительного» имеет силу практической и социальной (политической) значимости. В этом же плане Г. Маркузе имел полное право сказать, что «если мы не поймем различие между “реальностью” и “действительностью”, гегелевская философия утратит для нас смысл в самых её основополагающих началах» [7, с. 205].

И наоборот, когда «всякое фактическое», оно же «реальное», с одной стороны, и «подлинно-действительное» — с другой, воспринимаются просто как синонимы, в то время как, на самом деле, первое закрывает как тень второе,

тогда социум и цивилизация теряют свою онтологическую опору и критерий истины, добра и красоты.

За примером далеко ходить не надо, тем более что к этому примеру причастен сам Гегель. Речь идет о гегелевском «*Alles was ist, ist vernunftig*». «Всё, что существует, то разумно». Известно, с каким полным замешательством была встречена эта мысль в образованном обществе. Как это так — «Всё, что существует, то разумно»? Ведь слишком очевидна неочевидность такого суждения.

Есть разные версии, почему Гегель в официальном издании своего сочинения оставил нам эту формулу в таком виде. Гейне, которого Гегель считал своим прилежным и надежным учеником, оставил короткое воспоминание. «Однажды, когда я выразил возмущения его положением: “все существующее разумно”, он как то странно усмехнулся и сказал: “Ведь эти слова могут означать тоже, что “все разумное должно существовать”» (Гейне). Но это уже совсем другое дело. Более того, Гегель не только подтверждает принципиальное различие между «реальным» и «действительным», но и, вырываясь из плена квиетизма и созерцания прежней философии, делает деонтологический вывод (вывод долженствования) в пользу «действительности»: существующее должно быть разумным. Реальность, не отвечающая этому императиву, обречена на снос, уступая место устремлению, интенциональности самой действительности быть подлинной «природой вещей, *natura rerum*». В этом месте нашего, поневоле философического, рассуждения не будет большим преувеличением сказать, что не только человеческая мысль интенциональна — сами вещи интенциональны, то есть устремление — в нашем случае можно сказать — к удержанию «равенства с самим собой», «равенства со своим понятием». По мысли Гегеля, с которой всякому разумному человеку нет основания не соглашаться, несоответствие вещи своему понятию чревато катастрофой. Вещи, которые имеют таким образом определяемую неистинность, «должны пойти ко дну [zugrunde gehen], и эта их гибель служит проявлением несоответствия между их понятием и их существованием» [2, с. 126]. Ср. почти слово в слово повторенное М. Лифшицем: «Общество либо погибнет, либо станет равно себе, своему понятию» [6, с. 143].

И, тем не менее, отличить «реальное» от «действительного» — не простая задача для неискушенного сознания. Более того, «реальность» имеет слишком гипнотический и убеждающий эффект, в то время как «действительность», «подлинность», «истинность» — всё это обыденный ум относит в область чего-то «идеального» и маловероятного.

Означенная ситуация производит впечатление утраты духом своей бдительности, его дезертирства и капитуляции. Этот сценарий Гегель постоянно наблюдает в истории, в том числе и современной ему. Чтобы противостоять наступающему господству «реальности» над «действительностью», где «истина вещей, *veritas rei*» выражается в соответствии вещей своим понятиям, — для этого нужно то, что сам Гегель называл «мужеством истины», «усилием понятия». В частности, как пишет Г. Маркузе, «в 1816 году, когда освободительные войны подошли к концу, Гегель призывал своих студентов противостоять “делу политики” и государству, которое “поглотило все прочие интересы своим собственным”, “сохранять мужество истины”, мысли и силу духа как высшую ценность» [7, с. 527].

Чтобы завершить этот экскурс в онтологическое понимание «истины», а доходчивее сказать, «истинности», имеет смысл добавить немногое. Кроме уже неоднократно обозначенного критерия «истинности» предмета (соответствие этого предмета своему понятию, соответствие «существования» предмета его «сущности» etc.) мы встречаемся и с другой формулой — не столь очевидной и не во всём привычной — «равенство предмета самому себе».

Формула истины как «равенство предмета самому себе» — из тех открытий, которые поневоле обескураживают любого, кто привык мыслить в терминах сокрушительного девиза: «Талант растет, круша и строя. Благополучье — знак застоя!» (Д. Хармс). Вроде бы и античная диалектика Гераклита о том же — «πάντα ρει καὶ οὐδὲν μένει». А тут — «равенство предмета самому себе»! Как-то неромантично и не похоже на жизнь и правду. И всё-таки краеугольный камень онтологии — «равенство вещи самой себе».

Вот наугад несколько формулировок М. Лифшица, адекватно воспроизведившего гегелевский пафос этой темы. «Мы уже знаем, что истина не сводится к формальному совпадению мысли с её объектом. Для нее важно, прежде всего, совпадение объекта с самим собой» [6, с. 302]. «Когда предмет “равен самому себе”, он как бы демонстрирует нам свою “идентичность”, информирует нас о том, “что он есть на самом деле”» [6, с. 284]. «Классическая модель английского капитализма, в которой этот способ производства как бы равен самому, похож на себя» [6, с. 284]. И, наконец, слова М. Лифшица, ставшие уже хрестоматийными и зацитированные до глянца: «Чтобы понять предмет, нужно взять его в состоянии высшего развития, его “акме”, классической форме [в равенстве предмета самому себе] — этому учили еще древние» [6, с. 289]. Собственно, сам Гегель объединил эти две формулы истины в одну, продемонстрировав тем самым, что каждая из дефиниций, является ключом к другой: «Истина… состоит в согласии предмета с самим собой, то есть, со своим понятием» [2, с. 357].

Как бы настойчиво в онтологии не постулировался формат истины как «равенство вещи с самой собой», тем не менее, необходимость философской экзегезы остается, кажется, не лишней.

Если мы говорим о вещи, «совпадающей сама с собой», как желаемом, должном, идеальным, истинном состоянии, то зададимся вопросом: что представляет собой предмет, не совпадающий с самим собой? В греческой мифологии было существо, не совпадающее с самим собой, меняющее «свою» природу на совершенно «иную» в любой момент времени. Это Протей. На всем протяжении мифологической истории (Античность и Средние века) этот персонаж характеризуется скорее негативными коннотациями и никак не ассоциируется с образцом подлинного и истинного бытия.

Отсюда и понятный в нашем случае поворот упомянутой философско-онтологической экзегезы. «Равенство самому себе» означает тот вид стабильности и самовоспроизводства, которым заканчивается «развитие» вещи, пока она, реализуя свои возможности, не достигнет своей сущности, равенства со своим понятием, опять же своей истинности. Такое доразвитие до своей сущности Гегель называет завершением цепочки «дурной (фактической) бесконечности» и вступлением вещи в состояние «актуальной бесконечности», или, если угодно, бесконечной устойчивости, опять же, равенство предмета

самому себе. «Поиски самого себя» как бы заканчиваются и начинается самовоспроизводство в стабильном варианте *in giro* (от греч. «круг»), акме (зрелость), норма, абсолют и т. д. Этап «доразвития до своей сущности» (Гегель скажет, «вещи нет, когда она начинается») дал повод Сенеке-младшему подарить нам парадоксальный афоризм: «Развитие — признак несовершенства».

В эпохальном смысле слова «равенство предмета (скажем, социума) самому себе» — это род «конца истории» (из уважения к «истории» Маркс назвал гегелевский «конец истории» тоже «концом», но не «истории», а ... «предистории»). По Марксу, «конец предыстории» — это наступление «коммунизма». Это равенство общества самому себе. От социума в фазе «предистории», социум в фазе «равенства самому себе» отличается искомой универсальной свободой. В (социальной) онтологии достижение человеком свободы синонимично истинной природе человека, подлинности человеческого существования. Этот момент, по Марксу, наступает, когда «материалный процесс производства больше не определяет всю структуру жизни человека» [7, с. 374], а это и есть не детерминированный материализм жизни творческий, свободный человек. И поэтому Маркс никогда не говорил о том, как будут развиваться события «после коммунизма». «Коммунизм» — это как гегелевская Абсолютная Идея. Зачем «развиваться» предмету, если он достиг своей «истины», своей «сущности», соответствия своему «понятию»? Такая вещь, такое общество имеет своей целью лишь бесконечное воспроизведение себя в этой зрелой кондиции.

Говорят, что подобная цивилизационная задача не из легких, имея в виду «энтропийные» и «дезивилизационные» тренды. Повторим, этот вид воспроизведения свой зрелости и сущности на философском языке называется «движением *in giro* (по кругу)», «актуальной бесконечностью», в отличие от «дурной бесконечности». О том, что будет «после коммунизма», — такой вопрос обычно задавал наивный обыватель, мыслящий в образах этой «дурной бесконечности» и в то же время задержанный прелестями «реального социализма».

Размеры статьи не позволяют провести структурное сопоставление такого теоретического тезиса, как «конец философии» (у Гегеля и молодого Маркса), «конец предыстории» (у зрелого Маркса), «конец истории» (у Кожева и Фукуямы), с одной стороны, и образа «царства небесного» (в религиозной картине мира) — с другой. Достаточно сделать предположение, что мы имеем дело с настойчивым и не случайным взглядом, присутствующим не только в традиционном и религиозном сознании, но и имеющим концептуально-философскую прописку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вукчевич Н. Есть ли у постмодерна религия? — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/est-li-u-postmoderna-religiya>
2. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. — М.: Наука, 1974. — 452 с.
3. Тейне Г. — URL: <https://thelib.info/filosofiya/1805144-ii-gegel-i-gegelyancy-v-ihotnoshenii-k-religii/>

4. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век. Антология. — М.: Юрист, 1995, с. 316
  5. Лифшиц М. Что такое классика? — М.: ИСКУССТВО XXI ВЕК. — 512 с.
  6. Лифшиц М. В мире эстетики. — М.: Изобразительное искусство. 1985. — 320 с.
  7. Маркузе Г. Разум и революция. — СПб.: «ВЛАДИМИР ДАЛЬ», 2000. — 541 с.
  8. Самедов Э. О постмодернизме в религии. — URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1777
  9. Сантаяна // Википедия. — URL: <https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=%D0%9C%D0%BD%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8&oldid=10000000>
  10. Чичерин Б. Философия права. — М., 1900.

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.004

УДК 1 (091)

M. V. Mikhailova*

БЕЗДОМНОСТЬ В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА: РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ

Статья посвящена рассмотрению некоторых религиозно-культурологических смыслов бездомности как особого концепта, аффекта и стратегии поведения, противостоящей той жизненной философии, что выражена в крылатых словах «Мой дом — моя крепость». Бездомность, содержащая в себе спектр значений от освобождающего протеста до трусливого бегства от ответственности, представлена как антропологическая и экзистенциальная проблема.

Ключевые слова: бездомность, дом, культура, свобода, ответственность, порядок, хаос,nomadism, домашность.

M. V. Mikhailova

*HOMELESSNESS IN THE PHILOSOPHY OF CULTURE OF XX CENTURY:
RELIGIOUS AND CULTURAL MEANINGS*

The article deals with the religious and meanings cultural experiences of homelessness as a special concept, affect and behavior strategy, opposed to the philosophy of live expressed in the proverb «My home is my fortress». Containing a range of meanings from liberating protest to coward escape from responsibility, homlessness is presented as an anthropological and existential problem.

Keywords: homelessness, home, culture, freedom, responsibility, order, chaos, nomadism, homeliness.

Предметом рассмотрения в настоящей статье станет бездомность как особого рода концепт, аффект и модель поведения, противостоящая домовитости. Наши современники нередко свидетельствуют о том, что быт их тяготит и мучает, создает множество проблем и рождает негативные переживания.

---

* Михайлова Марина Валентиновна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, религиоведения и педагогики Русской христианской гуманитарной академии; marinamai63@gmail.com

Это бросает тень на дом, поскольку именно там, в стенах дома, мы и попадаем в капкан быта.

Действительно, человека, завершившего свои дела на работе, дома ожидает множество бытовых забот. Не у каждого и не всегда есть желание, время и силы продолжить трудиться по хозяйству, но стоит лишь дать себе волю или ослабеть, как по дому стремительно расплзается мерзость запустения, и находиться там становится противно. Если же человек живет не один, он рискует в неприбранном заброшенном доме еще и подвергнуться упрекам и обвинениям родственников и домочадцев. Не удивительно, что многие не стремятся после работы попасть как можно скорее домой, а, напротив, как дети, мечтают оттуда удрать.

В далекие семидесятые, когда дети с дошкольного возраста запросто гуляли во дворе без родителей, было дивное выражение *загнать домой*. Ближе к обеду или к вечеру в форточку высовывалась чья-то мама или бабушка и кричала: «Леша! (Игорь, Света...) Домой!» Леша делал вид, что не слышит, и продолжал игру. Крик продолжался: «Алексей! Я кому говорю? Домой немедленно!» В конце концов Леша мрачно орал в ответ: «Иду!» — и брел к подъезду. Когда кто-то затем выходил гулять и спрашивал, где Леха, оставшиеся во дворе счастливцы сообщали: «А его домой загнали». Вероятно, то детское счастье не быть загнанным домой имеет отношение к тому, что бездомность и для взрослого остается окружена неким сиянием.

Сегодня мы крайне редко видим детей, гуляющих без присмотра старших, это считается опасным и неприличным. Мать, которая не возит ребенка лет до четырнадцати в школу и на внешкольные занятия, рискует подвергнуться общественному осуждению как безответственный родитель. Из-за воспоминаний ли о лихих девяностых, когда на улицах действительно было небезопасно, или по иным причинам город воспринимается как полное скрытых опасностей враждебное место, куда ребенка нельзя отпускать одного. При этом сами взрослые все больше времени проводят вне дома, в той самой среде, которую считают опасной для своих детей, — впрочем, в подростковом возрасте дети вырываются на волю и азартно в эту среду погружаются. Город становится все более удобным и привлекательным: появляются новые кафе и антикафе, торгово-развлекательные центры, спортивные клубы, фуд-корты и интерактивные развлечения, еще не упразднены библиотеки, работают музеи... Каких-нибудь сорок лет назад вечером в городе все закрывалось, наочных улицах было пусто и тихо. Сейчас ночью, как и днем, жизнь кипит. В любой момент и на любой вкус найдется множество возможностей отлично провести время. Общественные пространства дают современному человеку свободу и облегчают жизнь, предоставляя возможность вне дома работать, отдыхать, встречаться, наслаждаться уединением. Тем не менее, как бы ни были эстетически привлекательны и социально дружелюбны (*friendly*) эти пространства, они никогда не станут нашими. Нам лишь позволено там находиться определенное время на определенных условиях — не более того. Ни одно из этих прекрасных общественных мест никогда не станет нашим домом.

Человек в городе всегда окружен людьми и всегда одинок. Чем гуще толпа, тем глубже одиночество. Работая в кафе, удобно устроившись в углу на диван-

чике, мы благодарны городу за то, что он дал нам временный приют, но всегда знаем, что наш дом не здесь. Даже если сотрудники и посетители кафе нам уже знакомы и мы можем немного поболтать, это не отменит случайности и поверхностности возникающего сообщества. Конечно, из уличного знакомства может произойти и крепкая дружба, и большая любовь, но это исключение из правил. Общественные места предназначены для другого: для мгновенного дружелюбия, приветливости на ходу, обладающих собственной красотой и милостью, но к постоянству и крепости дома никакого отношения не имеющих.

Чем больше возможностей не бывать дома предоставляется в мегаполисе современному человеку, тем сильнее его тоска по дому и тем острей и ярче в культуре звучит тема бездомности. Едва ли будет преувеличением сказать, что бездомность сегодня — одна из антропологических доминант. Впрочем, еще в начале XIX века Чаадаев говорил о ней как о характерной черте людей образованного круга:

Взгляните вокруг себя. Не кажется ли, что всем нам не сидится не месте. Мы все имеем вид путешественников. Ни у кого нет определенной сферы существования, ни для чего не выработано хороших привычек, ни для чего нет правил; нет даже домашнего очага; нет ничего, что привязывало бы, что пробуждало бы в вас симпатию или любовь, ничего прочного, ничего постоянного; все протекает, все уходит, не оставляя следа ни вне, ни внутри вас. В своих домах мы как будто на постое, в семье имеем вид чужестранцев, в городах кажемся кочевниками, и даже больше, нежели те кочевники, которые пасут свои стада в наших степях, ибо они сильнее привязаны к своим пустыням, чем мы к нашим городам [8, с. 41–42].

В то самое время, когда Пушкин утверждал красоту и жизнестроительную ценность «любви к родному пепелищу, любви к отеческим гробам» [5, с. 596], Чаадаев констатировал неспособность русского человека к устроенной и упорядоченной жизни, холодность и равнодушие к дому, преданность к которому уступает привязанности кочевника к своим степям. Переживание бездомности характерно для европейской культуры того времени в целом: английский байронический герой, гонимый тоской и скукой, постоянно пребывал в странствиях и жаждал приключений, немецкие романтики презирали филистеров с их свежевыпеченными булками и розовыми кустами в ухоженных садиках и воспевали бесприютных художников, рыцарей дороги, скитальцев в запредельном. Романтическая чувствительность, зачастую уравнивающая домашнее с пошлым и бесполетным, склонялась к отрицанию дома.

Можно предположить, что начавшееся в XIX веке усиление темы бездомности в европейской культуре связано с тем, что, увлекшись в эпоху Просвещения модой на атеизм и культом Разума, человек утратил видение мироздания как Дома, устроенного для него Богом. Поскольку метафизически мир из уютного и осмысленного дома превратился в игралище чуждых сил, долженствующих быть побежденными усилием разума, постольку и к физическому дому, потерявшему смысл и проигрывающему в привлекательности иным пространствам, человек охладел. Насколько человек сделался пуст и скучен самому себе, настолько невыносимо стало ему находиться дома, где некому себя демонстри-

ровать и нечем развлекаться. Признать это было бы обидно, и окрепший дух бездомности люди стали принимать за свободу и дерзновение, а повинование ему сочли едва ли не доблестью.

Впрочем, и в романтическом бегстве от пошлой повседневности видится не только досадная слабость и плод просвещенческого философствования, но и вполне обоснованный жест самосохранения. Не только антропологические характеристики и картина мира, но и дом как физический объект и символическая структура за последние триста-четыреста лет тоже изменился, обнаружив в себе нечто такое, от чего действительно хочется бежать. Уяснить эти перемены можно, например, через внимательное чтение стихов и теоретической прозы Александра Блока, содержащих точный художественный анализ бездомности, которая к началу XX века расцвела и стала уже не уделом романтических героев, а всеобщим настроением. Корней Чуковский сказал, что поэзия Блока после 1905 года — это «бездомность и дикий, всеразрушающий ветер» [10, с. 270]. В поэме «Возмездие» Блок определяет характер наступившего XX века именно через усиление бездомности и затмения:

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люцифера крыла) [2, с. 25].

Эта мрачная, удушающая, демоническая тень унаследована XX веком от предшествующего XIX. О том, что произошло с человеком и с культурой, Блок говорит в статье «Безвременье» (1906).

Прежде чем обратиться к ней, отметим, что блоковское острое переживание бездомности не связано впрямую с подробностями его биографии. Конечно, некоторым образом ее можно вывести из семейной драмы — раннего развода родителей, но все же Блока, рожденного в Ректорском доме на Университетской набережной в Петербурге, окруженного большой любящей семьей, проводившего каждое лето в уютном подмосковном имении, никак не назовешь богемным бродягой. Теплоту домашнего круга он понимал и ценил, о чем свидетельствует, в частности, цитированная выше поэма «Возмездие», где он с нежностью говорит о своей семье как о зачарованном круге, где «*свои словечки и привычки, / над всем чужим — всегда кавычки, / и даже иногда — испуг*» [2, с. 33]. Дом Блока всегда выглядел благополучным и устроенным. Достаточно посетить мемориальный музей в его последней квартире на Офицерской улице, чтобы в этом убедиться. Можно с уверенностью предполагать, что его переживание бездомности имеет основания не столько бытовые, сколько метафизические.

Статью «Безвременье» Блок начинает с размышлений о празднике домашнего очага — о Рождестве:

Был на свете самый чистый и светлый праздник. Он был воспоминанием о золотом веке, высшей точкой того чувства, которое теперь уже на исходе, — чувства домашнего очага. Праздник Рождества был светел в русских семьях, как елочные свечки, и чист, как смола. На первом плане было большое зеленое дерево и веселые дети; даже взрослые, не умудренные весельем, меньше скучали, ютясь около стен. И все плясало — и дети, и догорающие огоньки свечек [1, с. 21].

Огоньки в этом описании — и пламя елочных свечей, и свет очага в центре дома. Зеленое дерево — и рождественская елка, и мировое древо, которому во всех культурах уподоблен дом, символизирующий мироздание. Веселые дети — и гости на празднике, и евангельские герои, за которыми мы должны последовать, если хотим войти в Царство Небесное. Картина семейной елки озарена светом Царства. Рождество Христово, Богоявление делает каждый дом и любую семью причастными Небу. Блоковское простое описание наполнено радостью, но в нем явственна и тревога, поскольку праздник представлен как уходящая реальность: он не ведет в золотой век, а лишь напоминает о нем. Нравы простые и добрые остались в прошлом, потому что человечество заразилось пошлостью, которая, как огромная паучиха, поглотила людей:

Люди стали жить странной, совсем чуждой человечеству жизнью. Прежде думали, что жизнь должна быть свободной, красивой, религиозной, творческой. Природа, искусство, литература — были на первом плане. Теперь развилась порода людей, совершенно перевернувших эти понятия и тем не менее считающихся здоровыми. Они стали суетливы и бледнолицы. У них умерли страсти, — и природа стала чужда и непонятна для них. Они стали посвящать все свое время государственной службе — и перестали понимать искусства. Музы стали невыносимы для них. Они утратили понемногу, идя путями томления, сначала Бога, потом мир, наконец — самих себя. Как бы циркулем они стали вычерчивать какой-то механический круг собственной жизни, в котором разместились, теснясь и давя друг друга, все чувства, наклонности, привязанности. Этот заранее вычерченный круг стал зваться жизнью нормального человека. Круг разбухал и двигался на длинных тонких ножках; тогда постороннему наблюдателю становилось ясно, что это ползает паучиха, а в теле паучихи сидит заживо съеденный ею нормальный человек.

Один из мифов нашего времени — рассказ о том, что до революции 1917 года мы жили в прекрасной стране, которую потом по злой воле кучки коварных заговорщиков и обольщенного ими темного народа потеряли. Если внимательно читать свидетельства начала XX века — произведения Блока, например, — становится понятно, что такое истолкование русской истории слишком упрощенно и легкомысленно, чтобы быть правдой. Сколько бы хитроумными и энергичными ни были несколько злонамеренных людей, не в их силах разрушить империю. Внешнее обрушение мощного сообщества возможно лишь тогда, когда оно внутри себя утратило крепость, — иначе говоря, если сама страна, сам народ соглашается с предлагаемым злом. Когда мы теряем «сначала Бога, потом мир, наконец — самих себя», возникают благоприятные условия для распространения любой порчи. Когда множество людей — отдельных воль, отдельных сознаний — добровольно входят в механический круг пошлости, а мелкий эгоизм признается «жизнью нормального человека», появляется почва для расцвета грандиозных социальных и антропологических аномалий.

Итак, человек, очертивший себя кругом эгоистического благополучия и ничтожных жизненных интересов, оказался внутри паучихи-пошлости.

Сидя там, он обзаводится домком, плодится — и все дела свои сопровождает странными и смешными гримасами, так что совсем уже посторонний зритель, наблюдающий объективно и сравнивающий, как, например, художник, — может

видеть презабавную картину: мир зеленый и цветущий, а на лоне его — пузатые пауки-города, сосущие окружающую растительность, испускающие гул, чад и зловоние. В прозрачном теле их сидят такие же пузатые человечки, только поменьше: сидят, жуют, строчат, и потом едут на уморительных дрожках отдыхать и дышать чистым воздухом в самое зловонное место.

Если дрожки заменить на автомобили, текст будет читаться как написанный сейчас. И сегодня наблюдаемая обыденность отвечает блоковскому определению: «*Все было так, как водится во многих порядочных семьях, — просто, мирно и скверно*» [1, с. 22]. Обратим внимание на то, что Блок описывает конфликт памятуемой идеальной домашности и наличной пошлости в религиоведческих терминах, противопоставляя их как священное и скверное. Превращение частной жизни и благородной повседневности, прежде бывших вратами Золотого Века, в питательный субстрат для тупого сладострастного эгоизма, с точки зрения Блока, есть не что иное, как мерзость запустения, воцарившаяся на святом месте, поругание антропологических оснований. Потому для тех, кому душно в паучьем чреве, и стала желанной бездомность — вплоть до экстремальных ее проявлений в невиданных мятежах и революционных бурях.

Что же делать? Нет больше домашнего очага. Необозримый липкий паук поселился на месте святом и безмятежном, которое было символом Золотого Века. Чистые нравы, спокойные улыбки, тихие вечера — все заткано паутиной, и самое время остановилось. Радость остыла, потухли очаги. Времени больше нет. Двери открыты на выюжную площадь [1, с. 23].

Статья «Безвременье» и художественно убедительна, и философски состоятельна, строить вариации на ее темы можно довольно долго, а потому предпочтительней ее перечитать и войти в полноту этого искреннего пророческого текста. Здесь мы обратимся только к завершению его, а чтобы оно было внятно, обозначим содержательную логику. Вначале Блок показывает, как из домов, затянутых паутиной, двери раскрылись на выюжную площадь, выражая надежду на то, что городской простор не опутан паутиной пошлости. Однако и в городе с его рваными ритмами и напряжением страстей, где все проходит «в красном свете» и «в бешеной истерике» [1, с. 24], душе человеческой нет жизни. И тогда за бегством из дома следует бегство из города, растворение в бескрайних равнинах нищей России: «Нет ни времен, ни пространств на этом просторе». На глубине русской тайны, которую Блок изображает пушкинскими, гоголевскими и лермонтовскими красками («открытая даль», «пробегающие полосатые версты», «рябины, все осыпанные красными ягодами», «не знающий, как быть со своим просторным весельем, народ» [1, с. 26]), этого безвременья, обнищания и опрошения, царит тишина, красота и покой. Бездомный странник кружит и кружит по болоту, где в сонной тишине расцветает Ночная Фиалка — не то лиловый цветок, не то призрачный свет, не то неземной взгляд некой женственной тени.

Рассматривая тексты русской литературы от Лермонтова и Гоголя до Зинаиды Гиппиус и Федора Сологуба, Блок выявил в них чистую ноту невозмутимой таинственной Тишины. Его размышления о созерцательном направлении

в отечественной словесности венчает образ русского странника, мудрого и добровольно нищего духом, которому ничего не жаль и ничего не страшно. Если бы Блок был религиозным мыслителем, желающим построить душеполезную систему, вероятно, на этом он бы и остановился. Но он был, как сказал Максим Горький, настоящий — волею Божией — поэт и человек бесстрашной искренности, а потому задал в finale последние сокрушительные вопросы:

А что, если вся тишина земная и российская, вся бесцельная свобода и радость наша — соткана из паутины? Если жирная паучиха ткет и ткет паутину нашего счастья, нашей жизни, нашей действительности, — кто будет рвать паутину?

Самый страшный демон нашептывает нам теперь самые сладкие речи: пусть вечно смотрит сквозь болотный туман прекрасный фиолетовый взор Невесты — Ночной Фиалки. Пусть беззвучно протекает счастье всадника, кружящего на усталим коне по болоту, под большой зеленою звездой.

Да не будет так [1, с. 31].

Беспощадные вопросы, завершающие «Безвременье», подвергают сомнению романтические и богемные стратегии бегства от пошлости: а что, если отрицание унылой пошлости быта и вязкой рутины повседневности — тоже пошлость? Что, если странничество и бездомность — вовсе не бунт и освобождение, а ровно такой же обывательский стереотип, как и мещанско «витье гнездышка»? Кто уже несет паучий яд пошлости в себе, тому от нее не убежать, и беззвучное счастье бездомности, изображенное Блоком в круговой композиции и лилово-зеленых тонах, оказывается ничуть не лучше душного обывательского благополучия.

Блок ставит и главный экзистенциальный и нравственный вопрос: кто будет рвать паутину? Формулируя его предельно конкретно и персонально, Блок смещает внимание от общетеоретического рассмотрения (почему русская жизнь сегодня такова, как есть, почему она мечется от жесткой безбытиности к безвоздушной домовитости и почти не знает золотой середины — легкой устроенности, простого праздника) к проблеме личной ответственности. Неважно, кто виноват и кому мы обязаны своим несчастьем. Важно другое: сейчас, когда все уже опутано паутиной, — КТО будет ее рвать? Хорошо бы еще знать, КАК, но это следующий шаг. В истоке перемен стоит решимость ответственно сказать: «Я буду. Я готов».

Не случайно у Блока бездомность выступает как безвременье, утрата времен и пространств. Время и пространство — базовые характеристики мира в человеческом сознании. Выпадая из мира, мы утрачиваем (и/или безосновательно и бесконечно умножаем в виртуальном режиме, что есть тоже фигура утраты) время и пространство и тем самым перестаем быть, предаем свое человеческое призвание. Бездомность, погружающая в лилово-зеленую вечность болот, — малодушный отказ быть, именно в этом ее метафизическая несостоятельность.

В начале прошлого века Блок был властителем дум в России. У мирового властителя дум того времени, Зигмунда Фрейда, бездомность связана с жутью. В статье «Das Unheimliche» (1919) он рассматривает психоаналитический смысл этого понятия, исходя из логики языка. В слове *unheimliche* (жуткое,

зловещее) корень *heim* (дом). *Heim* по-немецки — это дом как очаг, семья, в отличие от *haus* — здание, архитектурное сооружение (в английском так же соотносятся слова *home* и *house*). От слова *heim* наряду с *heimelig* (домашний, уютный) и *heimische* (родной) образовано *heimliche* (тайный, секретный, сокровенный). *Heimliche* может также означать и опасное (по логике тайное = таинственное = зловещее). Получается, в немецком языке утверждение и отрицание, *heimliche* и *unheimliche* могут означать одно и то же — зловещий, опасный. Фрейд приводит интерпретацию Шеллинга, который определял жуть, *unheimliche* как то, что было скрываемо, но внезапно обнаружилось. В результате пространного рассуждения, включающего рассмотрение жути как эстетического феномена, анализ текстов Гофмана и обращение к опыту психоанализа, Фрейд приходит к выводу:

Жуткое (*unheimlich*) — это в прежние времена родное, давно привычное. Приставка «не» (*un*) в этом слове — клеймо вытеснения. <...> Жуткое переживание имеет место, когда вытесненный инфантильный комплекс опять оживляется неким впечатлением или если опять кажутся подтвержденными преодоленные примитивные убеждения [6, с. 277, 279].

Оставляя в стороне вопрос о том, насколько убедительна и исчерпывающа концепция Фрейда, объясняющего жуткое и зловещее с помощью кастрационного комплекса и страха перед покойниками, обратим внимание на симптоматичное обстоятельство. Фрейд на основании своего психоаналитического опыта показывает связь между зловещим и домашним: он знает множество примеров того, как дом становится для людей источником настоящего ужаса, а отношения с родом, с предками сводятся к боязни по-встречаться с мертвецом или призраком, который может утащить в свой загробный мир. Понятно, что и встреча с предком, и общение с домом далеко не во все времена строились таким образом, и даже во времена Фрейда далеко не все люди воспринимали мир именно так. Тем не менее, представленная Фрейдом картина отражает настрой, весьма распространенный в человечестве эпохи модерна, что и понятно: как не испытывать страха в доме, проглашенном паучихой?

Примечательно, что столь разные стили философствования, как психоанализ и экзистенциализм, в начале XX века сосредоточиваются на рассмотрении бездомности. В «Бытии и времени» (1927) Хайдеггера важное место занимают термины *Un-heimlichkeit* (бездомность, бес-приютность, в переводе В. В. Бибихина — жуть) и *Un-zuhause* (не-у-себя-дома, у Бибихина — не-по-себе), которые описывают самоощущение современного человека в мире. По Хайдеггеру, отторгнутость от бытия, заброшенность рождает в человеке страх и тревогу, что и заставляет его переживать жуть и испытывать экзистенциальную бездомность, «бытие-не-по-себе» [7, с. 218]. В результате перед человеком встает выбор: либо погрузиться в сон повседневности и заглушить (Фрейд сказал бы — вытеснить) этот страх, либо преодолеть его, совершив прорыв к истинному бытию с помощью языкового и эстетического опыта.

Современная исследовательница по рассмотрению понятия бездомности у Фрейда и Хайдеггера пришла к выводу:

Самое страшное — это не внезапная встреча с чем-то жутким в открытом пространстве, а когда в собственном доме внезапно обнаруживается враг, чужой. Чужое, пугающее в доме аналогично присутствию чего-то неконтролируемого во мне самом (моему подсознанию). Границы мира человека рушатся, в его дом врывается хаос. Бездны, которые кроются за границами человеческого бытия — не где-то далеко, хаос присутствует в нас самих и может прорваться в любой момент. Мнимая стабильность в любой момент может рухнуть. Приходится принять этот факт и научиться жить с ним [9, 217].

Сто лет назад поэт утверждал с надеждой: «Да не будет так», спрашивал: «Кто будет рвать паутину?» Сегодня философ предлагает принять жуть бездомности как факт и научиться жить с ней. Если порвать паутину, рухнет дом, построенный на песке, и придется строить на камне. Современному человеку это представляется трудоемким, скучным и долгим проектом, а потому он склонен предпочесть счастье всадника, рыцаря Ночной Фиалки, кружавшего по зыбким болотам, тем более, что бездомность сегодня называется красивым словом «номадизм», овеянным полынным степным ветром и осененным просторами пустынь. Философскую номадологию создали титаны постмодернизма Жиль Делез и Феликс Гваттари. Номад, кочевник — один из персонажей их книги «Тысяча плато», второго тома фундаментального труда «Капитализм и шизофрения». Пафос этой работы во многом определяется желанием предложить новые пути европейской культуре, уставшей от диктата жесткой структурированности. Философия постмодернизма возникла в момент, когда многие традиционные установки «оседлой» культуры иссохли, обессмыслились и превратились в пустые формы былых ценностей.

Делез и Гваттари не предлагают выйти из городов и переселиться в кибитки или внедорожники. Номадизм для них — прежде всего образ мысли. Они говорят, что есть два типа знания:

Следовало бы противопоставить два типа наук, или научных действий: один состоит в том, чтобы «воспроизводить», другой — в том, чтобы «следовать». <...> Воспроизведение предполагает перманентность фиксированной точки зрения, внешней тому, что воспроизводится, — разглядывать поток, сидя на берегу. Но следование — это нечто иное, нежели идеал воспроизведения. Не лучшее, но только иное. Мы вынуждены следовать за чем-либо, когда ищем «сингулярности» материи или, скорее, материала, а не открываем формы <...> Существуют блуждающие, странствующие науки, чья суть в том, чтобы следовать за потоком в поле векторов, где распределяются сингулярности как множество «происшествий» [3, с. 624–625].

Речь идет о внимании к жизни, о том, что всматриваться в сингулярность, в единичное событие столь же важно, как и выводить общие правила. Обновить взгляд, обратить его к неповторимой и конкретной жизненной ситуации означает для философов постмодернизма принять личную ответственность за свою мысль и поступок, а не встраиваться в размеченные до нас колеи. В этом непреходящая актуальность и ценность постмодернизма и номадологического проекта в частности.

Государственная философия, по Делезу и Гваттари, подобна двуглавому орлу: одна его глава — это мифология, создающая большой рассказ, способный

очаровать массы и заставить их полюбить государство, вторая — это логика, создающая системы законов и норм, способные удерживать массы в повиновении государству. Номад — тот, кто свободно странствует, не обользаясь и не впадая в зависимость. Иначе говоря, номад — свободно мыслящий человек. Для Делеза и Гваттари номады — это Кьеркегор, Ницше, Шестов, поскольку они были частными мыслителями, не обслуживали нужды какой-либо идеологии, а продумывали и выражали собственный жизненный опыт: «Где бы они ни обитали, это всегда степь или пустыня. Они разрушают образы мышления» [3, с. 635]. Свободная мысль подобна кочевому племени, разрушающему жесткую структуру государства: «Племя в пустыне, а не универсальный субъект в горизонте всеохватывающего Бытия» [3, с. 636–637].

Если у отцов-основателей постмодернизма номад — это человек свободной мысли, то к концу XX века номадизм начали понимать попросту как пространственную и моральную независимость. Появилось понятие цифрового номада: с развитием интернета появилась возможность спонтанно перемещаться по миру и кормиться удаленной работой. Считается, что цифровой номадизм — «путь обретения той свободы, которая была потеряна человеком оседлым; и это путь, на котором почти все границы социальных ролей и географические границы условны» [4, с. 76], хотя стоит обратить внимание на то, что цифровой номад постоянно подключен к сети и зависит от своего гаджета. Если область его перемещений регулируется доступом к интернету и электричеству, так ли велика его свобода? Если человек продолжает существовать в определенных профессиональных рамках и рыночных отношениях, так ли существенны перемены локации на карте? Может быть, свобода не определяется возможностью пространственных перемещений? Может быть, кто-то, пять дней в неделю работающий в офисе и посещающий по пути домой один и тот же магазинчик, более свободен, имеет в сердце и уме больше простора, чем тот, кто подчинен императиву во что бы то ни стало не быть как все, порвать с рутиной и кочевать?

Когда адепты постиндустриального номадизма восхищаются возможностью получать все необходимое, спонтанно перемещаясь по миру, они едва ли задумываются о том, каково им придется, если все хозяева придорожных гостиниц, маркетов и кафе последуют их вдохновляющему примеру и тоже сделаются кочевниками. По существу номад всегда пользуется плодами трудов оседлого человека и в этом смысле зависит от него. Делез и Гваттари связывают номадизм с духом войны, захвата — но представим себе, что все, кто возделывал поля, воткнули лопату в землю и взялись за меч. Войско вскоре заскучает без хлеба и либо вымрет, что маловероятно, поскольку жажда жизни сильна в человеке, либо сойдет с коней и примется за хозяйство. Когда говорят, что достоинство современного номада в том, что он освободил себя от обязательств по отношению к семье, народу и государству, почему-то по умолчанию предполагается, что в семье, народе и государстве всегда найдутся те, кто позабочится о самопровозглашенном освобожденном кочевнике, когда последний заболеет или состарится. Строго говоря, сами научные работы о номадизме несут в себе конфликт: кочевники не пишут, да и не читают книг. Они смотрят вдаль, а не в монитор ноутбука. Они никогда не уверены, что окажутся во второй раз там, где они есть сейчас, а потому не имеют возможности свой

текст — даже если допустить, что номаду пришла охота его все же написать, — отдать издателю. Так что разговоры университетских профессоров о номадизме — лишь наблюдение со стороны за текущей рекой, только игра в кочевников. К ним можно отнести с той же мерой уважения, как и к любой другой игре, но стоит помнить о том, что, воздав должное номадологии, профессор вернется в городское жилище с центральным отоплением и водопроводом, а не в кочевую кибитку.

Тем не менее, номадическая бездомность как форма свободы остается невероятно привлекательным жизненным проектом, особенно если она виртуозно сопряжена с домашностью. Вспоминаются два мастера бездомности: первый — литературный герой, второй — историческое лицо. Первый, Снусмумрик, при всей своей любви к странствиям всегда возвращался на лето в Муми-Дален. Зима, проведенная в Норвежских горах, давала простор и свежее дыхание лету. Тепло и солнечность лета, проведенного в уютной усадьбе муми-троллей, согревали норвежскую зиму. Туве Янссон не цитирует впрямую Экклезиаста, но ее герой — идеальная иллюстрация знаменитого размышления о том, что всему свое время: собирать камни и разбрасывать камни, обнимать и уклоняться от объятий. Второй и величайший бездомный, равно как и домостроитель, — это Иисус из Назарета. Эта тема заслуживает отдельного и подробного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. А. Безвременье // Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 7. М.: Наука, 2003.
2. Блок А. А. Возмездие // Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 5. М.: Наука, 1999.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, М.: У-Фактория, Астрель, 2010.
4. Кужелева-Саган И. П., Спичева Д. И. Феномен цифрового кочевничества в современном междисциплинарном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454.
5. Пушкин А. С. Стихотворения 1823–1836 // Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. М: ГИХЛ, 1959.
6. Фрейд З. Жуткое // Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003.
8. Чаадаев П. Я. Философические письма // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989.
9. Чеснокова Л. В. Феномен жуткого: Опыт философской рефлексии Фрейда и Хайдеггера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66) в 2-х ч. Ч. 1.
10. Чуковский К. И. Александр Блок // Чуковский К. И. Современники: Портреты и этюды. Минск: Народная асвета, 1985.

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.005

УДК 1 (091)

Н. В. Филичева, М. Н. Цветаева*

**СИМВОЛЫ «НОВОЙ РЕЛИГИИ»
В ОБРАЗАХ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ
ЛЕНИНГРАДСКОГО АРХИТЕКТУРНОГО
КОНСТРУКТИВИЗМА**

Статья посвящена философскому осмыслиению архитектурного наследия советской эпохи, его семантике, символам и смыслам на примере анализа ансамбля Кировского района Санкт-Петербурга, который включает в себя Тракторную улицу и ряд административных и культурных центров, являющихся одними из лучших образцов ленинградского конструктивизма. На примере творчества выдающихся советских архитекторов затрагиваются проблемы соотношения традиционного и авангардного мышления, актуальные для современной архитектуры.

Ключевые слова: философия, культура, авангард, супрематизм, конструктивизм, формообразование, Тракторная улица, традиции, современная архитектура.

N. V. Filicheva, M. N. Tsvetaeva
АНГЛИЙСКОЕ НАЗВАНИЕ

The article is devoted to the philosophical understanding of the architectural heritage of the Soviet era, its semantics, symbols and meanings by analyzing the ensemble of the Kirovsky district of St. Petersburg, which includes Traktornaya street and a number of administrative and cultural centers that are among the best examples of Leningrad constructivism. On the example of the work of outstanding Soviet architects, the problems of the correlation of traditional and avant-garde thinking that are relevant for modern architecture are touched upon.

Keywords: philosophy, avant-garde, Suprematism, constructivism, shaping, Traktornaya street, traditions, modern architecture.

---

* Надежда Викторовна Филичева, искусствовед, доктор философских наук, профессор Русской Христианской Гуманитарной Академии; nfilicheva@gmail.com

Марина Николаевна Цветаева, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, профессор Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения Санкт-Петербургского государственного университета; mtsvetaeva@rambler.ru

Мировоззренческий, духовно-нравственный и духовно-эстетический диалог в художественной культуре авангарда невозможен постичь вне проблем поиска философско-эстетической целостности, попытки отразить в советской идеологии языческие и христианские архетипы, по-своему интерпретировать библейские образы и символы, выйти на познание «нового неба и новой земли». Поэтому исследование, сохранение и осмысление русского авангарда на примере ленинградского конструктивизма, отразившего историко-социальную реальность после 1917 года, попытки кардинального слома национальной корневой системы, невозможно понять вне христианского миросозерцания и взаимодействия религиозного и светского мировосприятия (см. об этом: [9; 10]). Проблемы архитектурной символики, ее образной стилистики и психологии, отраженные в художественной культуре 1920–30 гг., позволяют познать специфику национального мышления, земной «космос» с законами дольнего и горного мира, борьбы традиций и новаторства, которые составляет драму и сюжет искусства, в центре которого — человек, его духовная вселенная.

Осмысление советской архитектуры невозможно вне истории и онтологии секуляризации, мирового искусства и философии как отражения духовной жизни нации, внутреннего раскола мира «ветхого и нового человека», проявленного уже в культуре Петровской эпохи XVIII века, в эстетике русского барокко, в парсуна и портретном жанре. Мировоззренческая и образно-стилистическая специфика авангарда определялась тем, что его лучшие представители вбирали традиции, связанные с религиозным наследием, церковным искусством, классическим наследием и европейским модернизмом, библейской тематикой, сокрытым духом христианского миропонимания. Например, Башни III Интернационала В. Татлина как образ Вавилонской башни.

Нельзя не согласиться с тем, что русский авангард и конструктивизм ценили и ценят на Западе как единственно оригинальное и незаменимое из того, что было в русской архитектуре XX века. Формообразующие идеи конструктивизма до сих пор любимы в Европе и США, именно там они обрели разнообразное и широкое воплощение; у нас же они свидетельствуют о глубоком прочтении предыдущего опыта, несмотря на то, что в большинстве случаев или остались проектами, «бумажной архитектурой», или пребывают в плачевном виде, или разваливаются на глазах. Но есть немногие памятники конструктивизма, которые востребованы, находятся в хорошем состоянии и обращают на себя взоры специалистов и всех, кто любит и чтит русский авангард.

В настоящее время интерес к архитектуре 20–30-х годов XX века постепенно возрастает. Этому, несомненно, способствует высокий международный авторитет отечественного авангарда, повлиявшего на пути развития мировой архитектуры. В городе строгих и читимых классических традиций авангардные течения на протяжении многих лет воспринимались как чужеродные явления и находились в тени высоких стileй прошлого, уступая в известности не только классическим ансамблям эпох барокко и классицизма, но и памятникам эклектики и модерна. Поэтому так важно осмысление петроградского — ленинградского авангарда, который насчитывает 10–20 лет, так как неоклассические петербургские тенденции доминировали в архитектурной практике, сдерживая новаторские искания.

Авангард оказывался «эстетическим и идеологическим изгояем», и только когда внешняя репрезентативность уступила жестким требованиям функциональности и экономичности, опыт конструктивизма был востребован, но бесконечное тиражирование его приемов на сниженном уровне массового строительства и экономическая разруха привели к «профанации» былых творческих достижений. Необходимо отметить, что в Петербурге нет таких шедевров конструктивизма, как в Москве; о ленинградском конструктивизме нет таких серьезных фундаментальных исследований, как о московском, несмотря на то, что в Петрограде работали предтеча конструктивизма В. Татлин и создатель супрематизма К. Малевич.

Кратко обратимся к философии советского миросозерцания, выраженной в эстетике авангарда на примере его наиболее ярких представителей. В 1919–1920 годах Татлин создал здесь самое известное свое произведение — модель знаменитой Башни III Интернационала, ставшей символом авангарда. Модель была показана на VIII съезде Советов в декабре 1920 года, но, выполненная из металла, стекла и дерева, до наших дней она не дошла, и впоследствии на основании небольшого количества сохранившихся фотографий и чертежей были предприняты несколько ее реконструкций. «Башня» представляла собой комплекс вращающихся с разной скоростью простейших пространственных элементов, расположенных на общей наклонной оси, их охватывала поднимавшаяся вверх по спирали ажурная металлическая решетка. Динамичная конструкция символизировала вселенское обновление, устремленность в будущее, «алкание нового мира и нового человека». Необходимо отметить, что творцам авангарда было присуще мистериальное и синкретическое мышление. «Башне» надлежало стать самым высоким сооружением в мире (планируемая высота — около 400 м). В этом прославленном проекте Татлин воплотился целиком, со всей широтой своего дарования — скульптора, архитектора, художника (быть может, прежде всего, художника). Легкость конструкции, ее ажурность находились в полном соответствии с новыми материалами, из которых должно было быть построено это уникальное сооружение.

Формы, которые использовались в архитектурной композиции, раскрывают связь с Древним Египтом, и с античностью, пифагорейскими элементами и стилистикой новоевропейской архитектуры (сфера, кубы, пирамиды, цилиндры, спирали). В основании памятника лежал куб, вращавшийся на оси со скоростью один оборот в год. В нем предполагалось разместить зал конгрессов Третьего Интернационала, куда должны были съезжаться делегаты со всего мира. На куб была поставлена пирамида, которая совершила один оборот в месяц, — в ней планировалось устроить залы заседаний для правительственные органов. Дальше ввысь уходила цилиндрическая фигура. Здесь должны были находиться информационные службы. Цилиндр делал один оборот в сутки. Вся эта машина из стали и стекла венчалась небольшой сферой. Памятник, в отличие от всех других монументов, являл собой само движение, он жил, дышал, как бы олицетворяя то новое, революционное, что притягивало народы мира к Третьему Интернационалу. Форма его рождалась из идеи. Это было наиболее слитное сочетание формы и содержания. Каждая деталь существовала в двух измерениях — идейном и конструктивном. Такой

полет фантазии, предвосхитивший многие приемы новейшего искусства, был спровоцирован главной идеей революции: это сила, способная преобразить или истребить старый мир.

Символика как спиралевидной формы, так и самого памятника-башни, уже у современников вызывала различные толкования и ассоциации метафорического и историко-культурного свойства. Проект Татлина даже доброжелателям казался несбыточной мечтой, а недругам — просто чепухой, курьезом. И в самом деле, где в России, крестьянской, аграрной стране, разрушенной двумя войнами, такие цеха, такие фабрики, чтобы можно было отливать стеклянные сферы, строить гигантские врашательные механизмы, где взять ту баснословную уйму электроэнергии, что должна приводить все это в движение? Проект так и остался проектом. Макет не сохранился, но спираль надолго вошла как основной конструктивный элемент во многие театральные постановки тех лет, в оформление праздничных демонстраций и даже в быт. Проект как бы растащили по частям, по винтикам — так случается часто: новая идея, слишком смелая для немедленного воплощения, несколько изменившись, приняв компромиссные формы, благодаря отдельным осуществленным своим штрихам торжествует маленькую, тихую победу.

К. Малевич в свою концепцию супрематического преобразования мира включал архитектуру и предметный мир. Но исторически случилось так, что супрематизм на уровне проектно-композиционного образа «новой бытовой вселенной» сначала выплеснулся в виде орнамента и декора на стены домов, плакаты, ткань, посуду, предметы туалета, трамваи, трибуны и т. д. Это было нечто вроде генеральной репетиции, проверки стилистических потенций супрематизма. Уровень его декоративно-стилистического воздействия проверялся еще до переезда Малевича в Витебск. Но тогда эти опыты не давали представления о воздействии супрематической стилистики в масштабах предметно-пространственной среды большого интерьера, улицы города. В Витебске у Малевича появилась возможность ставить такие масштабные эксперименты. Витебский период супрематизма вышел в объемную композицию, в архитектуру, но этому предшествовала экспансия плоскостного супрематизма в прикладное искусство и театр.

1920 год ознаменовался для супрематизма широким проникновением в предметный мир, декоративное оформление, театр, в идеи внедрения в архитектуру. Сам Малевич оценивал этот этап так: «Супрематизм делится на... **черный период, цветной и белый...** Все периоды проходили под условными знаками плоскостей, как бы выражая собою планы будущих объемных тел и, действительно, в данный момент супрематизм вырастает в объемном времени нового архитектурного построения...» [Цит. по: 11, с. 96].

Создатель супрематизма Малевич, отражая общую тенденцию в искусстве — стремление к новым галактикам и «звездному языку», в стенах организованного в 1923 году ГИНХУКа проектировал «архитектоны» и «планиты», заложившие принципы пространственно-объемного формообразования. Их долго не хотели и не могли признать, но в 1937 году на Всемирной выставке в Париже именно они стали основой грандиозного советского павильона. Малевич, несомненно, оказал влияние на архитектуру XX столетия. Принцип его «архитектонов» нашел свое продолжение во многих небоскребах Америки.

Малевич концентрировал в себе свойства стилемобразующего таланта. Он прошел через ряд сменявших друг друга художественных течений, усваивая прежде всего то, что определяло основную стилемобразующую линию. Его часто обвиняли в эпигонстве и эклектизме, он многим казался странным, основатели различных течений упрекали его в стремлении все упростить и схематизировать. Он действительно прошел по этим течениям как «смерч». Пока другие изучали и варьировали кубизм или футуризм, Малевич шел дальше, он одним из первых «нащупал» простые стилемобразующие элементы, которые стали основой стиля XX века.

Метод супрематизма с его темой космичности, самоценностью формы и универсальностью геометрических элементов расходился с ведущим направлением авангарда — конструктивизмом, ставившим на первый план решение функциональных и социальных задач. В 1920-е годы в Ленинграде произошел общий поворот к авангарду. Этот момент совпал с восстановлением строительной активности после нескольких лет разрухи. В первую очередь развернулось сооружение жилищных массивов для трудящихся, домов культуры, школ, стадионов, бани, профилакториев, универмагов и фабрик-кухонь. В этих типологиях виден новый социальный заказ, новое духовно-эстетическое наполнение, хотя многие начинания были использованы в дореволюционной России русскими благотворителями и меценатами. Для разрушения культуры «малой церкви — семьи», воплощения идей мировых и русских утопистов, революционеров-демократов (например, Н. Г. Чернышевского в романе «Что делать?») большевикам потребовалась и новые формы организации: от соборности к созданию «муравейников». Например, фабрики-кухни стали образом тотального «обобществления» личности, надзора за ее бытом и бытием.

Творчество выдающихся архитекторов — А. С. Никольского, Г. А. Симонова, А. И. Гегелло, Д. Л. Кричевского, А. А. Оля и других, разрабатывавших принципы новой архитектуры, которые они последовательно реализовывали в своих проектах, в контексте решения социальных программ, — в малой степени затрагивало исторический центр. Новые постройки органично включались в архитектурное пространство города. Яркие образцы супрематической версии конструктивизма — «архсхемы» 1922–1923 годов — с сочетанием строгих геометрических объемов, применением железобетонных конструкций, контраста стенных плоскостей и больших поверхностей остекления создавал в Петрограде — Ленинграде А. С. Никольский. Постройки архитекторов Е. А. Левинсона и И. И. Фомина отличались весомой монументальностью и тяготели к стилистике ар-деко («сталинскому ампиру» в советской России). Самой яркой фигурой позднего конструктивизма был Н. А. Троцкий, вносивший в функциональные структуры приемы экспрессионизма и наделявший их мощным эмоциональным звучанием. Самостоятельное значение образной стороны проектирования утверждал художник, архитектор и теоретик Я. Г. Чернихов, в «архитектурных фантазиях» которого всесторонне раскрыт огромный формообразующий потенциал широкого спектра течений авангарда. Но крутой перелом в советской архитектуре начала 30-х годов, связанный с проектированием Дворца Советов в Москве, во многом предрешил трагическую судьбу авангарда.

Во второй половине XX века идеи раннего конструктивизма оказали влияние на формирование многих направлений творческой практики. В результате сложилась традиция рассматривать это явление в ряду сквозных и основных линий художественной деятельности прошлого столетия. Конструктивизм воспринимали как новый модный стиль, где первостепенное значение придавалось внешней формальной связи с технической конструкцией, которая стала как бы стилевой приметой конструктивизма.

Уникальным объектом советского культурного наследия, выдающимся примером гармонии формы и пространства стала Тракторная улица. В 1925–1927 годах в Ленинграде появился первый жилой комплекс, новая улица с жилыми домами для рабочих с двух- и четырехкомнатными квартирами на одну или две семьи. Эту улицу назвали Тракторной в память о выпуске первых тракторов на заводе «Красный путеводитель». Застройка улицы была задумана А. С. Никольским, А. И. Гегелло и Г. А. Симоновым как единый архитектурный организм со своеобразным объемно-пространственным решением. Устройство жилищных комплексов и формирование крупного общественного центра составляли в 20–30-е годы приоритетную задачу, связанную с поисками нового типа экономичного жилища и новыми принципами архитектурного пространства. Архитекторы нашли нетрадиционное решение актуальной темы, характерное для ленинградской архитектуры, когда композиционные и стилевые новации сопрягались и переосмысливались на основе вечных ценностей классического наследия.

Застройка Тракторной улицы, включающая 16 корпусов, образует целостный ансамбль, построенный по принципу варьирования форм. Здесь много творческих находок: улица имеет длину 320 м, ряды домов вытянуты по сторонам улицы, ориентированной перпендикулярно проспекту Ставропольской — главной магистрали Кировского района. Архитекторы отказались от петербургского стиля сплошной застройки, расположив группы корпусов с промежутками. В начале улицы — два дома, соединенные полуарками. Они отодвинуты от красной линии. В перспективе виден торец одного из четырех зданий, образующих небольшую площадь. Чрезвычайно интересен прием объединения домов в единый комплекс с помощью арок и полуарок. Броские полуарки сообщают оттенок торжественной презентативности проходам во дворы. «Эти нефункциональные элементы воспринимаются, с одной стороны, как дань классическим мотивам, с другой — как опровержение традиционной тектоники, легкие и упругие, полные силы и движения, полуарки словно вонзаются на лету в стены корпусов, внося в композицию напряженный динанизм» [3, с. 79]. Вряд ли кому-нибудь сегодня приходит в голову мысль о необходимости каких-либо декоративных украшений — они здесь совершенно не нужны, настолько хороши эти трех- и четырехэтажные строгие дома с закругленными в плане лестничными клетками, балконами, тягами и козырьками. Простых, но точно найденных элементов вполне достаточно для придания домам новой образности.

Все в этом ансамбле до мелочей подчинено единству стиля, составляя органический принцип «золотого сечения», сочетающего детали и общий замысел: например, форма и группировка балконов крайне разнообразны: они

могут быть вклю́чены в углы, совмещены с лоджиями или состыкованы с выступающими объемами. Все лестничные клетки выходят на север (чтобы не отнимать свет у жилых комнат), поэтому на северной стороне они выходят во двор, а на южной — на улицу. Весомые пластичные объемы лестниц крупным ритмом организуют линию улицы. Эти выступы несимметрично скруглены, в криволинейные поверхности врезаны клинья консольных козырьков. Все подсобные помещения имеют естественное освещение — на фасадах им соответствуют мелкие окна. Облику зданий свойственны строгая лаконичность и обобщенность форм, четкость объемов и чистота глади стен. Пространственная среда улицы уютна, сомасштабна человеку, здесь налицо композиционные и стилевые новации.

Здания и жилищные комплексы, как Тракторная улица, спроектированные в середине 1925–1930-х годов, относятся к лучшим образцам переходной стадии развития стиля. Чертцы «трансформированной неоклассики» соединены здесь с особенностями нового архитектурного языка и переосмысливанием «неугасших традиций».

Традиционным для петербургской культуры был диалог с мировым опытом. На основе новой философии и эстетики советские архитекторы пристально следили за мировыми тенденциями. В 1920–30-е годы жилищному строительству уделялось большое внимание. Взаимосвязи советских и зарубежных архитекторов были активными, в советской России работало много немецких архитекторов и других специалистов. Советское руководство проявляло большой интерес к решению жилищной проблемы на Западе. В ходе проектирования Тракторной улицы изучался передовой зарубежный опыт, и архитектор Г. А. Симонов был командирован для этой цели в Германию и Швецию. Внимание к немецкой строительной практике неслучайно. «Строительство поселков для малоимущих слоев населения, которое происходило в тот период в Германии, основывалось на тех же требованиях, которые провозглашаются как требования к жилищу, возводящемуся на общегосударственные средства советскими ведомствами для рабочих и служащих, — максимальная экономичность, стандартизированность, рациональность, технологичность возведения, максимально возможная скорость проектирования и строительства и т. п.» [6].

Причем практика демонстрирует, что в Германии инициативы муниципалитетов по массовому возведению дешевого жилища достаточно эффективно решают задачу ликвидации жилищной нужды. Поэтому и само жилище для немецких рабочих, возводимое в рамках «программы ликвидации жилищной нужды», и его авторы привлекают пристальное внимание представителей руководства советских ведомств, перед которыми в середине 1920-х гг. стоит аналогичная задача — масштабного осуществления рабочего жилищного строительства» [6].

Создатель Баухауза архитектор В. Гропиус с 1926 года наиболее успешно и интенсивно занимался жилищным массовым строительством, решением градостроительных и социальных проблем, с 1926 года выступал за рационализацию строительства. Он выполнил многочисленные проекты жилых домов: поселки Тёртен в Дессау (1926–1931), Даммершток (1928–1929), жилой квартал

в берлинском районе Сименсштадт (1929–1930), проект Береговой застройки озера Ванзее в Берлине (1930–1931).

Это был плодотворный период содружества советских и западноевропейских архитекторов; перед ними стояли задачи организации новой жизни, поиска новых, функционально и конструктивно оправданных архитектурных форм.

Основные культурные и бытовые учреждения находятся вблизи Тракторной улицы, они были построены в середине 20-х — 30-х годах и рассчитаны на обслуживание всего прилегающего района.

Перспектива Тракторной улицы замыкается стоящей на противоположной стороне проспекта школой имени 10-летия Октября (ныне школа-лицей № 384 Кировского района), построенной в это же время лидером ленинградского архитектурного авангарда А. С. Никольским.

Сегодня школа является объектом культурного наследия, она находится в хорошем состоянии, в 2007 году там был произведен капитальный ремонт. Архитектура как образ мироздания, обращена к соединению профанного и сакрального. Разрабатывая план здания, Никольский обращался к идейно-эстетической символике государства рабочих и крестьян — серпу и молоту, — поэтому главный корпус оказался динамично изогнутым по дуге. Вертикальным акцентом композиции служит призматическая башня, завершенная куполом школьной обсерватории. Школа, рассчитанная на 1200 учащихся, отличавшаяся удобством, продуманностью планировки и высоким уровнем технического оснащения, воспринималась в конце 20-х годов как образец, ориентир для перспективного развития архитектуры учебных заведений. В динамичной асимметрии объема, остром столкновении друг с другом геометризированных форм уже гораздо явственнее, чем в облике расположенных по соседству жилых домов Тракторной улицы, проступают черты конструктивизма.

Одновременно с возведением жилого комплекса на Тракторной улице, в 1925–1927 годах, архитекторы А. И. Гегелло и Д. Л. Кричевский на проспекте Стачек возвели Дворец культуры имени М. Горького.

Произведения раннего авангарда в Ленинграде отличались «суровой экспрессией и монументальной силой». Объемно-пространственная композиция Дворца культуры определяется его внутренней структурой, а внешний облик (как и в произведениях модерна) позволяет прочитать эту структуру. «Ядром» здания служит большой зрительный и митинговый зал, рассчитанный на 2200 человек, — тема мистериального зрелища, магия трибунального слова была по-своему выражена в советской риторике. В крыльях дворца находятся помещения для занятий кружков и коллективов самодеятельности. Форму здания с выгнутым фасадом определяет композиция зала в виде сектора. Используя античное наследие, авторы отказались от традиционной ярусной схемы и расположили места для зрителей в виде амфитеатра, что позволило улучшить обзор сцены и обеспечить фактически всем зрителям равные условия с точки зрения удобства: этим подчеркивался демократический характер нового зрелищного сооружения. Перед залом на каждом этаже расположены хорошо освещенные фойе [5, с. 365]. Здание отличают особая цельность и ясность облика. Крупные формы определяют мощный образ пролетарского Дворца культуры. «На главном фасаде выделено цен-

тральное звено — огромный стеклянный экран, разделенный пилонами треугольного сечения, которые поддерживают перекрытие зрительного зала. Дугообразному витражу противопоставлены массивные параллелепипеды — резко выдвинутые вперед по радиусам башни лестничных клеток. Эти вертикальные акценты и фланги фасада отличаются четкими геометрическими формами и гладкими плоскостями стен» [3, с. 98]. Композиционное решение, характер планировки главного здания, умелый учет всего многообразия функций нового по содержанию советского клуба стали выражением нового социально-эстетического идеала. Дворец культуры имени М. Горького оказал значительное влияние на последующее строительство домов культуры в Ленинграде и в СССР. На Всемирной выставке 1937 года в Париже архитектор А. И. Гегелло был удостоин за это сооружение «Гран-при».

Напротив Дворца культуры имени М. Горького расположено динамичное здание универмага и фабрики-кухни Кировского района (1929–1931), архитекторы А. К. Барутчев, И. А. Гильтер, И. А. Меерзон, Я. О. Рубанчик, инженер А. Г. Джорогов), которое также принадлежит к образцам зрелого конструктивизма.

Конструктивную основу здания универмага составляет монолитный железобетонный каркас. В смелой композиции воплощена бурная динамика обновленной жизни тех лет и раскрыт богатый спектр выразительных средств конструктивизма: свободные сочетания крупных форм, резкая асимметрия частей, ритм горизонтальных вертикалей, контрасты глухих бетонных и прозрачных стеклянных поверхностей, разнообразие типов окон. Протяженный горизонтальный объем здания противопоставлен вертикалям фасада Дворца культуры имени М. Горького.

Тема нового социального бытия, разрушение традиционного уклада «малой церкви» и перековка сознания, куль машинерии и утилитарности особенно зrimo выразились в проектах фабрик-кухонь. Такие фабрики должны были обеспечивать производство готовых обедов и полуфабрикатов. Здесь все было продумано: функциональная программа механизированного процесса приготовления пищи позволяла избежать пересечений производственного цикла и потоков людей.

Центром «вселенной» всего конструктивистского ансамбля Кировского района (включая Тракторную улицу, школу, Дворец культуры имени М. Горького, Дом технической учебы, универмаг и фабрику-кухню) стало «культовое» здание советского миросознания — Кировский райсовет, шедевр архитектора Н. А. Троцкого. В этом произведении ленинградского авангарда ярко проявилась творческая индивидуальность блестящего зодчего. Строительство завершили в 1935 году, а через три года рядом возвели памятник С. М. Кирову (1938, скульптор Н. В. Томский, архитектор Н. А. Троцкий), который приветствует проезжающих по проспекту Стachek в центр города.

Идеи мощи, непререкаемой силы и экспрессии выражены в силуэте райсовета: основной корпус низкий и вытянутый, его пересекает вертикаль пятидесятиметровой прямоугольной башни, на вершине которой помещено изображение советской символики — серпа и молота. Переходы из одного блока райсовета в другой выполнены в виде галерей на столбах. Здесь банки,

почта, зал собраний, кинотеатр. Впечатляющий образ конструктивистского сооружения проникнут динамизмом, экспрессией, монументальным звучанием. Эти качества творческой индивидуальности Троцкого «отмечены печатью влияния Э. Мендельсона. Асимметричная композиция и форсированный силуэт построены на сочетании горизонталей и вертикалей, прямоугольных, цилиндрических и дугообразных объемов, и все это придает комплексу особую пространственную активность и многообразие ракурсов восприятия» [3, с. 121]. Запоминающийся образ Кировского райсовета создан средствами конструктивистской архитектуры, отмеченной печатью экспрессионизма и наполненной эмоциональным звучанием. Пространственная система двух площадей — Стачек и Кировской, связанных прямым отрезком проспекта Стачек, — позволила создать уникальный конструктивистский ансамбль Кировского района Ленинграда. Кроме того, именно здесь рождалась принципиально новая эстетика, повлиявшая на архитектуру не только Ленинграда, но и нашего столетия.

Сегодня этот уникальный ансамбль выглядит не так «респектабельно», как в те, уже далекие, времена: везде агрессивная реклама, от которой в наш век уже никуда не деться. Невыразительные постройки — ларьки, киоски и другие сооружения, расположенные совсем рядом с фасадами легендарных зданий — являются идеино-эстетическим диссонансом.

Анализируя специфику современной архитектуры, необходимо отметить важность опыта и диалога традиционной классики и классики авангарда, сформировавших петербургский стиль. В век pragmatического мышления конструктивизм вновь возвращается в архитектуру. Эстетика целесообразности и рациональности строго утилитарных форм, ритмичность линий и подчеркнутаядержанность геометрии придают домам, выполненным в стиле конструктивизма, неповторимый облик, а простота и естественность обеспечивают притягательность их архитектурному решению.

В настоящее время современная архитектора утрачивает чувство стиля. При всех интересных, экспериментальных, неожиданных замыслах архитекторам не хватает авторства — личностного, профессионального, творческого «я». Именно последнее делает архитектуру выразительной, уникальной, запоминающейся, выходящей за рамки стандарта и стереотипа. Мы можем найти в современной архитектуре много «аллюзий» с русским конструктивизмом начала XX века. Но, на наш взгляд, не хватает индивидуального начала, а оно рождается в творчестве и проявляется в архитектурной форме только в том случае, если архитектор глубоко и личностно владеет классической традицией, отвечает вызовам своего времени, устремлен в своих решениях к поиску Гармонии и Красоты.. При всей спорности тех или иных сооружений, при всей конфликтности нового с исторической средой, при всем желании архитекторов изменить привычный облик зданий, превратив их в груду стекла или бетона, архитектура «нуждается и в мастере, и в мастерстве» как в эпоху классиков архитектуры Ф. Б. Растрелли и К. И. Росси, так и в нашу эпоху. Именно поэтому барьер, который нельзя перешагнуть, отрицая «мастера и мастерство», в архитектуре непреодолим [7, с. 213]. В современной архитектуре лицо автора, как правило, спрятано: его очень сложно угадать в абстракциях геометриче-

ских форм, языком которых говорит это искусство, а также в посредничестве, когда между архитектором и зрителем находится огромная армия строителей — плотников, каменщиков, кузнецов, грузчиков, прорабов, инвесторов и чиновников. Архитектор формулирует идею, но материализуют ее в камне, кирпиче, стекле и бетоне другие.

К сожалению, утрачивается петербургский стиль в новом строительстве, но возрождение Петербурга, сохранение его культурно-исторического наследия предполагает восстановление и творческое развитие классики. Стилистическая гармония вырабатывалась за три века исторического существования, и мы «обязаны в полной мере восстановить и развить ее на современном уровне предоставляемых цивилизацией возможностей».

Многие исследователи отмечают тот факт, что часто в соседстве с шедеврами в Петербурге находится архитектура не только стилистически совершенно чуждая ей, но и вообще лишенная каких-либо эстетических достоинств. Сегодня даже самый оригинальный и талантливый проект скован суммой ограничений, и, как бы ни хотелось современным зодчим видеть себя наследниками традиций конструктивизма, говорить о продолжении дела братьев Весниных, К. Мельникова, И. Леонидова, Я. Чернихова, А. Никольского не приходится. И дело даже не в размере таланта, знаний и степени использования классических традиций, не в отсутствии «Канцелярии от строений» с обер-архитектором во главе, а в том, что не совпадают сущностные, ценностно-мировоззренческие, идеологические, экономические и функциональные ориентиры.

На современном этапе компьютерная программа проектирования, современное «конвейерное мышление» в силу стандартизации цифровых средств воспроизведения изображения «округляет почерк», многие функции машина берет на себя, освобождая архитектора от решения сложных задач, но и постепенно лишая его определенного уровня мастерства. Каждый стал сам себе дизайнером, оформителем эстетических свойств окружающей его действительности. На смену зодчему пришел пользователь (user), знающий более или менее развитую комбинацию несложных операций, схем, шаблонных действий. Увлечение цитатами из идей конструктивизма продолжается, поскольку конструктивизм состоялся в профессиональном отношении, а еще и потому, что он «строил новый мир с чистого листа», что целое поколение зодчих выросло на нем, среди всего, что окружало их в молодости.

По сравнению с советской эпохой утрачен пафос строительства нового мира, да и нет тех социальных заказов — на клубы, школы, детские сады, спортивные площадки, фабрики-кухни или дома-коммуны, которые диктовали образную стилистику, простоту форм. Сейчас образ архитектуры как некий усредненный общий «образ-понятие» сливается в нашем сознании с анонимностью, отсутствием авторства, но подлинная культура всегда основана на личности, преображающей мир и человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Езерский И. Конструктивизм в тапочках // Итоги. 2014. № 44 [офиц. сайт]. — URL: <http://www.itogi.ru/archive/2000/44/115911.htm> (дата обращения 2.12.14).
2. Каган М. С. История культуры Петербурга. СПб: СПбГУП, 2000.
3. Кириков Б. М., Штиглиц М. С. Архитектура Ленинградского авангарда. СПб: Издательский дом «Коло», 2008.
4. Курбатова З. Конструктивизм, уничтоженный на бегу: Кто спасет памятники эпохи авангарда в Петербурге? // Наше наследие. 2014, № 110. — URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11019.php> (дата обращения: 2.12.14).
5. Лисовский В. Г. Санкт-Петербург: очерки архитектурной истории города: в 2 т. Т. 2: От классики к современности. СПб: Издательский дом «Коло». 2009.
6. Меерович М. Г. Эрнст Май: «Рациональное» жилье для России: [офиц. сайт]. — URL: http://archvuz.ru/2011_4/14 (дата обращения: 11.05.15).
7. Мухин А. С. Архитектура и архетип. СПб: СПб ГУКИ..2013.
8. Филичева Н. В. Архитектурное пространство ленинградского конструктивизма (на примере Кировского района) // Наука, образование и экспериментальное проектирование. М.: МАРХИ, 2016. С. 394–400.
9. Цветаева М. Н. Христианский взгляд на русское искусство: от иконы до анвангада. СПб: РХГА, 2012.
10. Цветаева М. Н. Духовно-эстетические традиции Православия в культуре Серебряного века // Музей и Церковь в контексте сохранения национального наследия. Сер. «Апории». СПб.: Философский факультет; СПбГУ, 2013. С. 293–316.
11. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн. Кн. 1: Проблемы формообразования: Мастера и течения. М.: Стройиздат, 1996.

СОЦИУМ И КУЛЬТУРА

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.006

УДК 93/94

В. Э. Багдасарян, С. И. Реснянский*

ГЕНЕЗИС СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ: РЕВОЛЮЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА**

Актуальность представляемого исследования определяется методологической постановкой вопроса о России как государстве-цивилизации. Принципиальное значение в раскрытии российской цивилизационной системы принадлежит анализу с позиции преемства и разрывов отечественной истории феномена советского периода. Авторами, на основании анализа дискурсивных доминант, представлено пять версий цивилизационного позиционирования советской системы. Ключевым методологическим подходом в исследовании является разграничение на материале истории констант и переменных. Обнаружение констант российской цивилизационной матрицы на этапе советского проекта практически, по оценке авторов, означает факт воспроизведения российской цивилизации в двадцатом столетии.

Эмпирическому анализу в статье подвергается период Революции и Гражданской войны в России. Несмотря на противоречивость позиций революционных сил, в том числе сторонников большевизма, авторы показывают, что объективно большевики дрейфовали в сторону цивилизационной российской государственности. Фактически в коллизиях внутренних и особенно внешних конфликтов они встали на национальную позицию и взяли на себя миссию цивилизационного имперостроительства.

Ключевые слова: цивилизация; цивилизационногенез; Революция; Гражданская война; общинность; Красная Армия; русский коммунизм; февральизм; большевизм.

---

* Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет; vardanb@mail.ru.

Реснянский Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет, ФГАОУ ВО Российский университет Дружбы Народов; s-r44@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43080 «Советский Союз как цивилизация: от расцвета до заката».

V. E. Bagdasaryan, S. I. Resnyanskiy
GENESIS OF THE SOVIET SYSTEM:
REVOLUTION AS A MECHANISM OF CIVILIZATIONAL REPRODUCTION

The relevance of the presented research is determined by the methodological formulation of the question of Russia as a state-civilization. Of fundamental importance in the disclosure of the Russian civilizational system belongs to the analysis from the standpoint of the continuity and ruptures of the national history of the phenomenon of the Soviet period. The authors, based on the analysis of discourse dominants, presented five versions of the civilizational positioning of the Soviet system. The key methodological approach in the study is the distinction based on the history of constants and variables. The discovery of the constants of the Russian civilization matrix at the stage of the Soviet project practically, according to the authors, means the fact of the reproduction of Russian civilization in the twentieth century.

The article analyzes the period of the Revolution and the Civil War in Russia. Despite the contradictory positions of the revolutionary forces, including the supporters of Bolshevism, the authors show that objectively the Bolsheviks drifted towards the civilizational Russian statehood. In fact, in the collisions of internal and especially external conflicts, they took up a national position and took on the mission of civilizational empire-building.

Keywords: civilization; civilizational genesis; The revolution; The Civil War; community; Red Army; Russian communism; februaryism; Bolshevism.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В современном обществоведческом дискурсе доминирует представление, что революция в России привела к уничтожению основанной на традиционных ценностях православной цивилизации. Очевидно, что советская модель имела системные отличия в жизнеустройстве от модели дореволюционной России [9; 16, с. 119]. Но сколь значительны эти отличия, чтобы утверждать факт разрыва советского проекта с российской цивилизационной системой?

Возможны пять версий ответа: 1) после революции российская православная цивилизация перестала существовать, и новая цивилизация — советская не была ей преемственна; 2) советская цивилизация хотя и представляла собой новый цивилизационный тип, была генетически связана с российской православной цивилизацией, являлась ее историческим восприемником; 3) произошел временный цивилизационный разрыв, и восстановление российской цивилизации происходит уже только после демонтажа советской системы; 4) российская цивилизация продолжила свое существование и в советский период, явившийся ее модификацией для эпохи модерна; 5) советский проект восстанавливал российскую цивилизационную систему, отступление от которой происходит в петербургский период истории России. В представляющей статье проводится исторический анализ первых лет советской власти в фокусе соотнесения выстраиваемой модели с константами российской цивилизации.

ХРИСТИАНСТВО И БОЛЬШЕВИЗМ

Действительно, советское государство отказывалось от прежней православной религиозной основы самоидентификации России. И более того, инициировались антирелигиозная пропаганда, организовывались гонения на Церковь. Заявляемая официально новая система мировоззрения базировалась на атеизме и материалистическом учении. Однако христианские ценности и этические координаты сохранялись и под вывеской советского проекта. Сказывалась, вероятно, инерция многовековой православной исторической традиции, оказавшейся встроенной в онтологию российского человека. Да и в самом советском проекте были выдвинуты подходы и найдены формы организации общественного бытия, которые было бы возможно определить как христианские по духу.

Насаждение атеизма, как показало время, являлось стратегической ошибкой большевиков, приведшей к выхолащиванию потенциалов советского проекта. Но это была именно ошибка, а не запрограммированная ценностно установка. Сам В. И. Ленин еще до революции предупреждал о такой ошибке. Им подчеркивалось, что врагом социал-демократии является вовсе не религия, а капитализм. Религиозные же организации и священнослужители могут являться как противниками, так и союзниками в зависимости от их отношения к капитализму. И в принципе оснований для союза было больше [10, с. 142–147].

Христианство в своих ценностных установках, за исключением модернизованный кальвинистской версии, диссонировало с аксиологией капитализма. Другое дело, что в реалиях капиталистического развития религиозные христианские организации пошли в той или иной степени на альянс с капиталом. Безусловно, большевики были виновны в гонениях на Церковь. Но и Церковь имела известную долю вины в том, что отступила от собственных же принципов, пошла на дискредитирующие ее альянсы и компромиссы.

Соединение советской социальной системы с религиозной традицией, модернизма с традиционализмом было принципиально достижимо. Период 1940-х — начала 1950-х годов дает основание утверждать, что такой альянс имел ненулевые потенциалы. Однако в руководстве партии победило левое крыло, реанимировавшее кампании воинствующего атеизма.

РУССКИЙ КОММУНИЗМ

Методологически значимый подход был выдвинут в осмыслении революции в России Н. А. Бердяевым. Концепт русского коммунизма он положил в основу одноименной книги, предназначеннной первоначально для западного читателя [2]. До Бердяева коммунизм рассматривался как явление универсальное, вне его привязки к какому-либо историко-культурному контексту. Заявленный новый подход выводил коммунистические ценности и идеи в России не от Маркса, а из первооснов российского цивилизационогенеза. Русская общинность, русская соборность, русская артельность встраивались в парадигму русского коммунизма [4, с. 19, 26; 12, с. 118]. Марксизм оказался

привнесен на соответствующую цивилизационную почву, ознаменовав новый этап в истории коммунизма в России.

Ряд положений идейного багажа русского коммунизма указывало на его аксиологическую близость русскому православию. Выделим наиболее значимые из этих компонент:

- устремленный в будущее общественный идеал, определяющий идеократический тип государственности;
- представление о грядущем преображении человека на принципах духовно-нравственного бытия;
- отрицание целесообразности и нравственной преемственности конкурентной борьбы, которой противопоставлялся принцип солидаризации;
- отторжение спекулятивно-ростовщической модели экономики;
- негативный взгляд на богатство и собственность, как проявления неправедности жизни, этика нестяжательства;
- интернационалистское единство человечества, неприятие восходящего к племенному язычеству национализма;
- постановка сверхзадачи спасения всего человечества от разложения духовных основ жизни;
- социальное воплощение библейского императива «кто не работает, тот не ест»;
- установки воспитания молодежи в духе взаимопомощи и альтруизма;
- ценность колLECTивизма, восприятие социального неравенства как несправедливости;
- ожидание грядущей и неизбежной эсхатологической победы сил добра.

БОЛЬШЕВИЗМ КАК АНТИФЕРАЛИЗМ

В массовом современном сознании утвердилось представление о большевиках, как низвергателях русской монархии. Между тем, царя свергла либеральная кадетско-октябрьская буржуазная революция. Большевики, как известно, не играли в ней сколько бы то ни было значимой роли. Именно Временное правительство инициировало деятельность Чрезвычайной следственной комиссии, подготавливавшей судебный процесс с целью доказать государственную измену Николая II. Репрессии в отношении лидеров черносотенного движения развернулись еще в дооктябрьский период. Убийство полицейского или монархиста почиталось в качестве особой доблести среди представителей революционных радикалов после Февраля. Указывается цифра в четыре тысячи убитых после Февральской революции работников Охранного отделения. Были взяты под арест такие видные фигуры право-монархического лагеря, как: А. И. Дубровин, Н. А. Маклаков, Н. Н. Тиханович-Савицкий, И. Г. Щегловитов, Н. М. Юскевич-Красовский и др.

Одной из главных загадок событий 1917 года является проявленная в нем пассивность многочисленных сторонников самодержавного правления. Между тем, еще во время первой русской революции монархисты активно поднялись на защиту самодержавия. Можно предположить, что народный русский мо-

нархизм трансформировался в сознании значительных масс в большевизм. Большевистская революция была воспринята в качестве высшего возмездия узурпаторам-временщикам, в роли которых предстали февралисты и Временное правительство. Само слово «временное» имело в народном восприятии негативную коннотацию, как противоположное самодержавному принципу константности. Нерешительность Временного правительства укрепляла народное мнение в восприятии о неподлинности режима «временщиков». Большевики, напротив, отказавшись от представительности и коалиционности, сразу же обнаружили соответствие «царскому ритуалу».

Неприятие в восприятии Государственной Думы уходило в генезисе в глубь веков, к неприятию Думы боярской. Реактуализировался архетипический миф о том, что крамольники-бояре низложили царя. Они же выстроили отношения с неправедной заграницей. Все это воспроизвело в национальной рефлексии образ «семибоярщины». Слух о переезде А. Ф. Керенского в императорский дворец укрепляли народ во мнении о факте узурпации. Распространялись слухи, якобы он даже тайно примерял на себя царскую корону и садился на царский трон. И если Временное правительство было «семибоярщиной», то большевистской революции должен был соответствовать образ низвергшего его народного ополчения.

Еще тот же Н. А. Бердяев отмечал, что ленинизм представлял собой синтез марксизма с традицией народничества. Несмотря на резкую критику В. И. Лениным народников, в реалиях строительства социализма большевики многое взяли из народнических подходов, более адаптивных к российской специфике. Вместо исходного плана национализации земли ими после взятия власти был, как известно, взят на вооружение эсеровский план социализации, а далее — колLECTIVизации, как восстановления под новыми вывесками общинного землепользования вместо провалившейся столыпинской ставки на грядущего фермера. Революционное изобретение — Советы — представляло национальное видение должной политической организации вместо европейского парламентаризма [1].

Парадоксальность переноса на большевиков монархической легитимности подтверждается на примере письма, направленного председателю СНК от 26 декабря 1919 года:

Симбирскому дворянину Владимиру Ильину Ульянову (Ленину). Честь и слава Вам, Владимир Ильич! Как маг и чародей, Вы сумели заставить русский народ забыть и простить Николаю Второму все его прегрешения и властно повернули его вновь на путь Монархизма. Умело и незаметно, не словами, а делом Вы с очевидностью показали всему миру нелепость социалистических теорий и мудро, как сказочный эмий, зажгли сердце русского народа непримиримой ненавистью к подлому и продажному племени иудеев. Да, пусть многое погибло! Но всякий, кто только может хоть немного смотреть в будущее, скажет, что это к лучшему. Сейчас разрешение проблемы социализма и вопроса о собственности, равным образом дело монархизма поставлено на верный путь и обеспечено на долгие годы. И это исключительно благодаря симбирскому дворянину Ульянову. Честь и хвала Вам, Владимир Ильич! Убежденный монархист Павлов. 26 декабря 1919 года [11, с. 135–136].

«ПРОСАЧИВАНИЕ ЧЕРНОСОТЕНСТВА»

С самых первых дней победы Октябрьской революции происходят расхождения между теорией построения нового типа государства по опыту Парижской коммуны и практикой реального государствостроительства. В нем шаг за шагом утверждались институции, совпадающие в моделях со старорежимными учреждениями.

Сразу после взятия большевиками власти, некоторые из оппонентов заговорили, что октябрьский переворот имел термидорианскую природу и даже крен в сторону право-реакционной подоплеки. Уже в конце ноября 1917 года один из основателей РСДРП, меньшевик А. Н. Потресов, предостерегал о «просачивании в большевизм черносотенства» [13, с. 141]. В начале декабря в эсеровской газете «Воля народа» выходит статья В. Выюгова с характерным заголовком «Черносотенцы — большевики и большевики — черносотенцы». В ней автор шел еще дальше, заявляя даже о «просачивании» черносотенства в большевизм, а о черносотенной сущности самих большевиков. По его оценке, ими восстанавливается «старый», то есть дофевральский строй [6].

Пройдет четыре года, и тезис о большевистском термидоре получит поддержку уже со стороны «сменовеховцев», оценивших правый поворот в революции со знаком плюс. Их призыв «пойти в Каноссу» являлся следствием переосмысливания роли большевиков в качестве новых «собирателей земли Русской». Автор манифеста «В Каноссу» С. С. Чахотин пояснял новый подход к большевизму следующим образом: «история заставила русскую “коммунистическую” республику, вопреки ее официальной доктрине, взять на себя национальное дело собирания распавшейся было России, а вместе с тем восстановления и увеличения русского международного удельного веса. Странно и неожиданно было наблюдать, как в моменты подхода большевиков к Варшаве во всех углах Европы с опаской, но и с известным уважением заговорили не о “большевиках”, а... о России, о новом ее появлении на мировой арене» [15, с. 74]. В 1958 году Чахотин, явившийся не только публицистом, но и известным биологом, вернется на Родину, где далее работал в Институте цитологии и Институте биологии развития АН СССР.

Среди евразийцев, как известно, существовали разные позиции в отношении советской власти. Примиренческое крыло в осмыслении большевизмашло даже дальше сменовеховцев, видя в нем даже не термидор, а отрицание петербургского периода российской истории, возвращение к почвенным основам допетровской России. Высказывалось получившее в дальнейшем широкое распространение в западной политической мысли мнение об азиатском историческом повороте большевиков.

Нуждается в ревизии позиция, что после Октябрьской революции все видные идеологи монархического движения оказались в лагере непримириемых противников власти Советов. Сотрудничал, к примеру, с большевиками Л. А. Тихомиров, замышлявший большой проект написания биографий русских революционеров.

В 1919 году по постановлению Петроградского ЧК будет расстрелян видный деятель монархического движения Б. В. Никольский. Но сам Борис Влади-

димирович относился к большевикам гораздо лучше, нежели к февральщикам, усматривая их латентную приверженность монархической идее.

В активной политике, — давал характеристику в октябре 1918 года один из лидеров Союза Русского народа, — они с нескудеюще энергию занимаются самоубийственным для них разрушением России, одновременно с тем выполняя всю закладку объединительной политики по нашей, русской патриотической программе, созиная вопреки своей воле и мысли, новый фундамент для того, что сами разрушают... Разрушение исторически неизбежно, необходимо: не оживет, аще не умрет... Ни лицемерия, ни коварства в этом смысле в них нет: они поистине орудия исторической неизбежности... лучшие в их среде сами это чувствуют, как кошмар, как мурашки по спине, боясь в этом сознаться себе самим; с другой стороны, в этом их Немезида; несите тяготы власти, захватив власть! Знайте шапку Мономаха!..

Никольский полагал, что враги у монархистов и большевиков одни и те же — «эсеры, кадеты и до октябрьистов включительно». Им понималась невозможность быстрого восстановления при большевиках подлинного монархизма. Но он предсказывал их сдвиг в направлении красного цезаризма [3; 4, с. 140–156].

Безусловно, большевизм был внутренне неоднородным. Наряду с квазиимперским, в нем параллельно существовало и космополитическое крыло. М. С. Агурский в книге «Идеология национал-большевизма» прекрасно показал это внутреннее размежевание. Причем, раскол между сторонниками построения социализма на русской цивилизационной платформе и условными универсалистами (в современной терминологии — глобализаторами) имел место во все периоды истории партии. Перевес по принципу маятника исторически склонялся то в одну, то в другую сторону. Но обе стороны имели свои проявления на каждом этапе истории советской государственности. На первом, раннем этапе космополитический вектор был более силен. Однако и имперская цивилизационно-ориентированная сторона находила свое выражение. Борьба с иностранной военной интервенцией (иноцивилизационными силами) и опирающейся на поддержку Антанты белой армией объективно усиливала ее позиции [1].

КРАСНАЯ АРМИЯ В БОЯХ ЗА РОССИЮ

Индикатором цивилизационной переориентации большевиков явилась советско-польская война. Они воевали с польской армией не как с классовыми противниками, а как с историческими национальными врагами России. Напротив, белые оказывались в одном лагере с сепаратистами. Не НЭП, а именно война с Польшей породила, по всей видимости, прежде всего, зарождение симпатий к ним справа. «Их армия была поляков, как поляков. И именно за то, что они отхватили чисто русские области», — рассуждал о трансформации большевизма монархист В. В. Шульгин [17, с. 517].

В советской пропаганде периода борьбы с иностранной интервенцией была поднята тема советского патриотизма. Выдвигались призывы защиты

социалистического Отечества. В одной из прокламаций по РККА Л. Д. Троцкий заявлял об угрозе превращения России в английскую колонию. «Большевизм национальнее монархической и иной эмиграции. Буденный национальнее Врангеля», — провозглашалось им на страницах «Правды». И с такими заявлениями выступал Троцкий, традиционно рассматривавшийся в качестве лидера левого космополитического течения в большевизме [14, с. 82].

То, что имперскую роль во время Гражданской войны в России взяли именно большевики, признавал даже великий князь Александр Михайлович Романов.

Положение вождей Белого движения, —констатировалось им, — стало невозможным. С одной стороны, делая вид, что они не замечают интриг союзников, они призывали… к священной борьбе против Советов, с другой стороны — на страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи… [5, с. 257].

На сторону большевиков во время Гражданской войны перешла значительная часть офицерского корпуса, руководствуясь при этом в большей степени патриотическими, нежели классовыми соображениями. Среди видных военачальников Первой мировой войны на службу в Красную Армию поступил легендарный генерал, верховный главнокомандующий А. А. Брусилов. По оценке того же В. В. Шульгина, «одних офицеров Генерального штаба чуть ли не половина осталась у большевиков. А сколько там было рядового офицерства, никто не знает, но много» [17].

Сообразно с расчетами Г. А. Кавтарадзе, в РККА перешло около 30% российского офицерства, 33% офицерского состава Генерального штаба. Если учесть, что примерно 30% офицеров оказалось после Революции вне службы какой-либо из сторон, то численность бывшего царского офицерства в белой и красной армиях окажется примерно сопоставима. Имелись прецеденты перехода офицеров из белой армии к красным. Мотивом перехода являлось разочарование в белом движении, обнаружение отсутствия в нем и патриотизма, и монархизма. За время Гражданской войны перешло от белых к красным 14390 офицеров, то есть каждый седьмой, что являлось значительной цифрой [8]. Сюжет такого перехода в «Хождении по мукам» А. Н. Толстого отражал реальные тенденции военного времени.

Особой ценностью в иллюстрации цивилизационных ориентиров большевиков являются свидетельства со стороны их противников. Так, В. В. Шульгин в осмысливании произошедшего приходил к выводу, что большевики в сущности их политики совершают следующее:

«1) восстанавливают военное могущество России;

2) восстанавливают границы Российской державы до ее естественных пределов;

3) подготавливают пришествие самодержца всероссийского».

И действительно, территориальную целостность России защищали по факту в условиях Гражданской войны и иностранной военной интервенции именно большевики.

Интервенция была, согласно оценке ряда исследователей, более важной составляющей борьбы, нежели антибольшевистские выступления белых. Так смотрел на этот конфликт и В. И. Ленин, полагая, что белые правительства играли лишь марионеточную роль по отношению к империалистическим державам [7].

Образ Советской России, как осажденной крепости выражал традиционное цивилизационное противостояние с иноцивилизационным миром. Нерв этого противостояния российской осажденной крепости отражали агитационные стихи на злобу дня Демьяна Бедного:

Еще не все сломали мы преграды,
Еще гадать нам рано о конце.
Со всех сторон теснят нас злые гады.
Товарищи, мы в огненном кольце!

Александр Блок в «Скифах» интерпретировал этот конфликт в качестве фундаментального цивилизационного конфликта.

Стремление к расчленению территории России в политических кругах Антанты не скрывалось. Планы по расчленению принимаются еще в конце 1917 года. На Парижской конференции Антанты были установлены зоны влияния держав-победительниц на территории бывшей Российской империи. Агрессия коллективного Запада против Советской России велась по трем стратегическим направлениям: 1) оказание поддержки различными способами армиям белых и иных антибольшевистских сил внутри России; 2) организация содействия этническому сепаратизму в периферийных регионах; 3) инициирование собственно военной интервенции силами государств Антанты. Принято считать, что в антисоветском походе принимало непосредственное участие 14 иностранных государств (Великобритания (включая Австралию, Индию и Канаду), Франция, США, Япония, Германия, Австро-Венгрия, Италия, Турция, Польша, Румыния, Греция, Финляндия, Китай, Сербия). Данная военная коалиция была наиболее широким объединением за всю историю войн, ведомых против России. Контингент интервенционных сил насчитывал совокупно к февралю 1919 года 202,4 тысяч человек. В числе интервентов: японцы — 80 тысяч, англичане — 44,6 тысячи, чехи и словаки — 42 тысячи, французы — 13,6 тысячи, американцы 13,7 тысячи, итальянцы и греки — по 3 тысячи, сербы — 2,5 тысячи. Совокупно иностранных войск было меньше в сравнении с армией Колчака, но больше, чем в любых других белых армиях [7].

Помимо прямого военного участия, коллективный Запад использовал в борьбе с большевизмом финансовые рычаги. Войска Колчака были фактически целиком вооружены и экипированы на западные, преимущественно британские и американские, деньги. Огромные суммы были получены от стран Антанты и Добровольческой белой армией. «Было бы ошибочно думать, что в течении этого года мы сражались за русских белогвардейцев, — давал разъяснение английской политики в отношении России Уинстон Черчилль. — На-против, русские белогвардейцы сражались за наше дело». Поддержка белых внешними силами давала основание большевикам препрезентировать себя в качестве защитников российских национальных интересов. Сама логика

войны и государствостроительства объективно задавала переход большевиков на государственные позиции.

НОВАЯ СБОРКА «ЗЕМЕЛЬ РУССКИХ»

Процесс государственной дезинтеграции России в период Гражданской войны нашел отражение в создании на ее территории на разных этапах не менее 120 претендующих на суверенность государств. Из них в конфронтации с большевиками находилось 59. Никогда в истории не существовало одновременно такого количества государств в рамках российского цивилизационного ареала. В нахождении новой модели интеграционной сборки заключалась евразийская миссия большевиков.

И действительно, им в поразительно короткий срок удалось собрать заново воедино дезинтегрированное пространство. Не случайно уже сменовеховцы говорили о реализуемой большевиками миссии Ивана Калиты — «Собирании земель русских». Они смогли найти новую аксиологическую модель реинтеграции, привлекшую как народы бывшей империи, так и людей за ее пределами.

Применение к советскому периоду истории цивилизационного подхода дает возможность для переосмыслиения исторической роли большевизма.

Октябрьская революция, вне зависимости от идеяных установок представляемых в ней сил, не являлась отрицанием дореволюционного прошлого, как оценивалась она и в рамках формационного подхода — со знаком плюс, и в рамках подхода либеральной теории — со знаком минус. Большевики фактически взяли на себя миссию — в политическом плане — восстановления Империи, в культурном плане — восстановления идентичной российской цивилизационной общности. Созданное в ходе развертки советского проекта новое государство СССР стало исторической модификацией для контекста эпохи модерна российской цивилизационной государственности.

РУССКОЕ МЕССИАНСТВО

Практика строительства социализма в одной стране приводила к смене ориентиров от космополитического мессианства мировой революции к имперскому конструированию. Н. А. Бердяев писал о коммунизме в качестве русской идеи:

На Западе очень плохо понимают, что Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея. Это есть трансформация русского мессианизма. Западные коммунисты, примыкающие к Третьему Интернационалу, играют унизительную роль. Они не понимают, что присоединяясь к Третьему Интернационалу, они присоединяются к русскому народу и осуществляют его мессианское призвание... И это мессианское сознание, рабочее и пролетарское, сопровождается почти славянофильским отношением к Западу. Запад почти отождествляется с буржуазией и капитализмом. Национализация русского коммунизма, о которой все свидетельствуют, имеет своим источником тот факт,

что коммунизм осуществляется лишь в одной стране, в России, и коммунистическое царство окружено буржуазными, капиталистическими государствами. Коммунистическая революция в одной стране неизбежно ведет к национализму и националистической международной политике [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. — Париж: YMCA-PRESS, 1980. — 322 с.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990. — 244 с.
3. Бобович И. М. Русско-финляндские отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. — Л., 1968. — 191 с.
4. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М.: РОССПЭН, 1997. — 373 с.
5. Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. — М.: Современник, 1991. — 271 с.
6. Выюгов В. Черносотенцы — большевики и большевики — черносотенцы // Воля народа. — 1917. — 3 дек.
7. Галин В. В. Интервенция. Их желанием было творить добро... — М.: Алгоритм, 2017. — 416 с.
8. Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. — И., 1988. — 276 с.
9. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. — М.: Родина, 2019. — 1279 с.
10. Ленин В. И. Социализм и религия // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1968. — Т. 12. Октябрь 1905 — апрель 1906.
11. Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. — М., 1998. — 664 с.
12. Розанов В. В. Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени / Под общ. ред. А. Н. Нелюкина. — М.: Республика, 2000. — 429 с.
13. Сегал Д. «Сумерки свободы»: о некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. // Минувшее. Исторический альманах. — М., 1991. — № 3.
14. Троцкий Л. Д. Литература и революция. — М., 1991. — 399 с.
15. Чахотин С.С. В Каноссу! // Русская идея. В книгу писателей и мыслителей русского зарубежья. — М., 1994. — Т. 1.
16. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. — М.: Мысль, 1998. — 611 с.
17. Шульгин В. В. Дни.1920: Записки. — М., 1989. — 557 с.

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.007

УДК 1 (091)

Е. П. Борзова, С. П. Лебедев, Н. В. Голик*

**«ЗНАНИЕ — СИЛА». В ЧЕМ СИЛА ЗНАНИЯ?
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, КУЛЬТУРА,
РЕЛИГИЯ, ФИЛОСОФИЯ**

В настоящее время, когда мир вступил в цифровую цивилизацию, знание, наука и образование стали играть существенную, и даже главную, роль в жизни общества. Информационные потоки, ускоренное размножение наук, использование цифровых технологий во многих сферах деятельности, в том числе во власти и управлении, — все это формирует новый социальный слой — нетократию. В условиях переформатирования бытия мира, установления цифрового миропорядка, соревнования человека с искусственным интеллектом, овладение разумным (критическим, системным) мышлением становится единственным условием выживания и победы гуманного человека. Объективный разум указывает именно это направление движения.

Ключевые слова: информация, знание, религия, культура, искусственный интеллект, цифровизация, цифровые технологии, цифровые платформы, сети, наука, образование, мышление, критическое, системное, разумное мышление, разум.

*E. P. Borzova, S. P. Lebedev, N. V. Golik
“KNOWLEDGE IS POWER”. WHAT IS THE POWER OF KNOWLEDGE?
EDUCATION, SCIENCE, CULTURE, RELIGION, PHILOSOPHY*

At the present time, when the world has entered a digital civilization, knowledge, science and education have begun to play an essential, and even the main, role in the life of society. Information flows, the accelerated reproduction of sciences, the use of digital technologies

---

* Борзова Елена Петровна, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы, президент Санкт-Петербургского института искусств и реставрации; borzova_01@mail.ru

Лебедев Сергей Павлович, доктор философских наук, профессор кафедры философии, религиоведения и педагогики, Русская христианская гуманитарная академия; lebedevsrg@rambler.ru

Голик Надежда Васильевна, Социологический ин-т ФНИСЦ РАН, ассоциированный научный сотрудник, доктор философских наук, профессор; n_golik@mail.ru

in many spheres of activity, including in power and management, all this forms a new social stratum — netocracy. In the context of reformatting the existence of the world, establishing a digital world order, human competition with artificial intelligence, mastering rational (critical, systemic) thinking becomes the only condition for the survival and victory of a humane person. The objective mind indicates precisely this direction of movement.

Keywords: information, knowledge, religion, culture, artificial intelligence, digitalization, digital technologies, digital platforms, networks, science, education, thinking, critical, systemic, intelligent thinking, reason.

Понять сегодня, какая сила заключается в знании, очень важно потому, что, как и во времена Фрэнсиса Бэкона и в век Просвещения, в наше время наука и образование начинают играть существенную, и даже главную, роль в жизни общества.

Какую новую силу приобретает знание? Какое знание владеет единственной силой? Кто и как может использовать эту силу? Каким мощным орудием и оружием знание может быть? Постараемся ответить на эти вопросы.

В **способе** освоения знания заложена основа, которая дает возможность человеку познавать: можно знакомиться с материалом, копить знание, совершенствовать свой интеллект, а можно еще — подниматься на более высокий уровень мышления: формировать разум, ум, разумное мышление. Первый способ дает человеку многознание, эрудицию, но «уму не научает», как отмечал еще более 2,5 тыс. лет назад известный древнегреческий философ Гераклит («Многознание уму не научает» [4]). Второй способ, который включает в себя принцип «от частного к общему, а затем: от общего к частному», или: «от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному», сложен, трудоемок, но именно его принципы формируют знание в сознании человека при помощи системного мышления. Этот метод познания превращает знание в **систему**, и это очень важно. Несистематизированное знание — хаотично, не приносит пользы, разрушает природу человеческого мышления как осознанного знания. Кроме того, если мышление останавливается на уровне схематичного знания (например, знания множества способов (схем) решения задач), то оно задержится и будет мыслить на уровне машинного интеллекта. Такая работа мышления, действительно, свойственна искусственно созданному интеллекту, но — не разуму. Ступень разумного мышления выше и подчиняется другим законам. Овладев ими, можно подняться выше и овладеть той силой, которую дает разум и систематизированное знание. И сила эта в том, что человек, зная **основание** системы, знает ее опору, то основание, на котором она держится. Его можно понимать как фундамент, на котором стоит целостное здание знания, и без него оно упадет и рассыпется, расколется на отдельные осколки, на **фрагментарные** знания. Знание об этой опоре, которое дает разум, и является великой силой.

В системе высшего образования, в программе получения знания тоже очень важна системность. В процессе получения высшего профессионального образования в России есть своя положительная специфика. В отличие от западно-европейского высшего образования, программа обучения в вузе на первом и втором курсе включает дисциплины фундаментального характера, которые поднимают мышление будущего специалиста на самый высокий

абстрактный уровень, показывают высшую ступень образования и знания, на которую поднялось человечество, знакомят его с культурой мышления и философским мировоззрением, с универсальными компетенциями, формирующими **критическое и системное мышление**. И только затем будущий специалист овладевает дисциплинами, которые призваны обеспечить профессиональные навыки.

Таким образом, в высшем образовании знание продвигается по принципу от общего к частному, от абстрактного к конкретному: сначала происходит освоение фундаментальных наук и овладение универсальными компетенциями, а затем — профессиональными дисциплинами и соответствующими компетенциями. Таким образом, в вузе у студента в процессе познания знание поднимается к вершине самого общего, абстрактного, фундаментального знания, а затем спускается к частному, профессиональному. Но «не поднявшись, — не спуститься». Спускаться всегда легче, чем подниматься. Здесь очень важно отметить, что в средней школе в процессе нововведений не удалось сохранить систему, связанную логикой фундаментальности, и потерялась **основа** освоения знания, из школьной программы ушла фундаментальность, связующая знания, — логика познания. Эта бессистемность сыграла отрицательную роль, проявила разрушительную силу в становлении детского и подросткового сознания. В вузе удалось сохранить системность знания.

Цифровая цивилизация, в которую мы вступили, дала новые прогрессивные формы познания: онлайн-лекции, слайд-презентации, дискуссионные форумы. Ее огромное достоинство проявилось еще и в том, что доступ к знаниям значительно упрощен, получение справочной информации больше не требует большого времени и рутинной работы мышления. Но полученные информативные знания — это еще не те, которые обладают силой. Силу знание обретает только тогда, когда от количества информации оно поднимается в процессе познания по ступеням к своей вершине — Разуму. Однако, включить сознание разума непросто. Для этого над информацией нужно думать, размышлять, осознавать, систематизировать ее и таким образом формировать разумное мышление, сознание Разума. Связывая многообразное знание в систему, скрепляя его единой логической нитью, мышление включает и свою критическую составляющую, которая помогает отсеять все то, что не относится «к росткам от корня» системы.

В новую эпоху цифровизации использование цифровых платформ, сетей, технологий позволяет взять под контроль управление постижением знаний, информационные потоки, все средства массовой информации и ее потребление в сетях. Инженерам цифровых платформ и сетей стали доступны: дозирование информации, ее ограничение, контроль информации о поведении людей, их потреблении, потребностях, предпочтениях и привычках. Стало также возможно использовать эти знания в целях приобретения прибыли, выгоды, заработка. В конечном счете такой контроль позволил организовать невидимую власть над духовной сферой человека и над той сферой, где создается знание, — образованием и наукой. Таким образом, в эпоху большого значения Цифры власть перемещается в Сеть (киберпространство) и принадлежит тому, кто осуществляет контроль над жизнью общества, — нетократии. Неслучайно и главными факторами национальной безопасности сегодня считаются развитие искус-

ственного интеллекта, социально-коммуникативных сетей, особенно сетей 5-го поколения (5G, Wi-Fi 6E), микроэлектроники, включая нано технологии. В мире, где киберпространство становится главной сферой влияния на население, управления им при помощи манипулирования информацией и где могут вестись информационные войны, именно знание становится особой силой и может быть оружием против оружия. В глобальном мире формируется новая форма управления миром и новая по форме власть над миром, человеком и человечеством — экзизм (власть доступа к ресурсам). Эта власть, которую имеют люди, в руках которых сосредоточивается управление потребностями, поведением, предпочтениями, волей, привычками, сознанием, дозированием знания, духовной сферой человека. Это тот общественный строй, где правят те, которые владеют не вещественным товаром, не деньгами, не землей, т. е. не вещественной собственностью, а — наукой накопления и систематизации способов онлайн-контроля за информацией, знанием, психикой, сознанием и волей людей.

Социальные сети в погоне за прибылью за счет рекламы уже используют алгоритмы выстраивания информации, которая чаще всего используется потребителем, и, оказывается, это та, которая вызывает не положительные, а негативные эмоции: злость, гнев, раздражение, агрессию, страдание, уныние, которые отрицательно влияют на психику, подавляют волю. Эра нетократии грозит цифровым ГУЛАГом, созданным на основе цифровых платформ. Под маской удобств, заботы о природе и техноНовшеств они могут лишить человека права, свобод, свободы воли, свободы выбора, если их самих не поставить под контроль.

Так, единственное, что остается недоступным для искусственного интеллекта и может спасти человека, — это разумное мышление, которое пробивает себе путь через все тернии, а новые технологии используются им так, чтобы быть оружием против оружия порабощения, для победы человека над Цифрой. В силах человека, при помощи овладения Разумом, данного Человеку Богом, или Природой, не позволить инженерам цифровых технологий, эксистам, нетократии лишить человека свободного доступа к знаниям, систематизации информации и превращению ее в знание, которое является положительной и созидающей силой, силой разума.

В настоящее время, однако, происходит процесс захвата нетократией киберпространства, овладение средствами управления людьми в онлайн-мире, где уже произошло срашивание высших нетократов (эксистов) с глубинной властью, главными мировыми разведывательными управлениями. Главный контроль и власть, действительно, ушли в киберпространство, где финансализм, экзизм, надзорная и глубинная власть соединились. В последнее время все большую силу набирает цифровой капитализм, который ассоциируется в первую очередь с Google, Apple, Amazon, Microsoft и Facebook. Пользуясь доверием пользователей, эти компании, анализируя большие массивы данных, наблюдают, изучают и анализируют поведение человека в разных обстоятельствах, проникая во все сферы жизни, как личной, так и общественной.

В процессе освоения нетократией киберпространства, овладения средствами управления людьми в онлайн-мире, капитализм как строй, при

котором капиталом является овеществленный в товаре труд, реализующий себя как самовозрастающая стоимость, уходит в прошлое. Наступает эпоха посткапитализма, где товаром является поведение людей, их привычки, воля, духовная сфера. И несмотря на то, что некоторые ученые предлагают новые формы современного видоизмененного капитализма, такие как цифровой капитализм, стейкхолдеровский капитализм*, инклюзивный капитализм**, надзорный капитализм***, на самом деле эти формы не представляют собой чистого капитализма, поскольку меняется суть общественно-экономического строя. Капитализм переходит в стадию посткапитализма и начинает проявлять себя как тот строй, где сырьем, превращающимся в товар, являются информация, знание, сознание, воля, поведение людей; объектом присвоения становится сам человек, как духовное и гуманное существо; его деятельность становится прибавочным продуктом; а инженер рекламы и исследователь использования для различного назначения информации представляет собой реального рабочего, производящего нужный товар. Это новый тип отчуждения человека, в результате которого появляются: подавленная воля, устраниние приватности, самосознания свободной личности, полностью подконтрольное поведение, потребление, страх постоянного преследования, клиповое сознание, зависимый от рекламы и играющий в многообразные игры в онлайн-пространстве человек. При этом знание выдвигается в центр борьбы за власть в киберпространстве.

В истории о знании как созидающей и разрушительной силе знали еще в глубокой древности. Так, в Древнем Египте жрецы храмов, которые занимались науками, считали, что некоторые из них должны быть тайными, доступными не для всех. Иерофанты хранили тайну о великой силе знаний, открывающих законы созидания и разрушения, и допускали до познания наук, раскрывающих феномен золотого сечения и законы гармонии природы, лишь тех, кто были не только способны познать их, но и применять только во благо [5, с. 4]. Среди допущенных к тайному знанию были Великие посвященные — известные философы и пророки [6]. Есть сведения о том, что способных учеников не выпускали из храмов, чтобы ни в коем случае не допустить утечки знаний, заключающих силу, которую недостойные могли бы использовать во зло, для разрушения.

В XVII веке о силе знания и «Великом Восстановлении Наук» [1, с. 55] заговорил Ф. Бэкон. Афоризм «Знание — сила» принадлежит именно ему. Он доказывал не только достоинство и необходимость преумножения наук, но и выступал с критикой обыденного и схоластического разума, а в своем произведении «Новый Органон» обосновывал новый метод познания как критическую форму религиозной схоластики [2, с. 5–80]. Бэкон доказывал, что знание законов природы — великая сила влияния на нее, но Бэкон никогда

* Шваб Клаус «Ковид-19. Великая перезагрузка» («Великий сброс») (“Covid-19. The Great Reset”).

** «Стейкхолдеровский», «инклюзивный» — это социально ориентированный капитализм, который якобы всех обеспечит работой, будет развиваться без погони за прибылью и кризисов, с заботой о будущих поколениях.

*** Зубоф Шошана «Эра надзорного капитализма» (“The Age of Surveillance Capitalism”)

да не говорил о покорении человеком природы. Эта идея появилась позже. В XX веке, веке научно-технического прогресса, человек стал заставлять природу работать на себя, покорять ее. Именно в XX веке наука перестала быть связана с ограничениями рационального рассудка, гуманизм и вопросы морали в науке широко не обсуждались. И именно в XX веке появился трансгуманизм, который сегодня уводит человечество от знания законов гармонии в природе и приобретает антитигуманистический характер [3].

В настоящее время нетократы превращаются в новых жрецов информационных храмов, они начинают определять, какое знание необходимо для масс, а какое знание — для «посвященных», как дозируется знание, как и зачем воспитывается клиповое сознание, какое знание секретится и как дрессируется сознание масс. Новая наука управления активно формируется вместе с развитием цифровых технологий и расширением сфер их применения. Ее еще нет, но она созревает — новая наука накопления контроля над поведением людей, их предпочтениями, привычками, волеизъявлением, поступками. Центр внимания властных структур активно переходит в сферу знания, образования и науки. Более того, тезис «Знание — сила» преобразовался в другой: «Кто владеет информацией, тот владеет миром».

В действительности, в науке востребованными становятся не только математическое, естественно-научное и техническое знание, но и — психология и философия. Объективный разум, развивающийся независимо от желания отдельных людей и даже коллективов (социальных слоев), как «кrot истории, роет» в своем направлении. Цифровая цивилизация в силу достижения высочайшего уровня рационального мышления, обеспечила ему условия для резкого скачка вперед — к формированию Разума. И в этом положительном направлении объективно будет работать мировой разум. Но, еще раз отметим, знание и образование сегодня интересует некоторых «сильных мира сего» не столько с точки зрения возможности приобрести силу Разума, сколько получить силу влияния на сознание человека, его поведение и образ мысли. Именно поэтому когнитивная сфера ускоренными темпами превращается в арену борьбы за власть. Знание — действительно, сила, которую можно использовать не только во благо, но как рациональное, еще не достигшее ступени разумного мышления, — во зло. Знание о двоякой силе знания актуально сегодня, чтобы ответить на следующие вопросы: как и какими средствами происходит сегодня манипулирование массовым сознанием? Какие цели и средства формулируются у «власти над миром» сегодня? Какими принципами руководствуются технологии информации, направленной на изменение общественного сознания?

Сформулируем некоторые из них и назовем средства манипулирования сознанием при помощи знания:

— поскольку легче управлять теми, у кого низкий уровень сознания и меньше знания, для этого формируется клиповое сознание населения и используются когнитивные технологии для недопущения людей до формирования критического мышления;

— мышление подавляется многознанием, большими потоками информации, чтобы в процессе поглощения ее никогда было бы подумать, осознать ее, уложить в систему (это сегодня, к большому сожалению, имеет место в средней

школе, где учебный процесс напичкан огромным количеством предметов, информацию которых усвоить и уложить в систему ученику невозможно);

— для более выгодного использования рекламы социальные сети используют алгоритмы выстраивания информации таким образом, чтобы ею чаще и активнее интересовались пользователи, а для этого на главные позиции выставляется негативная информация, вызывающая агрессию, злость, страдание, отчаяние, особое депрессивное состояние психики;

— формируется новое общественное разделение труда, которое выделит как высшую немногочисленную касту экспистов — людей «доступа» к власти, ресурсам и благам;

— превращение граждан в служебных людей — биокиборгов, за счет использования информационных потоков и логики «Окна Овертона»;

— изъятие прав и свобод граждан путем перевода всех на единую контролируемую электронную платформу, а сферы жизни — в онлайн-пространство;

— уменьшение, сокращение населения путем использования биотехнологий (вирусы, вакцины, лекарства) и нагнетания страха, блокирующего сознание созидания и гуманности;

— создание и распространение дешевого корма как средства экономии на основной массе населения планеты, повсеместное использование генномодифицированных продуктов.

В таких условиях, когда опасности потери человеческого достоинства подстерегают человека, ему важно самому иметь контроль над внешним влиянием на свое сознание. В эпоху цифровизации человек с необходимостью должен подняться на уровень Разума и каждому необходимо в процессе воспитания и образования вырабатывать критическое и разумное мышление. Только оно сможет противодействовать негативному влиянию на сознание людей и убийству человека в человеке — в первую очередь, его гуманной сущности, полученной от Бога.

Разумное мышление остается недоступным для искусственного интеллекта, поскольку живому человеческому мышлению присуща другая логика, — не формальная, а диалектическая логика, как логика противоречий и их разрешения. Она и делает человека по способностям выше, чем машина, даже самая мудреная по сложности схемы алгоритмов решения задач. Разум пробивает себе путь через все тернии, и в состоянии использовать новые технологии во благо, сделать оружием против оружия порабощения, победы человека над Цифрой. В силах человека, при помощи овладения Разумом, данным Человеку Богом, или Природой, не позволить экспистам, нетократии лишить человека свободного доступа к знаниям и систематизации, что укажет путь к превращению знания в гуманную силу ума.

Посмотрим, где используются знания в наше время перемены эпох в негативных целях:

— формирование клипового сознания, привычки удерживать внимание не более 1–2 минут, при этом используется дозированность информации на 1–2 минуты;

— низведение человеческого интеллекта до уровня машинного, когда мышление останавливается на уровне рассудка и схематичной, программной

рациональности, не умеет подниматься на уровень разума, не в состоянии «видеть» основание системы;

— рекламные потоки, влияющие на сознание и волю потребителя в настойчивых призывах покупать дешевые товары: скидки, подарки, бонусы и пр., тратить время не на чтение и высокое искусство, а на подсчет и навязчивую экономию денежных средств: кэшбеки, накопительные баллы, проценты, возвраты на остаток средств и прочие фантазии финансистов;

— экономия потребления вообще и накопление денег в разного рода копилках;

— использование в негативных целях логики «Окна Овертона» — человеческое мышление подчиняется преступной логике манипулятора сознания;

— игры для детей, направленные на формирование бессознательного убийства, бесстрашия убивать людей, при этом формировании используется мотивация накопления бонусов за эти действия;

— преобладание в педагогике игровых методик, направленных на легкое, «интересное» постижение информации, но уводящих познающего от труда умственной деятельности, глубины познания и размышления;

— перевод общения, коммуникативных связей в киберпространство, онлайн-общение, которое отучает человека от живого общения, от нахождения в коллективе, что является ударом в социальное сердце человека, ибо человек — существо общественное, у него социальная природа;

— распространение устрашающей информации о необходимости исполнения требования соблюдения пространственной дистанции в коллективе и обязательное ношение масок, наказание за неисполнение этих требований. (Все это воспитывает страх и отчуждение человека от человека. Дистанция и маска, закрывающая лицо другого, могут быть исключительной мерой в исключительных обстоятельствах, поскольку является формой отчуждения, так как мы всегда познаем себя через другого, и это являются основой морали. Она заключается в том, чтобы прийти к себе через другого, смотреть в лицо другого как в зеркало. Человек сам себя не видит. Это обстоятельство дано человеку объективно, его смысл заключается в том, чтобы исключить эгоизм. Более того, в православной вере забота о другом является нравственным долгом, жертвенность ради других — в ярком примере Иисуса Христа. Поэтому отдать жизнь за другого, идти на смерть ради жизни других — в этом нравственный подвиг и гуманный культурный код человека, суть нравственного долга православной веры.);

— изуверство многих антигуманных требований в эру перехода на Цифру заключается в том, что изъятие прав и свобод человека, данных ему по праву рождения человеком, преподносится под видом благородной заботы о нем, его благах, удобствах, здоровье;

— засилие рекламы в череде информационных потоков нацелены на послушного покупателя и потребителя и приводят человека к бессознательному потреблению услуг и товаров.

Сила знания заключается в сознательном противостоянии всему вышеперечисленному и она — в критическом мышлении Разума, который способен аналитически относиться к любой информации, правильно «просеивать»,

«фильтровать» ее, отсеивать антигуманную и видеть гуманную суть, отделять ее от злого умысла. И суть заключается в знании, которое в процессе познания может возвысить человека до уровня разумного мышления, поднять его на естественный, данный ему Богом, уровень духовного, гуманного существа, наделенного Разумом.

Еще одно свойство знания, кроме критического характера, присущего ступени Разума человека, важно сегодня иметь в виду каждому — системность. Знание не должно быть несистемным, и не только потому, что многоязычие уму не научает, а потому, что разрозненное, хаотично приобретенное знание и знание внесистемное не соответствует природе разума. Хаос разрушает, а система организует, создает новое в своей основе. Именно поэтому программа образования, особенно школьного, которое закладывает основы мировоззрения, должна быть отложенной системой, базирующейся на нравственных принципах и единой логике системы последовательности познания предметов. Бессистемное знание разрушает мышление. Несистемное знание в образовании — страшное оружие против детского ума.

Мы говорим о разных системах неслучайно: о политической системе, системе образования, социальной системе, финансовой системе, судебной системе, и при этом имеем в виду, что речь идет о внутренним образом связанный организации. И сегодня нужны специалисты — историки, социологи, экономисты, юристы, которые знают основы этих систем, знают то, что является тем фундаментом, на котором держится здание, и без чего оно — здание — разрушится. Такие специалисты системного исследования нужны не только в науке и для науки, но и в разведке. Они могут служить не только вопросам безопасности, но и понимать, где скрываются главные ключи от замков разрушения. Именно поэтому снова заговорили о закрытости знания, о границах вмешательства ученых в регулирование природы, о проблемах и неприемлемости трансгуманизма в науке.

В настоящее время наука развивается, как никогда в истории, ускоренными темпами, огромное количество открытий совершают ученые, знание увеличивается с каждым днем, и поэтому очень актуальна и важна серьезная проблема его систематизации. Системное мышление, которому учит только философия, ее раздел гносеологии, стало необходимым и востребованным. Кроме того, разум, а не рассудок и не прагматическая рациональность, необходим, он необходим не только всем людям, но в первую очередь — ученым. Их стремление неосознанно «перейти рубикон», внедриться в равновесие природы, во всеобщую регуляцию природы, нарушить «меру всех вещей», убрать с пути исследований нравственность и гуманность как старомодные преграды в освоении и покорении природы с необходимостью должно привести к пониманию опасности для человечества в такой форме овладения природой, — к пониманию разумного. И это уже есть идеология, которая либо утверждает общечеловеческую мораль и гуманизм, либо основывается на трансгуманизме. Поэтому в настоящее время актуальными становятся вопросы аксиологии, а знание духовных ценностей и законов гармонии мира стали условием существования планеты и человечества, получения света, а не погружения во мрак.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. — Т. 1. —М.: Мысль, 1977. — 567 с.
2. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. — Т. 2. —М.: Мысль, 1978. — 575 с.
3. Сазаева И.Б., Грошева Т. Н. Антигуманистический характер философии трансгуманизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота.
4. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. — М.: Наука, 1989. — 576 с. Гераклит. — С. 176–256.
5. Шевелев И. Ш., Мартуев М. А., Шмелев И. П. Золотое сечение: Три взгляда на природу гармонии. — М: Стройиздат, 1990. — 343 с.
6. Щюре Э. Великие посвященные. Репринтное воспроизведение издание 1914 г. — 420 с.

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.008

УДК 930.2

B. С. Черепенчук*

«БЕЛЫЙ ОМСК» НИКОЛАЯ УСТРЯЛОВА И ГАЗЕТА «СИБИРСКАЯ РЕЧЬ»: ЛИЧНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ**

В статье рассматриваются политические взгляды Н. В. Устрялова, идеолога течения «сменовеховство», на основании его дневника и написанных им газетных статей. Внимание акцентируется на том, что дневниковые записи Устрялова и его тексты, предназначенные для периодической печати, имеют несколько разную окраску. А также на том, что вероятнее всего работа «в команде» адмирала не оказала значимого влияния на смену его взглядов.

Ключевые слова: газета, дневник, Гражданская война, смена убеждений

V. S. Cherepenchuk

“WHITE OMSK” OF N. V. USTRYALOV AND THE NEWSPAPER “SIBERIAN SPEECH”:
PERSONAL AND PUBLIC

The article examines the political views of N. V. Ustryalov, the ideologist of the «smenovekhovstvo» movement, on the basis of his diary and his newspaper articles. Attention is focused on the fact that Ustryalov's diary entries and his text intended for periodicals have slightly different mood. And also that his work in «admiral team» did not have a significant impact on the change of his views.

Keywords: newspaper, diary, Civil War, change of beliefs.

Николай Васильевич Устрялов считается одним из главных идеологов сменовеховства — течения, представители которого выступали за примирение и сотрудничество с советской Россией. Свою позицию они объясняли тем, что

* Черепенчук Валерия Сергеевна, кандидат исторических наук, нач. отдела аспирантуры Русской христианской гуманитарной академии; valeriyahistory@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00783 «Социально-философская и политическая просоветская мысль первой волны эмиграции русского зарубежья в периодических изданиях 20–50-х гг. XX века».

большевистская власть, поначалу вызвавшая многое опасений своими методами и устремлениями, начала действовать в интересах России.

Обратим внимание, что слово «примирение» подразумевает некие первоначальные идеологические расхождения. То есть, для большинства будущих «сменовеховцев» первоначально было характерно если не жесткое неприятие новой большевистской власти, то по крайней мере «параллельное существование» с ней. Но что заставляло недавних противников менять свою точку зрения и призывать к поддержке советской власти? Понятно, что могли быть как некие общие причины (например, восприятие большевизма как «меньшего из зол», особенно это характерно для «сменовеховцев» 1930-х — начала 1940-х годов), так и личные, индивидуальные. Почему же в итоге к альянсу с советской властью начал призывать Николай Устрялов, который достаточно долго проработал в «колчаковском Омске» и вроде бы относился к «Верховному правителю России» более чем лояльно? Правда, близким другом Колчака его назвать нельзя — они встречались всего несколько раз, и то по службе, в рамках «начальник — подчиненный», а не по личной инициативе.

Ряд исследователей утверждают, что именно неуверенная политика адмирала на посту Верховного Правителя, его явная неспособность консолидировать белые силы и стать тем «железным вождем», которым его хотели видеть противники большевизма, послужила причиной тому, что от него начали отворачиваться даже недавние восторженные поклонники. И что именно разочарованием в действиях адмирала Колчака объясняется перемена во взглядах Устрялова, который в итоге понял, что, возможно, у большевизма перспектив больше, чем у большинства представителей белых сил. Так, именно эту точку зрения защищает в своей статье В. К. Романовский:

Он вносит значительный вклад в организацию и функционирование агитационно-пропагандистского аппарата колчаковского режима, разрабатывает для него идеологическую платформу, основанную на лозунге «Диктатура во имя демократии», и стремится обеспечить Колчаку идейную и информационную поддержку. Но неспособность Верховного правителя стать «русским Наполеоном», его военные поражения, мелочные интриги властной элиты, предательское поведение союзников разрушают веру Устрялова в «белое дело». Под влиянием «омского» антибольшевистского опыта в его сознании формируются «примиренческие» идеи и настроения [7, с. 291–292].

Но был ли Устрялов изначально таким уж восторженным почитателем адмирала как политика вообще и «диктатора» в частности? Казалось бы, да, ведь даже свой дневник, ставший основой издания «Белый Омск», он озаглавил «Дневник колчаковца». Да и содержание его статей в омских газетах, казалось бы, не оставляет сомнений в том, что Николай Васильевич — последовательный и довольно восторженный сторонник адмирала. Но именно сопоставление статей с дневниками записями дают возможность предположить, что апологетика Устрялова в отношении Колчака — это скорее должностная обязанность, чем стопроцентно прочувствованное убеждение... Хотя, конечно, дневник, изданный много лет спустя после описанных в нем событий, перед изданием вполне мог обогатиться дополнительными оттенками.

Посмотрим, каким образом будущий «сменовеховец» оказался в колчаковском Омске.

Николай Васильевич Устрялов родился в 1890 году в Калуге, по образованию был юристом. В 1917 году — последовательный сторонник кадетской партии. Работал в Московском университете, Пермском университете (в Перми оказался, по его собственным воспоминаниям, после начала большевистского «террора»). Затем, после колчаковского переворота, переехал в Омск (произошло это в самом начале февраля 1919 года) и по приглашению Управделами Верховного правителя Г. Тельберга начал работать на должности юрисконсульта. Кроме этого, принимает непосредственное участие в разработке многочисленных правительственные циркуляров и работает в Восточном отделе ЦК партии кадетов.

Вскоре Устрялов стал директором пресс-бюро при Отделе печати. Он сотрудничает со многими изданиями, разрабатывает стандарты передовых статей, под его руководством выходят многие агитационные брошюры антибольшевистской направленности: например, брошюра С. А. Ауслендера «Верховный правитель адмирал А. В. Колчак», в которой, помимо подробной биографии Верховного правителя, было множество восторженных славословий в его честь:

Верховный Правитель совместил в себе многое: он не только твердый воин, так хорошо понимающий, что нужно в эти часы решительной борьбы, он также ученый, привыкший свой ум направлять на области разносторонние, ему не впервые пришлось вплотную подходить к вопросам общегосударственной и политической жизни; как моряк, он многое видел и познал не только из книг, а в жизни различных стран. Все это дало ему широту мысли, не затмленной предвзятыми партийными и теоретическими программами, мысли, согретой пламенной любовью к России, за которую столько раз он готов был умереть, принимая участие в боях [1, с. 6].

В дальнейшем Устрялов будет часто публиковаться в газете «Сибирская речь». Приведем примеры публикаций этого издания, вышедших вскоре после переворота в Омске, но до того, как в город приехал Устрялов.

Это — явный пример апологетической прессы. В феврале 1918 года издание «Сибирской речи» было прервано. Возобновляется оно 28 ноября 1918 года, и в первом же номере разъясняется «идеологическая платформа» издания: «Происшедшие в устройстве власти изменения настолько назрели с одной стороны, а с другой так естественно вытекали из существующих в правительстве отношений, что назвать их переворотом значило бы впасть в существенную ошибку... Судьба улыбнулась нам, послав нам вождем образ русской чести и русской славы» [8, с. 3]. Кроме того, газета навязчиво помещает на своих страницах материалы, очерняющие давно уже высланных за границу членов Директории: например, статью «Нечто о господине Роговском», где его характеризуют так: «Бывший политический ссыльный... Милиция при нем морально упала ниже городовых былого времени» [3, с. 4].

В газете подробно рассматриваются отношения Верховного правителя с представителями прессы и его позиция относительно понятия «диктатура»:

Сегодня мы печатаем беседу Верховного Правителя адмирала А. В. Колчака с представителями печати. Это — историческая беседа. Мы уже отвыкли от такого языка власти. После трескучих, неискренних, вычурных слов, которыми засыпала Россию революционная власть, «как нарумяненный трагический актер, махающий мечом картонным», — теперь прозвучало простое, истовое слово честной русской власти, добросовестной, а потому невыразимо скорбной. Господа политики, растлевая народную душу, запугивали темный ум народа малопонятным, чужеродным словом «диктатор». А русские люди, падкие на слова буквально до смерти, научились бояться этого слова. И Верховный Правитель говорит им: «да, я диктатор, — если вам угодно вместо русских слов говорить чужими словами. <...> Диктатура с древнейших времен была учреждением республиканским. Как Сенат древнего Рима в тяжкие минуты Государства назначал диктатора, так Совет Министров Российской Государства в тягчайшую из тяжких минут нашей государственной жизни, идя навстречу общественным настроениям, назначил меня Верховным Правителем». <...>

По вопросу о форме правления в России будущего, той России, которую мы, народ, сначала еще должны отвоевать у бунта, насилия и безнадежия, Верховный правитель высказывается: «Я не знаю иного пути к решению этого основного вопроса, кроме того пути, который лежит через Национальное Собрание». <...>

Заявление Верховного правителя представляется нам тем исповеданием политической веры, которое способно и должно объединить собою все без исключения верные России элементы ее народа [4, с. 1].

В этом же номере обосновываются причины переворота 18 ноября 1918 года. Также газета не упускает возможности в очередной раз «пнуть» политических противников (следует отметить, что, как и во многих других газетах времен Гражданской войны, в большей части статей не указан автор; имеются также статьи, подписанные псевдонимами или фамилией с одним инициалом, что далеко не всегда дает возможность сейчас восстановить полные данные):

18 ноября в историю великой российской революции войдет, как один из наиболее важнейших дней. Второй враг Российской государственности — партия социалистов-революционеров потерпела решительное поражение в своей новой попытке править Россией по рецепту г. Чернова. Милостью чехов получившие власть люди, имевшие двухлетний стаж образования в уездном училище и двадцатилетний стаж катоги за грабежи, хранение бомб и т. д., вообразили, что они также пригодны к возрождению России, как блестящие пригодны оказались в 1917 году к разрушению ея [2, с. 2].

«Сибирская речь» приводит выдержки из других периодических изданий, поддержавших переворот, — достаточно распространенная практика по тем временам:

«Отечественные ведомости» видят в установлении единоличной диктатуры давно необходимый акт. Газета пишет: <...> «Не колебаться по вопросу о признании власти Верховного правителя должны патриотические элементы страны, а позаботиться о том, чтобы новый вождь освобожденной России был ее действительным вождем, перед ней ответственным, а не марионеткой в руках неответственных сил, не ширмой, за которой работала бы другая неофициальная дирекция из неведомых и не призванных к тому людей» [9, с. 3].

Через материалы «Сибирской речи» (впрочем, схожие статьи тогда опубликовали практически все омские газеты) разъясняются политические взгляды адмирала Колчака:

28 ноября, вечером, представители местных газет «Сиб.речь», «Заря», «Слово» и «Вестник Врем.Правительства» были принятые Верховным Правителем и Верховным Главнокомандующим, адмиралом А. В. Колчаком. В беседе с ними были высказаны следующие соображения о задачах Верховного управления. <...> «Я не знаю иного пути к решению. Работы на пути возрождения России предстоит... много. Она непосильна одному человеку. Я был бы безумцем, если бы возмечтал выполнить ее единолично. Нет, вся эта многотрудная работа будет выполнена мною в полном единении с Советом Министров...» [6, с. 4].

Здесь же размещаются разнообразные «телеграммы», «приветствия» и «поздравления» от представителей разных слоев населения, в частности, от рабочих Верх-Исетского завода:

В сегодняшнем номере «Сибирской речи» читатель найдет телеграмму из Екатеринбурга, в которой рабочие Верх-Исетского завода приветствуют Верховного Правителя Адмирала Колчака. Эта телеграмма рабочих знаменательна по своему содержанию. Впервые в ней раздается дружный голос трудящихся, вполне осознательное и отчетливое заявление о нуждах государственных. Впервые за время революции рабочие в своей массе заявляют о том, что они ставят интересы нации выше интересов классовых. <...> Так образуется могучий сдвиг русской почвы, от состояния которой зависит возведение здания новой России, от которой зависит счастье грядущих поколений. <...> События показывают, что мы не ошиблись. Просыпается в русском рабочем могутная национальная сила. (...) Недолго ждать того часа, когда Великан встанет во весь свой богатырский рост, встряхнет плечами, и тогда вся нежить и нечистая рать врагов России исчезнет и не будет больше поганить русской земли [5, с. 2].

Рабочие Верх-Исетского завода, исстрадавшиеся за время войны, революции и гражданской войны, приветствуют Ваше Высокопревосходительство, как Верховного правителя России. Рабочие верят в искренность сделанных Вами официальных заявлений, что Вы не пойдете ни вправо, ни влево и одинаково справедливо отнесетесь ко всем классам населения, что Вам дороги интересы трудящихся масс. Мы также верим, что в ваших государственных мероприятиях Вы станете на защиту законных и справедливых интересов и нужд рабочего класса, готовы нашим трудолюбием всемерно помочь Вам восстановить разрушенную и разоренную злоумышленниками и предателями родину [10, с. 2].

Что писал о Колчаке и его политике Николай Устрялов? Еще до своего приезда в Омск, в Перми, он публикует в газете «Свободная Пермь» отклик на недавно напечатанные там материалы по делу об аресте членов Директории в ночь на 18 ноября:

Яркий свет проливают эти документы на деятельность так плачевно окончившей свое существование Всероссийской Директории и, главное, на общую политическую физиономию тех элементов, которые связали себя с бывшим Учредительным Собранием («черновским») и которые, как оказывается, остались на авансцене русской политической жизни вплоть до знаменательной даты

18 ноября 1918 года. О, мы узнаем этих старых наших знакомцев — Авксентьевых, Зензиновых, Черновых, Роговских! Все те же, все такие же, как и летом 1917 года, в эпоху керенщины... <...> Все тот же псевдо-революционный жаргон, тот же циммервальдский маскарад, и, увы, — все та же жалкая политическая беспомощность, абсолютная государственная бездарность. <...> В ночь на 18 ноября... в городе Омске группа достойных офицеров возрождающейся Всероссийской Армии наглядно и окончательно вскрыла всю эфемерность «государственности» этих господ [14, с. 3–4].

То есть, события в Омске он поддерживает. Кстати, нужно отметить, что в условиях Гражданской войны информация из одного региона в другой подчас доходила крайне медленно. Так, в некоторых газетах Москвы и Санкт-Петербурга информация о «колчаковском» перевороте, случившемся 18 ноября 1918 года, была опубликована только в январе!

Дневник Н. В. Устрялова, имеющий отношение к «омскому» периоду его биографии, печатался в альманахе «Русское прошлое» в 1991 году. Первая запись в нем относится к 9 февраля 1919 года (примерно через неделю после приезда автора в Омск):

Омск, 9 февраля. Вот уже завтра неделя как приехали в Омск. «Устраивался». <...> Ежедневно бываю в юрисконсульстве. Но уже намечается переход на новую должность, по-видимому, более интересную, хотя и значительно более трудную: Тельберг вчера предложил место заведующего отделом печати. Принципиально согласился [11, с. 288].

Записи в дневнике короткие: автор объясняет это нехваткой времени, но в целом позиция Устрялова по тому или иному вопросу выражена достаточно явно.

Омск, 9 февраля.

Сам по себе Омск занятен, особенно по населению. Сплошь типично столичные физиономии, столичное оживление. На каждом шагу — или бывшие люди царских времен, или падучие знаменитости революционной эпохи. И грустно становится, когда смотришь на них, заброшенных злую судьбой в это сибирское захолустье — нет, увы, это не новая Россия, это не будущее. Это — отживший, старый мир, и ему не торжествовать победу. Грустно [11, с. 289].

Сам Устрялов, впрочем, признавал в предисловии к дневнику, что есть некоторое несоответствие между бодрыми газетными статьями и «минорными» нотами дневника. И объяснял это именно тем, что должность обязывала его призывать к борьбе, а это немыслимо без, как сейчас бы сказали, позитива. Но подлинной веры в успех белого дела у него не было. То есть, говорить о том, что Устрялов изначально был восторженным поклонником «колчаковщины» и разочаровался лишь впоследствии, не приходится... Давайте сравним дневниковые записи и статьи Н. В. Устрялова, относящиеся примерно к одному периоду.

К 19 апреля 1919 года в дневнике относится такая запись:

Вчера в 2 часа дня был в соборе. Торжественная служба в присутствии Верховного правителя... Всматривался, как и все, в его лицо. Физиономия не совсем

русского типа. Интересные черты. Худой, сухой какой-то, быстрые, черные глаза, черные брови, облик, напоминающий собою хищную птицу... Если вдаваться в фантазию, то можно, пожалуй, сказать, что чувствуется на этом лице некая печать рока, обреченности [11, с. 297].

А в «Сибирской речи» в эти же дни выходит статья о русской интеллигенции и ее «моральном долге»:

Ростки своеобразного «большевизма» пробивались на протяжении едва ли не всей истории русской интеллигентии- от Белинского до наших дней. Фанатическое, религиозное преклонение перед материальною культурой материальным прогрессом подготовил материалистический культ современной советской идеологии, а систематически воспитываемое недружелюбие к началам нации и государственности привело к анархическому космополитизму господ нынешней России. История русской интеллигентии, развивавшаяся, как известно, в условиях исключительно неблагоприятных, представляющая собою,, по выражению Герцена, «или мартиролог, или регистр катарг», эта история не способствовала воспитанию положительных и творческих характеров. <...> Пусть велики, гениальны, «всечеловечны» были отдельные представители нашей интеллигентии, — в общем, в массе своей, она была изуродована, искалечена до мозга костей. Вспомните знаменитый сборник «Вехи», появившийся в 1907 году. Уже тогда, после опыта первой революции, наши лучшие люди ясно осознавали тупик, в котором заблудилась русская интеллигентия. Уже тогда ея авангард отрекся от ея прошлого, решительно осудил ея традиционный путь, ея «большую дорогу», сжег многое, чему поклонялся... <...> Поколениями воспитанные в ненависти к власти, мы приучались отождествлять правительство с государством и родиной. Все духовные ценности — религию, культуру, искусство — мы привыкли расценивать по их внешним «проекциям», по их «социально-политическим» выводам. <...>

Лишь подлинно великое потрясение могло бы излечить русскую интеллигентию от ея тяжкой болезни. И вот пробил час этого великого жизненного потрясения. Вековой лед, сковывавший Россию, растаял. Начальство ушло, и у государственного руля в трагичнейшую минуту нашей национальной истории внезапно очутилась сама русская интеллигентия — со всеми ея навыками, со всеми ея идеями, со всем ея прошлым. <...> Из тюрьмы, из мрака многолетнего заключения они сразу устремились на вершины политической власти. Из Бутырок при радостных кликах толпы они приехали прямо в Кремль. История вручила им судьбу России. С катарги, из недр сибирских захолустий, из душных эмигрантских кофеен Парижа и Женевы... отовсюду потянулись к русским столицам «лучшие» представители русской интеллигентии, ея герои и мученики... Что же удивительного, что в результате Россия так быстро «перешагнула через свободу»? <...> Страшный суд пришел — суд над духом и плотью русской интеллигентии. И вот она увидела воплощенными свои мечты... Она реально ощутила неизбежный конец своего пути в изображении ярком и красочном, как был сам этот путь. Она познала плоды дум и дел своих. И она содрогнулась. Эти реальные образы жизни ей показались призраками страшными и уродливыми, и она, уже в массе своей, вся и целиком, отреклась, отшатнулась от них с ужасом и отвращением... <...> Окончательная победа над большевизмом — в окончательном преодолении русской интеллигентией ея прошлого, в окончательном и бесповоротном отказе ея от прежней системы идей, чувств и действий. <...> Русская интеллигентия должна сказать большевизму — и, воистину, только она одна может ему это сказать:

— Я тебя породила, я тебя и убью [12, с.2–3].

Вдохновляющий материал, написанный по итогам конференции кадетов, появился на страницах «Сибирской речи» в самом конце весны 1919 года. В ней содержится призыв к всемерной поддержке новой власти, самоотверженности и труду на благо будущего:

Партия народной свободы переживает ныне один из интереснейших и замечательнейших моментов своей истории: — она окончательно выходит из состояния оппозиции или полуоппозиции и становится партией правительенной по преимуществу. Никогда ея связь с властью не была так тесна, так неразрывна, как сейчас. Это не значит, конечно, что Правительство обрело партийную кадетскую окраску, — все знают, что что власть Верховного Правителя и по форме и по существу беспартийная, вернее, сверхпартийная. <...> Нет, — связь партии с правящим властью глубже, своеобразнее, принципиальнее. Она — в основных устремлениях творческой работы. Она — не только в общности целей и задач, но и в одинаковом понимании средств и путей их реального осуществления. <...>

Вы помните вечер воскресения... И вот миг вожделенный настал. Маятник остановился, свидетельствуя, что минули часы испытаний и нетвердых попыток, что логикой самой жизни обретена, наконец, подлинная национальная власть, а не жалкие ея карикатуры. <...> И как один человек, партия склонилась перед этой властью. В первый раз за всю свою историю она может всецело и вполне связать свою судьбу, свой общественный авторитет, все влияние свое с официальной программой Русского Правительства. <...> И вполне понятным, необходимым становится призыв председателя конференции, встреченный в партийных рядах единодушным откликом сочувствия и подъема:

— В эти тяжкие месяцы наших достижений... мы должны отдать власти все, что мы имеем, — жизнь, знание, труд и достояние свое» [13, с. 1–2]

И буквально через несколько недель — упадочные строки о Верховном правителе, которые никак не стыкуются с газетными статьями и их настроем (Устрялов в тот день беседовал с ним в составе группы общественных деятелей и предпринимателей):

20 июля. Сейчас вместе с делегацией «омского блока» был у Верховного правителя — в домике у Иртыша. Длинная беседа на злобы дня. Хорошее и сильное впечатление. Чувствуется ум, честность, добрая воля. Говорил очень искренне, откровенно. Об «отсутствии порядочных людей», о трудном положении армии, о «союзниках»... <...>

21 июля.

«Диктатор»... Я всматривался в него вчера, вслушивался в каждое его слово... Трезвый, нервный ум, чуткий, усложненный. Благородство, величайшая простота, отсутствие всякой позы, фразы, аффектированности. Думается, нет в нем тех отрицательных для обычного человека, но простительных для гения свойств, которыми был богат Наполеон. Видимо, лозунг «цель оправдывает средства» для него слишком чужд, органически неприемлем, хотя умом, быть может, он и сознает все его значение. В этом отношении... Ленин — является ему живым и разительным контрастом... Чувствовалось, что он лично считал бы нужным более независимый, самостоятельный тон в разговорах с союзниками, но... он поддается доводам советников...

Не столь историческим величием, сколько дыханием исключительной нравственной чистоты веяло от слов Верховного правителя и от всей его личности.

Конечно, трудно судить современникам... Но я боюсь — слишком честен, слишком тонок, слишком «хрупок» адмирал Колчак для «героя» истории [11, с. 304–305].

Устрялов, начавший работать в Омске в начале 1919 года, конечно же, не мог по своему усмотрению менять «политический дух» изданий, которые по определению должны были представлять адмирала как идеальный вариант для пожираемой гражданской войной страны. Вероятнее всего, он изначально не был стопроцентно уверен в успехе — поэтому говорить о том, что именно работа «при Колчаке» заставила Устрялова задуматься о «смене вех», — преждевременно. Хотя определенное влияние она оказала бесспорно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ауслендер С. А. Верховный правитель адмирал А. В. Колчак. — Омск, 1919.
2. Иренский А. Последняя авантюра // Сибирская речь. — № 92 от 30.11.1918.
3. Нечто о господине Роговском // Сибирская речь. — Омск. № 90 от 28.11.1918.
4. Омск, 30 ноября 1918. Заявление власти // Сибирская речь. — Омск. — № 92 от 30.11.1918.
5. Омск, 29 декабря 1918. Голос рабочих // Сибирская речь. — Омск. — № 115 от 29.30.1918.
6. Прием представителей печати Верховным правителем // Сибирская речь. — Омск. — № 92 от 30.11.1918.
7. Романовский В. К. Деятельность Н. В. Устрялова в белой Сибири в 1919 году // Известия высших учебных заведений. Издание Ивановского государственного химико-технологического университета. — Т. 6. — № 4. — 2015. — С. 288–292.
8. События // Сибирская речь. — Омск. — № 90 от 28.11.1918.
9. Среди газет и журналов // Сибирская речь. — Омск. — № 92 от 30.11.1918.
10. Телеграммы. Верховный правитель и рабочие // Сибирская речь. — Омск. — № 115 от 29.12.1918.
11. Устрялов Н. В. Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. — 1991. — № 2. — СПб: Свебен. — С. 283–338.
12. Устрялов Н. В. Большевики и мы // Сибирская речь. — Омск. — № 79 от 12.04.1919.
13. Устрялов Н. В. Итоги кадетской конференции // Сибирская речь. — Омск. — № 112 от 28.05.19.
14. Устрялов Н. В. Рыцари печального образа // Свободная Пермь. — № 13 от 14.01.19.

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.009

УДК 32.091.5

Т. Т. Давыдова, А. М. Шапиро*

ЦЕНЗУРА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1910–1920-Х ГГ.^{**}

Статья посвящена истории советской цензуры 1917–1920-х гг. Прослеживается ее предыстория (обещания В. И. Ленина закрыть все буржуазные газеты, журналы и другие средства печати после прихода большевиков к власти) и история — возникновение в 1917 г., формирование института цензуры в 1920-е гг. — принятие Декрета о печати Советом Народных Комиссаров, создание Декретом Совета Народных Комиссаров СССР Главного управления по делам литературы и издательств Наркомпроса РСФСР, издание постановления ЦК ВКП (б) «Об улучшении партийного руководства печатью», закрепившего главенство правящей политической партии в отношении прессы. Освещается борьба Е. Замятиной и Б. Пильняка за свободную печать, приводятся примеры идеологического воздействия редакторов, цензоров и критиков на советских писателей. Рассказывается о кампании 1929 г. против писателей-«попутчиков», членов Всероссийского союза писателей. Анализируются письма М. Булгакова и Е. Замятиной к И. В. Сталину как форма защиты художников слова от преследований.

Ключевые слова: цензура, Главлит, периодическая печать, Декрет о печати, писатель-«попутчик», Замятин, Булгаков, Пильняк.

**АВТОР АНГЛ
НАЗВАНИЕ АНГЛ**

The article is devoted to the history of Soviet censorship in the 1917–1920s. It traces its prehistory (V. I. Lenin's promises to close all bourgeois newspapers, magazines and other media after the Bolsheviks came to power) and history — origin in 1917, the formation of the institution of censorship in the 1920s. — the adoption of the Decree on the Press by the Council of People's Commissars, the creation by the Decree of the Council of People's

---

* Давыдова Татьяна Тимофеевна, профессор, доктор филологических наук, ФГАОУ ВО «Московский политехнический университет»; t.t.davydova@gmail.com

Шапиро Ангелина Михайловна, аспирант ФГАОУ ВО «Московский политехнический университет»; angelina.polb@gmail.com

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43076 «Ленинизм и ленинский миф как основа советской идеократии».

Commissars of the USSR of the Main Directorate for Literature and Publishing Houses of the People's Commissariat of the RSFSR, the publication of the decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) «On improving the party leadership of the press», which consolidated the supremacy of the ruling political party over the press. It highlights the struggle of E. Zamyatin and B. Pilnyak for a free press, cites examples of the ideological influence of editors, censors and critics on Soviet writers. The story is about the 1929 campaign against the writers-»fellow travelers», members of the All-Russian Union of Writers. The letters of M. Bulgakov and E. Zamyatin to I. V. Stalin as a form of protection of artists of the word from persecution.

Keywords: censorship, Glavlit, periodicals, Decree on the press, «fellow traveler» writer, Zamyatin, Bulgakov, Pilnyak.

Изучение периодической печати позволяет исследователю вычленить необходимую информацию для получения более полной картины того или иного исторического периода, хотя истина могла быть искажена под влиянием политических и идеологических интересов государства, поскольку средства массовой информации являются, по сути, орудием правящей верхушки. Однако даже такое положение вещей позволяет историку и филологу лучше представить себе прошлое. И даже создание истинной картины, по мнению Л. Н. Хмылева, «представляет в высшей степени достоверную информацию об условиях его возникновения (о целях создания, намерениях автора и т. д.)» [25, с. 371].

Существование цензуры в СССР долгое время замалчивалось. Так, в Большой Советской Энциклопедии в статье о периодической печати указывалось, что цензура существовала только в царской России, что «конституция СССР в соответствии с интересами народа и в целях укрепления социалистического строя гарантирует гражданам свободу печати» [3, с. 489–490].

Однако основные положения идеологической пропаганды были разработаны большевиками еще до наступления Октябрьской революции. Так, В. И. Ленин часто повторял, что все буржуазные газеты, журналы и другие средства печати будут закрыты большевиками сразу после прихода к власти. И после революции он заметил, что «терпеть существование этих газет, значит, перестать быть социалистом» [19, с. 54].

Прежняя политика запретов властей на занятие издательской деятельностью для интеллигенции трансформировалась в соответствии с новой задачей — максимально использовать ее интеллектуальный и культурный потенциал для строительства нового общества. Интеллигенция могла свободно выражать свои взгляды только в том случае, если они не носили «подстрекательского характера», направленного на свержение советской власти [18, с. 65].

Первая попытка установить государственный контроль периодической печати, разделив ее на «лояльную» и «нелояльную» к новой власти, была осуществлена 27 октября (9 ноября) 1917 г., когда Советом Народных Комиссаров был принят Декрет о печати. В нем было указано, что «закрытию подлежат лишь органы прессы:

1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству;

2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов;

3) призывающие к деяниям явно преступного, т. е. уголовно наказуемого характера».

Отдельно отмечалось, что данные меры несут лишь «временный характер и будут отменены особым указом» [9, с. 24–25].

Свободно мыслявшие русские писатели критически оценили данный декрет. Е. И. Замятин в публицистической заметке «Они правы» (опубл.: Новая жизнь. 1918. 18 июня, подпись: Мих. Платонов) подчеркнул общественную важность свободной прессы: «Жалкие «интеллигентские» и «лжесоциалистические» газетки. Против них — коммунистические штыки и пулеметы. Но жалких газеток трепещут повелители пулеметов: жалким газеткам нещадно затыкают рот» [с. 308]. Замятин убеждал читателей этой газеты в следующем: «<...> свободное слово прорвет, смоет жандармскую коросту с лика русской революции <...> Они правы, что боятся свободного слова» [14, с. 309]. Идейному пафосу статьи близка ироническая запись в замятинских блокнотах: «Портрет Ленина в лучах. «Печать — только свободная; прочая запрещена»» [15, с. 72–73].

В первой половине 1920-х гг. партийное руководство уже стало активно формировать институт цензуры. Возникшая в 1921 г. новая экономическая политика не только поспособствовала развитию экономики в Советской России, но и подтолкнула творческую интеллигенцию к созданию произведений, смелых в идеологическом и эстетическом отношении.

Примечателен следующий факт из истории советской прессы. Весной 1921 г. планировалось издание «Литературной газеты», однако газета не вышла, была сделана лишь корректура номера [см.: 6, с. 301–302]. В журнале «Дом искусств» (1921. № 2. С. 122), в частности, говорилось: «Все более возрастающая потребность в независимом литературно-критическом и профессиональном органе привела Правление к мысли об издании «Литературной газеты». По соглашению с Московским отделом союза — «Литературная газета» должна стать органом Всероссийского союза писателей. <...> Правление избрало редакцию газеты в следующем составе: А. Л. Волынский, Е. И. Замятин, А. Н. Тихонов и К. Чуковский. Ими был подготовлен первый номер «Литературной газеты»» [см.: 22, ч. 2, с. 480]. В этом номере предполагалось напечатать статью Замятина «Пора», посвященную необходимости предоставить свободу советской печати [7, с. 81].

Новая «Литературная газета», орган Федерации объединений советских писателей, вышла 22.04.1929 г. В 1932–1934 гг. эта газета стала органом Оргкомитетов Союза советских писателей СССР и РСФСР, после 1934 г. — органом СП СССР.

6 июня 1922 г. Декретом СНК СССР для контроля всех видов печатных произведений было образовано Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) Наркомпроса РСФСР. В крупных городах (Ленинграде, Киеве, Одессе и др.) создавались органы по типу Главлита. Во всех остальных губернских городах контроль осуществлялся работниками, назначенными и утвержденными Главлитом [9]. Основные задачи, поставленные перед новым органом государственной власти, были такими: контроль над публикацией и распространением периодических и непериодических изданий, снимков, другой печатной продукции, составление списков произведений печати, за-

прещенных к продаже, издание правил, распоряжений и инструкций по делам печати, обязательных для всех органов печати. Главлит осуществлял цензурную политику двумя путями: административным и судебным преследованиями, а также путем идеологического давления.

Особый интерес представляет то, что циркуляр Главлита инструктировал, что употребление терминов «цензор» и «цензура» неправильно, поскольку «Окриты, Гублиты, Обллиты — не цензура, а органы контроля» [8].

На 12 съезде РКП (б), проходившем с 17 апреля по 25 апреля 1923 г., была принята резолюция о печати для каждого целевого слоя населения своей газеты на интересующую тему. «Имея целую систему газет, партия должна более или менее точно распределить между ними сферу деятельности, чтобы каждая газета ориентировалась по преимуществу на определенный слой читательской массы» [23].

Во второй половине 1920-х гг. аппарат ЦК ВКП (б) распался на несколько отделов: организационно-инструкторский, распределительный (отдел кадров), культуры и пропаганды, отдел агитаций и массовых кампаний) и два сектора (сектор управления делами и «Особый сектор» — «Секретариат Сталина») [11]. Со второй половины 1920-х гг. газеты и журналы все больше превращались в органы, обслуживающие текущие задачи партии и ее актуальные политические кампании. Уникальным независимым изданием стал литературно-художественный журнал «Русский современник», выпускавшийся в Ленинграде в 1924 г. (№ 1–4) и ориентировавшийся на художественный эксперимент и поиск новых форм в искусстве. 3 октября 1927 г. вышло постановление ЦК ВКП (б) «Об улучшении партийного руководства печатью» [21], окончательно закрепившее главенство правящей политической партии в отношении прессы.

В это время прессы, в лучших традициях Н. Г. Чернышевского, использовала эзопов язык, чтобы говорить с читателями с помощью аллегорических символов. Необходимо заметить, что многие советские граждане преуспели в чтении между строк. Однако в художественной литературе этот прием долгое время запрещался. Цензоры Главлита категорически не принимали рукописи на фантастические или исторические темы. Предпочтение отдавалось исключительно бытовому реализму, романам о советской жизни и строительстве социализма. Считалось, что исторический роман о тиранах прошлого несет в себе намеки на настоящее, а фантастическая история о далеком будущем указывает на недостатки жизни сегодняшней. Подобные представления о литературных жанрах реализовались в литературно-критической и редакционно-издательской практике.

Такие шедевры, как замятинский роман-антиутопия «Мы» и его историческая трагедия «Атилла», платоновская хроника «Впрок», роман «Чевенгур» и повесть «Котлован», не получили поддержки собратьев по перу и не были опубликованы в России при жизни их авторов. М. Горький, М. М. Пришвин и К. И. Чуковский отрицательно оценили «Мы», М. Горький, поддержавший платоновскую повесть «Сокровенный человек», неоднозначно воспринял «Чевенгур». Чуткий литературный критик и теоретик литературной группы «Перевал», в целом поддерживавший творчество писателей-«попутчиков», А. К. Воронский тоже резко критически отзывался в статье «Евгений Замятин»

об антиутопии «Мы», еще не опубликованной: роман «целиком пропитан неподдельным страхом перед социализмом, из идеала становящимся практической, будничной проблемой» [4, с. 33]. Замятину, Булгакову, Платонову приходилось испытывать на себе идеологическое воздействие редакторов, предлагавших сделать те или иные правки в текстах, либо учитывать резко критические мнения авторов отзывов об их произведениях, то есть заниматься самоцензурой.

Порой правки предлагались из нравственных соображений, что видно из предложений С. А. Обрадовича, редактора московского альманаха «Земля и Фабрика», в одном из выпусков которого предполагалось опубликовать замятинскую повесть «Наводнение». «Трудно допустить, что купюра в 5-й гранке (“Никто не слышал, как ночью по-разному дышали трое” и т. д.) — вызвана целомудрием редакции. Этак мы скоро дойдем и до американских нравов, где некое “Общество борьбы с пороком” однажды распорядилось надеть на голые статуи нью-йоркского музея юбочки вроде балетных. Полагаю, что моя вставка в гранке 5-й (несколько изменяющая первоначальный текст) — удовлетворит даже американским требованиям», — писал автор «Наводнения» в письме от 15.I.1929 г. к С. А. Обрадовичу, решительно отвергая предложенную редактором правку [см.: 27, с. 150].

М. А. Булгаков, как и Е. И. Замятин, тоже вынужден был преодолевать препятствия цензуры для постановки на театральных сценах его пьес, на долю обоих выпали успех одной-двух делавших колоссальные сборы пьес (у Замятина это «Блоха», инсценировка лесковского «Левши», у Булгакова — «Дни Турбиных» и «Зойкина квартира») и мучительные переживания из-за невозможности увидеть на сцене другие свои драматургические произведения. В Репертуарном указателе Главного комитета за 1929 г. написано, что не только булгаковские, сомнительные в идеологическом отношении, пьесы «Багровый остров» и «Бег», но даже «Дни Турбиных» и «Зойкина квартира» запрещены к публичному исполнению [см.: 26, с. 335]. Каждый из двух драматургов пристально следил за процессом получения разрешения на постановку пьес своих и своего друга, делал предположения относительно возможного прохождения произведения через цензуру, радовался успеху, когда такие разрешения давались, или огорчался, если их нельзя было получить.

В письме Булгакову от 13.09.1928 г., когда тот настойчиво добивался постановки «Багрового острова», Замятин поздравил его: «С “Багряным островом” Bac!» [см.: 16, с. 180]. «К той любви, которую я испытываю к Вам, после Вашего поздравления присоединилось чувство ужаса (благоговейного). Вы поздравили меня за две недели до разрешения “Багрового острова”», — признавался Булгаков в письме другу от 27 сентября 1928 г. [17, с. 96–97].

Замятин был также в курсе трудностей с постановкой в театре булгаковской пьесы «Мольер» (авторское название «Кабала святош»), запрещенной Главреперткомом. Когда в октябре 1931 г. эта пьеса была наконец принята к постановке во МХАТе, Замятин восхликал в письме к Булгакову от 28.10.1931. <Ленинград>: «Дорогой Афанасьевич, итак — ура трем М: Михаилу, Максиму и Мольеру!» [16, с. 182]. Упоминая имя «Максим», Замятин намекал на Горького, принимавшего в 1928–1931 гг. деятельное участие в устройстве театральных дел Булгакова. Замятин высоко оценил «Мольера» и отныне достижения Булгакова-драматурга связывал прежде всего с этой пьесой.

Писатели-«попутчики» в первую очередь становились жертвами популярных в конце 1920-х — 1930-е гг. идеологических проработок.

В августе 1929 г. против Замятиня и Пильняка официозная критика провела кампанию, поводом для которой явилась публикация их произведений за рубежом — по-русски в пражском журнале «Воля России» в 1927 г. отрывков из замятинского романа «Мы», запрещенного цензурой для печатания в Советском Союзе, и повести Пильняка «Красное дерево», также запрещенной советской цензурой и опубликованной в 1929 г. в Берлине в издательстве «Петрополис». Пильняк, как и Замятин, ратовал за свободу литературного творчества и печати. В «Отрывках из дневника» Пильняка, опубликованных в сборнике «Писатели о литературе и о себе» (1924), дана развернутая программа независимости литературы от партии и выражен протест против ее вмешательства в литературные дела: «О себе одно только знаю: писать умею только так, как пишу, не писать — не могу, а — хорошо ли, плохо ли, нужно ль или нет? — это пусть разберут история и издатели, кои меня издают» [2, с. 135]. Это признание, скорее всего, не простили «неистовые ревнители» идейной чистоты советской литературы, как не простили и его «Повесть непогашенной луны» (1926), где подразумевалась гибель М. Фрунзе во время операции и прозревались некоторые черты будущего культа личности И. В. Сталина, его первая стадия, связанная с уничтожением Сталиным видных государственных деятелей, своих партийных соратников.

Замятин писал 29.08.1929 г. из Коктебеля жене: «Всеобщая паника: везде — статьи, адресованные Пильняку и мне <...>. Все это связано с кампанией против Союза писателей, начатой в “Литературной Газете” и “Комсомольской Правде”» [22, ч. 1, с. 353].

Удар направили против Пильняка и Замятина также и потому, что оба занимали высокое положение в «аполитичном» всероссийском Союзе писателей: Пильняк являлся председателем всего союза и его московского отделения, Замятин — председателем ленинградского. К началу кампании, продолжавшейся до 1931 г., относится документ, хранящийся в архиве Пильняка: «В Правление Моск. Отд. Вс. Союза писателей от Б. А. Пильняка и Б. Л. Пастернака. Просим от сего числа членами Союза нас отчислить. М., 21 сент. 1929 г. Б. Пастернак, Бор. Пильняк» [цит. по: 1, с. 555].

Эта кампания велась также против М. А. Булгакова, А. П. Платонова и других писателей-«попутчиков», показывавших глубинные противоречия действительности. 7 мая 1926 г. у Булгакова в рамках санкционированной ЦК кампании по борьбе со сменовеховством были конфискованы рукопись дневника писателя и два экземпляра машинописи «Собачьего сердца». Только три с лишним года спустя конфискованное при содействии М. Горького было возвращено автору [см.: 24, с. 433].

М. Горький написал в защиту преследовавшихся писателей две статьи. Первую, «О трате энергии», он напечатал в «Известиях» 15.09.1929 г., во второй статье, «Все о том же», снова заступился за Пильняка, Замятина и Булгакова, но она не была напечатана. Показателен для выступлений рапповских критиков, участвовавших в этой кампании, материал И. Гаврилина «Новое в саморазоблачении Пильняка и Замятина», опубликованный в журнале «На литературном посту» (1931. № 5).

В разгар борьбы с «воронщиной», т. е. «интуитивистским», бергсонианским пониманием творческого процесса, приписывавшимся А. К. Воронскому, Гаврилин оттолкнулся от статьи Замятиной из сборника «Как мы пишем» (Л., 1930), чтобы обвинить «буржуазных по своей сущности» Замятину и Пильняка в отстаивании бессознательной природы творчества, и констатировал, что «их высказывания о художественном творчестве находятся в тесном родстве с их же контрреволюционными произведениями», говорил о «скорой и неминучей гибели, которую несет им <...> революционная действительность, о невозможности сколько-нибудь устоять против нее» [см.: 5].

В правлении Всероссийского Союза писателей и его московском и ленинградском отделениях в 1929 г. прошли собрания, осуждавшие «антисоветские» поступки Пильняка и Замятиной. В результате Пильняк написал покаянное письмо, был прощен и вскоре выпущен за границу [см.: 20, с. 106], а Замятин вышел из Всероссийского Союза писателей и начал хлопотать о возможности на время выехать за рубеж.

В июне 1931 г. он обратился с письмом к И. В. Сталину, написанном, как считает М. О. Чудакова, с учетом неуспеха письма Булгакова правительству СССР. «Вы совершили ошибку — поэтому Вам и отказано, — говорил Замятин своему другу. — Вы неправильно построили свое письмо — пустились в рассуждения о революции и эволюции, о сатире!.. А между тем надо было написать четко и ясно — что Вы просите Вас выпустить — и точка! Нет, я напишу правильное письмо!» Замятин учел ошибку Булгакова, и тон его письма был решительным [26, с. 354].

В письме к Сталину писатель горько сетовал на то, что рапповская критика сделала из него «черта советской литературы». Писатель мужественно раскрыл здесь свои взгляды, явившиеся причиной той газетно-журнальной кампании, которая велась против него: «Я знаю, что в первые 3–4 года после революции среди прочего, написанного мною, были вещи, которые могли дать повод для нападок. Я знаю, что у меня есть очень неудобная привычка говорить не то, что в данный момент выгодно, а то, что мне кажется правдой. В частности, я никогда не скрывал своего отношения к литературному раболепству, прислуживанию и перекрашиванию: я считал — и продолжаю считать — что это одинаково унижает как писателя, так и революцию» [12, с. 404–405]. В письме Замятина раскрывалась типичная картина преследований литератора с независимыми взглядами: «Организована была небывалая до сих пор в советской литературе травля, отмеченная даже в иностранной прессе: сделано было все, чтобы закрыть для меня всякую возможность дальнейшей работы. Меня стали бояться вчерашие мои товарищи, издательства, театры. Мои книги запрещены были к выдаче из библиотек. Моя пьеса (“Блоха”), с неизменным успехом шедшая в МХАТе 2-м уже четыре сезона, была снята с репертуара. Печатание собрания моих сочинений в издательстве “Федерация” было приостановлено» [там же, с. 407].

Речь здесь идет о неизданном пятом томе собрания сочинений. В него должны были войти статьи Замятиной, о которых он писал редактору московского издательства «Федерация» Е. Ф. Никитиной 11.V.1931 г.: «Я был бы немало удивлен, если б удалось там напечатать эти статьи — конечно, не вполне православные» [13]. «Литературную смерть», уготованную ему в Советском

Союзе, Замятин просил заменить наказанием менее суровым — разрешить ему вместе с женой уехать за рубеж.

Замятину с помощью М. Горького удалось получить разрешение на временный отъезд из СССР и уехать во Францию, где он и умер, но жизнь Пильняка окончилась трагически. В 1937 г. его арестовали, и ему были инкриминированы не совершенные им преступления против советской власти. 21.04.1938 г. его предали суду Военной коллегии за «антисоветскую, троцкистскую, террористическую» деятельность и сразу же после вынесения приговора расстреляли.

Имена Замятина, Пильняка и Булгакова стали символами борьбы за достоинство и независимость писателя в СССР, его право писать и печатать свои произведения без оглядки на цензуру и публиковать их не только на родине, но и за рубежом, а их творения вошли в золотой фонд русской литературы первой трети XX века.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМО Е. И. ЗАМЯТИНА И. А. НОВИКОВУ
РГАЛИ, Ф. 343, ОП. 4, ЕД.ХР. 654.
ПУБЛИКАЦИЯ Т. Т. ДАВЫДОВОЙ
I

<январь 1922 г.>

Дорогой Иван Алексеевич.

Нет ли у Вас охоты стать хоть немножко больше интернациональным и дать что-нб. из своих рассказов нам, в Петербург? Рукописи здесь не только берутся в засол, но и печатаются. Недавно вышел № 2 «Дома искусств», № 5 «Записок мечтателей», «Петерб. сборник» Дома литераторов; на днях выходит 1-й альманах изд-ва Гржебина; в середине февраля № 1 журнала «Завтра» (изд. «Петрополис») и 1-й альманах «Мысли». В 1-м «Петерб. Альманахе» Гржебина найдете Горького, Зайцева, Ремизова, Шишкова, меня; стихи Блока, Сологуба, Гумилева, Кузмина. Присылайте что-нб. во 2-й альманах или в «Завтра».

Ваш Евг Замятин

Если будет случай — напомните Б. К. Зайцеву или А. М. Ефросу, чтобы скорее послали в Петерб. Отдел. Правления Союза Пис. цензурный синодик. Надо действовать, творится черт знает что. Сняли с репертуара «Гондлу» Гумилёва, вычеркивают в альманахе его стихи — только потому что нецензурно имя, режут Пильняка. ЕЗ»

ЛИТЕРАТУРА

1. Андроникашвили-Пильняк Б.Б. Б. А. Пильняк // Русские писатели: биогр. словарь. — М., 2000. — С. 553–555.
2. Андроникашвили-Пильняк Б. Б. Два изгоя, два мученика: Б. Пильняк и Е. Замятин // Знамя. — М., 1994. — № 9. — С. 123–153.

3. Большая Советская Энциклопедия. — М., 1974. — Т. 28.
4. Воронский А. К. Евгений Замятин // Воронский А. К. Литературные типы. — М., 1927. — С. 15–38.
5. <Гаврилин Иван> Новое в саморазоблачении Пильняка и Замятин. Автограф и машинопись // РГАЛИ. 1698.1.137.
6. Галушкин А. Ю. Комментарии // Замятин Е. И. Я боюсь: Лит. критика. Публицистика. Воспоминания. — М., 1999. — С. 282–341.
7. Галушкин А.Ю. В защиту свободы печати // De visu. — М., 1992. — № 4. — С. 81.
8. ГАСО. Р577. 2. 5. 93.
9. Декрет СНК. Положение о главном управлении по делам литературы и издательства. 1922 г. [Электронный ресурс] // Музей истории Российской реформы имени П. А. Столыпина. М., 2013–2021. — URL: <http://музейреформ.рф/node/13811>. (дата обращения: 16.08.2021).
10. Декреты Советской власти. Т. 1. — М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957.
11. Еремин С. В. Советская пресса и цензура в 20–30-е годы (источниковедческий аспект) // Научные труды Нижневартовского государственного педагогического института. — Нижневартовск, 1999. — Вып. 1. — С. 125–134.
12. Замятин Е. И. Избранные произведения: в 2 т. — М.: Худож. литература, 1990.
13. Замятин Е. И. Письмо Е. Ф. Никитиной // РГАЛИ, ф.341, оп. 1, ед. хр. 90.
14. Замятин Е. И. Сочинения: В 5 т. Т. 4. Беседы еретика. — М.: Республика, Дмитрий Сечин, 2010.
15. Замятин Е. И. Сочинения: В 5 т. Т. 5. Трудное мастерство. — М.: Республика, Дмитрий Сечин, 2011.
16. Из переписки М. А. Булгакова с Е. И. Замятиним и Л. Н. Замятиной (1928–1936) / публ. В. В. Бузник // Русская литература. — 1989. — № 4. — С. 178–188.
17. Из писем М. Булгакова / публ. и comment. научн. сотр. Отдела рукописей ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР Е. Ю. Литвин // Памир. — 1987. — № 8. — С. 92–100.
18. Казанин И. Е. Формирование института политической цензуры в Советской России в начале 20-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. История. — Челябинск, 2007. — Вып. 22. — С. 65–74.
19. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 35.
20. Любимова М.Ю. Е. И. Замятин и Б. А. Пильняк (материалы к биографиям) // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. — СПб., 1994. — С. 98–108.
21. Правда. — М., 1938. — 5 мая.
22. Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина / сост. Л. И. Бучина, М. Ю. Любимова; предисл. и comment. Л. Ю. Любимовой; каталог подгот. Л. И. Бучина; подгот. текста Л. И. Бучина, М. Ю. Любимова. — СПб.: Изд-во РНБ, 1997 (Рукописные памятники; Вып. 3. Ч. 1–2).
23. Советская печать в документах. — М., 1961.
24. Соколов Б. В. Булгаковская энциклопедия. — М.: Локид-Миф, 1996.
25. Хмылев Л. Н. Соотношение объективного и субъективного в историческом источнике // Вопросы методологии и истории науки. — Иркутск, 1973. — С. 371–375.
26. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. — М., 1988.
27. «...Я человек негнущийся и своевольный. Таким и останусь». Письма Е. И. Замятиной разным адресатам / публ. Т. Т. Давыдовой и А. Н. Тюрина // Новый мир. — М., 1996. — № 10. — С. 136–159.

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.010

УДК 1 (091)

O. V. Богданова, В. А. Гуторов*

**«САМЫЙ ЧЕЛОВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК»
В ЛИТЕРАТУРЕ СТОЛЕТИЯ
(часть первая)****

В работе представлен аналитический обзор планируемой структуры и композиционного членения готовящейся большой (объемом примерно в 50 печатных листов) антологии, которая имеет рабочее название «Ленин и ленинский миф в мировой художественной литературе». Авторы статьи подвергают анализу предлагаемый план и — главное — состав имен писателей, которые рассматриваются в качестве наиболее репрезентативных для включения в состав этого уникального издания. Составители антологии, работающие в стратегии «*pro et contra*», рассчитывают, что готовящийся том о Ленине и об отражении его образа и личности в русской и мировой литературе станет одним из самых полных, наиболее емких и содержательно сложных изданий, посвященных портрету великого вождя мирового пролетариата, актуализирующих его неоднозначный образ в разных плоскостях современного общественного сознания.

Ключевые слова: В. И. Ленин, стратегия «*pro et contra*», образ, личность, художественная литература.

*O. V. Bogdanova, V. A. Gutorov
“THE MOST HUMANE MAN” IN THE LITERATURE OF THE CENTURY
(Part one)*

The paper presents an analytical review of the planned structure and compositional division of the «USSR» competition («Leninism and the Leninist myth as the basis of Soviet ideocracy») being prepared within the framework of the RFBR project No. 21–011–43076,

* Богданова Ольга Владимировна, доктор филологических наук, профессор, РГПУ им. А. И. Герцена, СПбГУ; olgabogdanova03@mail.ru

Гуторов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии СПбГУ; gut-50@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21–011–43076 «Ленинизм и ленинский миф как основа советской идеократии».

a large (about 50 printed sheets) anthology, which has working title «Lenin and Lenin's myth in world fiction.» The compilers of the anthology, working in the *pro et contra* strategy, expect that the volume about Lenin and the reflection of his image and personality in Russian and world literature will become one of the most complete, most capacious and meaningfully complex publications dedicated to the portrait of the great leader of the world proletariat, actualizing its ambiguous image in different planes of modern social consciousness.

Keywords: V. I. Lenin, «*pro et contra*» strategy, image, personality, fiction.

В настоящее время в РХГА в рамках проекта РФФИ № 21-011-43076 конкурс «СССР» («Ленинизм и ленинский миф как основа советской идеократии») ведется подготовительная работа по созданию антологии «В. И. Ленин в мировой художественной литературе». Замысел и размах проекта, обилие материала, который он должен охватить, масштабны и грандиозны — именно это и порождает необходимость пристальное взглянуть на возможных авторов-«претендентов», прозаиков, публицистов, поэтов, драматургов, чьи произведения могли бы составить будущий том ленинианы.

Для поколений, которые жили в условиях СССР, страны Советов и единства и братства многонациональных республик, имя Ленина отчасти было синонимом самого государства, во всяком случае — ярким знаком-символом советской государственности и политических, экономических, идеологических и даже этических устоев существования. Между тем прошедшие после крушения СССР годы привели к тому, что современная молодежь, особенно юное поколение, в очень малой степени представляют себе, кем был для советской страны Ленин, как он повлиял на — *определен* — почти вековую историю отечества, не говоря уже о его мировом значении и прочном мировом авторитете. Юбилейная антология, приуроченная в том числе к 150-летию вождя мирового пролетариата, должна стать знаковым изданием, могущим представить сложность и противоречивость личности Владимира Ильича Ульянова-Ленина (1870–1924), оказаться тем итоговым «документом», который на данном этапе аккумулирует образ-миф *Ленин* и тем самым предоставит наиболее выразительный художественный материал для осмыслиния уникального ленинского феномена будущими поколениями.

Стратегия «*pro et contra*», принятая в серии «Русский Путь», обеспечивает многогранность освещения личности Ульянова-Ленина, позволяя актуализировать наивно-поэтические оценки прошлого (главным образом, современников) с требовательно-ниспровергающими оценками эпохи горбачевской «перестройки» и подводя к объективно-аналитичному осмыслению крупнейшего мирового явления в сегодняшней действительности, в первой четверти XXI века. Временной охват в более чем столетие позволяет наметить динамику эволюции ленинской темы в художественной литературе, а следовательно, проследить отражение ее и в сознании *homo soveticus* и шире — на ментальном пространстве постсоветского человека и всей мировой общественности.

Структура антологии-ленинианы едва ли могла бы быть опосредована хронологическим принципом, ибо пласт произведений о вожде и «самом человечном человеке» носил по существу (общемассовый) характер: о Ленине (Ильиче) писали все, порой не фиксируя и не сохраняя данных о времени создания того или иного творческого арте-факта — многие авторские произ-

ведения (строки, суждения, цитаты) обретали характер «крылатых выражений», становились достоянием масс, утрачивали свое авторство и переходили в ранг поистине народных. До сегодняшнего дня специалисты спорят о том, кому же в действительности принадлежат известные и памятные каждому советскому школьнику популярные строки «Когда был Ленин маленький с кудрявой головой...» — то ли Агнии Барто, то ли Маргарите Ивенсен, то ли кому-то третьему (четвертому и пятому). Неслучайно так много пародий породили эти строки — весьма популярные среди читателей, но так и оставшиеся безымянными в истории литературы.

Когда был Ленин маленький
С кудрявой головой,
Ходил он — Ленин — в валенках
И летом, и зимой.

Потом стал Ленин старенький
И с лысиной ходил.
Опять носил он валенки —
Простой, как правда, был [9].

Отказ от хронологического принципа расположения материала может быть компенсирован создателями антологии разделением его на блоки: «Ленин в фольклоре», «Ленин в литературах народов СССР», «Ленин в мировой художественной литературе», «Ленин в истории русской литературы» и др. Принцип «pro et contra» позволяет соединить несоединимое: например, в разделе фольклорных источников легенды и сказки о Ленине 1920-х годов, наивные и поэтичные, парадоксальным образом оказываются рядом с сатирическими куплетами 1930-х и желчными анекдотами 1980-х годов. Различная природа жанра и противоречивость интенционного пафоса уже на самом широком — фольклорном — уровне восприятия образа вождя порождают конфликтность и остроту рецепции, столкновение плюсов и минусов, генерированных идеяным базисом различных реципиентов: ленинцев и сталинцев, брежневцев и горбачевцев. На пространстве устного народного поэтического творчества, ограниченном рамками поглавного членения антологии, предстают, с одной стороны, детские загадки:

Это что за большевик поднялся на броневик?
Он большую кепку носит,
букву «Ррр» не произносит,
Очень добрый и простой...
Догадайтесь, кто такой? [18]
(отгадка, конечно, — Ленин).

С другой стороны, озорные частушки, не утрачивающие содержательности и сегодня:

Бросил клич наш Ильич —
Дворцы штурмом взяли,
А их тут же комиссары
Для себя заняли [4].

Значительный пласт «народного» творчества представляют собой речёвки, лозунги, плакаты, хорошо знакомые представителям старшего поколения, но мало что (по сути — ничего) не говорящие современной молодежи. Плакатное (сегодня — баннерное) искусство само по себе могло бы многое представить и проиллюстрировать в истории советского государства и непосредственно в жизни советского человека.

Гражданам бывшего Советского Союза были памятны уличные «растяжки» и кабинетные «флаеры»:

Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!
Под знаменем Ленина, вперед, к победе коммунизма!
Партия Ленина — авангард строителей коммунизма!
Дело Ленина живет и побеждает!
СССР — оплот мира во всем мире! [10] —

с узнаваемыми для современников ленинскими (марксистскими) цитатами:

Учиться, учиться и еще раз учиться!
Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны!
От каждого по способностям — каждому по труду! [10] —

с хрестоматийно известной максимой ленинской поры:

Мы — не рабы, рабы — не мы!*

Искренние глубокие плачи о смерти Ленина:

Как у нас было в каменной Москве
Велико у нас несчастие случилося.
Тут река Москва сколыбалася
Да как морской волной разбегалася.
Красно солнышко затемнялось всё,
Дерева, в саду пошаталися,
Как не стало вождя всей Россииушки —
Дорогого у нас товарища Ленина... [14] —

перемежаются в антологии с анекдотической стихией поздних 1980-х:

К очередному юбилею В. И. Ленина сделали специальную модель настенных часов. Каждый час вместо кукушки выезжает Ленин на броневике и говорит: «Социалистическая революция, о необходимости которой столько раз говорили большевики, Ку-Ку!.. Ку-Ку!!.... Ку-Ку!!!....» [3] —

и дополняются реакцией 2000-х:

Учиться, учиться, и еще раз учиться, и еще раз учиться и еще раз учиться и еще раз учиться и еще раз... (компьютерный вирус ЛЕНИН.exe) [3].

---

* «Крылатая» фраза из первой советской азбуки «Долой неграмотность. Букварь для взрослых» (1919).

Не менее выразительную и репрезентативную часть антологии должен составить раздел «Ленин в литературе народов СССР». Правда, постсоветская критическая («contra») направленность в национальных литературах выражена ослабленно — обретшие самостоятельность государства, народы и литературы в конце XX века были ориентированы не на «дискредитацию» ленинианы и ее идеалов, но на собственные важные национальные проблемы. Однако выразительность песен, легенд, сказок, стихов, повестей и рассказов, которые были созданы представителями разных народов СССР за 70 лет его существования, поражают многообразием, пышностью, эмоциональностью, цветистостью. В каждой из 15 республик бывшего СССР нашелся («родился», как было принято считать) национальный певец, цель жизни которого состояла в восхвалении дела и воспевании личности Ленина, в прославлении коммунистической партии и братства советских народов.

В антологии азербайджанская народная песня:

Раз в сто лет рождается великий человек,
И он, словно большая гора, виден всему миру;
Но такого большого человека, как Ленин, мир еще не видел.
Были великие люди у разных народов...
Он же — велик для всего человечества [11] —

соседствует с народным сказом армян:

Мир и хвала тебе — кого чтит бедняк!
Мир и хвала тебе — кого чтит народ!
Мир и хвала тебе — кого чтит весь мир!
Мир тебе, хвала тебе, Ленин-вождь [11].

Туркменская народная песня:

Ленин открыл нам путь,
да здравствует ленинское слово,
да здравствует новый быт.
Во всех садах распустились цветы,
да здравствуют члены партии,
да здравствует новый быт [11] —

получает развитие в образной системе лезгинского народного песнопения:

Наша жизнь — ковер, сотканный твоими руками, Ленин.
Ты сделал его красным, как огонь, и это наша жизнь, Ленин.
Ты разбросал по ковру белые цветы, — это наши дети, Ленин.
Ты разбросал по ковру розовые цветы, — это мы, Ленин [11].

Наряду с «безымянными» певцами в каждой республике бывшего СССР выдвинулся яркий и ставший весьма популярным в советское время певец-профессионал (а порой и не один), который создавал поэтический образ Ленина с явными признаками и чертами принадлежности Ильича к той народности, от имени которой создавались песни. В национальной поэзии Ленин («условно» русский) становился и калмыком, и казахом, и чукчей, и бурят-монголом.

Образ вождя вбирал в себя лучшие черты той или иной национальности, надеялся этническими качествами и приметами того или иного народа. Для литовской поэтессы Саломеи Нерис лицо Ленина — лицо родное («Ленина лицо — лицо родное...»). Он и литовец, и латыш, и армянин, и грузин. Даже белорус Аркадий Кулешов числит Ленина в стае «горных орлов» («горный наш орел» — стихотворение «Живой Ленин», 1949), подстраиваясь под стилистику более позднего времени.

Известный казахский поэт Джамбул в голосе Ленина-батыра слышит звуки чистого горного ручья, дробящего камни:

Мы слышим твой голос, кипящий, как горный поток,
Как мощь водопада, дробящего скалы в каменья,
Он льётся на север, на запад, на юг, на восток,
Он рвёт все плотины — всесилен, могуч и глубок,
Мы слышим твой голос, батыр человечества — ЛЕНИН! [11]

Казах Алибек — весьма по-восточному — добавляет и сравнивает Ленина с гранитным утесом, с драгоценным алмазом:

Гранитным утесом ты стоял,
Драгоценным алмазом ты сиял,
Самородком золота, Ленин, ты был,
Серпа и молота пророком был [11].

Даже позволяет себе «мимоходом» (почти незаметно) сравнить Ленина с пророком.

Действительно, что-то пророчески мессийное видит белорус Петрусь Бровка в облике Ленина:

Наконец он пришёл — поздний месяц осенний.
Мы услышали имя великое — Ленин.
Посветлели в ту пору туманные дали.
Под октябрьскими стягами в жизнь мы вступали [11] —

и торжественно добавляет: «Повезло мне — я всё это видел, изведал!» [11].

Для ненца Николая Вылки Ленин подобен мифическому великану, герою народного эпоса северного народа:

Он встал над землёю во весь свой рост,
Все страны, весь мир оглядел.
Он поднял голову выше звёзд,
Увидел все мысли людей [11].

Дагестанец Расул Гамзатов дополняет образ Ильича чертами романтическими, пронизанными народной аварской образностью:

Как мечтают морозной зимой о весне
И как в полдень палящий мечтают о тени,
Так уставшим, измученным людям во сне
Снился Ленин [11].

Согласно свидетельствам писателей-националов, кажется, весь мир, вся природа ждала рождения Нового Человека. Неслучайно у абхазца Дмитрия Гулия образ Ленина обретает черты сверхчеловека (больше — дальше — лучше):

Он был человеком. Как все мы, но больше
В глазах у него доброты.
Он был человеком, как все мы, но больше
В нем мудрости и простоты,
Но больше в нем смелости, воли и силы,
Но больше в нем солнечной радости было.
И взором орлиным сквозь годы, сквозь тучи
Он видел всех дальше, он видел всех лучше [11].

Потому, по словам армянского поэта Нацири Зарьяна, Ленин бессмертен, он подобен вечному солнцу:

Нет! Ты живешь, ты рядом, вождь.
Ты — солнце в блеске синевы.
Твой гений, разум твой и мощь
И страсть не могут быть мертвы [11].

Уйгурский поэт Изим Искандер(ов) использует имя Ленина как магическое заклятие:

Скажу я: «Ленин» — вспыхнут зори,
Кумач зардеет на шелках,
Зелёных вёсен вспыхнут взоры,
Румянец вспыхнет на щеках [11].

Имя Ленина звучит, как мантра. Литовский поэт Юстинас Марцинкявичюс признается:

Сегодня, в ленинский день рождения,
Буду о нём думать:
Читая утреннюю газету, буду о нём я думать.
Хлеба ломоть отрезая утром, буду о нём я думать.
Дочку свою провожая в школу, буду о нём я думать,
И на работу идя неспешно, буду о нём я думать... [11]

По наблюдению латыша Фрициса Рокпелниса, первое слово младенца — не мама, а Ленин. У монумента Вождю:

Устлан гвоздиками красный гранит,
Ленин с простёртой рукою стоит...
Первенца подняла к Ленину мать.
Только недавно он стал лепетать.
«Ленин!» — он шепчет, и, словно в ответ,
Ленин рукой посыпает привет [11].

А подросший герой украинца Владимира Сосюры развивает метафору одухотворения бронзового Ленина:

Улыбнется Ленин. Стану я прилежно
слушать, что в письме нам говорит ЦК.
И как будто лоб мой гладит нежно-нежно
теплая, родная Ленина рука [11].

Даже европеизированный украинец Виталий Коротич (главный редактор оппозиционного журнала «Огонек» в период «перестройки») не может не признать:

Он рядом с нами — другом и вождем.
Он учит нас — и учимся прилежно...
Так с Лениным мы к Ленину идем.
И в этом — наша сила и надежда! [8]

Мощный раздел антологической ленинианы должен составить «Ленин в мировой литературе». Как позволяет понять готовящийся сборник, количество поэтических и прозаических откликов, которые получила лениниана в мировой литературе, действительно подтверждают слова классика о том, что вождь пролетариата раздул поистине «мировой пожар».

Просвещенным поклонниками ленинианы хорошо известны строки о Ленине таких выдающихся мастеров зарубежной литературы, как Генрих Манн («Пять лет со дня смерти Ленина»), Ромен Ролан («На смерть Ленина»), Джон Рид («Десять дней, которые потрясли мир»), Теодор Драйзер («Ленин»), Герберт Уэллс, окрестивший Ленина «кремлевским мечтателем» («Россия во мгле»). Однако обращение этих писателей к ленинской теме объясняется достаточно тривиально: все они были деятелями коммунистических или социал-демократических партий, многие из них — представителями Коминтерна, не раз бывали в России, встречались с Лениным. Их строки — это, прежде всего, воспоминания, мемуары.

Ромен Ролан (Франция) «На смерть Ленина»:

...я придаю огромное значение великим личностям и горячо восторгаюсь личностью Ленина. Я не знаю более могучей индивидуальности в современной Европе. Его воля так глубоко взборо́здила хаотический океан дряблого человечества, что еще долго след не исчезнет в волнах, и отныне корабль, наперекор бурям, устремляется на всех парусах вперед, к новому миру [13].

Генрих Манн (Германия) «Пять лет со дня смерти Ленина»:

Русской революции выпало великое счастье — иметь всеми признанного героя. Ленин был ее зачинателем, и он все еще остается тем, кто продолжает эту революцию, ибо он и после своей смерти по-прежнему живет в сердцах и умах всех ее борцов, как бы сильно они ни отличались друг от друга. Сегодняшние продолжатели революционного дела во многих своих речах прежде всего произносят имя этого первого государственного деятеля революции. Действовать в его духе они <...> считают долгом совести и любви [12].

Джерманетто Джованни (Италия) «С делегацией итальянских коммунистов в Москве»:

Никогда еще в Италии за последнее столетие имя человека не было так любимо в народе, как имя Ленина. В убогих хижинах деревень, разбросанных по склонам Альп, в серых рудниках Сицилии, на фабриках и заводах Туринской и Милана, в учреждениях и учебных заведениях всей страны, в казармах и окопах фронтов первой мировой войны миллионы итальянцев произносили это имя с любовью и благоговением. Имя Ленина было начертано на стенах домов, в тюремных камерах и в римских катакомбах... [6].

Арнольд Цвейг (Германия) «Труд — первооснова его жизни»:

Путь, приведший юриста Ульянова в эмиграцию, был путем лучших его сограждан и товарищей по университетской аудитории; но то, что Ленин, находясь за границей, сумел стать идеальным вождем и подлинным руководителем русских рабочих, международного пролетариата и, наконец, народов всего земного шара в их борьбе за построение совершенно нового общества, — именно это делает его великий образ в высшей степени единственным и неповторимым [17].

Теодор Драйзер (США) «Ленин»:

Это был человек, вся жизнь и все мысли которого были посвящены научным поискам и борьбе за лучший общественный строй, человек, который в конце концов получил величайшую возможность, какую когда-либо имели апостолы прогресса, — возможность руководить огромным, дотоле угнетенным и отсталым государством [7].

Между тем более, чем публицистические по сути высказывания зарубежных писателей (как правило, общественных деятелей), удивляет бросающаяся в глаза близость «продвинутых» и «передовых» европейских художников «отсталым» поэтам младописьменных народов России и СССР.

Например, фрагмент из рассказа известного датского писателя Мартина Андерсена-Нексе «Я видел Ленина»:

— Вот это настоящий человек, — шепнул мне рабочий-норвежец. — И как он похож на любого из нас, только в тысячу раз зорче! [2]

Как напоминает это пассаж ранее приведенные строки абхазца Дмитрия Гулиа!

Или рассказ француза Андре Стиля «Учитель»:

Впервые, то есть действительно в самый первый раз в жизни, я услышал имя Ленина, когда мне было десять или двенадцать лет... [15]

Текст французского прозаика по существу впрямую соотносится с (почти одноименным) рассказом киргиза Чингиза Айтматова «Первый учитель», когда кишлачные дети киргизов в те же самые десять-двенадцать лет впервые слышат имя Ленина:

Когда мы пришли, Дюйшен [первый учитель] не стал растапливать печь.

— Встаньте, — приказал он.

Мы поднялись.

— Снимите шапки.

Мы послушно обнажили головы, и он тоже сорвал с головы буденовку. Мы не понимали, к чему это. И тогда учитель сказал простуженным, прерывающимся голосом:

— Умер Ленин. По всей земле люди стоят сейчас в трауре. И вы стойте на своих местах, замрите. Смотрите вот сюда, на портрет. Пусть запомнится вам этот день... [1]

Пафос ленинианы младописьменных народов близок и чеху Юлиусу Фучику (рассказ «Ленин»):

Разговор коснулся Советского Союза. Пастух радостно кивнул головой.

— А о Ленине, — спросили его, — вы знаете?

— Еще бы, — ответил он, — Ленин был как наш [пастух] Яношик. У богатых брал, а бедным отдавал [16].

Примечательно стремление героя рассказа чешского прозаика сделать Ленина «родным», «своим», «как мы».

Но еще более примечателен поэтический вектор зарубежной литературы — с ее эмоциональностью, надрывностью, романтизированным драматизмом.

Подобно русскому фольклору, кубинский поэт Николас Гильен загадывает загадку читателям:

Ты знаешь ли, что мощная рука,
тирана с трона свергшая, была
как лепесток легка?
Та мощная рука
ты знаешь, чьей была?
Ты знаешь ли, что ветер тех ночей,
быком ревевший над землею, был
нежней, чем вздох детей?
Но ветер тех ночей, —
ты знаешь, чьим он был? [5]

Единственно верная отгадка, как и в русском фольклоре, у кубинского поэта — Ленин.

Для индийского поэта Али Джрафи имя Ленина, как и для уйгура Изима Искандера, — это заклятие, символ, пароль:

Для друзей как пароль, как заздравная речь,
Для врагов это слово — карающий меч.
Будет в жилах рабочего пламенем течь,
Капиталу на грудь должен тяжестью лечь
Ленин [5].

Фольклорная образность близких к земле и природе малых народов России слышится в строках шведского поэта Сикстена фон Иегерфельта («Могучая сосна»):

С безупречной душой,
с волей крепче, чем сталь,
упало гигантское дерево

в государстве труда.
Но полон силой его
поколений вечный прилив,
не погаснет вовек этот красный огонь,
Ленин всегда жив! [5]

Знаменитая константная метафора Ленин-солнце воплощается в стихотворении румынского поэта Михая Бенюка «Картина с Лениным»:

Сияло солнцем Ленина чело,
И отсвет будущего лег на лица;
Как бы с вершины горной слово шло,
Чтоб за морями громом раскатиться [5].

Английский поэт Джек Линдсей, подобно поэтам многонациональной России, видит в образе Ленина пророческое и провидческое начало:

Мы славим в Ленине
терпенье пылкое, слух, уловивший
подземный гул исторических сдвигов,
выжиданье с бестрепетной рукой
и в нужный миг мановенье, призыв,
проникновенье в сущность явлений
и претворенье их в действие, в ясность [5].

Потому, подобно представителям многонационального СССР, не может поверить в смерть Ленина турецкий поэт Назым Хикмет:

Не умрет!
Не умрет никогда!
Не умрет человек,
Который
Крутые повороты
Истории
Раньше всех
Проходил в боях,
Который
Во время шторма
Раньше всех
Замечал маяк! [5]

Потому в «Одах Ленину» чилийский поэт Пабло Неруда выражает признательность Ленину и клянется ему в вечной верности:

Ленин! Далёкие, мы благодарность приносим тебе.
С тех пор, как ты принял решения свои,
со времён твоих быстрых шагов и глаз твоих быстрых
народы не одиноки в борьбе
за радость [5].

Порой поражают и существенно меняют представление о личности всемирно известного писателя отдельные строки. Таковы, например, раз-

мышления всемирно известного детского писателя, автора «Чипполино» итальянца Джанни Родари. Сетовавший на несправедливость в стране сказочных фруктов и овощей, разрешение противостояния мальчика-луковки Чипполино и враждебных ему синьора Помидора и принца Лимона Родари нашел, побывав в СССР:

При посещении Советского Союза бросается в глаза, что здесь нет деления на людей, которые идут в счёт, и обезличенную массу. Конечно, различия существуют, но «право быть личностью» не является привилегией узкой группы людей [5].

И это, по мысли писателя-сказочника, тоже заслуга Ленина.

В создании образа мирового вождя пролетариата отходя от законов сказки и диктата прагматичной реальности, почти сюрреалистическую картину создает китайский писатель Цой Цю-бо («Ленин»):

Всякий раз, когда в Андреевском зале выступает Ленин, протиснуться к трибуне невозможно — на стульях и столах всюду люди, так что яблоку негде упасть. Когда в зале зажигаются огни, большая тень Ленина, образуя удивительную картину, падает на плакаты и лозунги: «Коммунистический Интернационал», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика». Этот силуэт на кумаче рождает необыкновенные чувства и становится особым символом... [5]

Предела разнообразию и художественной вариативности образа Ленина в мировой литературе, кажется, нет. Масштаб размаха мировой ленинианы потрясает и восхищает.

Однако наиболее мощный пласт ленинианы, несомненно, вбирает в себя русская литература, на протяжении почти столетия пытавшаяся отрефлексировать это сложное и многозначное явление-миф, явление-символ, явление-личность. Этому будет посвящена отдельная часть предпринятого обзора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айтматов Ч. Первый учитель. — URL: litmir.me (дата обращения: 15.07.2021).
2. Андерсен-Нексе М. Я видел Ленина. — URL: kprftuva.ru (дата обращения: 15.07.2021).
3. Анекдоты про Ленина. — URL: sovtime.ru/anekdot/lenin (дата обращения: 15.07.2021).
4. Бросил клич наш Ильич... — URL: publicadomain.ru (дата обращения: 16.07.2021).
5. Зарубежные поэты о Ленине. — URL: velikayaep/topic/1519439730746445 (дата обращения: 15.07.2021).
6. Джерманетто Дж. С делегацией итальянских коммунистов в Москве. — URL: leninism.su (дата обращения: 15.07.2021).
7. Драйзер Т. Ленин. — URL: maxpark.com (дата обращения: 15.07.2021).
8. Забытые тетради. Стихи о Ленине. — URL: stihi.ru (дата обращения: 17.07.2021).
9. Когда был Ленин маленький... — URL: gatehouse.ru/lenin/eshk/mesh.shtml (дата обращения: 15.07.2021).

10. Ленин и советские плакаты: цитаты, достижения. — URL: pikabu.ru (дата обращения: 16.07.2021).
11. Ленин и Сталин в творчестве народов СССР: сб. М.: Советский писатель, 1938. — URL: ruslit.traumlibrary.net (дата обращения: 13.07.2021).
12. Манн Г. Пять лет со дня смерти Ленина. — URL: litvek.com (дата обращения: 14.07.2021).
13. Роллан Р. Из «Дневников военных лет». — URL: voplit.ru (дата обращения: 16.07.2021).
14. Сказители о Ленине. — URL: stihi.ru (дата обращения: 17.07.2021).
15. Стиль А. Учитель. — URL: sensus.ru (дата обращения: 12.07.2021).
16. Фучик Ю. Ленин. — URL: fantlab.ru (дата обращения: 14.07.2021).
17. Цвейг А. Труд — первооснова его жизни. — URL: litmir.me
18. Это что за большевик поднялся на броневик? — URL: stihi.ru

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.011

УДК 1 (091)

Д. Е. Самойлов, Д. Я. Северюхин*

ЛЕНИНИАНА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

Рассматривается генезис ленинианы — совокупности артефактов, связанных с образом Владимира Ильича Ленина, — от первых лет советской власти до современности. Описываются и трактуются художественные произведения и проекты последнего времени, воплощающие образ вождя пролетариата. Отмечается, что лениниана как общественно-политический и культурно-эстетический феномен продолжает свое развитие, впитывая новый фольклор, обогащаясь новейшими техниками и технологиями, осваивая сетевые коммуникации, откликаясь на очередные вызовы времени.

Ключевые слова: В. И. Ленин, коммунизм, СССР, лениниана, искусство, портрет, памятник, инсталляция.

*D. E. Samoilov, D. Ya. Severyukhin
LENINIANA OF THE MODERN TIME*

The genesis of Leniniana is considered — a collection of artifacts associated with the image of Vladimir Ilyich Lenin, from the first years of Soviet power to the present is considered. The works of art and projects of recent times, embodying the image of the leader of the proletariat, are described and interpreted. It is noted that Leniniana as a socio-political and cultural-aesthetic phenomenon continues to develop, absorbing new folklore, enriching itself with the latest techniques and technologies, mastering network communications, responding to the next challenges of the time.

Keywords: Vladimir Lenin, communism, USSR, Leniniana, art, portrait, monument, installation.

Лениниана — название совокупности произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства, литературы, музыки, театра и кинематографа, посвященных Владимиру Ильичу Ленину.

* Самойлов Дмитрий Евгеньевич, Русская христианская гуманитарная академия; samoyloff.dmitr@yandex.ru; Северюхин Дмитрий Яковлевич, доктор искусствоведения, профессор, Русская христианская гуманитарная академия; severuhin@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43076 «Ленинизм и ленинский миф как основа советской идеократии».

В советское время на тему ленинианы, чрезвычайно выгодную с точки зрения идеологической конъюнктуры, было написано множество трудов как научного, так и популярного характера, защищались диссертации, издавались альбомы, проводились конференции, устраивались выставки. Однако советское время всё дальше уходит от нас в прошлое, и многие суждения, постулаты и догмы, сформулированные когда-то по названной теме, кажутся сегодня безнадежно устаревшими, а зачастую и просто фальшивыми.

Обратимся к истории. Строительство ленинианы началось непосредственно после Октябрьской революции 1917 года, т. е. еще при жизни основателя советского государства. Здесь, вероятно, сказалась инерция дореволюционного общественно-культурного уклада, когда восхождение на трон нового монарха диктовало необходимость незамедлительного создания, тиражирования и распространения его художественных образов для тысяч государственных и общественных учреждений. Сохранилось немалое число прижизненных портретов Ленина (живопись, лепка, рисунки, фотографии), в том числе созданных с натуры довольно известными художниками, которым он обычно не отказывал в позировании, если только это не отвлекало его от текущей работы. Прижизненная иконография Ленина достаточно хорошо изучена, его портреты, сделанные с натуры, неоднократно публиковались*.

Смерть Ленина положила начало новому этапу развития ленинианы, в задачу которой теперь входило не просто портретирование ушедшего главы государства, но создание героико-романтического образа великого революционера, исторической фигуры мирового масштаба. Одним из инициаторов ленинианы («лениниады») как широкой и долговременной программы был первый нарком просвещения Анатолий Луначарский, хорошо знавший Ленина с дореволюционных времен, посвятивший ему несколько восторженных статей и готовивший его обширную биографию, что считал важнейшим делом своей жизни (замысел не был осуществлен). Луначарский, выдающийся мыслитель, литератор и публицист, занимавшийся осмысливанием метафизики коммунистической идеологии и стремившийся к синтезу коммунистической идеи и христианства, писал в 1929 году: «Дать “Лениниаду” — это значит написать нечто вроде “Войны и мира”, дать эпопею на тему о борьбе, о строительстве, о революции, о культуре в великие ленинские годы, показать, как Ленин вырос из этой эпохи, а потом оплодотворил эту эпоху выработанным в его гигантском мозгу энергетическим соком»**.

Культ Ленина в СССР начал складываться сразу после его смерти, причем не только навязывался «сверху», но и естественным образом распространялся в народе — особенно в пролетарской и крестьянских массах, где образ вождя приобретал сакральность, приходя на смену отвергнутым иконам. Это вполне соотносилось с идеями Луначарского, который еще с дореволюционных вре-

* См., например: Ленин. Рисунки и обложка работы Натаана Альтмана [Альбом]. — Пб., 1921.

** Луначарский А. В. Предисл. к кн.: Михаил Беккер, Ленин в художественной литературе. — М.: Б-ка «Огонек», 1929. — С. 4. Наследие А. В. Луначарского. — URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-8/predislovie-k-knige-m-bekkera-lenin-v-hudozestvennoj-literature/> [дата обращения: 01.10. 2021].

мен был увлечен богоискательством нового типа, считая будущую революцию результатом религиозного порыва, что должно было привести к созданию нового богочеловеческого символа.

Нина Тумаркин пишет: «Хотя культ Ленина совпадал по конечной цели со своими прообразами в истории революций, внешние признаки его были специфически русскими. Происхождение его объясняется политическими запросами послереволюционной России, оно прямо связано также с биографией Ленина. Нельзя не усмотреть и явной зависимости этого культа от особенностей социального уклада дореволюционной России, от своеобразия политической культуры огромной части населения, на которую культ опирался, и политического мировоззрения русской революционной интеллигенции; отдельные большевики — выходцы из нее — внесли значительную лепту в создание культа Ленина. Культ отвечал нуждам молодого Советского государства: это был, в сущности, строго регламентированный набор символов и мероприятий, старательно разработанный партией и правительством для привлечения к себе неграмотных масс. Между тем, происхождение этого культа глубоко коренится в российском прошлом, история его развития наглядно демонстрирует всю силу иррационального начала в формировании советской политической культуры; наконец, это свидетельство того, как новый большевистский порядок в стремлении овладеть Россией сам строился именно на тех элементах старой русской культуры, которые Ленин со столь отчаянным упорством стремился уничтожить» [6, с. 4].

Художественная общественность откликнулась на новый вызов времени с горячностью, свойственной начальной советской эпохе. Во всех видах изобразительного искусства началась интенсивная разработка образа Ленина — революционера, вождя и мыслителя, друга рабочих и крестьян. Наряду с портретами создавались исторические картины, отражающие все этапы революционного пути Ленина, рисовались сцены его публичных выступлений, рабочих совещаний, встреч с простым народом*. Началось серийное изготовление бюстов Ленина разного формата и повсеместное строительство памятников вождю (в большинстве своем тоже серийных), масштабы которого были поистине беспрецедентны**. По словам Бориса Грайса, результатом этого процесса стало «инфляционное перепроизводство портретов Ленина и прочих символов власти, утративших в результате всякую товарную [добавим — идеологическую. — Д. С.] ценность»***.

* Примечательно, что образ Ленина, за редчайшими исключениями, не воплощался в символико-аллегорических формах. Одно из таких исключений — символическая картина «Восстание» Климента Редько (1925, ГТГ), на которой в центре условной ромбовидной конструкции расположена фигура вождя, а по правую и по левую руку — его соратники, включая Троцкого, Зиновьева, Каменева и др. Картина по понятным причинам на протяжении десятилетий не демонстрировалась публично.

** По данным, приводимым газетой «Московский комсомолец», на 2003 год в России насчитывалось около 1800 памятников Ленину и до двадцати тысяч бюстов; во многих городах его скульптуры возвышаются на центральных площадях. См.: Самый человеческий недочеловек // Московский комсомолец. 22.04.2003. — URL: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2003/04/22/137469-samyiy-chelovechnyiy-nedochelovek.html> [дата обращения: 01.10.2021].

*** Грайс Б. Искусство утопии. Статьи. — М.: Художественный журнал, 2003. — С. 228.

Раиса Аболина, автор последней по времени дифирамбической монографии, посвященной лениниане, пишет: «Тема “Ленин в изобразительном искусстве” чрезвычайно обширна и богата по материалу. На протяжении десятилетий ленинская тема воплощалась во всех видах и жанрах советского искусства, оставаясь в центре внимания нескольких поколений художников. Памятник на главной площади города, мозаика во дворце культуры, станковая картина, плакат, сюита графических рисунков, миниатюра из слоновой кости, тканый ковер с портретом Ильича — самые различные работы живописцев, ваятелей, графиков, мастеров декоративно-прикладного искусства — воплощают дорогой народу образ. Не только профессиональные художники, но и многие художники-любители интересно решали ленинскую тему» [1, с. 5].

Следует отметить, что в 1920-е годы вся созидательная художественная работа проходила на фоне острой полемики между группировками и отдельными художниками, стремившимися доказать свою лояльную позицию и «полезность» новым властям, утвердить свое влияние на властные структуры, от которых теперь, после ликвидации традиционного художественного рынка, напрямую зависело не только их материальное благополучие, но и сама возможность работать. Открытая и тайная полемика в художественной среде, временами перераставшая в откровенно политическую борьбу и доносительство, препятствовала объединению художественных сил и, в конечном счете, способствовала утверждению государственной монополии в сфере управления искусством.

Тогда в искусстве, как и в других отраслях культуры, стала доминировать «реалистическая тенденция», целостно проявившаяся в творчестве членов Ассоциации художников революции (АХР), занимавшей до поры главенствующее положение на художественной сцене страны, потеснив различные группировки авангарда, за которыми позже закрепилось идеологическое клише «буржуазный формализм». Борьба между группировками, длившаяся на протяжении всего послереволюционного десятилетия, была прекращена постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 года, которое подразумевало ликвидацию всех независимых общественных организаций в сфере культуры с целью создания подконтрольной партийно-государственному аппарату системы централизованных творческих союзов.

17 августа 1934 года в Москве по инициативе Сталина и при участии Максима Горького открылся Первый всесоюзный съезд советских писателей, который должен был стать ориентиром и для других творческих объединений деятелей искусства. На этом съезде был сформулирован принцип социалистического реализма, положенный в основу официальной литературно-художественной политики, которая господствовала в СССР вплоть до середины 1980-х годов. В общих чертах этот принцип подразумевал утверждение во вседоступной реалистической форме социалистических идеалов, создание образов новых людей и показ новых социальных отношений, героизацию революционного прошлого. На практике же социалистический реализм превратил искусство и литературу в инструмент тоталитарной пропаганды, а развернувшаяся борьба с формализмом стала средством подавления в искусстве всего, что не соответ-

ствовало вкусам и пониманию партийных чиновников. Со временем установки социалистического реализма приняли жесткий, безапелляционный характер, что нередко вызывало драматический излом в судьбе художника, приводило к опале и репрессиям. В то же время любая художественная деятельность вне Союза художников была фактически запрещена как незаконный частный промысел, выходящий за пределы социалистической экономики.

Александр Морозов в своей книге «Соцреализм и реализм» заключает: «<...> соцреализм есть конкретная историческая модификация реалистического художественного мышления. Важно добавить, что в русском искусстве нескольких десятилетий XX века он сосуществовал (хотя отнюдь не бесконфликтно) с иными формами реализма. Тут стоит напомнить о догматических привычках нашего сознания. Нас учили, будто соцреализм — это высшая форма реализма, которая преодолевает, “снимает” все остальные. Факт, однако же, состоит в том, что в пределах советского искусства наблюдается многовекторность эволюции реализма, и наблюдается в течение ряда десятилетий вплоть до сего дня. Вероятно, этим высвечивается некоторая специфика искусства России XX — начала XXI века среди других национальных культур и школ современного мира» [4, с. 18]. Не оспаривая этот тезис Морозова, отметим, что несколько десятилетий господства соцреализма в СССР в условиях изоляции от западной культуры надолго вычеркнули отечественное искусство из мирового художественного процесса или, по крайней мере, отодвинули его на глубокую периферию.

Но вернемся к проблеме ленинианы. С 1930-х годов ее развитие, наряду с параллельной разработкой «сталинианы» (иногда эти темы совмещались в одном произведении), шло по нарастающей. Обращение к образу Ленина, который постепенно был доведен до определенного канона^{*}, позволяло художнику претендовать на участие в престижной выставке, на государственную закупку или заказ произведения, на орден, почетное звание или государственную премию.

Наиболее знаменитые создатели ленинианы послевоенного времени, авторы парадных портретов, театрализованных тематических композиций, монументальных полотен и памятников, были, обласканы властью и осыпаны всевозможными почестями. Так Первый президент Академии Художеств СССР Александр Герасимов, Народный художник СССР, был лауреатом четырех Сталинских премий. Народный художник СССР Борис Иогансон был Героем Социалистического Труда, лауреатом двух Сталинских премий первой степени. Василий Ефанов — Народный художник СССР, действительный член АХ СССР, лауреат пяти Сталинских премий. Дмитрий Налбандян (в художественных

* Художники, приглашенные для официальных заказов, пользовались ограниченным числом официально утвержденных фотографий Ленина. Достоверно известно, что с 1925 года в качестве модели вождя для живописцев и скульпторов выступал чрезвычайно похожий на него некий Иосиф Славкин, введенный в круг портретистов Ленина художником Амшеем Ниоренбергом; со Славкина снимались и «посмертные маски» Ленина. Однако в 1940 деятельность этого «двойника Ленина» была прекращена по распоряжению Управления пропаганды ЦК ВКП(б). См., например: Ленин из Стародуба // Брянский рабочий. Газета настоящего. 14.08.2017. — URL: http://xn--8sbbc6addec3arqfj2hkf.xn--p1ai/news/lenin_iz_staroduba_3280.html [дата обращения: 01.10. 2021].

кругах его называли «Первая кисть политбюро») — Народный художник СССР, Герой Социалистического Труда, действительный член АХ СССР, дважды лауреат Сталинской премии. Скульптор Матвей Манизер — действительный член АХ СССР, Народный художник СССР, лауреат трех Сталинских премий. Разумеется, впечатляющими по размерам были и гонорары названных авторов.

Однако регулярными заказами на лениниану питались не только «корифеи», но и достаточно широкий круг художников средней руки, освоивших «унифицированную» манеру письма, сочетавшую форму русской реалистической живописи XIX века с элементами импрессионизма и умеренного сезаннизма. В куларах Союза художников вождю революции даже давалось циничное прозвище «Кормилец», что, конечно, не нуждается в комментариях.

Обратимся к современности, не в буквально хронологической, но в идеологической и эстетической ее ипостаси. Следует отметить, что далеко не все «официальные» художники соглашались принести свой дар в жертву политico-идеологической конъюнктуре — многие под разными предлогами уклонялись от соблазнительных заказов. Приведем здесь один любопытный пример. В 1980 году, когда отмечалось 110-летие со дня рождения Ленина, ленинградскому художнику Валерию Мишину, участнику нонконформистского движения, ныне весьма знаменитому и признанному деятелю искусства, было предложено участвовать в большой юбилейной выставке. Принципиально не желая идти на сделку с совестью, дававшую, казалось бы, шанс к карьерному продвижению, Мишин совершил парадоксальный ход, представив вместо портрета вождя или какой-либо исторической сцены графический натюрморт с цветком в горшочке — «Столетник». К удивлению автора, работа была принята выставкомом, не уловившим иронии в этом жесте*.

Впрочем, самым необычным произведением во всей послевоенной советской лениниане стала картина основателя и руководителя московской студии «Новая реальность» Элия Белютина «Похороны Ленина» /«Реквием»/ (1962, ГТГ), показанная в московском Манеже на выставке, посвященной 30-летию Московского отделения Союза художников СССР, и вызвавшая (наряду с некоторыми другими работами разных авторов) гнев посетившего вернисаж Н. С. Хрущева. Эта картина, написанная на излете «Оттепели» в ключе радикального экспрессионизма, выражала искреннее чувство скорби по безвременно ушедшему Ленину, что тогда былоозвучено настроениям советского общества, вынужденно отвернувшегося от развенчанного Сталина и заново «открывшего» для себя Ленина. В эстетико-философском смысле творение Белютина противостояло не только расхожим образцам соцреализма, но и таким оригинальным шедеврам, как возвышенно-благочестивый образ «Рабочие у гроба В. И. Ленина» Кузьмы Петрова-Водкина (1924, ГТГ) и многофигурная скульптура (горельеф) «Смерть вождя» Сергея Меркурова** (1924–1949, Гос. исторический музей-заповедник «Горки Ленинские», Моск.

* Из интервью В. А. Мишина автору статьи от 20.09.2021.

** Отметим, что именно С. Д. Меркурову (последователю Роденовской школы, двоюродному брату мистика, писателя и оккультиста Георгия Гурджиева), было поручено сделать посмертную маску Ленина.

обл.), пронизанная духом средневекового христианства, соединенного с восточным мистицизмом.

В разные годы образ Ленина был запечатлен и в модернистском искусстве Запада, однако, без дидактики и пафоса, присущего соцреализму. В 1932 году Сальвадор Дали представил на своей второй персональной выставке в Париже (Galerie d'art Pierre Cole) большую картину «Частичное помрачение. Шесть явлений Ленина на рояле» (находится в Центре Жоржа Помпиду в Париже), которая стала тогда его главным успехом. Побудительным импульсом для создания картины, несущей, судя по всему, негативный аллегорический смысл, по словам художника, было некое ночное видение. Однако здесь, скорее всего, нашел отражение его отход от прежних симпатий к коммунистическим идеям, в частности, к личности Ленина, и наметившийся разрыв с прокоммунистическим обществом сюрреалистов, возглавляемым Андре Бретоном. Тот же провокативно-политический мотив, вероятно, побудил Сальвадора Дали (тоже будто бы «по ночному видению Ленина») к созданию одной из его самых «заумных» картин «Загадка Вильгельма Телля» (1933, Современный музей, Стокгольм), в которой смутно, сквозь призму Эдипова комплекса, читается тема детоубийства, а в образе главного героя выступает вождь пролетариата. Провокация удалась: Андре Бретон публично расценил демонстрацию картины в парижском Салоне независимых в Le Grand Palais как «антиреволюционный поступок» и даже с помощью некоторых соратников попытался ее повредить, а Сальвадор Дали решением товарищеского суда был исключен из общества сюрреалистов (по словам Дали, он вышел из общества по собственной воле)*.

Марк Шагал по многим внешним признакам, казалось, был близок к сюрреалистам, которые видели в нем единомышленника. Тем не менее, в 1924 году, когда вышел «Манифест сюрреализма» Бретона, он отказался примкнуть к движению, поскольку отвергал алогичность и «автоматизм» в творчестве и, по словам Герberта Рида, «всегда одной ногой опирался на почву, дававшую ему силы»**. В 1937 году Шагал написал трехчастную многофигурную картину «Революция» (Париж, Центр Помпиду), в центре которой изображен стол, за которым сидит хасидский раввин с Торой, возле стола на снегу — русский самовар, а на самом столе — фигура Ленина, выполняющего сложный акробатический трюк — вождь стоит вниз головой на одной руке, отведя другую в сторону. Над фигурой Ленина развивается российский трехцветный флаг, в правой и левой частях картины имеются и красные флаги. Вокруг стола бродят жертвенные животные, в левой части на краю снежного поля — еврейское кладбище и убитый еврей — вероятно, жертва погрома. Художник и литератор Михаил Кантор, давший в наше время пространное описание и трактовку этой картины, завершает свое исследование следующими словами: «Аллегорий рассыпано щедро, читать их несложно. Ленин — освободитель, выполнивший

* Рохас К. Мифический и магический мир Сальвадора Дали // Мир Дали. — URL: <http://mir-dali.ru/library/mificheskiy-i-magicheskiy-mir-salvadora-dali6.html> [Дата обращения: 01.10. 2021].

** Рид Г. Краткая история современной живописи. — М.: Искусство — XXI век, 2006. — С. 120.

невероятный для империи кульбит, привел в движение неуправляемую массу, дал, в частности, свободу иудеям. Рассматривать эту работу как оценку русской революции в контексте Исхода, или как характеристику общества, в котором вождь-освободитель занят эквилибристикой, не считаясь ни со снежной природой, ни с характером перемен — дело зрителя»*.

В числе шедевров западной ленинианы следует отметить работы Энди Уорхола, которого называют отцом «коммерческого поп-арта». В 1987 году, незадолго до смерти, он создал два однотипных портрета вождя мирового пролетариата в технике шелкографии — один в черной цветовой гамме, а другой в красной. Один из оттисков «Красного Ленина» до 2013 года принадлежал российскому олигарху-эмигранту **Борису Березовскому и был продан им** на торгах Christie's за 166 тысяч долларов за три дня до самоубийства. «Черный Ленин» в 2015 году был продан на торгах аукциона Sotheby's за 4,7 миллиона долларов — цена, рекордная для печатной графики.

Другим образцом западной ленинианы является созданная в 1996 году французско-американским художником Арманом (Арманом Пьером Фернандесом; коллекционером, одним из основателей движения «нового реализма») монументальная скульптура «Идеологическая винокурня», представляющая собой некий памятник эпохи потребления или «вещественный подбор» — огромный самогонный аппарат, составленный из дюжины металлических бюстов и барельефов Ленина.

В Советском Союзе, в течение десятилетий оторванном от культурных процессов, развивавшихся на Западе, в послесталинскую эпоху подспудно стала складываться культура альтернативная, противостоящая государственной идеологии и в разных контекстах называемая андеграундом или нонконформизмом. Одним из наиболее известных направлений художественного и литературного нонконформизма в Москве стал соц-арт, сформировавшийся в начале 1970-х годов как идеальная и эстетическая реакция на тотальное засилье официальной пропаганды, пронизывающей все области культуры. В основе соц-арта лежала ироническая, гротеская переработка расхожих символов и лозунгов коммунистической агитации, цитирование образов (в том числе образа Ленина), стилистики и пластических приемов советского изобразительного искусства, литературы и кинематографа. Пародийный термин «соц-арт», в котором звучат отголоски терминов «соцреализм» и «поп-арт», был придуман московскими художниками Василием Комаром и Александром Меламидом. И если поп-арт можно трактовать как эстетический отклик на повальное господство рекламных стереотипов материального процветания и развитие безликой массовой культуры в странах Запада, то соц-арт — как реакцию на набившее оскомину в СССР засилье идеологически мифов в условиях жестко навязываемых соцреализмом унифицированной художественной формы.

---

* Кантор М. Марк Шагал // Истории. — URL: <https://story.ru/istorii-znamenitostej/istoriya-iskusstv/maksim-kantor-mark-shagal/> [дата обращения: 01.10. 2021]. Заметим, что сам М. К. Кантор является автором замечательного экспрессионистского портрета Ленина (2012).

Соц-арт не обладал очерченными признаками стиля — он объединял различных по жанрам и манерам художников и литераторов, находившихся в оппозиции к официозу. Это течение с размытыми границами базировалось на широком использовании многослойного арсенала образной системы соцреализма, на переработке этого арсенала в игровой и гротескной форме, на включении его в общее русло постмодернизма. На рубеже 1970–1980-х годов многие художники соц-арта отбыли в эмиграцию и обосновались в основном в США (среди них основатели движения Комар, Меламид, Эрик Булатов, Илья Кабаков, Гриша Брускин, Леонид Соков, Александр Косолапов), благодаря чему их творчество вышло на международную художественную сцену и заняло на ней заметные позиции. В годы Перестройки, на волне всеобщего переосмысливания коммунистических ценностей в СССР, а затем и в новой России, произошел триумфальный возврат соц-арта на Родину. «Значение соц-арта шире практики его приверженцев, — написано в одном из авторитетных справочных изданий. — Он одним из первых нарушил языковую замкнутость отечественного искусства, свободно соединив раскованность интернационального постмодернизма с пародией на жесткую заданность советской идеологии и ее художественных догм» [2, с. 567].

В рамках соца-арта образ Ленина встречался в литературных произведениях Венедикта Ерофеева, Дмитрия Пригова, Виктора Ерофеева и других до времени подпольных авторов восьмидесятых годов. В живописи одним из классических произведений ленинианы в соц-арте стала картина вышеупомянутых Комара и Меламида «Ленин ловит такси в Нью-Йорке» (1993) из серии «Монументальная пропаганда», декларированной и анонсированной на страницах журнала «Artforum» как манифест борьбы за сохранение в распавшемся СССР памятников советской истории. Герой картины — вождь с вознесенной рукой — один из самых растиражированных в СССР в советское время образов (прототипом является фигура памятника Ленина на броневике у Финляндского вокзала в Ленинграде) — помещен в атмосферу Нью-Йорка на фоне эмблемы «Макдоналдса» и макушки небоскреба Крайслер-билдинг. Стереотипным жестом поднятой руки, призванным указывать путь к светлому будущему, он теперь просто ловит такси. В этом произведении видится ироническое переплетение квази/соцреализма с квази/поп-артом. Столь же декларативной манифестацией представляется и картина Виталия Комара, на которой Ленин в своем традиционном обличии изображен в виде всадника с красным знаменем в руке, а над его головой парит череп, увенчанный шапкой Мономаха (2009; картина была показана в 2013 году на 55-й Венецианской биеннале). Любопытен ответ Виталия Комара на заданный ему в связи с этой картиной вопрос Александра Генниса о неминуемой смерти соц-арта, вызванной смертью советской власти: «Я думаю, что произошло нечто совершенно противоположное. После дезинтеграции Советского Союза всякое обращение к советской культуре стало соц-артом. В случае, если это буквальное цитирование, серьезное цитирование советской культуры, то временная дистанция создает кавычки»*.

* Накануне Биеннале [Интервью В. Комара А. Геннису от 27.05.2013]. Радио «Свобода». — URL: <https://www.svoboda.org/a/24999084.html> [дата обращения: 01.10. 2021].

Леонид Соков, с 1979 года живущий в США, также по праву считается одним из основателей соц-арта (сам скульптор для характеристики собственного творчества применяет авторский термин «фольклорный поп-арт»). В 1989–1990 годах он создал несколько вариантов группы «Встреча двух скульптур» (наиболее эффектная версия в бронзе, 160x122x68 см; уменьшенный гипсовый вариант — в ГТГ)*. Пластика идея группы проста: навстречу Ленину (использована скульптура М. Я. Харламова, 1924), бодро движется обнаженный «Шагающий человек» Альберто Джакометти (1961). Ленин, стоящий в несколько напряженной позе, с явной подозрительностью всматривается в лицо встречному. Метафоричное высказывание здесь предельно ясно: противостояние двух художественных концепций — соцреализма, транслирующего государственную коммунистическую идею, и модернизма, предполагающего множественность идей и интерпретаций, выражение индивидуального переживания.

Скульптор Константин Симун, классик ленинградского постмодернизма, автор знаменитого памятника «Разорванное кольцо», установленного в 1966 году на берегу Ладожского озера и ставшего знаковым произведением в истории ленинградской монументальной скульптуры, был в свое время исключен из пятого курса Академии (ЛИЖСИА им. Репина) с формулировкой «за формализм». В 1970-е годы ему удалось вступить в Союз художников, где в дальнейшем он входил в неофициальную «Группу одиннадцати», членов которой объединял внутренний протест против соцреализма в его казенных формах. В конце 1980-х годов скульптор эмигрировал в США, но время от времени возвращался в Россию. В 1995 году Симун, имевший склонность к комбинированию и эксцентричному сопоставлению разнородных материалов и предметов, создал небольшую бронзовую скульптуру «Лампочка Ильича» (иначе «Statue of Liberty») в виде настольного светильника (на деревянной табуретке, принесенной им с помойки) с настоящей работающей лампочкой, удерживаемой в торжественно вознесенной руке совершенно обнаженного Ленина. «Лампочка Ильича» — патетическое название первых бытовых ламп накаливания, получивших повсеместное распространение советском быту в 1920-е годы в связи с осуществляемым по инициативе Ленина курсом на «электрификацию всей страны». Позже этот термин превратился в клише официальной пропаганды СССР, а ныне (с легкой руки артиста-сатирика Геннадия Хазанова) стал ироническим фразеологизмом. Сам же скульптор интерпретировал свое произведение не как «ниспровержение вождя», но как «интимный монумент несбывшейся надежде, отчаянной дерзости», а обнажение героя объяснял приверженностью к античной традиции**.

Курс на Перестройку, объявленный на январском пленуме ЦК КПСС 1987 года генеральным секретарем М. С. Горбачевым, предполагал в числе прочего гласность, в частности, ослабление цензуры и снятие существовавших

* Соков Леонид. Встреча двух скульптур (Ленин и Джакометти) // Моя Третьяковка. — URL: <https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/8605> [дата обращения: 01.10.2021]. Отметим, что 3 февраля 2010 года скульптура была продана на лондонском аукционе Sotheby's за рекордную для скульптур сумму в 65 млн фунтов стерлингов.

** Андреев С. Кто-кто... Ленин без пальто! // Известия. — 22 апреля 2009. — URL: <https://iz.ru/news/347816> [дата обращения: 01.10. 2021].

в СССР многочисленных информационных барьеров. «Шлюзы» были открыты, и на советское общество хлынул поток ранее неведомой народу информации, заставивший коренным образом пересмотреть отечественную историю XX столетия, а вместе с тем, коллективно переосмыслить роль и истинный облик вождей советского государства, включая его основателя.

Дмитрий Москвин в статье с примечательным названием «Долгая лениниана» пишет: «Культа Ленина не стало, что не привело к сокращению его символического присутствия в повседневности россиян. На место религиозному оформлению пришел “спящий миф”. Ленин ни как идеолог, ни как политик не востребован государством или обществом, однако продолжает зримо присутствовать в них. Множатся и артефакты, отсылающие к образу Ленина. В итоге форма окончательно превалирует над содержанием: лениниана, выступавшая некогда оформлением культа, превратилась в самодостаточное явление, пережившее в итоге сам культ и продолжающая свою “долгую” историю в настоящее время». [5, с. 130].

В памяти ленинградцев перестроечная «деленинизация» оказалось тесно связана с телевизионным сюжетом-мистификацией «Ленин — гриб», подготовленным музыкантом Сергеем Курехиным совместно с журналистом-киноведом Сергеем Шолоховым и впервые показанным в начале 1991 года по Ленинградскому телевидению в рамках весьма популярной телевизионной передачи «Пятое колесо». Сюжет был выстроен в виде «серьезного» интервью, которое Шолохов брал у Курехина, и представлял собой с одной стороны попытку высмеять «сакральный образ» Ленина, а с другой — сатиру на псевдоисторические экскурсы, основанные на конспирологии. В дальнейшем образ вождя в художественных произведениях последовательно десакрализировался, подвергался travestированию, пародированию и окарикатурированию. Расхожим приемом стало помещение фигуры Ленина в какой-либо неожиданно парадоксальный исторический или эстетический контекст, что не обязательно связывается с какой-то глубокой философской или политической идеей.

В 1998 уроженцы Таганрога, работающие в Москве, художники Юрий Шабельников и Юрий Фесенко представили в московской «Галерее наивного искусства «Дар»» инсталляцию «Ленин в тебе и во мне, или Мавзолей. Ритуальная модель»*. На вернисаже официанты в сюртуках и галстуках-бабочках подавали посетителям тарелки с нарезанным тортом, который был исполнен в форме погребального ложа Ленина, в натуральную величину, с соответствующими кремовыми цветами и драпировками. При создании инсталляционного действия художники взяли за основу вышеупомянутую работу Кузьмы Петрова-Водкина «Рабочие у гроба В. И. Ленина» (1924). Однако возвышенная патетика Петрова-Водкина сменилась здесь намеренным разрушением неприкосновенного образа, своеобразной языческой теофагией — богоедством, что, впрочем, можно соотнести и с христианским обрядом пресуществления, обозначающим превращение материального хлеба и вина в Тело и Кровь Христа в Таинстве Евхаристии.

* 1998. Торт Ленин. Шабельников, Фесенко // Запрещенное искусство 18+. — URL: <https://artprotest.org/cgi-bin/news.pl?id=3108> [дата обращения: 01.10. 2021].

В 2017 году в Московском музее современного искусства на Гоголевском бульваре состоялась выставка под названием «Ленин и Кока-кола» — ретроспектива одного из основателей соц-арта Александра Косолапова, с 1975 года живущего в Нью-Йорке*. Выставочный проект продемонстрировал 120 произведений художника, выполненных им за сорок лет в разных техниках и жанрах (живопись, графика, плакат, скульптура, объект, инсталляция). Косолапов обыгрывает классические изображения Ленина в советском искусстве, ставя вопрос о несостоительности «исключительных» идеологий, включая идеологию «капиталистического потребления», религию и коммунизм, сближает или противопоставляет иконографические символы разных идеологических систем. Его скульптурная группа «Ленин, Иисус и Микки Маус» представляет трех идолов — Героя, Вождя и Бога (пояснение самого автора), шагающих, взявшись за руки и образующих в силуэте букву «М» (Макдоналдс). Его картина «Ленин и семь гномов» (1986) представляет фигуру вождя в окружении общеизвестных диснеевских персонажей. Лики и фигуры Ленина перемежаются на выставке с бутылками кока-колы, советскими лозунгами, американской торговой рекламой и портретами Горбачева, выполненными в духе Энди Уорхола, благодаря чему выстраивается цепочка сопоставлений и противопоставлений «своего» и «западного», гламурного и сакрального.

На рубеже 2018–2019 годов в Государственном Русском музее прошла выставка «Карл Маркс навсегда», приуроченная к 200-летию со дня рождения автора «Капитала»**. Помимо исторических документов, предметов быта, картин и скульптур академического толка, на ней был представлен большой живописно-архитектурный объект «Капелла марксизма» в форме иконостаса, подготовленный членами художественной группы «Колдовские художники», объединившейся вокруг петербургской галереи с провокационным названием «Свиное рыло». Как гласила аннотация, это была «масштабная инсталляция <...> эпически повествующая о житии Маркса и вехах интернационального марксизма в характерной для этого объединения абсурдистской манере»***. В числе работ, представленных в «иконостасе», была картина Василия Потчицкого «Красная чума побеждает коричневую», изображающая Маркса, Энгельса, Сталина, Гитлера и мальчика Володю Ульянова с лицом в обрамлении октябрятской звездочки, писающего на ногу Гитлера. В творчестве «Колдовских художников» (Николай Копейкин, Николай Васильев, Михаил Гавричков, Кирилл Миллер и др.) последовательно развивается линия народной смеховой культуры, не считающейся с тотемами и табу советской эпохи. В том же ключе обращается к новой лениниане один из основателей группы «Митьки» Дмитрий Шагин, чья картина «Кипятку бы» (2012) в гротескной, шаржированной

* Эта шутка будет вечной, если... // Независимая газета. 06.12.2017. — URL: https://www.ng.ru/culture/2017-12-06/7_7130_lenin.html [дата обращения: 01.10. 2021]. См. также сайт Sotsart by Alexander Kosolapov. — URL: <https://www.sotsart.com/>

** Изначально выставку планировалось устроить в Мраморном дворце, в котором в 1936–1992 годах располагался Ленинградский филиал Центрального музея В. И. Ленина.

*** Карл Маркс навсегда? // Русский музей. Корпус Бенуа. — URL: <https://russmuseum.ru/benois-wing/exhibitions/karl-marx-forever> [дата обращения: 01.10. 2021].

форме относит зрителя к культовому советскому фильму «Человек с ружьем» Сергея Юткевича (1938).

В 2019 году в Музее современного искусства «Гараж» в Москве состоялась персональная выставка художника и литератора Павла Пепперштейна «Человек как рамка ландшафта»*, на которой среди прочего экспонировалась инсталляция «Ленин и девушка» (2019). Увлечение Пепперштейна образом Ленина началось в середине 1980-х годов, когда он создал графический альбом, в котором представил портреты вождя, написанные от имени разных лиц — ребенка, профессионального художника, душевнобольного, наркомана, «бывшего авангардиста». С точки зрения художника, некогда сакральный массив советского имперского искусства дает неисчерпаемый материал для конструирования новых мифов. Инсталляция «Ленин и девушка» представляет натуралистически исполненный мультиплекс тела Ленина, возлежащего в открытом гробу рядом с силиконовой красавицей. Художник пояснял, что хотел изобразить вождя, находящегося во власти волшебного сна, а девушка, возможно, олицетворяет собой Россию.

Весной 2020 года в ДК «Громов» в Санкт-Петербурге (ул. Громова, Малая Охта), а год спустя в выставочном пространстве Московского музея современного искусства Art4 (в Хлыновском тупике) прошла выставка, приуроченная к 150-летию со дня рождения Ленина, названием которой стала цитата из Луначарского «И досадно мне стало, что у меня не было и не будет времени заняться искусством». На выставке были показаны художественные образы Ленина из коллекции петербургского предпринимателя и мецената Игоря Суханова — от образцов соцреализма и агитационного искусства советских лет до Энди Уорхола и Пепперштейна. Кураторы выставки художник Александр Дашевский и сам Игорь Суханов заявляли в свой декларации: «В России сегодняшнего дня политический спрос на эту фигуру минимален. Ленин не легитимирует действующую систему властных отношений, не поднят на щит оппозицией, даже в качестве сырья для постсоветского остроумия он уже не годен. Отдельные призывы перечитать Ленина пока не обрели силу общественного тренда. <...> Этот проект не следует воспринимать как пародию на юбилейные советские выставки и ленинианы, как ностальгическое шоу или шутку. Выставка — попытка представить частное собрание и частный интерес к теме, не так давно обладавшей статусом первостепенной государственной важности»**.

Многие исследователи давно уже предрекали падение общественного, интереса к лениниане, поскольку содержательная основа как классического пафосного, так и пародийного воплощения образов и символов ушедшей эпохи давно утратила свою актуальность. Однако практика показывает, что образ Ленина, лишенный сакральности, избавленный от обязательных идеологических шаблонов и цензуры, продолжает жить в изобразительном искусстве,

* «Человек как рамка для ландшафта»: путеводитель по выставке Павла Пепперштейна. — URL: <https://daily.afisha.ru/brain/11466-chelovek-kak-ramka-dlya-landshafta-putevoditel-po-vystavke-pavla-peppershteyna/> [дата обращения: 01.10. 2021].

** Сайт: Museum ART4. — URL: <https://www.art4.ru/show/i-dosadno-mne-stalo-chto-i-menya-ne-bylo-i-ne-budet-vremeni-zanyatsya-iskusstvom/> [дата обращения: 01.10. 2021].

литературе, музыке и театральных действиях, сохраняя за собой широкое поле для множества художественных экспериментов. Лениниана как общественно-политический и культурно-эстетический феномен отнюдь не умерла, но продолжает свое развитие, впитывая новый фольклор, обогащаясь новейшими техниками и технологиями, осваивая сетевые коммуникации, откликаясь на очередные вызовы времени. Да, времена меняются, и мы меняемся вместе с ними, но культура не забывает своих героев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аболина Р. Я. Ленин в советском изобразительном искусстве. Живопись, скульптура, графика. 2-е изд. — М.: Изобразит. искусство, 1987. — 168 с.
2. Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство, архитектура. Терминологический словарь / Под общ. ред. А. М. Кантора. — М.: Эллис Лак, 1997. — 736 с.
3. Морозов А. И. Конец утопии. Из истории искусства в СССР 1930-х годов. — М.: Галарт, 1995. — 224 с.
4. Морозов А. И. Соцреализм и реализм. — М.: Галарт, 2007. — 272 с.
5. Москвин Д. Е. «Долгая лениниана»: эволюция образа Ленина в отечественной визуальной культуре // Символическая политика. Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-инф. исслед. Отд. полит. Науки. — М., 2014. — Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. — С. 128–145.
6. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. — М.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. — 285 с. — URL: https://bookscafe.net/read/tumarkin_nina-lenin_zhiv_kult_lenina_v_sovetskoy_rossii-225765.html#p30 [дата обращения: 01.10. 2021].
7. Шелест В. В. Травестирование культового образа Ленина в постсоветском кино на материале фильмов «Комедия строгого режима» и «Деревня Хлюпово выходит из союза // Культура и искусство. — 2020. — № 1. — С. 27–42. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30366 [дата обращения: 01.10. 2021].

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.012

УДК 94(47).084.9

A. N. Чистиков*

**ПЛЮСЫ И МИНУСЫ «ХРУЩЁВСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ»:
ОЦЕНКА СОРАТНИКАМИ Н. С. ХРУЩЁВА
В ОКТЯБРЕ 1964 ГОДА****

В статье анализируются партийные документы, связанные с отставкой Н. С. Хрущёва в октябре 1964 г. Автор приходит к выводу, что основная критика была направлена исключительно против Хрущёва, прежде всего против его стиля руководства. Ошибочные, с точки зрения соратников, решения Первого секретаря оценивались также с позиции его личной инициативы или вмешательства. Умолчание касалось не только положительного вклада Хрущёва, но и ряда отрицательных решений, в принятии которых участвовали его обвинители.

Изменение численности и состава аудитории оказывало существенное влияние на содержание партийных документов. Откровенный разговор на заседании Президиума ЦК КПСС сменился критическим, но более сложенным докладом для участников пленума ЦК КПСС и завершился кратким постановлением пленума ЦК КПСС, не раскрывавшим советским людям истинных причин отставки Хрущёва. Использование тайны соответствовало бюрократической форме управления, присущей в то время многим государствам, в том числе и СССР.

Ключевые слова: СССР, Хрущёв, «хрущёвское десятилетие», КПСС, Октябрьский (1964 г.) пленум ЦК КПСС, Президиум ЦК КПСС.

A. N. Chistikov
**PROS AND CONS OF THE “KHRUSHCHEV DECADE”:
ASSESSMENT OF N. S. KHRUSHCHEV’S ASSOCIATES IN OCTOBER 1964**

The article analyzes the party documents related to the resignation of N. S. Khrushchev in October 1964. The author concludes that the main criticism was directed exclusively against Khrushchev, primarily against his leadership style. The First Secretary’s erroneous decisions, in

* Чистиков Александр Николаевич, доктор исторических наук, заведующий отделом, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук; tchistikov@yandex.ru.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43080 «Советский Союз как цивилизация: от расцвета до заката».

the opinion of his comrades-in-arms, were also evaluated from the standpoint of his personal initiative or interference. The silence concerned not only Khrushchev's positive contributions, but also a number of negative decisions in which his accusers participated.

The changing size and composition of the audience had a significant impact on the content of the party documents. The frank talk at the session of the Presidium of the CPSU Central Committee was replaced by a critical but more subdued report for the participants of the CPSU Central Committee Plenum and ended with a brief resolution of the CPSU Central Committee Plenum, which did not reveal to the Soviet people the real reasons for Khrushchev's resignation. The use of secrecy was in keeping with the bureaucratic form of governance inherent in many states at the time, including the USSR.

Keywords: the USSR, Khrushchev, «Khrushchev decade», the CPSU, October (1964) Plenum of the CPSU Central Committee, Presidium of the CPSU Central Committee.

В политической истории советской цивилизации 1964 году принадлежит заметное место. В октябре этого года Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущёв ушёл в отставку. Вместо него 14 октября пленум ЦК КПСС избрал Первым секретарём ЦК КПСС Л. И. Брежнева и рекомендовал Президиуму Верховного Совета СССР назначить Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгина.

Изучение этих событий началось с конца 1980-х гг. [8] Интерес историков к теме усилился после публикации материалов заседаний Президиума 13–14 октября и пленума ЦК, интервью и воспоминаний некоторых политиков «хрущёвского десятилетия» [5; 6; 7; 9; 11; 12; 15; 16]. Характеризуя оставление Н. С. Хрущёвым своих постов как «дворцовый заговор», «дворцовый» или «нomenklaturный» переворот, историки и публицисты основное внимание уделяли причинам, приведшим к отставке, формированию группы «заговорщиков», выявлению их лидеров [1, с. 266–273, 280–285; 3]. Ю. В. Аксютин конспективно перечислил основные претензии, предъявленные Хрущёву на заседании Президиума ЦК КПСС [1, с. 267–273], а А. Н. Артизов и Ю. В. Сигачев в недавно вышедшей книге не только реконструировали ход этого заседания, но и сравнили некоторые положения в докладе М. А. Суслова на пленуме 14 октября и докладе Д. С. Полянского, подготовленном, но не доведённом до участников пленума [2, с. 28–38].

Вместе с тем отсутствует сравнительный анализ записи выступлений на заседании Президиума ЦК КПСС 13–14 октября, текстов докладов Полянского и Суслова, постановления Президиума ЦК КПСС, проекта и окончательной редакции постановления пленума, а также текста постановления, опубликованного в печати. Хотя эти документы имели общую цель — доказать невозможность дальнейшего пребывания Хрущёва на вершине партийной и исполнительной власти, тем не менее их изучение даёт возможность, во-первых, выявить характер претензий к Хрущёву в зависимости от аудитории, для которой предназначались данные материалы, а во-вторых, через умолчание определить те действия и инициативы Хрущёва, которые не подвергались критике в октябрьские дни. Такой анализ позволяет отстраниться от личности Хрущёва и установить плюсы и минусы «хрущёвского десятилетия», с точки зрения соратников по партии и правительству.

На заседании Президиума ЦК КПСС 13–14 октября присутствовали 23 человека, из которых, судя по записям, сделанным заведующим общим отделом

ЦК В. Н. Малиным, с конкретными обвинениями в адрес Первого секретаря выступили 15.

Не останавливаясь на пересказе всех претензий, высказанных членами Президиума, попытаемся сгруппировать их по некоторым характеристикам. Прежде всего, можно выделить две группы: критика стиля руководства Хрущёва и его роли в осуществлении ряда преобразований в стране.

Стиль руководства Первого секретаря никого из выступавших не оставил равнодушным. Обвинения в нетерпимости к другому мнению, вспыльчивости, самообольщении соседствовали с утверждениями о нарушении коллективного руководства, диктаторстве и, что особенно важно, непартийном и уничижительном отношении к товарищам, под которыми подразумевались члены Президиума и Секретариата ЦК, а не рядовые коммунисты. О субъективизме и субъективном подходе Хрущёва высказались лишь два человека: первый заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР А. П. Кириленко и первый секретарь Ставропольского крайкома партии Л. Н. Ефремов [11, с. 865, 866]. Зато о формирующемся или уже сформировавшемся культе личности Хрущёва упомянула почти половина выступавших. В потоке обвинений не осталась незамеченной реплика Ефремова (в записи Малина): «В личном плане: вы были другим человеком». Эту мысль подхватили заместитель председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянский («Другой Хрущёв стал. В первую пятилетку вёл хорошо себя. В последнее время захотел возвыситься над партией, стал груб») и секретарь ЦК КПСС Н. В. Подгорный («Мы все с уважением относились к т. Хрущёву. Сейчас он другой») [11, с. 866, 868, 870]. А. Н. Артизов и Ю. В. Сигачев, назвавшие это разделение «концепцией двух Хрущёвых», объясняют его стремлением членов Президиума «отмежеваться от ошибок и возложить вину исключительно на Хрущёва» [2, с. 34]. Не возражая против такой трактовки, отметим, что тем самым косвенно политика «первого Хрущёва» его соратниками признавалась правильной.

Претензии к конкретной деятельности Первого секретаря, казалось бы, охватывали все сферы жизни страны, её внутренней и внешней политики: от идеи новой семи- или восьмилетки до отсутствия интереса к профсоюзам. Но среди них явственно выделяются несколько «болевых точек».

Многих членов Президиума справедливо раздражал поток реорганизаций, инициатором которых часто выступал Хрущёв и которые порой обосновывались амбициозными задачами, например, «догнать и перегнать США». Большинство выступавших высказались против проведённого в 1962 г. разделения партийных, советских и иных органов на промышленные и сельскохозяйственные, попутно отметив снижение роли Президиума, пленумов и правительственные органов.

Досталось Хрущёву и за непоследовательность и неразбериху в руководстве сельским хозяйством, провалы в котором, по утверждению председателя ВЦСПС В. В. Гришина, связывались с именем Хрущёва. В записях Малина есть несколько указаний на определённые ошибки в этой области. Первый секретарь ЦК КП Грузии В. П. Мжаванадзе критиковал Первого секретаря за увлечение гидропоникой, председатель Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС А. Н. Шелепин — за чехарду с «каруселью» и «ёлочками»

(оборудованием для животноводческих ферм) и «рязанское дело». Последнее поставил в вину Хрущёву и председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев [11, с. 864, 867, 871]. По позднейшему утверждению Ефремова, первый заместитель председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгин попенял Хрущёву за увлечённость расширением посевов кукурузы и бобовых [2, с. 152]. Но в основном акцент был сделан на поспешной «вне времени и пространства» выработке Хрущёвым программе развития сельского хозяйства. Правда, и в этом случае Полянский вновь использовал противопоставление одного Хрущёва другому, заявив, что «в первые годы шло хорошо, затем — застой и разочарование», тем самым признав правильность курса, определённого пленумом ЦК КПСС в сентябре 1953 г. В сфере промышленности главная претензия сводилась к организации совнархозов, что привело к бюрократизации и неразберихе в управлении промышленностью и к ослаблению и отсталости материально-технической базы.

Не оставили без внимания члены Президиума внешнюю политику, критикуя Хрущёва за апломб, обсуждение внешнеполитических вопросов «урывками», «разброд» в отношениях с социалистическими странами, за опасные высказывания о Синьцзяне и неправильные действия, приведшие к возникновению берлинского вопроса, к кубинскому и суэцкому кризисам. При этом не было упомянуто, например, о действиях Хрущёва в польских и венгерских событиях осени 1956 г., о его вкладе в нормализацию отношений с Югославией. Видимо, эти события положительно оценивались соратниками Первого секретаря. Единственным участником заседания, который не ограничился критикой, но отметил и положительные стороны деятельности Хрущёва на внешнеполитической арене, оказался первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян. «Во внешней политике — вначале Хрущёв мало владел внешней политикой, быстро овладел», — записал его слова Малин. Нравились Микояну и «блестящие беседы с иностранцами» Первого секретаря.

Претензии к Хрущёву в области культуры по сути дела сводились к критике действий его зятя — главного редактора газеты «Известия» А. И. Аджубея, к присуждённой (но, кстати, так и не врученной) Хрущёву Республиканской премии им. Т. Г. Шевченко, да к общему замечанию А. П. Кириленко: «о деятелях разные мнения». Ни эмоциональные встречи Хрущёва с деятелями культуры, ни приоткрытая дверь в «чуждый мир», потребовавшая от агитационно-пропагандистских органов усиленной работы и поисков новых методов, не вызвали возражения и неприятия у членов Президиума. Не было сказано ни слова о религиозной политике этого периода, на протяжении многих лет отличавшейся агрессивностью, что, по-видимому, стоит расценивать как поддержку Первого секретаря в этом вопросе.

За одним исключением в вину Хрущёву не ставились его инициативы в социальной области: сокращение рабочего дня, введение авансирования колхозов, отмена платы за обучение в старших классах и вузах, принятие закона о государственных пенсиях. Обошли вниманием выступавшие и события в Новочеркасске в 1962 г. Исключением стала жилищная политика. Первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест обвинил Хрущёва в невыполнении жилищной программы, а у Шелепина вызвало недовольство строительство

4–5-этажных домов. Речь шла, безусловно, о панельных домах, в обиходе именуемых «хрущёвками», благодаря которым впервые в стране удалось наладить массовое жилищное строительство.

Хотя в основном выступления собравшихся сводились к перечислению ошибок и неверных действий Хрущёва, прозвучали на заседании и другие оценки: «добились огромных успехов» (Шелест), «много хороших сторон есть» (Подгорный). Эти утверждения перекликались с одобрением генеральной линии партии, решений съездов и ЦК. Немногим позднее, в докладе на пленуме Суслов тоже упомянул о правильной и нерушимой генеральной линии партии, что А. Н. Артизов и Ю. В. Сигачев расценили как традиционное заклинание для успокоения партийной элиты [2, с. 28–29]. С этим можно согласиться, тем более, что Ефремов, правда, гораздо позднее, утверждал, что на заседании Президиума он признавал линию политики партии правильной, ибо «если сказать иначе, нас не поймёт ни партия, ни народ» [2, с. 141]. Возможно, и остальные четверо членов Президиума одобряли генеральную линию по той же причине. Однако, учитывая, что разговор шёл в узком кругу и не мог стать достоянием широких (и даже не очень широких) партийных масс, можно предположить, что кто-то из них искренне был уверен в незыблемости такой линии, а во всех нарушениях винил Хрущёва. Именно так изложил свою мысль Полянский: «Линия съездов правильная, другое дело осуществление её т. Хрущёвым». Любопытно, что выступавший незадолго до Полянского Суслов в качестве одного из обвинений использовал такую же формулу, но с противоположным знаком: «Всё положит[ельное] припис[ывается] Хрущёву, недостатки — обкомам» [11, с. 868, 867].

Единственным, кто выразил сомнение в правильности решений партийных съездов, оказался Мжаванадзе, заявивший: «XX съезд, XXXII съезд — лозунги» [11, с. 866]. Правы А. Н. Артизов и Ю. В. Сигачев, предположившие, что этим высказыванием двигала обида Мжаванадзе, по настоянию Хрущёва вынужденного участвовать в комиссии по перезахоронению И. В. Сталина [2, с. 141]. В записях Малина нет информации об отношении присутствовавших к Программе партии, принятой в 1961 г., однако в рукописном варианте воспоминаний Шелест процитировал часть своего выступления на заседании Президиума, где, в частности, сказал: «В новой Программе партии много обещаний. Вот одно из них: в течение 10 лет каждой семье предоставить отдельную квартиру. Бесплатные проезды коммунальным транспортом, бесплатное питание части населения. Теперь мы говорим, что это ересь» [2, с. 136]. Вспомнил о Программе и Суслов. В передаче Ефремова этот эпизод выглядит следующим образом: «Многие предложения членов Президиума вами отклоняются, причём необоснованно. Это касается, в частности, предложений о Программе КПСС. В ней отсутствовало положение о сохранении в СССР руководящей роли рабочего класса. Но вам нельзя было этого сказать» [2, с. 143]. Шелест мог опираться на подготовленный текст своей речи, а Ефремов вёл конспективные записи на заседании Президиума, и по этим причинам можно доверять их информации, хотя в последнем случае прямая речь всё-таки вызывает сомнение.

Результатом двухдневного обсуждения стало постановление Президиума ЦК КПСС, в котором были выделены главные претензии к Хрущёву: 1) нару-

шение ленинских принципов коллективного руководства («стал выходить из-под контроля ЦК КПСС», «перестал считаться с мнением членов Президиума ЦК и членов ЦК КПСС»); 2) неприемлемая манера поведения («нетерпимость и грубость к товарищам по Президиуму и ЦК», проявление отрицательных личных качеств); 3) ошибочность в принятии ряда решений (крупные ошибки «в практическом осуществлении линии, намеченной решениями ХХ, XXI и XXII съездов КПСС»). Первые два пункта фактически говорили о стиле руководства Хрущёва, последний в общей форме повторял тезис Полянского об искажении Первым секретарём правильных съездовских решений. Как и на заседании Президиума, в решении не отмечались какие-то заслуги Хрущёва.

Характер данного документа не предполагал перечисления конкретных ошибок и прегрешений. Эта цель была поставлена перед Полянским, который готовил доклад для пленума. Однако вместо него выступил Суслов. Публикаторы 68-страничного текста доклада Полянского предположили, что замена «жёсткого обличительного варианта <...> более мягким» произошла из-за того, что Хрущёв на заседании Президиума согласился уйти в отставку и результаты голосования на пленуме были предсказуемы [7, с. 101]. С такой трактовкой, как одной из причин смены докладчика, согласны А. Н. Артизов и Ю. В. Сигачев, которые в своей книге сопоставили отдельные положения и формулировки двух докладов, подтвердив указанные расхождения и выявив принципиальные различия. Они же отметили, что часть положений и примеров из доклада Полянского Суслов использовал в своём выступлении [2, с. 36–38].

Как трансформировались высказывания членов Президиума ЦК КПСС и основные претензии, высказанные Полянским, в докладе Суслова? Что узнали 14 октября 1964 г. 329 членов и кандидатов в члены ЦК КПСС и члены Центральной ревизионной комиссии?

Говоря о личных качествах Хрущёва, Суслов процитировал соответствующие строки из доклада Полянского, добавив к сказанному на заседании Президиума капризность, озлобленность, чрезмерную самоуверенность и администраторское увлечение, но промолчал о матерной бране, посчитав, вероятно, информацию об использовании этого «метода руководства» излишней. Констатация нарушения ленинских принципов коллективного руководства логически подводила и к культу личности Первого секретаря. Полянский и Суслов поддержали тех членов Президиума, которые говорили лишь о складывающемся культе личности, но его трактовка у них различалась. «Мы имеем дело с ясно наметившимися рецидивами культа личности», — писал Полянский [7, с. 122]. В докладе Суслова говорилось, что действия Хрущёва «могли быть истолкованы как его стремление выдвинуть культ своей личности». Примечательно, что во вступительном слове на пленуме Брежнев обвинил Хрущёва в выпячивании своего культа личности, но эта речь в стенограмму не вошла [5, с. 6] и рядовым коммунистам была предложена более мягкая трактовка.

Противопоставление «двух Хрущёвых», прозвучавшее в выступлениях членов Президиума, нашло отражение и в докладах Полянского и Суслова, но здесь характеристика «первого» (то есть хорошего) Хрущёва наполнялась более-менее конкретным содержанием. Полянский отдал должное решительности Первого секретаря при ликвидации культа личности Сталина и восста-

новлении ленинских норм партийной и государственной жизни, добавив, что «никто не собирается также отрицать всё то полезное и правильное, что сделано им в других областях деятельности, особенно в первый период его пребывания у руководства». В это «полезное и правильное», кроме реабилитации, видимо, вошла характеристика Хрущёва как хорошего организатора [7, с. 103, 123]. Сусловская трактовка «двух Хрущёвых» заключалась в следующих словах: «Ещё несколько лет тому назад стиль работы т. Хрущёва был другим, и мы отдаём должное его инициативе, энергии. Мы вместе с ним боролись с антипартийной группой <...> Мы не забываем и этих заслуг т. Хрущёва. Но в последние годы он резко изменился в отрицательную сторону...». О других заслугах своего соратника Суслов сказал в начале доклада: «Решения XX, XXI и XXII съездов партии наметили правильный ленинский курс в области внутренней и внешней политики. В разработку этой коллективно выработанной линии т. Хрущёв внёс определённый вклад. Следует отметить его положительную роль в разоблачении культа личности Сталина, в проведении ленинской политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем, в борьбе за мир и дружбу между народами» [5, с. 9, 7].

Такой приём сочетания положительного и отрицательного был привычен при составления личных характеристик в советскую эпоху. И в данном случае докладчики не покривили душой, отметив заслуги своего соратника.

Список «прегрешений» оказался намного длиннее и в основном совпадал с претензиями, высказанными на заседании Президиума. Непрерывные реформы, различные реорганизации, перестройки, подмеченные Полянским, превратились в «бесконечные реорганизации» у Суслова. При этом особое беспокойство у Полянского вызвало разделение партийных и советских органов в 1962 г., приведшее, по его словам, к подчинению промышленных обкомов совнархозам, а колхозных и совхозных парткомов — производственным управлениям. «Такого положения у нас ещё никогда не было, — писал он. — Ведь именно партия всегда руководила строительством социалистического общества, всеми организациями и органами снизу доверху» [7, с. 110]. Мысль об опасности перемещения партийных органов на вторые роли у Суслова выражена также отчётливо: «без партийных организаций, без укрепления их, без повышения их роли невозможно поднять сельское хозяйство». Общую отрицательную оценку Суслов дословно позаимствовал у Полянского: «Произошло невероятное переплетение, смешение функций, прав и обязанностей партийных, государственных и хозяйственных органов, параллелизм в их работе» [5, с. 13]. Не случайно на следующем после отставки Хрущёва пленуме в ноябре того же года было принято решение о возвращении к старой структуре партийных органов.

Критика политики Хрущёва в сельском хозяйстве занимала в докладах немалое место, как и при обсуждении на заседании Президиума. Это было связано с активным вмешательством Первого секретаря. По словам Полянского, Хрущёв «всюду и везде уверяет, что только он один знает сельское хозяйство и сумел “вытащить” колхозы и совхозы чуть ли не из пропасти» [7, с. 106]. Справедливости ради стоит отметить, что аграрные реформы, проведённые на основе решений сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС и последующих

законодательных актов, дали мощный позитивный заряд, но к концу 1950-х гг. он в основном был исчерпан [4, с. 398]. Вслед за Полянским Суслов также в своём выступлении обвинил Хрущёва в монополизации руководства сельским хозяйством. Конкретные претензии, высказанные членами Президиума и в докладах, во многом совпадают, что свидетельствует об их одинаковом восприятии многих «болевых точек» сельского хозяйства и об учёте мнений, высказанных на заседании Президиума. Стоит обратить внимание на отсутствие в этом списке инициативы Хрущёва об освоении целинных земель. Видимо, она возражения не вызвала. Председатель КГБ В. Е. Семичастный спустя годы так и не смог прийти к однозначной оценке этого способа решения зерновой проблемы, но заметил в воспоминаниях, что «личный вклад Хрущёва в поднятие целины не могут поставить под сомнение даже самые упорные его критики» [15].

Полянский в своём докладе упоминал о возмущении Хрущёва, узнавшего, что продукция колхозов дешевле совхозной, в то время как он считал её более дорогой. Но при этом Полянский утверждал, что «партия будет и впредь развивать совхозное производство» из-за его прогрессивности [7, с. 108]. Суслов этого сюжета не коснулся. Возможно, из-за того, что процесс преобразования колхозов в совхозы начался уже при Хрущёве, осенью 1954 г., и эта реплика выглядела надуманной.

Претензии к деятельности Хрущёва в области внешней политики у Полянского выделены в отдельный раздел и заняли обёмное место в докладе. Характеристику суэцкого и карибского кризисов, «берлинского вопроса» он заключает выводом о том, что в течение последних семи лет Советская страна без всяких к тому серьёзных причин и оснований трижды оказывалась на грани войны» [7, с. 113]. К критике действий Хрущёва в отношениях с социалистическим лагерем добавлены утверждения о вынашивании им планов добровольного присоединения к СССР Болгарии и Монголии, о создании арбитража или проведении опросов населения по поводу территориальных споров между социалистическими странами. Ничего этого нет в докладе Суслова. В отличие от своих товарищей по Президиуму он в основном ограничился общими выводами о наглеющих империалистах, особенно США, сложных отношениях между некоторыми социалистическими странами, росте национализма в некоторых из них. Конкретные претензии касались поведения Хрущёва в Румынии, где он поучал «как сеять кукурузу», и при встрече с первым секретарём ЦК Польской объединённой рабочей партии В. Гомулкой, которому он заявил об отказе покупать самолёты АН-2, производимые в Польше, из-за их высокой стоимости [5, с. 13–14]. Замена «берлинского вопроса», суэцкого и карибского кризисов упомянутыми нетактичными поступками Хрущёва делала его «прегрешения» во внешней политике второстепенными, выводя на первый план критику личных качеств, методов руководства и отдельных реформ во внутренней политике. Как и на заседании Президиума, ни один из докладчиков не упомянул о польских и венгерских событиях 1956 г. и нормализации отношений с Югославией, тем самым также подтверждая правильность принятых решений.

Критика действий Хрущёва в области культуры и науки была весьма скромной. Полянский упомянул о шевченковской премии, вспомнил (как Шелепин

на заседании Президиума) об угрозе Первого секретаря закрыть Академию наук и охарактеризовал как неудачную и ненужную школьную реформу 1958 г., которая, по его словам, привела к снижению качества общеобразовательной подготовки [7, с. 120, 121]. Из этого в доклад Суслова вошла лишь информация о заявлениях Хрущева ликвидировать Сельскохозяйственную академию им. Тимирязева и разогнать АН СССР. Упоминанию о школьной реформе места не нашлось, хотя, как пишут современные исследователи, «к середине 1960-х гг. просчёты реформы стали видны всему обществу», и после отставки Хрущёва её стали сворачивать [13, с. 204]. Как и на заседании Президиума, ни слова не было сказано об «оттепельных» явлениях в литературе и искусстве, о встречах Хрущёва с деятелями культуры, о политике «полуоткрытых дверей», о наступлении на религию.

Уровень жизни советских людей также не остался без внимания Полянского, но критику он начал с Программы КПСС, заявив, что «готовили её без глубоких экономических обоснований и расчётов» и без участия членов Президиума. Опираясь на официальные данные, он констатировал снижение темпов прироста общественного продукта, роста производительности труда и национального дохода. Это вызывалось, по его мнению, бесконечным внедрением «новых» систем управления и приводило к не выполнению не только плановых заданий, но и мероприятий социального характера. В качестве конкретного примера Полянский упоминал о росте незавершённого строительства, попутно раскритиковав (подобно Шелепину на заседании Президиума) «директиву» Хрущёва о строительстве четырёх- и пятиэтажных домов, как более затратных, чем высотные [7, с. 104–110]. Суслов же в своём выступлении обошёл жилищный вопрос (возможно, признавая заслуги Хрущёва в его решении) и ограничился констатацией известных трудностей «в снабжении населения мясом, хлебом, крупами и другими продуктами» [5, с. 11].

По-иному он трактовал и содержание Программы партии: «ленинская генеральная линия партии, намеченная решениями XX, XXI и XXII съездов партии, Программой партии, является правильной и нерушимой. Эта линия как в области внутренней политики, так и в области внешней политики для нас священна и незыблема». «Однако наши успехи были бы более значительными при иной обстановке в Президиуме ЦК, — продолжал Суслов. — Ненормальность её, созданная в последние годы г. Хрущёвым, нанесла и наносит серьёзный ущерб практической работе не только Президиума ЦК, но и работе всего ЦК, да и работе всей нашей партии» [5, с. 7]. Фактически здесь передана мысль, высказанная Полянским на заседании Президиума, об ошибках Хрущёва при осуществлении правильной генеральной линии партии. Таким образом он перекладывал всю вину исключительно на Хрущёва, отводя критику не только от членов Президиума, но и от других высокопоставленных партийных руководителей, что не могло не понравиться участникам пленума.

Ещё на заседании Президиума было решено, что пленум пройдёт без выступления Хрущёва и без прений. В конце доклада Суслов предложил проект постановления, который текстуально совпадал с постановлением Президиума, за одним исключением:

Постановление Президиума ЦК КПСС	Проект постановления пленума ЦК КПСС
Президиум ЦК КПСС считает, что при сложившихся отрицательных личных качествах как работника, преклонном возрасте и ухудшении здоровья т. Хрущёв неспособен исправить допущенные им ошибки и непартийные методы в работе.	Пленум ЦК КПСС считает, что при наличии отрицательных личных качеств как работника, проявившихся за последнее время , преклонном возрасте и ухудшении здоровья т. Хрущёв неспособен исправить допущенные им серьёзные ошибки.

С постановлением пленума должны были ознакомиться не только его участники, но и другие коммунисты. Замена характеристики отрицательных личных качеств со сложившихся на наличествующие и проявившиеся в последнее время позволяла пояснить нижестоящим партийным руководителям, что соратники Хрущёва знали о негативных сторонах его характера и решительно выступили против, как только они стали доминировать в его поведении. Исключение упоминания о непартийных методах в работе Первого секретаря, на наш взгляд, вызвано стремлением сбалансировать две группы претензий: к его личным качествам и практическим действиям во внутренней и внешней политике.

Посол СССР в Алжире Н. М. Пегов предложил добавить в проект постановления фразу о принижении Хрущёвым роли ЦК. По мнению посла СССР в Польше А. Б. Аристова, следовало указать, что «т. Хрущёв плохо оправдывал доверие ЦК». Видимо, было учтено только последнее предложение, так как в окончательном варианте процитированная фраза приобрела следующий вид: «Пленум ЦК КПСС считает, что при наличии отрицательных личных качеств как работника, проявившихся за последнее время, преклонном возрасте и ухудшении здоровья т. Хрущёв стал утрачивать доверие ЦК КПСС и не способен исправить допущенные им серьёзные ошибки» [12, с. 769]. В таком виде постановление вошло в протокол пленума, разосланный на места.

Составители трёхтомника «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964» опубликовали и первоначальный вариант постановления пленума. Видимо, его готовил Суслов, так как содержание близко к его докладу, некоторые формулировки и суждения совпадают почти текстуально. Важно подчеркнуть, что этот вариант начинался с признания немалого вклада Хрущёва в разработку и осуществление генеральной линии партии, разоблачение культа личности Сталина и преодоление его последствий, в проведение политики мирного сосуществования [12, с. 769]. Впоследствии эта часть была исключена из постановления, но её наличие, на наш взгляд, может свидетельствовать об определённых расхождениях среди членов Президиума ЦК. Объединённые одной целью — добиться отставки Хрущёва, они могли неодинаково оценивать содержание информации, которую предстояло донести до разных уровней партийного аппарата. Градус критики в докладе Суслова был ниже, чем у Полянского. Возможно, кроме иных причин, это было связано с пониманием, что информация выйдет за пределы узкого круга партийных функционеров. Но при редактировании постановления чаша

весов склонилась в сторону тех, кто акцентировал внимание исключительно на ошибках и негативном влиянии Хрущёва.

Протокол пленума поступил в республиканские, краевые и областные парторганизации и послужил источником (в ряде случаев к нему добавились личные впечатления участников пленума) для выступления секретарей этих организаций на партийных активах. На пути к первичным партийным организациям часть сведений исключалась. Так, 16 октября 1964 г. актив пермских промышленной и сельской партийных организаций после доклада секретаря Пермского промышленного обкома КПСС К. И. Галаншина одобрил решение пленума ЦК КПСС об освобождении Хрущёва «за серьёзные ошибки и недостатки в его работе, принижение роли партийных организаций, грубое нарушение ленинских норм партийной жизни и курс на культ своей личности». В тот же день Галаншин выступил на местном заводе им. Ленина, и собравшиеся единодушно осудили «ошибки в деятельности т. Хрущёва, игнорирование им принципа коллективности руководства в нашей партии, попытки насадить культ своей личности» [14, с. 390, 391]. Из последней резолюции исчезло упоминание о принижении роли партийных организаций, а нарушение ленинских норм партийной жизни сузилось до игнорирования принципа коллективности руководства.

Причины отбора информации могли быть различными, в том числе и из-за ограниченности времени докладчика, но было и сознательное умолчание. Примером тому — официальное извещение о пленуме, опубликованное в центральных газетах: «Пленум ЦК КПСС удовлетворил просьбу т. Хрущёва Н. С. об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР в связи с пре-клонным возрастом и ухудшением состояния здоровья» [10]. По сравнению с уже усечёнными сведениями, полученными на партийных собраниях, эта информация поражала своей краткостью и вызывала закономерные вопросы: «Почему народу не сказано откровенно, что т. Хрущёв не справился, а мотивируют это его болезнью?», «Почему в печати написано, что т. Хрущёв освобождён по собственному желанию? Опять в народе будет неверие к руководству», «Почему не говорится подробно о Пленуме ЦК КПСС всем трудящимся?» [14, с. 391, 395, 397].

Рассуждая о причинах тайн «партийной кухни», А. Н. Артизов и Ю. В. Сигачев пишут: «Большевистские вожди в духе традиций, сложившихся за годы, проведённые партией в подполье, такую конспирацию находили естественной, поскольку она позволяла оберегать их тайны от народа» [2, с. 23]. На наш взгляд, дело не в подполье и не в большевиках. Советское государство, подобно многим другим, имело бюрократическую форму управления, одной из характеристик которой является тайна, выступающая как проявление замкнутости, отчуждённости «посвящённых» от «не посвящённых». А секреты партийно-государственного типа отражали лишь особенность данной управлеченческой системы.

Основная критика была направлена исключительно против Хрущёва, прежде всего против его стиля руководства. Ошибочные, с точки зрения соратников, решения Первого секретаря оценивались также с позиции его

личной инициативы или вмешательства. Умолчание касалось не только положительного вклада Хрущёва, но и ряда отрицательных решений, в принятии которых участвовали его обвинители.

Изменение численности и состава аудитории оказывало существенное влияние на содержание партийных документов. Откровенный разговор на заседании Президиума ЦК КПСС сменился критическим, но более слаженным докладом для участников пленума ЦК КПСС и завершился кратким постановлением пленума ЦК КПСС, не раскрывавшим советским людям истинных причин отставки Хрущёва. Использование тайны соответствовало бюрократической форме управления, присущей в то время многим государствам, в том числе и СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксютин Ю. В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. — М.: РОССПЭН, 2010.
2. Артизов А. Н., Сигачев Ю. В. В октябре шестьдесят четвёртого: смещение Хрущёва. Источниковые и историографические заметки. — М.: Университет Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействия образованию и науке, 2020.
3. Артизов А. Н., Сигачев Ю. В. Как снимали Хрущёва: Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы (вступительная статья). —URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1002078> (дата обращения 10.08.2021).
4. Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущёва и сельское хозяйство // Труды Института российской истории РАН. — 2000. — № 2. — С. 394–425.
5. Как снимали Н. С. Хрущёва. Материалы пленума ЦК КПСС. Октябрь 1964 г. // Исторический архив. — 1993. — № 1. — С. 3–19.
6. Мухитдинов Н. А. Река времени. От Сталина до Горбачёва. — М.: Фин.-пром. корпорация «Русти-Рости», 1995.
7. Несостоявшийся доклад. «Таковы, товарищи, факты». Доклад Президиума ЦК КПСС на октябрьском пленуме ЦК КПСС (вариант). Записи В. Малина на заседании Президиума ЦК КПСС. Публ. И. Кондаковой, А. Короткова, В. Лебедева, С. Мельчина, А. Степанова // Источник. — 1998. — № 2. — С. 101–143.
8. Никита Сергеевич Хрущёв: Материалы к биографии. — М.: Политиздат, 1989.
9. Никита Хрущёв. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. — М.: Международный фонд «Демократия»: Материк, 2007.
10. Правда. — 1964, 15 октября.
11. Протокол [без номера]. 13–14 октября 1964 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний: Стенограммы. Постановления: в 3 т. — Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний: Стенограммы. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 862–872.
12. Протокол № 164 от 13–14 октября [1964 г.] // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний: Стенограммы. Постановления: в 3 т. — Т. 3: Постановления. 1959–1964. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. — С. 767–771.
13. Репинецкий А. И., Рябов В. В. Реформирование системы школьного образования в 1958–1964 гг.: задачи и просчёты // Самарский научный вестник. — 2020. — Т. 9. — № 1 (30). — С. 200–205.

14. Российская провинция. 1917–1985: Документы и материалы в 6 т. Пермский край. — Т. 2. 1941–1985. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. — С. 390–401.

15. Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. — М.: Вагриус, 2002. — URL: <https://www.litmir.me/br/?b=182824&p=29> (дата обращения: 30.08.2021).

16. Шелест П. Е. ...Да не судимы будете: Дневниковые записи, вспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. — М.: Ed. Q: Квинтэссенция, Б. г. (1994).

ИСТОРИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.013

УДК 1(091)

Е. П. Борзова, С. П. Лебедев, Е. С. Исаченко*

РУССКИЙ ХАРАКТЕР, ПРАВОСЛАВНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД И МЕНТАЛИТЕТ РОССИЙСКОГО НАРОДА

В статье раскрываются особенности русского характера, менталитета российского народа, которые включены в его культурный код; анализируются особые условия в России, которые влияют на формирование характера, мировоззрение и мышление русского человека; отмечены черты российского народа, не свойственные в такой степени другим народам мира и обусловленные особыми исторически складывающимися обстоятельствами.

Ключевые слова: русский, российский народ, характер, культурный код, менталитет, особое «строение» русской души, мировоззрение, русский язык, духовность, православие, многонациональная культура, пограничная цивилизация, Запад, Восток, освободительные войны.

*E. P. Borzova, S. P. Lebedev, Yu. S. Isachenko
RUSSIAN CHARACTER, ORTHODOX CULTURAL CODE
AND MENTALITY OF THE RUSSIAN PEOPLE*

The article reveals the features of the Russian character, the mentality of the Russian people, which are included in its cultural code; analyzes the special conditions in Russia that affect the formation of the character, worldview and thinking of the Russian person; the features of the Russian people are noted, which are not characteristic to such an extent of other peoples of the world and are conditioned by special historically evolving circumstances.

---

* Борзова Елена Петровна, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы, президент Санкт-Петербургского института искусств и реставрации; borzova_01@mail.ru

Лебедев Сергей Павлович, доктор философских наук, профессор кафедры философии, религиоведения и педагогики, Русская христианская гуманитарная академия; lebedevsrg@rambler.ru

Исаченко Юрий Семенович, научный сотрудник РХГА, кандидат педагогических наук, доцент; yur-isachenko@yandex.ru

Keywords: Russian, Russian people, character, cultural code, mentality, special «structure» of the Russian soul, worldview, Russian language, spirituality, Orthodoxy, multinational culture, border civilization, West, East, wars of liberation.

Что определило русский характер и явилось основой для формирования особого российского менталитета и мировоззрения? Что означает загадочная русская душа? Как понять ее иностранцу и учитывать в отношениях между людьми и культурами? Постараемся ответить на эти вопросы, пользуясь размышлениями тех философов, писателей, историков, которые изучали эти проблемы.

Менталитет российского народа очень своеобразен, сильно отличен от других народов, зачастую вызывает у них непонимание и рассуждения о загадочности русской души. Причиной тому — сама страна, природа, история. Действительно, бытие, жизнь в такой стране, как Россия, накладывает неизгладимый, глубинный отпечаток на характер, закладывает своеобразный культурный код, ни на какой другой не похожий, а история страны формирует традиции, закладывает особый «ген» российского человека, собирая в нем особые черты характера, особенности мышления, отношения к миру, к стране и людям. Сама жизнь человека в России создает его таким, что он становится уникальным представителем своей страны. Кроме того, особо следует отметить, что русская культура — *многонациональная культура и основана именно на русском языке*. Он является той скрепой и основой, которая развивает многонациональную культуру. Николай Гоголь, Чингиз Айтматов, Расул Гамзатов, … кто бы о них знал в России, если бы они не писали или не были бы переведены на русский язык. Русский язык — основа, форма развития и памяти многонациональной российской культуры.

Какие особые условия влияют на формирование характера, мировоззрение и мышление русского человека? Русские философы и историки отмечают следующие обстоятельства, характерные только для России.

1. Природные условия, их разнообразие: огромная территория, многообразные ландшафты, холодный и жаркий климат, непроходимые леса и большие пустыни, мороз и засуха, горы и равнины, бескрайние просторы отразились на способе бытия, а иногда выживания, народов в суровых условиях России. Все это воспитало особый, уникальный, характер, сформировало своеобразный менталитет многочисленных народов страны. Русский философ А. И. Ильин, считал, что в России — стране метелей, вьюг и туманов — люди не могут тянуться к наслаждениям и поиску «сладости жизни» западного стиля, они, скорее, тяготеют к скорбным глубинам своей души, там ищут вселенную. Он отмечал, что от природы русский человек получил и страсть, и свободолюбие, и склонность к лени, и братскую сплоченность. Его душе свойственны *безграничность, устремленность в бесконечность, щедрость, широта*, иногда доходящая до бесшабашности и беспечности. Не даром существует у русских поговорка: «Ему море по колено».

Другой русский философ, Н. А. Бердяев, также подчеркивал **особое «строение» русской души, ее безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, максимализм и особенно — широту**. Этим он объяснял *отсутствие*

узкой pragmatики, формализации и строгой формальной рациональности у русского человека. Особый строй духовности и широта в характере русского народа задает его устремленность к абсолютному и забвение конкретного. Широта души русских заставляет быть деятельными в понимании других людей и народов, в оказании помощи нуждающимся в ней. Эта действенность направлялась туда, где беда, где требовалась взаимопомощь, выручка.

Это свойство характера до сих пор отличает менталитет российского человека от западного, он объективно обладает особой широтой подхода к анализу, широтой взглядов, широтой души, ему скучна формальная рациональность, экономность, голый расчет, индивидуальная выгода, или корыстный практицизм, у него утвердились на массовом уровне *отрицательное отношение к стяжательству и индивидуализму*.

Ф. М. Достоевский отмечал широту русского характера и ума, устремленного не только в бесконечную ширь, но и вглубь, способность поиска духовного основания, т. е. высокосинтетической способности ума как разума. Известный русский философ Н. О. Лосский подчеркивал: «Ввиду широты русского ума и характера Достоевский уверен, что христианский дух выразится в способности выработать синтез всех противоположных идей и стремлений, разделяющих народы Европы, откуда получится не только теоретическое, но и практическое примирение всех разногласий» [3, с. 232–233].

О характере русского народа Н. О. Лосский написал книгу [4], в ней он подчеркивал, что русскому человеку от природы досталась широта души, и это является коренным свойством национального характера. Из широты души, как из истока, вытекают другие важнейшие черты национальной психологии. Чуждость рационализму, недоверие к умозрительным теориям, неприятие рациональности, эмпиризма, ассоциированность рационализма с эгоизмом, а экономии — со стяжательством, сделали русского человека таинственным, непонятным, «примитивным» для западного человека. Естественное следствие созерцательности богатств и красот природы — широта русской души, ее открытость («душа нараспашку»), вечное стремление в даль светлую, мечтательность, беспечность и особая духовность создавали «загадочную русскую душу» для других народов.

Именно названные выше качества русских удивительны для западного человека, которого рациональность и экономность необходимы, являются проявлением культуры, личностный интерес имеет первостепенное значение, а его жесткий pragmatичный рационализм не может смириться с тем, что «умом Россию не понять» и менталитет российского человека не укладывается в простую схему. Действительно, если под умом подразумевать холодный рассудок, то этого недостаточно для понимания глубин широкой русской души, еще к тому же постоянно требующей высокой духовности. Для ее понимания нужен «вдохновенный разум», или тот нравственный разум, который является высоким духом.

2. Географическое положение России как пограничной цивилизации делает ее *синтезом* двух культурных миров: **восточного и западного, Европы и Азии**. Кроме того, русское государство изначально строилось славянами в союзе с другими племенами, межплеменное содружество складывалось есте-

ственным образом. И эти два обстоятельства повлияли на русский характер и менталитет. У российского человека **нет понятия национального превосходства**. Его исторически не могло быть, поскольку русский народ изначально формировался как духовная общность, **мирно соединяясь** с неславянскими племенами. Осваивая огромные просторы Евразии, русский народ активно смешивался с местным населением, ассимилировал его. А кочевые народы по мере прохождения российских просторов теряли свой экспансионистский накал и принимали участие в оформлении историко-культурной картины страны. Для формирования духовной общности российского народа **этническая принадлежность никогда в истории не была главной**. Автор книги «Характер русского народа» Н. О. Лосский придавал большое значение способности русских «усваивать черты любого национального типа». На территории России в исторический период формирования государства происходило **взаимное обогащение и слияние культур**.

Возможно, пограничность, синтез культур объясняют и то, что русский человек отличается *приспособляемостью к другим этносам, нациям, расам*. И. А. Ильин отмечал это свойство в качестве важного фактора, влияющего на своеобразие культуры русского народа и подчеркивал тот исторический факт, что «у русских давно смешалась кровь с азиатскими и европейскими народами, смешавшись, не растворилась, а дала своеобразный склад темперамента, естественности, сердечности, широты, простоты и приспособимости» [2, с. 399]. Поэтому русский человек приобрел особый темперамент, который *включает в себя «холодный» Запад и «горячий» Восток*. Кроме того, у русских людей выработалось уважительное отношение к европейским и азиатским ценностям, несмотря на то, что история формировала у русских свои, основанные на православии нравственные ценности.

3. **Православие**, по-своему воспринятое и переработанное народом, заложило в русских людях генетическую *программу нравственного совершенства*, стремление внести во все любовь, веру во второстепенность земного и в бессмертие личной души, совесть, искусство страдать и терпеть, религиозное осмысление всей жизни и всего мира, уверенность в необходимости единения человека с Богом, преодоление страха смерти через созерцание жизни и земной смерти Христа. Православие в духовно-нравственной области дало русскому народу *обостренное чувство совести, мечту о праведности и святости, осознание греха, идею аскетического очищения, острое чувство правды, справедливости, добра и зла, жертвенности во имя другого по примеру Иисуса Христа*.

Высшим добром для русского человека благодаря православному христианству становится *любовь*, которая понимается как любовь к человеку. Как одна из главных христианских добродетелей, она становится, как отмечает Н. Бердяев в своей работе «О назначении человека», выше любви к государству, нации, отвлеченной морали, к науке, цивилизации. Она «дороже всех царств мира» [1, с. 172]. Жалеть равно любить, уметь прощать.

Любовью строится совместная жизнь на земле, из любви рождается вера, как еще одна христианская добродетель.

Характерным для русского народа стал дух милосердия и сочувствия к бедному, слабому, больному, угнетенному и даже преступнику. В России создавали

на частные пожертвования богадельни, больницы и клиники. Православие воспитывало в русском народе тот дух жертвенности, служения, терпения и верности, без которого Россия не победила бы своих врагов и не построила бы огромного государства. Вместе с принятием христианства на Руси ее культура стала приобретать форму, которая наполнилась новым духовно-нравственным содержанием, привнесенным православием и заключающимся в идеалах жертвенности, подвига во имя Христа, служения его заповедям, любви к людям, обожения, сострадания. В культуре русского народа, по сравнению с предшествующими эпохами, появились идеи, наполненные новым содержанием: тема подвига, мученичества, и особенно — жертвы во имя «другого» (ребенка, друга, народа, царя, Бога). Пример принесения себя в жертву Иисусом Христом во имя спасения всех людей является важным для понимания каждого верующего, это осознание «большой идеи» мира — необходимость жертвы единичного во имя существования рода, во имя всеобщего.

Еще в средневековый период истории именно в христианстве появилась идея, данная Богом как заповедь, — отношение к другому человеку с любовью: «Возлюби ближнего своего как самого себя», — а любовь к себе стала считаться эгоизмом. Но важно еще то, что в отношении к «другому» появилась идея сострадания и изменилось понимание счастья. Буддизм, возникший в VI в. до н. э., и философия античности, развивающаяся с этого же времени, обращали мысль человека к самому себе, и лишь христианство — к возвращению к себе через «другого».

Именно дух православия до 1917 г. определял русское национальное самосознание. Русские люди в течение всей своей дореволюционной истории учились строить Россию «целованием Креста» и получать личную нравственную силу в молитве. Православие воспитало у русского народа христианское правосознание, определяющее волю к миру, к братству, справедливости, лояльности и солидарности, чувство достоинства, способность к взаимному уважению, к жертвенности ради другого в лихие времена.

Достоевский подчеркивал, что именно православие дает то объединяющее начало, которое в будущем потребуется всему человечеству, и русский народ будет тем, кто способен к всепримирению, и к всечеловеческому нравственному обновлению. «Именно русские, — думает Достоевский, — положат начало “всепримирению народов” и “обновлению людей на истинных началах Христовых” (Дн. пис., 1876, июнь). Восточный идеал, т. е. идеал русского православия, есть сначала духовное единение человечества во Христе, а потом уж в силу этого духовного соединения всех во Христе, и несомненно вытекающее из него правильное государственное и социальное единение. Такой идеал есть применение формулированного Хомяковым принципа соборности не только к строю Церкви, но и к строю государственному, к строю экономическому и даже международной организации человечества» [3, с. 233].

Именно смижение, самоотвержение, простота жизни становятся характерными чертами для христианских святых.

4. Принцип соборности, общины, отмечал Данилевский, сформировал еще одно отличительное качество в характере русского человека: в истории в результате создания внутренней общенародной скрепы, сформировался

«огромный перевес» общенородного над индивидуальным. Движущую силу русского характера составляет не эгоистический и потребительский интерес, а *коллективистское общинное сознание*, которое медленно зреет, но всецело подчиняет себе человека, когда наступает момент действовать. Советский воин без преувеличения во время Великой Отечественной войны осознавал свою жертвенность как индивида ради спасения и Родины, и всей цивилизации. Коллективистское общинное сознание формируется у народа и является тем, что входит в понятие «глубинный народ». В России процесс спасения нации от опасности возникает и созревает в глубине народного духа. Сначала происходит «нравственное созревание решения», готовности к изменениям, а потом «с изумительной быстротой» совершаются внешние перемены.

Община, общинность, или общественность, которые свойственны русскому народу, внедрились в его сознание за долгие годы существования и влияния на него в истории. В советское время коллективистское общинное сознание превратилось в коллективное сознание, которое не является полным аналогом общественного. Коллективное сознание формировалось вместе с воспитанием того, что общественный интерес всегда выше, чем индивидуальный. Это соответствовало тому, что исконной чертой характера русского народа было то, что для него *общенородное всегда было выше и важнее, чем индивидуальное*. Это отличает русских от мусульманского Востока, католического и, в особенности протестанского Запада.

Разные идеи, пронизывали жизненный строй сообществ в России, на Западе и на Востоке. «Сосредотачиваясь, углубляясь, замыкаясь в самом себе, созидался человеческий ум на Востоке» [7, с. 32]. «Поэтому основной социальной силой мусульманского Востока является сила исключительного единства и подчинения, коленопреклонение перед историческим авторитетом. Это выражается в отрицании множественности идей, мнений, самостоятельности поступков, в тотальном господстве нравов, обычаев, порождающих позицию пассивной созерцательности данностей» [6, с. 50].

Западная цивилизация развивалась благодаря тому, что каждая отдельная личность стремилась к самоутверждению и жизненному успеху. Преклонение западного человека перед авторитетом здравого смысла, рационализма и целеустремленности, уважение личности как индивидуальности создало ценность сильной личности, «частной отдельности», формализованных отношений, закона, права.

В России, исторически сформировавшись, принцип соборности проявлялся у русских и в отношении к личности, и в отношении к Церкви, и к государственному строю, к экономическому строю и даже к международной организации человечества.

5. Природа, история и суровые условия жизни избавили славянство от насильственности, от чувства национального превосходства сформировали как невраждебную нацию, готовую прийти на помощь другим. **Русские не завоевывали свои земли, порабощая других, а мирно, путем свободного расселения расширяли свои земли.** Невраждебность русских к другим народам и государствам объясняется еще и тем, что русское государство в истории строилось славянами всегда в союзе с другими племенами, межплеменное со-

дружество складывалось естественным образом. Понятия *национального превосходства исторически не могло быть*, поскольку русский народ изначально формировался как общность, для которой этническая принадлежность не была главной. Русские не завоевывали неславянские племена, ассимилировали в них. Кроме того, *русский народ занял большую часть российского пространства действительно путем свободного расселения*, не занимал насилием чужих земель, ему не приходилось ради расширения своей территории порабощать других, завоевывать и уничтожать другие народы. Народы России *получали земли почти в подарок*, и поэтому зачастую не умеют их ценить и оценивать, но зато умеют защищать их от тех, кто покушается на них, пытается завоевать.

На Западе природа и история способствовала формированию у западных народов Европы другого характера. История знает следующие события, повлиявшие на их характер: крещение «огнем и мечом», насильтвенное насаждение религии, Варфоломеевская ночь, политические репрессии во Франции в эпоху революции, истребление коренного населения европейцами в Америке, работорговля в США, колониальная политика Европы и США. С другой стороны, эти же явления есть результат свойственной европейскому народу черты характера — «насильственности», которая находит место и в религии, и политике.

Еще Н. А. Данилевский отмечал, что самой природой и историей славянство спасено от насильтвенности, поскольку в России не было того, что было в Западной Европе: насильтвенного введения религии христианства, рыцарских орденов, работорговли, в России не жгли ведьм на кострах, не имели колоний. Присоединенные русскими племена включались в общую семью, не лишались свободы, а постепенно ассимилировались или продолжали вести привычный для них образ жизни.

Таким образом, действительно, у россиян в их истории *не было проявлений насильтвенности*, которая в политике приводит к религиозной нетерпимости и колониальному угнетению других народов.

6. Россияне на протяжении всей своей истории вели освободительные войны, научились воевать, защищать, освобождать, когда их пытались заставить и поработить. Огромные территории, огромное богатство, которое давала природа, плодородная и неплодородная земля, пресная и соленая вода привлекали захватчиков. Мировые войны обязательно втягивали в качестве участника Россию, и она являлась той страной, которая могла выйти из них победительницей, останавливать врага и обращать его в бегство. Война с Наполеоном, 1812 г., Первая мировая война, Вторая мировая война, та, которая превратилась в Великую Отечественную войну (1941–1945). Во всех этих войнах российский народ, объединяясь и сплотившись против общего врага, укрепляет свою национальную идентичность. В результате побед в таких жестоких войнах ценой огромных потерь и горя, у всего российского народа записывался, закладывался, формировался и укрепляется *генетический код победителя*. Никто, кроме советских воинов, не писал на стене кровью: «Умираем, но не сдаемся». Этот код Победы стал определенной скрепой всего российского народа, основой народного единения и сплоченности, осмысленной жертвенности, национального самосознания, понимания своего места и роли на Земле.

В настоящее время против России организована информационная война, США объявила Россию врагом, русофobia стала средством изоляции России от всего мира. И снова просыпается в народе понимание своей скрепы — генетического кода победителя, победной пассионарности, связи прошлого, настоящего и будущего внутри каждого и всех. Оно просыпается во времена опасности и является донором патриотизма, единения и сплоченности. Наш народ каждый год вспоминает о своем спасительном генетическом коде в праздник 9 мая, как сказал Вячеслав Макаров в своей статье, посвященной 76-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне: «День Победы для нас сродни Пасхе — одолению света над тьмой и адом» [5]. Российский народ в мировых войнах спасал не только себя, не только весь мир от порабощения, он спасал самих захватчиков, поджигателей войн от самих себя, от изощренной жестокости, бесчеловечности, «человеческого» зверства. Та жестокость, которую Солдаты Вермахта и СС допускали по отношению к детям, женщинам и к людям вообще, не может быть описана словами. Российский народ, пережив все это, имеет полное право и предназначение выполнять свою миссию спасения и спасителя человечества и в прошлом, и в будущем.

7. В истории долгое время **Россия была щитом для Европы**, который ограждал ее от степных кочевников. Фактически Россия не только **защищала** Европу от кочевников, но и распространяла в Азии европейское влияние.

Кроме того, народы России, проживая **в суровом климате**, не выжили бы и не освоили земли, если бы ни **взаимопомощь**. Она всегда была необходима для россиян в суровых условиях выживания, поэтому она никогда не может быть предметом торга, это всегда было тем, что не продается и не покупается. Поэтому россиянами всегда осуждался **рационально-индивидуалистический подход и эгоистический взгляд на другого человека**.

Н. А. Данилевский, сравнивая европейцев и русских, выявляет у них разные черты славянского характера. У европейцев он подчеркивает «чрезмерно развитое чувство личности», эгоизм, практицизм, холодный расчет, которые в политике приводят к религиозной нетерпимости и колониальному угнетению других народов. Европейцы сформировали в своем характере, как подчеркивает Н. А. Данилевский, «чрезмерно развитое чувство личности», эгоизм, «насильственность», отсюда объяснение того, что ими были созданы колонии и проводилась колониальная политика как проявление господства группы развитых государств над остальным миром в XVI—XX веках.

Европейцы исторически болеют русофобией, и сегодня ее нельзя не учитывать, когда объявлена информационная война России. Западная русофobia в очередной раз в истории действует с открытым забралом. Это происходит потому, что в истории Россия выросла как альтернативная Западу страна православно-христианской цивилизации. Она по главным вопросам бытия постоянно предлагала человечеству иные решения, нежели Запад, и стала не просто его конкурентом, но и экзистенциальным, бытийным оппонентом. Никогда стремление встроить Россию в Запад не может увенчаться успехом, этому всегда будет противодействовать организованное и осознанное сопротивление государств и населения самого Запада. Истории западной русофобии уже тысяча лет. История такова, что начиная с XVI века европейцы приходили

в Россию как захватчики. Во всех больших войнах с Западом русские отстояли свою независимость, а в двух Отечественных одержали великие победы. Это укрепило основы русской культуры как культуры полиэтнической нации. А на Западе сформировали европоцентризм, который не включает Россию в историю западной цивилизации.

Начиная с Античности, русские были варварами для Запада. Ненависть к восточному христианству, православию, которое приняла Россия, ненависть к Восточной Римской империи, Византии, наследницей которой считала себя Россия, распространялась и на нашу страну. После монгольского нашествия на Русь, враждебное отношение к православию и представление об «азиатской» русских на Западе усилилось. Освобождение от монгольского ига и быстрое укрепление Руси, образование большого государства усугубили русофобию.

После первой войны России и Европы, так называемой Ливонской войны (1558–1583), установилась граница между Западной и Восточной Европой, согласно которой Восточная Европа заканчивалась за Нарвой и Псковским озером. С XVI века в Европе начал создаваться черный миф об Иване IV, Иване Грозном, который должен был символизировать российское государство под властью тирана, деспота и мучителя. В XVII веке русофobia со стороны Запада продолжалась, русские представлялись европейцам как варвары, у которых не было манер, ленивые и расточительные.

Русофobia на Западе стала успокаиваться в век Просвещения, когда Петр I, а затем Екатерина II стали проводить в стране преобразования, Россию стали называть «просвещенной деспотией».

Второй период благосклонности Запада по отношению к России случился после победы России над Наполеоном, и краткое время Европа испытывала восхищение к русскому самодержцу Александру, но скоро после Отечественной войны 1812 года русофobia возобновилась, приобретая новую форму опасения в возможности создания Россией всемирной монархии — восточного деспотизма. Основной идеей этого периода стала концепция, согласно которой Россия может покорить Европу и установить свое монгольское господство над современным обществом. В свое время, победив монголов, она татаризировалась и, став азиатской империей, по мнению Запада, цивилизующая, может покорить и Запад.

«В конце XIX века в образе России европейцы видели “варвара на пороге”, в них снова стали видеть русских-азиатов. Во время русско-турецкой войны в Европе стали говорить: русские хуже турков. Всякий раз, когда Россия вовлекалась в Европейскую или мировую войну, Запад охватывал страх, что результатом победы русских будет их нашествие, которое поглотит Европу. Так было после Отечественной войны 1812 года, так было во время Первой Мировой войны, так было во время Второй Мировой войны.

С Россией Запад считался настолько, насколько она была сильна, но полноценной западной державой никогда не считал и в круг народов европейской цивилизации не включал. Русская философия, литература, музыка, искусство западными людьми расценивались “экзотическими цветами среди бурьяна азиатских степей” [6, с. 50]. Немецкий историк В. Шубарт в своей книге «Европа и душа Востока» писал, что вместе с зарождением большевизма «борьба между

Азией и Европой вступает в новую фазу... Дело идет о мировом историческом столкновении между континентом Европы и континентом России...» [7, с. 32].

8. Русские с уважением относятся к достижениям других народов в области религии, науки, искусства и, воспринимая их, часто приспосабливали их к своей культуре, развивали ее в своих формах, не меняя по сути. Так, в истории **религия пришла в Россию из Византии, государственность — от варягов и татар, искусство — из Франции, техника — из Германии, наука — из Англии.** Способность к преемственности не мешает русскому народу проявлять самостоятельность и не утерять свою самобытность, и, наверное, главное — установление справедливых отношений между людьми.

Россия не подражала Европе, но осуществляла плодотворный синтез культур Востока и Запада, выступая против однолинейной схемы истории и крайностей европоцентризма.

Отмеченные широта русского характера и ума, отсутствие в нем национального превосходства, узкой прагматики, формализации, формальной рациональности, эгоистического и потребительского интереса; способность русского народа к взаимному обогащению культур, синтезу культур, преемственности, приспособляемости к другим этносам, нациям, расам; перевес общенародного над индивидуальным, коллективистское общинное сознание, невраждебность русских к другим народам и государствам, взаимопомощь, которая не продается и не покупается, жертвенность индивида ради спасения Отечества, осуждение рационально-индивидуалистического подхода и эгоистического взгляда на другого человека и государства — эти характерные черты российского народа складывались объективно, их формировали особые специфические условия, в которых жил и выживал российский народ.

Черты характера и менталитета российского народа, не свойственные в такой степени другим народам и не поддающиеся объяснению прямой зависимостью от природы, истории и религии, следующие.

1. **Душевность русских.** Русские других людей, явления и предметы воспринимают согласно своеобразной душевной оценке: «по душе», или «не по душе». Часто прислушиваются к внутреннему голосу, поступают согласно тому, «как сердце скажет». Когда русские заглядывают в комнату и видят, что там никого нет, они говорят: «ни души». В этих словах выражен подход к другому человеку. Есть душа — есть человек, нет души — нет человека, поэтому главное в человеке — это душа. Интересно, что англодумающие в случае, когда здесь нет никого, говорят «nobody» — нет тулowiща, что очень точно отражает их психологию. В обыденном языке употребляется не «сознание», не «разум», а — душа, воля, сила воли, сила духа.

2. **Духовность** всегда была и остается высшей ценностью для российского народа. Духовность стоит на первом месте, по сравнению с рациональностью, прагматизмом, телесностью, материальностью. Отношение к человеку в русской национальной культуре — **одухотворенное. Ценность человека**, его душевное состояние, превыше всех земных, материальных благ.

Ценность духовности для русского человека становится более понятной, если сопоставлять ее с тем, как относились на Руси к материальному. Бескорыстие, неприязнь к богатству, презрение к накопительству, наживе. Скупой,

жадный, прижимистый, корыстный, с одной стороны, а с другой — бережливый, щедрый. Минимальная степень материального благосостояния являлась достаточным условием для достойного человеческого существования. Это качество русского характера не понятно западному человеку, он был всегда более pragmatically настроен к требованиям условий жизни.

В России человек настроен против прагматичного рационализма, потребительского отношения к природе и человеку, против общества массового потребления. И до сих пор корысть, бездушная выгода, «голая» польза, эгоистический интерес, даже если это называется «национальным интересом», не вдохновляют российского человека. В качестве духовных выступают другие ценности, а пословицы русских, метко попадая в характеристику поступка, сохраняются и у современного россиянина: «Не с богатством жить, а с человеком», «Скупой платит дважды», «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», «Не все то золото, что блестит», «Не хлебом единым жив человек», «Деньги, что вода», «Деньги — дело наживное», «В богатстве задыхается духовная свобода», «В любом обмене есть обман».

Бескорыстие, даже неприязнь к богатству, презрение к накопительству, к чину отличают ценностные отношения русских, и в этом скрывается причина презрительного отношения к мещанству, торговым, банкирам, финансистам, чиновникам.

Сила человека усматривается по-прежнему в сострадании, понимании, совестливости, душевности, открытости, умении сопереживать, миролюбии, ответственности за себя и за других. Стыд, жалость, благоговение — три переживания, которые являются показателями нравственного отношения к человеку, отмечал еще русский философ В. С. Соловьев.

3. Российскому народу слишком часто в истории приходилось **сплачиваться ради защиты и спасения своего Отечества**. Всегда ценой огромных людских потерь и разрушения созданных ранее материальных ценностей доставалась ему победа над врагами. И очень важно, что в это время, время великих побед, человек жил, воевал и воспитывался в условиях, когда **духовные ценности были выше, чем жизнь**. Человек понимал, что при спасении других, Отечества, Родины не обходится без жертв. И если ценой своей жизни он спасет другие жизни, Отечество, которое становится в эти моменты особой ценностью, выбор был для россиянина однозначен, а иначе — предательство себя, страны, народа. Таким образом вырабатывалась система ответственности за себя и за других. В этом формируется патриотизм, который силен страной, где воспитываются такие люди, и страна сильна такими людьми. Советский воин во время Великой Отечественной войны спасал и Родину, и всю цивилизацию. В лихие времена духовные ценности действительно становятся выше, чем жизнь. Когда человек сопротивляется против рабства в любом его проявлении, когда он понимает, что у него отнимают свободу, когда страну хотят превратить в колонию, когда унижают человеческое достоинство, когда наводят хулу на народ, на Отечество, российский народ всегда готов сплотиться и стать глубинным народом. Освободительные войны сформировали у русского народа ген героизма, превратившись в **фактор массового героизма**, заключающийся в том, что каждый человек в России представляет героическую страну, страну,

освободившую мир от фашизма, страну, история которой превратила ее саму в фактор героической судьбы.

Русский народ свободолюбив, поскольку воля, является одним из основных выражений его сути и смысла жизни. Воля в данном смысле понимается как свобода, как мир, как жизнь. Особый смысл заключен для русского во фразах: «хочу на волю», «без воли нет жизни». И воля понимается как душа, как «сила воли», как самообладание. В этом отношении свобода и воля противоположны рабству и рабскому сознанию. Неслучайно есть поговорка у русских: «Лучше быть в гробу, чем быть рабу». Рабское сознание несовместимо с мировоззрением российского человека. Может именно поэтому русского человека, российский народ в целом, невозможно заставить играть в чужую игру, он на интуитивном уровне чувствует, когда его используют втемную, и тогда он «включает дурака». Эта фраза тоже понятна для россиянина.

Происхождение понятия духовности связано с принятием христианства на Руси. Оно показалось близким для русского человека, поскольку отражало суть внутреннего содержания его характера. Дух как философское понятие означает душевное состояние, обращенное на познание истины. Дух имеет нравственно-интеллектуальную природу, которая дает возможность осуществлять акт сознания, делать личностное усилие для продвижения сознания к благу. Именно потому, что дух принадлежит всем людям, делает человека человеком, он обладает универсализмом, или всечеловечностью.

4. Согласно философской диалектике, в человеке как *индивидууме заключена общечеловеческая сущность*, которая объективно заставляет его быть представителем народа, общества, государства, мира. Когда это представительство есть, он — человек, личность, а, когда нет, он — единица, индивид. Диалектика утверждает, что «Одного» — нет, есть «Единое», оформленное в Одного и Другого, они существует лишь как отношение к другому как к самому себе. В этом сущность и Единое, или единая сущность. Видеть Другого, относиться к Другому как к самому себе — значит быть человеком. Человека без мира нет для русского, и поговорки об этом свидетельствуют: «Всем миром», «На миру и смерть красна», «Умирать, так умирать всем», «Умирать — так с музыкой».

5. Роль России в определении направления развития будущего человеческой цивилизации можно выразить словами Ф. М. Достоевского, который видел ее в главной черте русского народа — *всечеловечности*. Она стала и чертой всего российского народа, особенно во время Великой Отечественной войны, когда все народы Советского Союза объединились и пять долгих лет жили единой идеей — победы, освобождения человечества от фашизма. Идея всечеловечности вряд ли встречается у народов других стран, им больше импонирует идея о защите своих национальных интересов. Но российским народам ближе и понятнее идея всечеловечности, поскольку им, как никаким другим народам, приходилось очень часто защищать свои земли от вражеских нападений. Ф. М. Достоевский писал: о русской душе как о всечеловечной, всесоединяющей, вмещающей « с братскою любовью всех наших братьев, стремящейся добиться согласия всех племен по Христову евангельскому закону» [8, с. 145]. В характере русского народа заложены основы *всенародного, бессословного и сверхнационального*

братства. Это качество передалось и всем народам, населяющим Россию. Это качество русские философы называли «хоровое начало», «соборное сознание», «всеединство», «соборность». Истоки соборности в **общине**, где все решали общий сход, мир, вече. Форма жизни русского «Мы-мировоззрение», а не «Я-мировоззрение». Отсюда: «Мы победили в Великую Отечественную войну», «Мы первые полетели в Космос», «Мы изобрели...». И всем понятно, что человек и его страна — одно и то же.

6. Важно для понимания особенностей формирования мировоззрения российского человека понятие *бесссловного братства*. В массовом сознании всегда было не «мы — государство», а «мы — народ». В житейских отношениях не присутствовало строгого разделения, учета принадлежности человека к различным сословиям; в душевном порыве милосердия при сложившихся обстоятельствах простой крестьянин мог назвать барина братком, и предложить ему посильную помощь. Приятельство, дружба, родство были нормой в делах казенных. В этом смысле Россия всегда была далека от жесткого официального порядка, от бюрократии, от гражданского общества. Правосознание было очень слабым, оно не имело базовых основ в народе, поскольку в нем круто было замешено нравственное начало, поддерживаемое православием.

В России побратимство, действительно, освещалось церковью. Обычай братания был нормой, можно говорить о братском отношении к Другому как принципе отношений, стать *братьем* всех людей — это *форма отношения к другому*. Во время Великой Отечественной войны народы разных национальностей поднялись против фашизма как Великое братство, воевали за Отечество, не думая о том, что они казахи, узбеки, русские, буряты, татары ... Это был воистину подвиг Великого братства народов СССР.

Как бы пафосно не звучали сегодня слова великого русского писателя, Достоевского, но миролюбивая, всечеловечная, всесоединяющая миссия русских и сегодня исходит из понимания ответственности не только за себя, но и за всех. В ней отражена генетическая черта русского духа — искать всеобщего спасения, нести в себе ответственность за все человечество. Достоевский отмечал всечеловеческую черту русского характера: «Русский человек всему миру брат». Он писал: «Назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, быть может, и значит только — стать *братьем* всех людей, всечеловеком, если хотите» [8, с. 145]. Способность становиться Великим братством перед угрозой порабощения человечества показал весь многонациональный советский народ во время Второй мировой войны. «Плечом к плечу» вставали все народы СССР, чтобы спасти человечество от фашизма.

На Руси человек «принадлежит миру, мир — ему», судьба человека, его благо зависят от спасения всего мира. «личное не стоит бессмертия. В нравственной сфере это создает тему коллектива, круговой поруки» [12, с. 182]. *Соборность* подразумевает внутреннюю гармонию между живой личной душевностью и надындивидуальным единством. О. Шпенглер называл русское сознание магическим, основывающимся на восприятии реального присутствия всеобщего духа в сообществе. Соборность и индивидуализм — антиподы. Жить не для себя, не для других, а со всеми и для всех — душевная потребность русского

народа. Пролетарский *интернационализм*, будучи идеологией социализма в течение почти века, воспитывался в российском народе и закрепился в его мировоззрении как необходимая цивилизаторская миссия, задача.

Этому вопросу русский философ Н. О. Лосский посвятил раздел «Миссия русского народа» [3, с. 232]. В нем Лосский писал: «в русском характере «по преимуществу выступает способность высокосинтетическая, способность всепримиримости, всечеловечности». «Он со всеми уживается и во все вживаются. Он сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы. Он находит и медленно допускает разумность во всем, в чем хоть сколько-нибудь есть общечеловеческого интереса» [3, с. 233]. «Сила духа русской народности» есть «стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и всечеловечности» [3, с. 233].

7. У русских есть особые смыслы в поговорках, в которые они вкладывают емкий важный смысл. Некоторые складывались в роковые годы истории, когда оценка врага и друга чрезвычайно важны: «Ты бы пошел с ним в разведку?» — «Я бы с ним в разведку не пошел». В них заключено емкое значение, содержание, сказано многое о человеке: про отношение к нему, про то, на что можно надеяться в отношениях с ним, какие дела с ним иметь, насколько он надежен как партнер, как друг.

8. *Понятия добра и правды* всегда были культовыми понятиями на Руси. По правде жить — значит жить по совести. Затем из этого вырос жизненный принцип, означающий порядок, основанный на справедливости и честности: «не в силе Бог, а в правде», «честь имею». Первые законы на Руси называли Русской Правдой. Нравственные правила закреплялись и в «Поучении» Владимира Мономаха (киевский князь с 1113 г.), в Домострое. Несмотря на то, что в XXI веке обращение к совести почти совсем ушла, тяга к правде еще сохраняется, поскольку исторически очень основательно укоренилась в мировоззрении и менталитете русского человека.

9. *Отношение к закону и праву*. Если на Западе в регуляции человеческих отношений первое место отводится праву, закону, то у русских *право и закон не столь значимы. Правда, общественное мнение является моральным авторитетом, важен также авторитет старших, охраняющий нравственные традиции*. У россиян смысл фразы «жить по закону» более понятен и воспринимается как жить по закону Божьему, по совести, и сегодня это имеет свое влияние на мировоззрение российского человека. Жить по юридическому закону для русского звучит слишком формально, казенно, по-полицейски. «Идея законности, идея права для русского народа бессмыслица...» [13, с. 201], — говорил П. Я. Чаадаев.

Право возникло как выражение того, как жить по правде, и именно поэтому первые законы на Руси называли Русской Правдой. Законы в России на самом деле были суровы. Отношение к ним в народе было своеобразным: суровость российских законов сталкивалась с необязательностью их исполнения. Очень своеобразное противоречие, но с ним российский человек живет до сих пор. Если в истории права, еще в Месопотамии, правовой закон формировался как записанный нравственный принцип (равновесия) решения типичной проблемы («око за око, зуб за зуб», наказание должно быть равно

преступлению), то в России люди больше доверяли своей Правде, традиционной, а не писанным законам.

Моральные ценности добра, справедливости в русской традиции не связывались с законностью и правом, а были связаны всегда с правдой и справедливостью, последние — важнее, а «закон — что дышло: куда повернешь, туда и вышло». Так и укоренилась в сознании русских людей эта поговорка.

10. Отношение к женщине и семье в России.

В истории русской культуры положение женщин подчинялось своеобразным традициям, которые проявлялись в определенных ритуалах. Жизнь женщины в патриархальной семье была предельно ритуализирована: святочные гадания, свадебные обряды, каждый возрастной интервал заканчивался своеобразной мини-инициацией и сопровождался обязательными для этого случая событиями. В день отлучения девочки от груди перед ней раскладывали веретено, пяльцы, членок и разрешали ей взять любой из этих предметов, символизировавших женское начало: к какому из этих предметов девочка потягнется рукой, в том деле и будет особенно искусна. В 7 лет волосы девочки заплетали в косу, а поверх рубахи надевали сарафан. Этот ритуал отмечал новый этап в её жизни: теперь она принадлежала к женскому сообществу и под руководством матери начинала готовиться к роли «доброй жены». Множество обрядов на протяжении всей жизни женщины, и даже задолго до ее рождения, были призваны наставить девочку на истинный путь, подготовить ее к будущей семейной жизни.

Следует отметить, что особенностью имущественного положения замужней женщины в России являлось законодательное закрепление принципа раздельного владения имуществом супругами. Браком не составлялось общего владения в имуществе супругов. Каждый из них мог иметь и вновь приобретать свою отдельную собственность (Свод законов. Т. 10, ч. 1, ст. 109). Указанная статья устанавливала полную независимость вещных прав каждого из супругов на свое имущество, как на то, которое ему принадлежало до вступления в брак, так и на приобретенное во время брака. Каждый из супругов имел право распоряжаться своим имуществом по своему усмотрению, от своего имени, независимо друг от друга и не спрашивая на то дозволения*.

У русских философов значение женщин в мире было темой особой. Многие из них обосновывали важность женского начала для мира, искали достойное его положение в христианской картине создания и существования мира.

Современный исследователь Игорь Богин при изучении феномена женственности отмечает, что нельзя согласиться с идеей о пассивности женского начала, представленного в материнстве. Материнство, по его мнению, — это статическая активность. Игорь Богин уточняет идею о пассивности женской природы, он характеризует восприимчивость женского начала как проявление пассивной активности. Автор объясняет это тем, что процесс восприятия предполагает жесткую, строгую внутреннюю структуру воспринимающего начала, которое обладает «в качестве вечного постоянства — и субстанциональностью, поэтому женское начало активно выражает свою инертность,

---

* См.: Анненков К. Н. Система русского гражданского права. С. 178.

и это свойство является неотъемлемым». Таким образом, материнство характеризуется изначальным и вечным единством, предполагает внутреннюю имманентную связь его составляющих и определяется как вселенский архетип. Материнство — это традиция, по определению мыслителя, нет ничего более изначального и священного, заключающегося в вечной заботе, прежде всего, о другом.

В XIX веке появилось оригинальное философское понимание женского начала у русских религиозных мыслителей. Женщина в их представлении явилась в образе Софии, Премудрости Божьей и Любви. Эту мысль высказал первым именно философ В. Соловьев, и она стала одним из важных аспектов философского учения русского мыслителя. Понятие Софистичности мира и идея Софии — Премудрости Божией, Вечной Женственности, или женского начала в вечности, были раскрыты в работах Соловьева. В целом «женское» как София стало *мудростью, разумом и деятельным началом мира живого* у русского мыслителя. София представляется как соединяющее-разъединяющее начало, Соловьев, таким образом, проводит грань между создателем и творением, но вместе с тем устанавливает тесную связь между ними. Этот вопрос во многих аспектах связан с представлениями о природе женщины. София — это начало, проявляющееся между Богом и миром в качестве любви и мысли. Как Мировая Душа, она, преодолевая дискретность бытия, связывает человечество, порождает мир и является всеобщей матерью — материей в абстрактном понимании.

Философ В. Соловьев начинает в истории русской философии разговор о взгляде на природу женщины, разговор о женском начале. Он продолжал идеи греческих мыслителей, которые характеризовали женское начало как телесное, материю, мужское же отождествляли с формой. Соловьев высказывал мысль о том, что материальная пассивная природа — это женственный элемент, мужское начало трактуется как второй элемент, деятельный, но не зачинающий без женского. Оба одинаково необходимы в природном созидании. В работе «Смысл любви» философ пишет о значимости двух начал, без которых не будет ни человека, ни человечества. В работе «Оправдание добра» он утверждает, что противоположность полов выражает взаимодействие «образующей и образуемой жизни, начала деятельного и страдательного» [10, с. 490].

В советское время роль женщины в семье формально включало понятие равноправия. Формальной стала и пословица в отношении семьи о том, что «муж — голова, а женщина — шея, куда повернет, туда и голова идет». И формально в социуме главой семьи являлся мужчина, отец, и показывать на людях иное было неприлично. Семейное право отражало равноправие. В обычной жизни муж должен был обеспечивать семью, а жена — работать, вести домашнее хозяйство, отвечать за воспитание детей. На самом деле семья в основном держалась на женщине.

В постсоветское время роль мужа в семье увеличилась в связи с тем, что появилась частная собственность и большая заинтересованность в детях как наследниках.

11. Отношение к государству как к традиционной ценности.

В русской традиции всегда была ценна сильная власть. При ее ослаблении государь бросал весь свой авторитет и силу на укрепление твердой, жесткой

централизованной власти. Эта «борьба, продолжавшаяся четыре столетия, превратила главу государства в постоянного военного диктатора, столь преданно поддерживаемого народом, верного ему, что противиться ему считалось преступлением» [11, с. 54]. Как правило, насколько полным было доверие к государю, настолько оно отсутствовало к господам, поскольку они проявляли высокомерие, казнокрадство, вымогательство. В массовом сознании всегда было «они» — государство и «мы» — народ, мы и государь. Государей обычно любили по-своему: «царь-батюшка», «государыня-матушка».

Таким образом в отношении народа к государству в истории формировалась следующие черты:

- 1) государству придавали нравственный смысл;
- 2) верность, преданность, беспрекословное подчинение, служение государству и народу, готовность к самопожертвованию;
- 3) ответственность за целостность отечества, его судьбу;
- 4) Отсутствие личных притязаний на власть;
- 5) Отсутствие ценности закона, права как механизмов государственного строительства;
- 6) Преклонение перед верховной властью государя, упование на нее как на главную, самоопределяющуюся силу, творящую самые важные законы жизни общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. — М., 1993.
2. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10. — Т. 7. — 399 с.
3. Лосский Н. О. Бог и мировое зло / Сост. А. П. Поляков, П. В. Алексеев, А. А. Яковлев. — М., 1994.
4. Лосский Н. О. Характер русского народа: в 2 кн. — М.: Ключ, 1990.
5. Макаров В. Генетический код победителей — основа нашего единения и сплоченности // Газета «Вечерний Санкт-Петербург». Пресс-служба ЗакСа. — 7 мая 2021.
6. Рассадина Т. А. Традиционные ценности русской культуры // Социально-гуманитарные знания. — 2008. — № 1
7. Россия и Европа, опыт Соборного анализа. — М., 1992.
8. Русская идея. — М., 1992. — 345 с.
9. Рябов О. В. Женственность в философии Серебряного века. — Иваново, 1997. — 106 с.
10. Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. — М., 1990.
11. Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. — М., 1964.
12. Федотов Г. П. Судьба и грехи России. В 2-х томах. — СПб., 1992.
13. Чаадаев П. Я. Соч. — М., 1989. — 301с.

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.014

УДК 141, 214, 123.2, 321.6

C. V. Никоненко*

РАССЕЛ И БЕРДЯЕВ О МАРКСИЗМЕ, КОММУНИЗМЕ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

В статье проводится исследование и теоретическое сопоставление взглядов Б. Рассела и Н. Бердяева о России, русской революции, большевизме и его вождях, судьбах человечества, которые порой удивительно схожи. Основное сходство можно выделить, проведя компартиативистский анализ двух трудов: «Практики и теории большевизма» Рассела и «Истоков и смысла русского коммунизма» Бердяева. Также привлекаются другие сочинения (в том числе труды Рассела, не переведенные на русский язык). Разбираются следующие проблемы: 1) историческая необходимость коммунизма; 2) миссия русской интеллигенции как революционного класса; 3) религиозная сущность большевизма; 4) оценка личностей Маркса и Ленина; 5) критика коммунистической теории прогресса. Главное различие подходов Рассела и Бердяева заключается в том, что первый судит с позиций светского мировоззрения и принципов либерализма, тогда как второй придерживается религиозных позиций и выстраивает свою критику вокруг антропологии. В статье отмечается, что значительное количество схожих суждений и оценок позволяет бросить новый взгляд на единство исторического и политического дискурса русской и английской философии.

Ключевые слова: Рассел, Бердяев, русская революция, марксизм, коммунизм, религия.

S. V. Nikonenko

*RUSSELL AND BERDYAEV ON MARXISM, COMMUNISM AND SOVIET RUSSIA:
A COMPARATIVE STUDY*

The article deals with the study and comparative analysis of B. Russell's and N. Berdyaev's views on Russia and Russian revolution. Russell's «Practice and Theory of Bolshevism», Berdyaev's «Sources and Sense of Russian Communism» are studied in the article. Theoretical

* Никоненко Сергей Витальевич, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; serg_nikonenko@rambler.ru

** Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-011-00542 «Берtrand Рассел в России: эволюция рецепций и современные дискурсы».

problems of this work are: 1. The historical necessity of Communism; 2. The mission of Russian intelligent people as a revolutionary class; 3. Religions essence of Bolshevism; 4. Marx's and Lenin's political portraits; 5. The criticism of communist theory of progress. Russell thinks as clerical and liberal philosopher. Berdyaev holds religious and anthropological view. However, they coincide in their opinions, so it may be supposed that Russian and British social and political discourses are sometimes similar.

Keywords: Russell, Berdyaev, Russian revolution, Marxism, Communism, religion.

В отечественной истории философии нечасто сопоставляются взгляды Бертрана Рассела и Николая Бердяева. И в самом деле: перед нами представители разных наций, носители разных философских и религиозных мировоззрений. Однако суждения этих мыслителей о России, русской революции, большевизме и его вождях, судьбах человечества порой удивительно схожи. Основное сходство можно выделить, проведя компаративистский анализ двух трудов: «Практики и теории большевизма» Рассела и «Истоков и смысла русского коммунизма» Бердяева. Сопоставляя мысли, высказанные в этих книгах, мы можем убедиться, что суждения философов не только схожи, но и поразительно тождественны, что, на наш взгляд, не должно остаться без исследовательского внимания. В чем причины того, что английский аналитический философ и русский религиозный философ, носитель логически и научно ориентированного мировоззрения и носитель антропологического христианского мировоззрения написали схожие строки о русском народе, о русской революции, о Ленине, об историческом материализме? Ответ на этот вопрос является предметом статьи; для чего привлекаются другие сочинения Бердяева и труды Рассела (в том числе не переведенные на русский язык).

1. НЕОБХОДИМОСТЬ КОММУНИЗМА

Рассел и Бердяев приходят практически к полному тождеству мнений, считая, что коммунизм был вызван к жизни объективными историческими причинами. Коммунизм — великая социально-политическая идея, выревившая долгие годы. Применительно к российской действительности идея коммунизма оказалась родственной некоторым глубинным чертам в характере русского народа.

Рассел воспринимает коммунизм двойственным. С одной стороны, коммунизм импонирует его левым взглядам. В нем заложена великая идея равенства, отсутствия угнетения, эксплуатации, классовых различий. С другой стороны, коммунизм — это *радикальная идея* и к тому же это идея *утопическая*, предполагающая воинствующее насаждение по всему миру. Рассел пишет: «Я верю, что коммунизм необходим миру, верю также, что героизм России воспламенил человеческие надежды, а это очень важно для достижения коммунизма в будущем. Большевизм, если рассматривать его лишь как дерзновенную попытку, без которой конечный успех был бы просто невозможен, все равно заслуживает благодарности и восхищения всей прогрессивной части человечества» [10, с. 5].

В России идея коммунизма попала на благодатную почву ввиду двух причин. Во-первых, Россия долгие годы жила в условиях превратившегося в ана-

хронизм царского режима; а война и рабочее движение лишь способствовали коммунистическим чаяниям. Во-вторых, в России сложился значительный класс социально-демократической интеллигенции, из которой выделилась когорта профессиональных революционеров. «Большевистское мироощущение — продукт жестокости царского режима и мучительных лет великой войны, в результате которых разоренная и голодавшая нация оказалась пораженной ненавистью, распространяемой уже на весь мир», — пишет Рассел [10, с. 100]. Посетив с визитом Советскую Россию в 1920 г., ужаснувшись увиденным реалиям жизни того времени, Рассел занимает лояльную, сочувственную позицию по отношению к советскому строю и правящей партии. «Даже при существующих условиях в России еще чувствуется влияние животворного духа коммунизма, духа созидающей надежды, поиска средств к уничтожению несправедливости, тирании, жадности — всего того, что мешает росту человеческого духа, стремлению заменить личную конкуренцию совместными действиями, отношения хозяина и раба — свободным сотрудничеством», — оптимистично судит Рассел [10, с. 106]. Отчетливо видя резкое несоответствие идеала и действительности, Рассел поддерживает программу советского правительства, направленную на скорейшее преодоление разрухи и восстановление экономики. А поскольку такая программа не только плод наущной необходимости, но и воплощение теории марксизма, Рассел выказывает и теоретическую солидарность. «Что касается экономического понимания истории, оно мне кажется во многом верным и несомненно представляет собой важный вклад в развитие социологии», — отмечает Рассел [19, р. 190].

Бердяев также воспринимает идею коммунизма как исторически необходимый социальный идеал, благородную цель стремления человечества. В основных чертах, в трудах Бердяева можно найти суждения, совершенно схожие с вышеупомянутыми мыслями Рассела. На наш взгляд, Бердяев придает идею коммунизма некоторые славянофильские черты, что отсутствует у Рассела. Хотя коммунизм, по своему происхождению — западное, европейское учение, в исторических условиях России начала XX в. коммунизм мимикрирует, соприкоснувшись с «восточными» чертами русского народа. Поддерживая «скифские» идеи в литературе, Бердяев воспринимает революцию не только теоретически, но и поэтически: схоже с А. Блоком он видит в революции разгул стихии, апокалиптическое событие, падение не просто старого режима, но и старого мира. «Можно было бы сказать, что русский народ пал жертвой необъятности своей земли, своей природной стихийности», — пишет Бердяев [2, с. 8]. И далее отмечает: «Русский народ по своей душевной структуре народ восточный» [2, с. 7]. В восточные черты окрашивается и русский коммунизм. «Русский коммунизм есть коммунизм восточный. Влияние Запада в течение двух столетий не овладело русским народом», — считает Бердяев [2, с. 13].

К слову, Рассел, конечно, не связывает большевизм с «характером» русского народа, а также не противопоставляет Россию и Европу. Признавая значительные социально-политические различия между Россией и странами Западной Европы, Рассел все-таки считает, что социал-демократическое движение не знает национальных границ. Бердяев же, наоборот, стремится показать, что «большевистские» черты присущи именно русским реформаторам.

К примеру, таким был Петр I. «В Петре были черты сходства с большевиками. Он и был большевик на троне», — отмечает Бердяев [3, с. 55]. Вне всякого сомнения, такое суждение Бердяева следует воспринимать не как фальсификацию истории, а как метафору: Бердяев стремится придать коммунизму всемирно-историческое значение, не знающее границ места и времени, наподобие того, как уже упомянутый Блок находил большевистские черты в герое римской истории Катилине. Нет никакой возможности избежать революций. «Революции глубоко присущи исторической судьбе народов. Можно удивляться, что существуют еще люди, которые идеализируют революции и готовы видеть в грядущих революциях торжество высокого и прекрасного. Революции, все революции, обнаруживают необыкновенную низость человеческой природы многих наряду с героизмом немногих. Революция — дитя рока, а не свободы», — пишет Бердяев [5, с. 350]. Вместе с тем, как и Рассел, Бердяев неоднократно подмечает «ложь» революции, ее утопический характер и обманчивую веру в скорое наступление земного рая.

Отметим, что теоретические суждения Рассела и Бердяева подкреплены и практикой их жизненных судеб. Ранний Бердяев считал себя марксистом, будучи в 1897 г. сослан за участие в студенческих беспорядках. Рассел всегда сочувствовал социал-демократам, читал лекции «Германская социал-демократия», неоднократно подвергался гонениям и преследованиям за свои левые и пацифистские взгляды. Ни Рассел, ни Бердяев не занимали враждебной позиции по отношению к революции и советскому строю, несмотря на то, что Рассела вскоре записали в ярые «антисоветчики», а Бердяева сначала арестовали в 1920 г., а затем выслали из России на «философском пароходе» в 1922 г. Можно допустить, что, не будучи марксистами и сторонниками коммунизма, оба рассматриваемых философа постоянно вынашивали в своем уме эти идеи.

2. РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КЛАСС

Несмотря на то, что официальная пропаганда трактовала Октябрьскую революцию, как восстание рабочих, крестьян, солдат и матросов, Рассел и Бердяев судили совершенно иначе. Оба мыслителя считали русскую революцию уделом деятельности радикального крыла интеллигенции, которая, консолидировавшись в несколько схожих по политической программе партий, свергнула царский режим, воспользовавшись фактором затяжной войны и бедственным положением народа.

Во время своего визита в Россию Рассел общался не только с политиками, но и с деятелями искусства. Философ подчеркивает крайне бедственное положение интеллигенции в 1920 г. «Однажды в Петрограде (как он тогда назывался) ко мне пришли четыре пугала — в лохмотьях, с двухнедельной щетиной, с грязными ногтями и спутанными волосами. Это были четыре наиболее замечательных поэта России», — отмечает Рассел (в числе упомянутых четырех человек был и А. Блок. — С. Н.) [11, с. 227]. Рассела глубоко возмутил наметившийся социальный раскол между творческой интеллигенцией и скла-

дывающейся номенклатурой, между художниками, учеными, с одной стороны, и «товарищами», с другой стороны. По Расселу, провозгласив всеобщее равенство, большевики установили архаический порядок, когда «классовое происхождение» воспринимается как сущность человека. «В этой стране, — пишет Рассел, — сын пролетария имеет преимущества по отношению к сыну буржуа, тогда как везде подобные привилегии признаны несправедливыми» [16, р. 204]. В своей главе, посвященной искусству в России, Рассел справедливо отмечает, что многие художники гораздо больше похожи на подлинных революционеров, нежели представители партийной верхушки. Нищие, недоедающие, они пишут картины, оформляют празднества, пишут стихи; но их бескорыстный труд остается без должного внимания со стороны государства. Тем самым, уже в 1920 г. Рассел предвидит все более углубляющийся раскол между партийным руководством и творческой интеллигенцией, постепенно приведший к скрытому противостоянию и диссидентскому движению.

Бердяев также воспринимает русскую интеллигенцию как особый идеологический класс, главным назначением которого является революция. «Интеллигенция была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой, образовавшейся из разных социальных классов», — пишет Бердяев [2, с. 17]. Во втором фильме сериала «Государственная граница» («Беларусьфильм», 1980–1988) есть эпизод приезда на границу Ф. Дзержинского, который рассуждает о том, что для дела революции важны убеждения и поступки, а не происхождение (упоминая при этом князя Кропоткина и одного рабочего-провокатора). В какой-то степени Ленин, Дзержинский и другие большевики так считали на самом деле, но от Рассела и Бердяева не ускользнула совершенно иная действительность. Интеллигенция, по Бердяеву, — тоталитарный класс, и судит она тоталитарно. Как пример, можно привести суждение Л. Троцкого по поводу контрреволюционных выпадов З. Гиппиус: «Пожалуй, через сотню лет историк русской революции укажет пальцем, как гвоздевый сапог наступил на лирический мизинчик питерской барыни», — пишет Троцкий [13, с. 37].

Общей биографической особенностью молодости Рассела и Бердяева является значительное влияние философии Гегеля и последующий (почти одновременный) «бунт» против Гегеля (у Рассела в 1898 г., у Бердяева в 1901 г.). Характерно, что конфронтацию с учением Гегеля Бердяев относит к одной из главных причин, подготовивших революцию. «Против универсального духа истории восстал у нас Белинский в одно мгновение своего пути, восстал Достоевский, восстал Киркегардт, и должен восставать всякий сторонник персонализма», — подмечает Бердяев [5, с. 155]. Гегелевская философия истории освящает существующий социальный порядок и, вместе с тем, превращает человека в винтик, придаток социальной машины. «Бунт против Гегеля есть бунт во имя живой, человеческой личности, а борьба за живую человеческую личность превратилась в борьбу за социалистическое устройство общества. Так формулировалась характерная русская идея индивидуалистического социализма», — пишет Бердяев [2, с. 33]. Тем самым, социализм в России был подготовлен вовсе не только большевиками; русские поэты, писатели, критики внесли не меньший вклад в дело подготовки революции. Отметим также подмеченный Бердяевым индивидуалистический характер русского социализма.

3. РЕЛИГИОЗНАЯ СУТЬ БОЛЬШЕВИЗМА

Пожалуй, наиболее схожим положением в воззрениях Рассела и Бердяева является признание ими обоими религиозной сути русского большевизма. Провозгласив воинствующий атеизм, коммунистическое движение не ликвидирует, а, наоборот, муссирует религиозную потребность. Наступление эры коммунизма воспринимается с фанатизмом как закономерный конец истории, как эпоха всеобщего счастья; большевики проявляют подлинно религиозный аскетизм и подвижничество; насаждается культ «пророков» в лице Маркса, Энгельса и других представителей марксизма.

«Большевизм не просто политическая доктрина, он еще и религия с своими догмами и священными писаниями», — пишет Рассел [10, с. 7]. Большевизм несет с собой историческое пророчество; он обещает покончить с бедностью, угнетением, войной. Смысл суждений Рассела, конечно, не в том, чтобы доказать, что коммунизм — это религия, наряду с буддизмом и христианством, а в том, что коммунизм эксплуатирует религиозные *потребности* человека и базируется на *вере* в светлое будущее. «Надежды, которыми вдохновляется коммунизм, в большинстве своем столь же замечательны, как и надежды, возбуждаемые Нагорной проповедью; однако их придерживаются с таким же фанатизмом, и, похоже, они принесут столь же много зла», — отмечает Рассел [10, с. 9], подчеркивая общность социально-психологических механизмов коммунизма и христианства. В другом сочинении Рассел проводит еще более смелые аналогии. Он пишет: «Коммунизм в такой форме, какую он принял в России, является политической религией, аналогичной исламу. Однако он неизбежно подвержен влиянию византийской традиции; существует возможность того, что коммунистическая партия займет место церкви, оставив советскому правительству ту степень независимости от церковной власти, которой оно обладало до революции» [18, р. 17]. Рассел отмечает, что коммунизм обрел своих апостолов, мучеников и пророков, а официальная пропаганда, агитируя за безбожие, обожествляет ценности коммунизма. Подобные суждения Рассела конгениальны представлениям В. Розанова, который отмечает, что «русский мужик» столь же просто сменил веру в Бога на веру в коммунизм, как вымылся в бане. В. И. Антонов также подчеркивает религиозную трактовку коммунизма у Рассела. Он отмечает: «Рассела поражает то обстоятельство, что русский коммунист, или большевик (что одно и то же), одинаково не щадит себя и других. Обладание властью, контрольными функциями за снабжением жизненно необходимых продуктов не приводит его к зажиточности. Он ведет в абсолютном большинстве случаев аскетический образ жизни, который делает его еще более безжалостным. Рассел не без основания склоняется к мысли, что русский коммунист, беззаветно следя учению Маркса о том, что коммунизм наступит по формационным законам истории с фатальной неизбежностью, свой (русский) характер и умонастроение невольно дополняет восточными (мусульманскими) чертами» [1, с. 272]. Аналогично интерпретирует Рассела А. С. Колесников, который пишет: «Рассел пишет об азиатской России, страдающей от религии большевизма. Тема религии проходит чуть не главной линией в повествовании, ибо положения диалектического материализма

сравниваются с заветами Библии, пролетариат — с “избранным народом”, Маркс — с Иисусом, партия — с церковью, революция — с пришествием Мессии. Советскую республику Рассел сравнивал с республикой Платона, Красную Армию уподоблял кромвелевской Армии святых. Характеристика крестьян — невежи, интеллигенции — несознательная, страна не готова к прогрессу и т. д.» [8, с. 282]. Г. Уэллс, посетивший в том же 1920 г. Россию, подмечает, что у большевиков в первые годы советской власти не было сформулированной культурной программы. «Перед русском коммунистическим правительством наряду со множеством других созидательных проблем всталась проблема, как сохранить науку, критическую мысль, как стимулировать развитие художественного творчества. Пророк Маркс и его Откровение не указывают никакого пути к этому. Поэтому большевики, не имея никакой определенной программы, вынуждены действовать наугад», — считает Уэллс [14, с. 47]. При этом английский писатель схоже с Расселом воспринимает Маркса как «пророка» нового «откровения».

Согласно Бердяеву, коммунизм также замещает вытесненные идеологией религиозные потребности. Мало того, коммунизм в России был подготовлен течением «христианского социализма», в рамках которого апокалиптические чаяния сочетались с богоискательством. К примеру, таких взглядов даже после революции придерживался приобретший значительное влияние Максим Горький, с которым встречался Рассел и был знаком Бердяев. Бердяев подчеркивает, что «в силу религиозно-догматического склада своей души русские всегда ортодоксы или еретики, раскольники, они апокалиптики или нигилисты» [2, с. 9]. В революции высвободились огромные ресурсы мессианской веры. При этом сам русский атеизм оказывается, по своей сути, религиозным феноменом, а гонения на религию проводятся ради насаждения новой веры, что особенно явно проявляется на уровне стремления насаждить новую символику (серп и молот, красная звезда, красное знамя и т. д.). Причудливая смесь мессианской веры и воинствующего атеизма стоит на службе свойственных русскому народу эсхатологических чаяний. «У русских всегда есть жажда иной жизни, иного мира, всегда есть недовольство тем, что есть. Эсхатологическая устремленность принадлежит к структуре русской души», — пишет Бердяев [3, с. 217].

Таким образом, вера в коммунизм и воинствующий атеизм, как по Расселу, так и по Бердяеву, лишены здравого смысла и являются заблуждениями. Причем научный атеист Рассел и религиозный философ Бердяев с равной степени предостерегают от опасности неуемного разрушительного рвения большевиков, имеющего под собой социально-психологические и религиозные корни.

4. ОЦЕНКА ЛИЧНОСТЕЙ МАРКСА И ЛЕНИНА

В суждениях Рассела и Бердяева значительное место уделяется изучению личностей, политических программ и теорий лидеров коммунистического движения — Маркса и Ленина. Во время своего визита в Россию Рассел имел длительный диалог с Лениным, некоторые детали которого он описал в книге «Практика и теория большевизма» и других работах. Исходя из текстов работ,

можно предположить, что у Рассела и Бердяева сложились очень схожие представления о личностях коммунистических вождей.

По Расселу, Ленин похож на Кромвеля; он бескорыстный подвижник, не преследующий никаких личных выход, человек, преданный идеи и ведущий аскетический образ жизни. «Его сила коренится, я думаю, в его честности, мужестве и непоколебимой вере — религиозной вере в евангелие от Маркса, которое занимает то же место, что и вера христианских мучеников в царствие небесное», — пишет Рассел о Ленине [10, с. 24]. Главной движущей силой Ленина Рассел считает вечное стремление к борьбе с царским режимом и буржуазным строем. «Когда царское правительство убило брата Ленина, это не превратило Ленина в циника, поскольку ненависть стимулировала всю его жизненную деятельность, в которой он преуспел» [12, с. 114]. Рассел подчеркивает, что Ленин в сложившейся политической ситуации применяет верные методы, сообразные с реалиями России (Рассел даже отмечает, что, будь он на месте Ленина, поступал бы таким же образом). Вместе с тем, Ленин для Рассела не только национальный герой русской истории, но и мечтатель, грезящий о мировой революции. По этому поводу И. Берлин подметил, что «Ленин <...> видел ценность революции в том, что она сломала во вражеской цепи слабое звено и послужила началом мировой революции, а не осталась фактом русской истории» [7, с. 420].

Рассел подчеркивает, что и Маркс, и Ленин были, прежде всего, фанатично настроенными политиками, что мешало им критически мыслить. Их сознание наполнено догмами, в которые они слепо верят. «Результат в том, что в России одна группа фанатиков чувствует абсолютную уверенность в определенном наборе сомнительных положений; тогда как в остальной части мира другая группа фанатиков чувствует равную уверенность в диаметрально противоположном наборе равно сомнительных положений», — отмечает Рассел [17, р. 17]. Характерно, что Ф. Ч. Коплстон, при резком расхождении с Расселом по вопросам религии, также воспринимает большевиков как религиозных фанатиков. «Основная причина, почему Ленин придерживался столь подрывной (partisan) позиции в философии, заключается в том, что он воспринимал диалектический материализм как философию революции» [15, р. 309]. Г. Уэллс, считающий Маркса пророком, допускающий резкие оценки Маркса, высоко ценит подвижничество Ленина. «Благодаря ему я понял, что коммунизм, несмотря на Маркса, все же таит в себе огромные созидательные возможности <...> Он, по крайней мере, видит преображеный, заново построенный мир, этот мир воплощенных замыслов» [14, с. 107]. Таким образом, Рассел не был одинок; ведущие английские интеллектуалы отчетливо видели профетические черты в личностях коммунистических вождей.

Оценки Бердяева столь же амбивалентны. Неоднократно высказывая восхищение по поводу Маркса и Ленина, Бердяев судит с религиозных и антропологических позиций. Лидеры большевиков — это титаны, но они апостолы зла, диктаторы и гонители. «Диктатура вытекала из всего миросозерцания Ленина, он даже строил свое миросозерцание в применении к диктатуре. Он утверждал диктатуру даже в философии, требуя диктатуры диалектического материализма над мыслью», — пишет Бердяев [2, с. 98]. Как мы видим,

Бердяев не питает никаких иллюзий относительно миссии Ленина, считая его вождем, авторитарным правителем и узурпатором. «Коммунистическое общество осуществляется не в силу качества людей, а в силу муштровки, принуждения, организации. Коммунистическая государственность у Ленина столь же авторитарна и автократична, как и монархическая государственность у Победоносцева», — отмечает Бердяев [2, с. 128]. Характерно, что Бердяев, в очень схожей с Расселом манере, подчеркивает, что Ленин и большевики, вопреки Марксу, поставили приоритет политики над экономикой (диктатура пролетариата, военный коммунизм и т. д.). Получается, что революция, совершающаяся «во имя» Маркса, развивается совершенно не по марксистскому сценарию. В своей «Философии в России» Ф. Ч. Коплстон вскрывает сложность отношений Бердяева к марксизму. «Поскольку марксисты жаждут человеческого освобождения, он — один из них; но сколь только он убедился в том, что марксизм привел к типу общества, который Достоевский описал в своей Легенде о Великом Инквизиторе, он перестал посещать марксистские кружки» [15, р. 372].

Тем самым, оценивая личность Ленина, Рассел и Бердяев усматривают в нем фанатично настроенного лидера, стремящегося насадить коммунизм любыми средствами. Различие состоит в том, что Рассел видит в облике Ленина светского человека, преисполненного религиозного мессианизма, тогда как Бердяев стремится вскрыть в Ленине антихристианское начало. В целом, оба мыслителя, не поддаваясь обаянию личности Ленина, видят в нем основателя нового тоталитарного государства.

5. ДОГМАТИЗМ И ПОСТРОЕНИЕ ОДНОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ. КРИТИКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРОГРЕССА

Переходим к заключительному разделу, в рамках которого мы разберем теоретические возражения Рассела и Бердяева против теории диалектического и исторического материализма, а также против идей научного коммунизма.

Ценность труда Рассела «Практика и теория большевизма» заключается в том, что Рассел уже в 1920 г. проницательно предвидел, что Россия движется по тоталитарному пути к жестокой диктатуре (коей и оказался впоследствии сталинизм). В 1920 г., когда еще было значительным влияние местных советов, а Ленин и его окружение держались весьма демократично, такая тенденция была вовсе не очевидной. Во время визита Рассела в Россию проходили выборы в советы; и Рассел увидел на них вопиющие нарушения, обеспечивавшие победу правительственный кандидатов. Подметил Рассел и нарождающуюся советскую цензуру, хотя в то время еще многое можно было печатать довольно свободно. По мнению Рассела, правительство советской России вовсе не является «народным»; оно выражает интересы городского, рабочего населения и враждебно по отношению к крестьянству. Но и рабочий класс подвергается угнетению. Длинный рабочий день, запрет забастовок, армия шпионов делают жизнь советского человека трудной и тягостной. Наконец, Рассел подмечает,

что в России постепенно строится военно-полицейское государство, в котором все большую роль играет ВЧК, формируется мощная карательная машина. В скобках отметим, что в том же 1920 г. Бердяева арестовывают по делу так называемого Тактического центра; его допрашивает лично Дзержинский. И, хотя Бердяева отпускают, он становится окончательно и бесповоротно неблагонадежной персоной.

По Расселу, только первые годы после революции советская власть имела видимость демократии. Всё изменилось. «Правление Кромвеля было во многих отношениях подобно правлению Ленина: начав с защиты демократии и свободы, оно закончилось установлением отвратительной военной тирании», — отмечает Рассел [22, р. 10]. В статье «Почему я не коммунист?» Рассел высказывает следующее положение: коммунизм и человеческая свобода несовместимы. «Коммунизм ограничивает свободу, в особенности интеллектуальную свободу, в большей степени, чем любая другая система, за исключением фашизма», — считает он [20, р. 134]. В конце концов, за исключением подлинно народных выступлений 1905 и 1917 гг., русская революция не может считаться демократической; с самого начала она имела тенденцию к установлению диктатуры. «Я думаю, мы можем сказать, что справедливой революцией является революция, которая пользуется поддержкой большинства, в то время как несправедливая революция стремится установить тиранию меньшинства», — рассуждает Рассел [21, р. 10]. Намекая на то, что большевики устанавливают не только диктатуру, но и тотальный идеологический контроль, Рассел конгениален суждениям Бердяева, восставшего против насаждения марксизма как «государственной» философии. «Советская философия есть государственная ортодоксальная философия, она обличает и отлучает еретиков», — подчеркивает Бердяев [2, с. 122]. В «Автобиографии» Рассел вспоминает, что на улицах Петрограда периодически раздавались выстрелы; при этом он предполагает, что это расстреливают идеалистов.

Марксистское учение, ставшее официальной идеологией в Советской России, Рассел считает формой крайнего догматизма, неоднократно сравнивая с различными проявлениями догматизма в теологии. Он пишет: «Догматический характер марксистского коммунизма усиливается наличием предполагаемого философского базиса доктрины; он приобрел характер незыблемой католической теологии, а не динамичной, не склонной принимать что-либо на веру современной науки» [10, с. 69]. Характерно, что Бердяев также разоблачает догматизм марксистов. С его точки зрения, Ленин и его окружение переняли гегелевский исторический фатализм. «У Гегеля история есть священная история. Мессианско-проретический характер философии истории определяется тем, что смысл истории зависит от неведомого грядущего», — пишет Бердяев [5, с. 260]. Вне всякого сомнения, лидеры партии большевиков, насаждая веру в светлое будущее, все больше и больше склоняются к тому, что это будущее следует насаждать по определенному, априорно созданному плану.

Неудача программы социализма приводят Рассела и Бердяева к скептицизму относительно идеи социального прогресса. Рассел неоднократно отмечает, что порядок, в котором личность приносится в жертву государственным интересам, — это порядок несправедливый. Бердяев склоняется к тому, что

социальный прогресс вообще невозможен. «В гуманистический прогресс больше верить нельзя. Идея прогресса была великой идеей гуманистического периода истории, а весь XIX век проникся иллюзией прогресса <...> История есть, поистине, — и в этом ее религиозное содержание — путь к иному миру», — пессимистично рассуждает Бердяев [4, с. 153–154].

Здесь между Расселом и Бердяевым намечаются некоторые расхождения. Общим является то, что оба мыслителя смотрят на историю с гуманистической точки зрения; главным фактором прогресса является прогресс интеллектуальный и нравственный, а также рост и укрепление демократических свобод. Однако Рассел рассуждает как представитель светского гуманизма. С его точки зрения, главным критерием прогресса выступает рост счастья и любви в жизни человека. В таком контексте Рассел не высказывает никакой программы о «смысле» истории; наоборот, он отрицает такой смысл. Последователь Рассела в политической философии К. Поппер судит в схожей манере, но более конкретно, нежели Рассел. «Существует ли ключ к истории? Есть ли в истории какой-нибудь смысл? <...> Я на поставленный вопрос отвечаю: «История смысла не имеет»», — пишет Поппер [9, с. 311].

Представители советского марксизма делали попытку доказать, что Рассел и Бердяев критикуют общие положения программы марксизма, не вдаваясь в теорию. Так, к примеру, А. Л. Андреев пишет: «В качестве критика доктринальных основ марксизма Бердяев несостоятелен. Чрезвычайно симпатично, что у него практически отсутствуют текстуальные разборы произведений Маркса, Энгельса, их учеников и последователей» [2, с. 176]. Практически в то же время, комментируя Рассела, В. С. Марков упрекает британского философа в дилетантизме: «Содержание второй части книги, специально предназначенней для разбора теории, как раз в этом отношении выглядит бедноватым: нет прямых ссылок ни на одну работу Маркса, Энгельса или Ленина» [10, с. 118]. Подобные обвинения несостоятельны. Во-первых, и Рассел, и Бердяев были прекрасно знакомы с трудами Маркса, Энгельса, Ленина и других марксистов. Во-вторых, критики сделали поспешные выводы, только исходя из отдельно взятых книг. Так, Бердяев подробно разбирает учение марксизма в труде «Царство Духа и царство Кесаря», а Рассел, в свою очередь, пишет большую главу «Маркс и Энгельс» в монографии «Свобода и организация» (при этом неоднократно цитируя классиков марксизма). Мы привели эти суждения, чтобы показать, что даже в эпоху перестройки агонизирующая советская идеологическая машина стремилась очернить и принизить как Рассела, так и Бердяева.

Как уже отмечалось выше, Рассел выступает сторонником гуманизма, ставя превыше всего благо человека. Ему вторит Бердяев; но он подводит под это учение христианское основание. По Бердяеву, смысл истории предначертан: это построение Царства Божия. «Лишь путь Богочеловечества и Богочеловека ведет к утверждению человека, человеческой личности и свободы», — считает Бердяев [3, с. 122]. С такими суждениями носитель светского гуманизма Рассел согласиться никак не мог.

В политической философии Рассел и Бердяев порой диаметрально расходятся, особенно в воззрениях на религию. Но, независимо друг от друга и разными путями два мыслителя пришли к схожим суждениям о марксизме,

коммунизме, революции, большевизме, личности Ленина и другим вопросам. В заключение выскажем следующее: сходство в политических суждениях Рассела и Бердяева настолько очевидно, что дальнейшее сопоставление взглядов английского и русского классиков философии представляется очень перспективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов В. И. Бертран Рассел о постоктябрьской (большевистской) России и ее вождях // Сибирь в годы Великой Российской революции. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции). — Улан-Удэ, 2017. — С. 269–275.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990.
3. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. // О России и русской философской культуре. — М.: Наука, 1990.
4. Бердяев Н. А. Смысл истории. — М.: Мысль, 1990.
5. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. — М.: Республика, 1995.
6. Н.А. Бердяев: pro et contra, антология. Кн. 1. — СПб.: Изд-во Русского христианско-гуманистического института, 1994.
7. Берлин И. Философия свободы. Европа. — М.: Новое литературное обозрение, 2001.
8. Колесников А. С. Бертран Рассел в России // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2020. — Том 21. — Выпуск 2. — С. 275–288.
9. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. II. — М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1994.
10. Рассел Б. Практика и теория большевизма. — М.: Наука, 1991.
11. Рассел Б. Автобиография (фрагменты) // Метафизические исследования. — Выпуск 5. Культура. — СПб.: Алетейя, 1998.
12. Рассел Б., Эйнштейн А. Этот безумный мир. «Сумасшедший я или все вокруг меня?» — М.: Родина, 2020.
13. Троцкий Л. Д. Литература и революция. — М.: Политиздат, 1991.
14. Уэллс Г. Россия во мгле. — М.: Прогресс, 1970.
15. Copleston F. C. Philosophy in Russia. — Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1986.
16. Russell B. Unpopular Essays. — London.: George Allen & Unwin Ltd, 1921.
17. Russell B. Free Thought and Official Propaganda. — London: Watts & Co, 1922.
18. Russell B. Education and Social Order. — London.: George Allen & Unwin Ltd, 1934
19. Russell B. Freedom and Organization. — London.: George Allen & Unwin Ltd, 1934.
20. Russell B. Why I Am Not a Communist. — New York: Phoenix House Ltd., 1934.
21. Russell B. Future of Pacifism // The American Scholar. January. 1944.
22. Russell B. Came the Revolution // Saturday Review of Literature. March. 1950.

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.015

УДК 008–027.21(091);37(045)

Н. В. Филичева *

**«НЕЗАБВЕННО СТОЛЕТИЕ»:
ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПЕТРА I В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ**

В предлагаемой статье анализируются реформы Петра I, которые, с одной стороны, отражали объективный поступательно-прогрессивный и позитивный характер развития цивилизации в Европе, неся с собой новые ценностные ориентиры, благоприятно повлиявшие на внедрение культа науки, знания, рационализма, развитие культуры и образования. С другой стороны, эти европейские ценности были осмыслены в контексте русской истории, русской государственности, русской культуры, с учётом их самобытного прочтения и внедрения в России.

Обозначены некоторые сущностные черты проведения реформ — познание, контакты, ориентация на лучшие достижения западного цивилизационного мира, «имперский» характер развития государственности, культуры и образования, который на разных этапах развития истории России переосмысливался с учетом тех конкретно-исторических контекстов, в которых развёртывался и утверждался. Переход от заимствования образцов западноевропейского к трансформации национального искусства, особая роль Санкт-Петербурга как «окна в Европу», пафос утверждения нового отечественного искусства и «приближение» к тому этапу, когда уже русская культура инициировала новые культурные процессы в мире, влияла на их характер и развитие.

Ключевые слова: реформы, культура, образование, петровское время, Петр I, европеизация, петербургская культура, личность, ценности.

N. V. Filicheva
**THE EXPERIENCE OF REFORMIST TRANSFORMATIONS
PETER THE GREAT'S IN CULTURE AND EDUCATION**

This article analyses Peter the Great's reforms. The reforms, which, on the one hand, reflected the steady, progressive and positive development of European civilization, bringing

---

* Филичева Надежда Викторовна, доктор философских наук, профессор Русской Христианской Гуманитарной Академии; nfilicheva@gmail.com

new values which favorably influenced the introduction of science, knowledge, rationalism, cultural development and education. On the other hand, these European values have been considered in the context of Russian history, Russian state, Russian culture, taking into account their original reading and adoption in Russia.

This article define some essential features of the reforms — knowledge, contacts, recognition of the best achievements of Western civilization, the «imperial» character of the development of the state, culture and education, which at different historical periods in Russia was reconsidered bearing in mind concrete historical contexts. The author of the article describes the transition from taking a leaf from Western European art to the transformation of Russian national art. A distinctive role of St. Petersburg as a «Window to Europe», pathos of adoption of new domestic art and the «approach» to the period when Russian culture itself initiated new cultural processes in the world, influencing their character and development.

Keywords: reforms, culture, education, Peter's the Great time, Peter the Great, Europeanization, culture of Saint Petersburg, personality, values.

Часть истории российских преобразований Петровской эпохи, которую мы предполагаем рассмотреть, и культурная судьба современной России нам не безразличны. Извлечение уроков истории, культуры, предшествующей реформаторской деятельности — непростая задача, требующая объективной оценки. Но это наша, отечественная история, наша культура, поэтому в отношении к ним невозможно избежать субъективного отношения, которое зависит от заинтересованной позиции исследователя. Свою историю, как и культуру, надо уметь чувствовать и понимать, сопереживать им.

Как сегодня относиться к культурному опыту, накопленному за столетия своей истории? Отринуть его или учиться у него? Какова судьба ценностной системы сегодня? Может ли человечество жить вне системы ценностей? Или кардинально менять эту систему, и чем это чревато для современного и будущего человечества? Эти вопросы сегодня звучат актуально.

Русская культура с её многовековым опытом способна в современной ситуации подсказать варианты решения проблем и «вызовов» человеку, культуре, цивилизации.

При изложении и анализе опыта реформаторских преобразований и политики императорской России, а также в области культуры и образования XVIII–XXI вв., которые мы предполагаем рассмотреть как ряд наиболее важных периодов в истории России в последующих публикациях, надо учитывать, как эти реформы воспринимались современным обществом, какую цену народы заплатили за них и как складывались отношения между властью и обществом. Были ли это отношения доверия и взаимопонимания, или — неприязни и отчуждения. Цена реформ, их эффективность, их перспективность — это не только экономические проблемы. Это проблемы социально-политические, культурно-нравственные, это проблемы ценностных критериев и ориентиров.

В истории человечества и особенно русской культуры всегда важной была и остается тема нравственности, национальной самоидентификации, идеологии — от нее зависят направленность, содержание, методы, темпы проведения реформ. Особенно важно правильно решать и адекватно оценивать такие задачи в сложные переходные времена.

Своеобразные природно-климатические условия, природный ландшафт, русский цивилизационный и культурный мир всегда отличались особой ментальностью, своей системой ценностей, давая адекватные ответы на вызовы природной среды, социума, других культур.

Примечательно, что одним из существенных качеств носителей этой особой ментальности, была удивительная открытость, отзывчивость к разным веяниям, влияниям, флуктуациям других культур и традиций. Вместе с тем, эта восприимчивость к иным культурным и цивилизационным «ветрам» всегда (осознанно или интуитивно, по «наитию») была избирательна. Культура впитывала в себя только то, что отвечало её органике, что не противоречило её самобытности, а позволяло совершенствоваться и развивать.

Русская культура выработала в себе способность и готовность к синтезу, органическому соединению, к гармонизации самых разных, противоположных, а порой и противоречивых явлений, процессов, элементов, структур, систем, при этом не только не нарушая этим композиционной целостности, а рождая новую целостность.

Особенность русского культурного и цивилизационного мира, опыт, который накапливала и приумножала русская культура, стал достоянием мировой культуры и цивилизации. Сущностные черты русской культуры особенно ярко, убедительно и полноценно проявляют себя в важные переходные этапы русской истории. Эти черты несут в себе и политическая деятельность, если она имеет рациональный, осознанный характер, и научные открытия, литература, поэзия, искусство.

Одним из таких этапов в истории русской государственности, русской культуры, русской цивилизации являются XVII и XVIII века Нового времени. Новое время в Европе — это особый рубеж в развитии культуры. Более того, можно уверенно утверждать, что это начало импульсов новых процессов в мировой цивилизации.

Надо отметить, что Россия на рубеже XVII–XVIII вв. в своём саморазвитии была уже готова воспринять новые ценности, она уже «созрела» для внутреннего переустройства, в ней уже зрела та среда, которая готова была откликнуться на новые веяния. Таким временем стала эпоха Петра I.

Эта готовность к восприятию нового проявилась и в государственной политике, и в культурной жизни. В петровскую эпоху в России проходили, по сути, тектонические процессы, и они не могли проходить безболезненно. Тектонические процессы и в природе, и в обществе не проходят без насилия над прежними системами. Другое дело, можно рассуждать о необходимой мере и степени этого насилия. И второе — эти процессы проходили в контексте общеевропейских цивилизационных и культурных процессов.

Перед Россией в этот период стояли свои внутренние задачи. Для того чтобы полноценно включиться в систему мировых связей и отношений, важно было преодолеть отставание, культурную замкнутость.

Время требовало энергичных людей, открытых к новым процессам, новому мышлению, готовых к радикальным переменам. Время требовало нового «формата» деятельности — творческого, активного. В России появились эти новые энергичные люди, которые отвечали требованиям времени. В первую

очередь — это был Пётр и его ближайшие сподвижники, соратники, «птенцы гнезда Петрова». Но не все были готовы к переменам, кардинальным изменениям, что, несомненно, усложняло ситуацию.

Ещё раз подчеркнём, что Новое время уделяет особое внимание роли личности. Личность, её способность ставить перед собой определённые цели, разрабатывать программу по достижению поставленных целей, умению оценивать ход развития и результаты реализации программы, ответственность за свою деятельность — это всё то, что было остро востребовано в XVII–XVIII вв. Таков же запрос был и на лидерство в политике, в государственной деятельности.

Ответом на такой запрос в этот период стал Пётр I. Пётр I — личность уникальная, активная, энергичная, «жадная» до новых знаний и умений. Он — «дитя своего времени». Его увлечённость новым — искренняя, заражающая окружающих. Важно, что Пётр I был убеждён в необходимости реформ для России и делал всё возможное, чтобы осуществить задуманное. Несомненно, эти устремления Петра как личности шли на благо страны. Эти личные позитивные качества позволили проводить требуемую для страны политику и преобразования, в том числе и для развития культуры.

Изменения в культурно-образовательной и просветительской сферах проводились Петром в духе европеизации и были нацелены на сближение культур русской и западноевропейской (прежде всего немецкой, английской, голландской) цивилизаций. Эта направленность реформ была особенно характерна для довоенного периода деятельности Петра I (1698–1700).

Эти изменения затронули самые разные сферы жизни и деятельности русских людей — от быта и повседневных обычаев и традиций до государственных и социальных, в том числе, образования, науки, художественной культуры. Словом, реформы «перепахали» все пласти жизни, культуру страны, сознание людей, коренным образом изменили характер их деятельности.

Закрепляя внешние европейские порядки в Российской действительности, заставляя курить табак и пить кофе, носить новые одежды, танцевать на ассамблеях и внедряя другие новшества, Петр I стремился изменить стиль мышления своих подданных. В российское общественное сознание закладываются представления о внесословной ценности личности, о гражданской чести и достоинстве. Уже на бытовом уровне инициировалась новая атмосфера, где ценились открытость новому, энергичность, личная заинтересованность и ответственность за события, процессы, действия в разных сферах жизнедеятельности.

Петр I прекрасно понимал необходимость развития культуры, причем культуры новой, европейской и по форме, и по сути. Известна одна из установок Петра I: «Оградя отчество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через искусства и науки» [Цит. по: 1, с. 132].

Реформы Петра I радикально изменили уклад российского государства. Следует вспомнить некоторые судьбоносные влияния и воздействия в жизни самого Петра. В детские и юношеские годы на Петра оказали большое влияние европейцы, жившие в России, у которых он многому научился. Став царем, Петр I неоднократно посещал Европу — в 1697–1698 и в 1716–1717. Во время первого заграничного путешествия («Великое посольство») — под именем

урядника Петра Михайлова — он побывал в европейских странах, в Англии и Голландии изучал корабельное дело, знакомился с укладом жизни европейцев и видел огромную разницу между Европой и Россией. В то время как в Европе развивалась промышленность, процветали кораблестроение, наука, культура, в России не было ни современной армии, ни флота, ни промышленности (было всего несколько железноделательных заводов, 20–30 мануфактур); ни школ, ни светского образования, ни медицины, ни развитой торговли, ни быта, ни культуры, ни органов управления. Всё это и многое другое не прошло бесследно для становления Петра и как личности, и как государственного деятеля. Весь накопленный опыт нашёл отражение в его программе преобразования страны.

Анализ уже первой зарубежной поездки молодого царя в 1697 году показывает, сколь велик и разносторонен был интерес Петра I также к явлениям культуры. Хотя цели посольства были чисто дипломатическими, в этой поездке Петр I «впервые увидел западноевропейскую цивилизацию во всем ее военном и культурном могуществе, почувствовал ее дух, смысл и силу», что и определило главную цель всей его последующей деятельности — «приобщить Россию к достижениям европейской цивилизации» [2, с. 27].

Идея европеизации наиболее зримо воплотилась в строительстве новой столицы — Санкт-Петербурга. Отличительная особенность культуры Петербурга, по внутренней логике петровских реформ, где было важным не только военное и торговое значение города, но и — культурное.

В распространённом Петром I в 1702 году в Берлине «Манифесте о вызове иностранцев в Россию» для обучения русских людей «навыкам», известным европейским народам, в Россию приглашались люди самых разных специальностей.

Новый российский город, вскоре Санкт-Петербург гостеприимно распахнул двери перед всеми, кто принял приглашение участвовать в его созидании — этом грандиозном и в чем-то «авантюрном» предприятии. Открытость достижениям европейской культуры, знаниям и мастерству иноземцев стала особенностью молодого города.

Немцы, шведы, голландцы, французы, итальянцы и англичане сначала обживались отдельными колониями, но постепенно национальные, языковые и топографические границы исчезли. Очень скоро в городе возникла «особая нация» — петербургская, в которой обруseвшие иностранцы и русские составили единое целое. Для многих иностранцев Санкт-Петербург и Россия становились второй родиной, которой они отдавали свой талант и жар души, а царю служили верой и правдой. Вместе с русскими мастерами они участвовали в создании города и великолепных пригородных резиденций царствующих особ. Под влиянием русского зодчества европейские архитектурные формы трансформировались — появились сооружения, отличающиеся подлинным своеобразием. В искусстве, общественной жизни и быте нового города причудливо слились европейские и русские национальные традиции, сформировав новое явление — петербургскую культуру.

Санкт-Петербург, заложенный в 1703 г., ставший столицей в 1712-м, строился в рекордно короткие сроки. Именно Петру I Россия обязана появлением

одного из прекраснейших городов в Европе — Санкт-Петербурга, города, ставшего олицетворением гордости и славы Российского государства.

Действительно, рождение города было «дерзновению подобно». Для осуществления своих замыслов Петр I, наперекор «старой» Руси, привлек поколение, которое с яростной уверенностью, свойственной молодости, поддержало все его начинания. Санкт-Петербург стал символом нового этапа русской истории и грандиозных, невиданных ранее свершений. Бросив вызов природе, император задумал создать на зыбкой, словно вытканной из тумана, почве Российской «парадиз». Петербург являлся главной заботой, любимым детищем Петра I на протяжении всей его жизни.

Важно отдать должное энергии, упорству и в определённом смысле компетенции Петра I, который сам выбрал место для будущего города, как необходимого бастиона для защиты государства. Пётр лично обследовал Невское устье и выполнил чертежи новой крепости на острове Луст-Эланд. Крепость была сооружена по всем требованиям фортификационной науки того времени, но её расположение очень напоминало привычные формы русских поселений.

Укреплённое ядро города должно было иметь простую структуру, которая отвечала бы оборонным задачам. И эта правильность, строгость, логическая ясность композиции была продолжена в решении разрастающегося города. В этом прочитывался дух нового времени с его динамичностью, жесткостью и трезвым рационализмом. Но этот дух сочетался с национальной традицией организации пространства, с привычной необходимостью и потребностью вписываться в природный ландшафт. Город изначально развивался как крепость, порт, столица. Петру I принадлежит заслуга «продумывания» и решения первых планов рождения Адмиралтейской верфи — кузницы будущего флота России.

И везде в этом опыте монументального решения молодой столицы можно проследить, почувствовать, узнать и оценить сочетание, синтез, подвижную гармонию национальной традиции с иноземной, освещенной духом русской культуры. Ни один город не вызывал столь противоречивого к себе отношения, как Санкт-Петербург, — никого не оставил он равнодушным. Его любили и ненавидели, прославляли и проклинали, но все отдавали и отдают должное его величественному, прекрасному и значительному облику.

Сочетание «своего» и «чужого», характерное для русской культуры, в целом, и проявившееся в первой четверти XVIII в., вызывало, порой у некоторых исследователей ощущение «раздвоенности души» российского мастера, уже познавшего вкус светских художеств и вставшего на путь русской «европейскости».

Шедевры национальной художественной культуры еще не были созданы. Но художественные образы архитектуры, живописи, графики, литературы, музыки этих десятилетий рождаают непременное ощущение стремительного движения и прорыва к новому, а главное, к зрелой, самобытной и новой культуре.

В «граде Петровом» зримо воплотилась «глобальная идея» Российской государственности, величия России, ее непобедимости.

В 1709–1723 гг. началось строительство Петергофа, «парадиза», любимой парадной резиденции Петра I, основанной в честь великих побед, одержанных в Северной войне. Уникальность и мировая слава Петергофа — в его парках

и дворцах, в его уникальном, гидротехническом устройстве фонтанной системы. Петергофские дворцы и многие предметы, хранившиеся в них и связанные с жизнью Петра I, стали реликвией уже вскоре после смерти великого преобразователя России.

В 1719 г. в Петербурге был открыт первый русский естественнонаучный и исторический музей — Кунсткамера, доступный для широкого обозрения, столь же удивительный, как и время, когда он создавался.

По приказу царя в Кунсткамеру доставлялось все, что могло вызвать любопытство: старинные пушки, древние грамоты, монеты, анатомические и зоологические экспонаты, восковые модели, математические, научные, музыкальные инструменты и многое другое. Предложение генерал-прокурора П. И. Ягужинского брать плату за посещение Кунсткамеры Петр I решительно отверг, в указе о создании первого музея — Кунсткамеры — говорилось: «В оную Кунсткамеру впредь всякого желающего пускать и водить, показывая и изъясня вещи», «я хочу, чтобы люди смотрели и учились», — говорил Петр I. Как было бы полезно вернуть эту практику в наши музеи сегодня, а не только в «Ночь музеев».

Многие первоклассные памятники искусства, приобретенные в петровское время, позднее были переданы из Кунсткамеры в Эрмитаж и ныне хранятся там. Петр I был одним из первых коллекционеров и ценителем древностей и искусства.

Многие историки Кунсткамеры склонны считать, что «Петр I лично принимал участие в планировании здания, что ему принадлежит выбор места для строительства, авторство замысла расположения залов для библиотеки и коллекций разного типа, концепция, что позволяет говорить о философском замысле организации музея, который должен был представлять некий микрокосм. Царь жертвовал на строительство так называемые «кабинетные» (то есть свои личные) средства» [7, с. 90–94].

Преобразования петровской эпохи, внеся глубокие перемены в жизнь страны, подготовили возможность по достоинству оценить те произведения мировой культуры и искусства, которые через несколько десятилетий будут стекаться в Эрмитаж.

Все эти примеры — свидетельства незаурядности личности Петра I, его энергии, искренней заинтересованности в создании могучей культурной державы. Все эти примеры позволяют и сегодня утверждать, что деятельность царя-императора была адекватным ответом на «вызовы» времени.

В первые десятилетия XVIII в. была заложена национальная школа живописи, представители которой за парадным фасадом портрета смогли увидеть облик нового россиянина. В живописи русская школа делала первые шаги, приобщаясь к европейскому профессиональному опыту. Среди мастеров новой школы выделяются И. Никитин и А. Матвеев. Через несколько десятилетий стараниями И. И. Шувалова в России будет открыта Академия Художеств и появятся Ф. Рокотов, Д. Левицкий, В. Боровиковский — портретисты такого же «масштаба и склада», как их английские и французские современники.

В петровское время была особенно велика роль гравюры — сказывалась необходимость в иллюстрации научных книг, чертежей проектов. Для этих целей лучше всего годилась гравюра — линейное, точное, экономное изображение.

Вначале работали граверы из Голландии — А. Шхонебек, П. Пикарт, затем их русские последователи — братья Зубовы, Алексей и Иван. Особая роль в развитии русской гравюры принадлежит А. Ф. Зубову. Серия гравюр А. Зубова «Панорама Петербурга» доносила до зрителей живой отклик событий, документально изображавших отдельные здания, сады и фрагменты города, которые создавали развернутый образ города. В гравюрах мастера — «возвышенная» интонация к городу оправдана, мастер создал образ уже значительного по архитектурному облику города — как столицу морской державы, как «своего», такого особенного города.

Всесторонняя реформа русской культуры закономерно вела к выработке нового взгляда на формирование самого человека, который должен был эту новую культуру созидать, представлять и защищать. Традиционной религиозной концепции воспитания следовало противопоставить иную, основанную на светском представлении о механизме формирования личности. В основе этой просветительской позиции лежало убеждение Петра I, что «от естества самого зело трудно к благонравию прилепиться», и потому было необходимо «прирожденную грубость благими науками и учением искоренять» [5, с. 497].

Важным событием в петровское время стал переход на новый календарь. С 1700 г. Петр I ввел новое летоисчисление — от «рождества Христова», а не от сотворения мира, и новый год стал начинаться, как в Европе, с 1 января, а не с 1 сентября. В России при Петре I стало активно развиваться книгопечатание, вместо старославянского был введен современный, по тем временам, шрифт, заменивший витиеватые церковнославянские литеры, числа стали обозначать не буквами, а арабскими цифрами. Крупнейшим событием культуры Петровской эпохи стало издание первой официальной газеты «Ведомости» (1702).

В Москве начали печатать не только духовные, но и научные книги по истории, математике, астрономии, литературе. Следует отметить, что на цели просвещения народа Петр I денег не жалел. Материальная поддержка сферы народного образования и просвещения стала особенно значительной на завершающем этапе Северной войны, когда в победе России уже никто не сомневался.

Открывались первые в России общедоступные библиотеки, книжные лавки. Первая Публичная библиотека находилась в Кикиных палатах (1714), насчитывала 11 тыс. книг, у входа в библиотеку было вывшено объявление: «Всякому вход в оную свободен» [2, с. 43].

Стали появляться светские учебники, содержащие правила воспитания и обучения молодых людей. Петр I считал необходимым переводить трактаты, различную научную и теоретическую литературу с которой «началось знакомство россиян с философско-антропологической и теоретико-педагогической литературой европейского Просвещения, разрабатывавшей светскую рационалистическую концепцию естественного права. Согласно М. С. Кагану, «идея эта легла в основу новых представлений о воспитании и образовании, пропагандировавшейся “Ученой дружиной”» [2, с. 45].

Большие изменения произошли в сфере образования, которое стало приобретать светский характер и стало важной составляющей реформ Петра I. Еще будучи в Англии, Петр I познакомился с европейской системой образования

и поручил сановнику Я. Брюсу досконально изучить работу европейских школ, университетов, академий, обсерваторий, типографий и все лучшее взять на вооружение для использования в России.

Что касается реформы образования, то результаты были налицо. Для подготовки национальных кадров по прямому указанию царя в стране была создана целая сеть разнообразных учебных заведений. Первая Артиллерийская (Пушкарская) школа возникает в самом начале великого царствования Петра I.

Увлеченный идеей создания флота России, Петр I распорядился открыть в Москве школу подготовки штурманов. Была открыта «Школа математических и навигацких наук». Для преподавания в ней из Англии пригласили известного шотландского ученого, мореплавателя А. Д. Фарварсона. В 1715 г. эта школа была переведена в Петербург и преобразована в Морскую академию, где основательно преподавались математика, география, история, из выпускников которой выросли не только известные мореплаватели, но и ученые, писатели, художники. Примечательно, что к началу Северной войны офицерский корпус состоял практически из иностранцев, то к концу ее он на 90% был русским.

В 1712 г. была основана Московская Инженерная школа, которая в 1719 г. станет Санкт-Петербургской Инженерной школой, затем Соединенной Артиллерийской и Инженерной Дворянской школой (1758), а с 1762 г. это уже будет Артиллерийский и Инженерный Шляхетный кадетский корпус.

Созданная при Петре Великом, отечественная военная школа в XVIII столетии являлась «лучшим зеркалом господствовавших течений» в российском просвещении — она являлась главной и безраздельно «владычествующей». По мере того, как гуманистические идеи в XVIII столетии проникали в школу, военная школа получала более общеобразовательный характер.

С 1714 года «для детей дворянских и приказных» учреждаются арифметические школы в домах архиерейских и монастырских. Были открыты начальные школы — «42 светских (цифирных, с 1714 г.) и 46 духовных (епархиальных, с 1721 г.) при архиерейских домах; такие школы существовали почти в каждой провинции. К концу правления Петра I в них училось около 5 тыс. человек» [6, с. 184].

Когда Петр I взялся за создание сети низших учебных заведений в провинции, то Морская академия и Славяно-греко-латинская сыграли в этом свою роль. Часть выпускников этих академий использовали в качестве учителей во вновь создаваемых в губерниях «цифирных» школах. Однако до Екатерининской школьной реформы 1783–1786 гг. «создать устойчивую сеть народных школ, “вроде церковноприходской” все-таки не удалось, поскольку при Петре I еще не было подготовлено в достаточном количестве ни учителей, ни учеников, ни помещений, ни школьных пособий, ни средств, на которые можно было бы все это создать» [4, с. 253].

Но, несмотря на это, по мнению известного историка П. Н. Милюкова, «создание этой первой в России сети духовных и светских школ, собственно и было тем огромным шагом вперед, которое делает из петровского царствования эпоху в истории русского образования» [4, с. 248].

В 1715 году учреждена Российская школа, или Школа словесных наук, где чтению, письму и арифметике учили детей мастеровых, матросов и «протчих людей», для работы на Адмиралтейской верфи.

В период 1716–1720-е годы учреждена Медицинская школа, основаны Шпалерная мануфактура и мануфактура по производству шелковых тканей, три бумажные мануфактуры; основаны хрустальная и стеклянная фабрики; четыре типографии и множество других заводов, фабрик, лесопилен и иных предприятий. При Берг-коллегии создана химическая лаборатория, а при «аптечарских огородах» — первая химико-фармацевтическая лаборатория» [2, с. 30].

Но наиболее значимым событием петровской эпохи стало создание Академии наук (1725). Основанная и задуманная как «союз художеств и наук» она включала также гимназию, университет, и музей («куншткамеру»). Таким образом, Петр I преследовал две цели: развивать научную деятельность и готовить собственные национальные кадры ученых.

Созвав в Санкт-Петербург ученых-иностранных, главным образом из Германии, Петр I, предоставил им возможность заниматься научными исследованиями за казенный счет с условием, чтобы они обучали и приобщали к науке талантливых русских юношей.

В проекте «Положения об Академии наук» во изменение отношения к науке предполагалось проводить публичные заседания Академии, на которых академики должны были выступать с научными докладами и обсуждать их в присутствии представителей петербургского общества.

Основные достижения Академии относились к фундаментальным теоретическим исследованиям; решались практические задачи картографии, метрологии, монетного дела, проводились экспертизы машин и механизмов. «В петровском проекте Академии в ее составе должно было быть десять специальностей, разделенных на три класса: к первому и второму относились математические и естественные науки, к третьему — красноречие, история древности и Нового времени, право, “купно с политикою и этикою (нравоучением)”. В дальнейшем в гуманитарной сфере выдвинулось на первый план языкознание, что объяснялось практическими нуждами просвещения» [2, с. 31].

Петровское время можно назвать временем «титанов Возрождения» — возрождения России. Этим «титаном» был сам Пётр и многие его сподвижники. Петр I знал несколько языков, владел «четырнадцатью ремеслами», поражал современников своей работоспособностью и творческой активностью, особенно необычной для царствующих особ. Таким был и ближайший сподвижник Петра I А. Нартов, человек разносторонней целостности дарований — мастер, инженер, убежденный, что «механика все прочие науки превосходит», изобретатель всевозможных машин, опережавших подчас уровень английской техники, автор уникальной книги «Театrum Махинаrum, то есть ясное зрелище машин», в которой были обобщены данные о множестве станков и инструментов, использовавшихся в ту эпоху, в том числе и сконструированных им самим.

В 1726 году в Академии были учреждены, по предложению А. Нартова, три «палаты» — Инstrumentальная, Слесарная и Оптическая. Первую возглавлял сам Нартов, а в конце века И. Кулибин, там выполнялись заказы М. Ломоносова [2, с. 31].

Один этот перечень фактов достаточно выразительно говорит о рождении в Петербурге нового для России типа культуры — и материальной, и духовной, и художественной.

Ярким проявлением обмирщения и политизации в новой российской столице была деятельность Феофана Прокоповича — теолога и проповедника, философа, историка, теоретика педагогической науки, политического деятеля и верного идеолога петровских реформ. Этот организатор и вдохновитель «Ученой дружины», один из создателей Академии наук был, в отличие от Татищева, Кантемира и Ломоносова, — не светским лицом, а церковнослужителем, прошедшим путь от епископа до вице-президента Священного Синода. Феофан Прокопович написал «Духовный регламент», открыл в 1721 году в Петербурге школу для сирот и детей бедняков, содержал эту школу, составил «Букварь. Первое учение отрокам», выдержавший одиннадцать изданий и названный В. Татищевым «лучшим нравоучением для юношей» [Цит. по: 2, с. 36–37].

Помимо Феофана Прокоповича у Петра было много способных помощников, которые мечтали о процветании Отечества. Много предложений по реформированию России поступало от Ф. С. Салтыкова, А. А. Курбатова, И. Т. Просошкова, В. Н. Татищева и других.

Петровские реформы носили всеобъемлющий характер, коснувшись всех сторон жизни государства, что предопределило их несомненный и очевидный успех. Широко использовался опыт западных стран, приглашались иностранные специалисты. Реформы проводились в условиях «Северной войны», что наложило отпечаток на темпы и методы их проведения. По словам В. О. Ключевского, война стала «главным движущим рычагом преобразовательной деятельности Петра I... Война указала порядок реформы, сообщила ей темп и самые приемы» [3, с. 57].

Традиционная нравственность русской культуры обогатилась новыми возможностями для своего утверждения и распространения. Русской культурой были восприняты идеи о великой «морализующей» и воспитывающей роли печатного, в том числе научного слова. Родилось понятие «просвещенный читатель», это понятие отражало искреннюю веру в силу человеческого знания и разума. Литературная речь становится мерилом просвещенности и образованности.

Обратимся вновь к мнению выдающихся потомков, чтобы лучше понять петровское время и оценить «петровский взрыв».

По мнению писателя-просветителя А. Н. Радищева, «незабвенно столетие» одарило Россию «истиной, вольностью и светом». Писатель имел в виду те высокие идеалы, что были выпестованы в XVIII в. европейским Просвещением, представители которого отстаивали светские нравственные ценности.

Н. М. Карамзин в 1818 г., на собрании Императорской Российской академии произнес: «Петр I Великий, могущею рукою своею преобразив отечество, сделал нас подобными другим европейцам. Жалобы бесполезны. Связь между умами древних и новейших россиян прервалася навеки» [Цит. по: 1, с. 131].

Молодой А. С. Пушкин, в 1822 г. в «Заметках по русской истории XVIII в.» отметил: «По смерти Петра I движение, переданное сильным человеком, все еще продолжалось в огромных составах государства преобразованного. Связи древнего порядка вещей были прерваны навеки; воспоминания старины малопомалу исчезали. Народ, упорным постоянством удерживав бороду и русский

кафтан, доволен был своей победою и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обретых своих бояр» [Цит. по: 1, с. 131].

Несмотря на разноречивость оценок деятельности Петра I и его личности, один вывод бесспорен: итоги его реформ были впечатляющими. Главное отличие петровских преобразований состояло в том, что они носили всеобъемлющий характер, охватывали все сферы жизни общества и развитие русской культуры в направлении, указанном Петром Великим. Россия приобщилась к передовым западноевропейским знаниям в культурной, образовательной и просветительской сферах, к опыту, технологиям европейским и превратилась в мощную империю с развитой индустрией. Был создан определяющий стимул к развитию торговли, построена новая культурная столица — Санкт-Петербург, заложены новые города, прорыты каналы, открыты школы, гимназии, создана Академия наук, и открывались университеты. Все то, что успел сделать Петр I, оказало решающее влияние на историческую судьбу новой России; петровская модель государственного устройства с некоторыми модификациями просуществовала более 200 лет.

Петровские реформы — заняли особое, знаменательное место в истории русской государственности, в истории России и русской культуры. Более того, мало сказать «место». Петровские реформы придали такой мощный импульс движению и такую заразительную энергию развитию России, которые не были задержаны ни движениями вспять в некоторые отрезки её существования, ни ретроградными и реакционными устремлениями некоторых последующих правителей России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рапацкая Л. А. История художественной культуры России (от древних времен до конца XX века). — М.: Издательский центр «Академия», 2008.
2. Каган М. С. История культуры Петербурга. — СПб.: Изд-во СПб ГУП, 2000.
3. Ключевский В. О. Соч. в 9-ти тт. — Т. IV. — М., 1989.
4. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. — Т. 2., ч. 2. — М., 1993–1995.
5. Павленко Н. И. Петр Великий. — М., 1990.
6. Хоторской В. Я. История России от Рюрика до Ельцина. — М., 2000.
7. Каплан-Ингель Р. И. О реставрации здания бывшей Петровской Кунсткамеры (ныне здания института и музея этнографии // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. 2. — Л., 1947. — С. 90–94. — URL: http://kunstkamera.ru/index/300/4/4_2/ (дата обращения 19.08.2016).

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.016

УДК 94

Т. Г. Таирова, А. В. Багро*

ОБРАЗ ПЕТРА I В «ЛЕТОПИСИ» САМОЙЛА ВЕЛИЧКА**

Фигура Петра I всегда привлекала историков своей масштабностью и влиянием на российскую историю. В источниках можно найти много упоминаний об огромной важности его начинаний. Тем не менее при анализе образа императора, как правило, рассматривались внутрироссийские тексты, которые наиболее детально его изображали. Однако параллельно существовали другие взгляды, как, например, точка зрения казацкой элиты Гетманщины. В этой статье детально разбирается образ Петра I, сконструированный Самойлом Величко, канцеляристом и автором одного из ярчайших произведений по казацкой истории. Он описывал внешность своего героя, а также использовал как позитивные, так и негативные характеристики для его изображения. В каких ситуациях это происходит, чем это было обусловлено — ответы на эти вопросы позволяют понять отношение Войска Запорожского к монарху и открывают перспективу для дальнейшего изучения его неоднозначного образа.

Ключевые слова: Самойло Величко, «казацкие летописи», Петр I.

*T. G. Tairova, A. V. Bagro
THE IMAGE OF PETER I IN THE “CHRONICLE” SAMOILO VELYCHKO*

The historians have been interested in the personality of Peter I through his scale and influence on Russian history. There are many references of importance of his deeds in the sources. At the same time, researchers considered only Russian texts as a rule. These texts represented him in detail. However, there were also another views on Peter in the past. For

---

* Таирова Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры Истории народов стран СНГ Санкт-Петербургского государственного университета; t.tairova@spbu.ru

Багро Алена Викторовна, кандидат исторических наук, независимый исследователь; alena.bagro@gmail.com

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–42008 «Петр Великий: *pro et contra*. Личность и реформы Петра Великого в философско-культурологической и политологической рефлексии. Российский опыт и зарубежные контексты».

example, there were the views of the Cossack elite of the Hetmanate. In this article the image of Peter I is analyzed in detail. This image was designed by Samilo Velychko, which served in the hetman's office and was author of the «Chronicle» about the Cossack's history. He described the appearance of his hero. He also used as positive and negative characteristics for image him. The article answers the following questions: when Velychko used these characteristics and why he did it? It opens a prospect for further studying of the ambiguous image of Peter I.

Keywords: Samoilo Velichko, «Cossack Chronicles», Peter I.

Петр I — личность многогранная и неоднозначная как для современников, так и для его потомков. В частности, немалый интерес у исследователей вызывает отношение царя к Украинскому Гетманству, Украине и то, как его воспринимали выходцы оттуда. Всем известен конфликт Петра и гетмана И. Мазепы, гораздо меньше знают о почти двух десятилетиях их успешного взаимодействия. Но и позднее активное участие в сътворении Петровского мифа принимали непосредственно «киевские интеллектуалы» мазепинской эпохи (И. Гизель, Ф. Прокопович, Д. Туптало) [4, с. 282–283].

В украинском пространстве «пост-мазепинской эпохи», первой половины XVIII в., возникают и тексты с другой направленностью мысли, далеко не столь однозначно трактующие события. Это, прежде всего, литература войсковых канцеляристов, чаще известная в историографии под условным названием «казацких летописей». Среди творцов этой интеллектуальной традиции, особо выделяется Самойло Величко, войсковой канцелярист, написавший одно из ярчайших произведений в данном жанре, крупнейший и во многом ключевой памятник казацкого периода истории Украины.

В 2020 г. российские и украинские ученые осуществили первое академическое издание «Летописи» С. Величко, позволяющее по-новому посмотреть на это произведение и оценить его. Кроме того, была реконструирована биография самого Величко, что позволяет лучше понимать его источниковую базу, кругозор, а также его оценочные мнения.

Традиционно казацкие авторы уделяли немного внимания действиям Петра. Конечно, даже у них можно найти освещение некоторых событий из его биографии, как, например, Азовские походы или начало Северной войны. Однако подробного описания событий из жизни царя нет, за исключением краткой биографии, помещенной в «Летописи» Величка. В связи с этим перспективным выглядит анализ данного произведения, которое во многом отражает мысли и чаяния казацкого общества первой половины XVIII в.

Нужно понимать, что в центре внимания Самойла Величка находилось Украинское Гетманство (со времен гетмана П. Сагайдачного до Мазепы включительно). Излагая историю казацкой Украины, автор так или иначе упоминает и о московских правителях, с которыми контактировали гетманы и Войско Запорожское. Таким образом, русские цари также становились персонажами его «Летописи».

Величко был очевидцем основных событий времени царствования Петра Алексеевича и гетманства Ивана Мазепы. Начиная с 1690 г. он работал войсковым канцеляристом, в Генеральной канцелярии Войска Запорожского, и, соответственно, получил доступ к уникальным документам, многие из которых он скопировал в свою «Летопись». Кроме того, он имел возможность

общаться со многими участниками событий, о которых позднее напишет. Но автор не надеялся исключительно на свою память. Он работал путем сбора информации, цитировал источники, а также сверял и сопоставлял их. В частности, информацию о Петре I Величко мог почертнуть из документов, ранних «казацких летописей» (не сохранившихся до наших дней) и опубликованной истории Самуила Пуфендорфа — «книги печатной лѣтописной», изданной в русском переводе в Санкт-Петербурге в 1718 г. [7, с. 555].

Проследить то, как Величко обрабатывает попавшие к нему сведения, можно на примере упоминаний о времени воцарения Петра I. Изначально, при первом упоминании, он писал, что после смерти в 1681 г. старшего царствовавшего брата Федора Алексеевича, несмотря на официальное избрание на царство Иоанна Алексеевича, всю власть сосредоточили в своих руках Софья и Голицин, а с 1682 г. был помазан на царство Петр Алексеевич, и так «тіє два царіє со сестрою своею» управляли совместно [2, с. 550, 556]. Однако у Пуфендорфа Величко нашел другие сведения и уточнил непосредственно в своем тексте («пришло мнѣ тое поправити» [2, с. 555]), что не в 1681, а в 1682 г. умер Федор Алексеевич, а вся полнота власти от умершего Федора Алексеевича переходит сразу к Петру Алексеевичу по причине «слабости здравія» Иоанна Алексеевича («зара звозведень на царство брат его менший Петъръ АлѣѢевиЧъ» [2, с. 555]), несмотря на то, что Иоанн был старше Петра. В конце эпизода автор заключил: «царствовалъ 43 чили чтиръ лѣта» [2, с. 556]. То есть он принимал обе даты как возможные. Это довольно типичный случай. Точно так же в начале «Сказания о войне казацкой с поляками...» автор приводил две даты о походе Казимира Великого на Русь, потому что Гваньини и Пуфендорф расходились в описании этого события [1, с. 483–484]. Все это указывает на то, что Величко не утаивал различные свидетельства, а предпочитал предоставить читателю всю известную ему информацию.

Автор «казацкой летописи» явно выделяет Петра I среди других правителей (как московских, так и польских). В частности, он упоминал о внешности и личных качествах государя, а также вставил в повествование его рисованный портрет, чего не было прежде. Все другие портреты в «Летописи» принадлежат главным героям повествования — гетманам Войска Запорожского. Разбор этого изображения монарха заслуживает отдельной статьи, которая уже готовится к публикации. Здесь же рассмотрим словесное описание персонажа. В 23-м разделе, изложив обстоятельства прихода к власти своего героя, Величко записал:

«Тот царъ быст вѣликотѣлесенъ и многосилен, быстроумен, ко бранемъ и разним потѣхам приклонен, лица был бѣловѣячного, взору ѿчесь проразливого и грозного, власов з натури рудих, обаче всегда черно фарбuemих, и мало кому свѣдомих, гласу быст сипко грубого» [2, с. 556].

В описании внешности царя особое внимание привлекает упоминание о рыжем цвете волос Петра, которые он красил в черный цвет. Информация об этой особенности не встречается больше ни в каких письменных упоминаниях. Традиционно Петр I изображается темноволосым брюнетом. Не исключено, что в тексте отражены слухи, бытовавшие в казацкой среде. Но эта версия требует дальнейшего изучения. Сиплый голос, белый цвет лица, могучее

телосложение и богатырская сила царя не входят в противоречие с описаниями других современников. Живой ум Петра, его склонность к «бранемъ и потехамъ», грозный взгляд рисуют перед нами человека деятельного и требовательного. Стремление молодого царя к познаниям в разных областях подчеркнуто в словах: «по нѣмецку говорити добръ изучися» и «майстер быст совершенний корабелнаго строенія и штуки токарской» [2, с. 556]. Феофан Прокопович, который считается одним из создателей «панегирического петровского канона» [3, с. 100], отмечал также многосторонность его интересов и способностей, любовь к познаниям, чтению, любознательность и то, что « mona�h от природы быстроумный» [3, с. 101, 102]. Не смотря на их литературность, оба словесных описания можно объяснить непосредственным впечатлением авторов, которые контактировали с царем.

Упоминания о деяниях Петра также заметно выделяются в тексте «Летописи». Дело в том, что Величко вел свое «Повествование летописное» в хронологическом порядке, когда описанию произошедших событий на протяжении одного года соответствовал каждый следующий раздел. Автор крайне редко позволял себе делать экскурсы в «будущее», но в случае с Петром I он отошел от этой нормы и основной линии нарратива. Описывая события 1682 г., Величко дает краткий экскурс в биографию только введенного в нарратив персонажа, впервые появившегося на страницах «летописи», — молодого царя Петра Алексеевича. События, которые еще не случились в момент описываемой им хронологии, относятся «чрезъ все ... время царствованія» [2, с. 556–558]. Автор приводит перечисления всех, с его точки зрения, важных «дѣяній памятствованія достойная» и «славная дѣла» Петра, выходя далеко за хронологию своего нарратива, завершенного событиями 1700 г. [2, с. 556]. В нем можно найти несколько указаний на то, что автор собирался продолжать свое повествование, но по каким-то причинам не осуществил задуманное. Таким образом, за небольшим исключением экскурс в биографию Петра I — это одно из самых ярких свидетельств об отношении Величка к позднейшим событиям (первой четверти XVIII в.). Такой акцент выделяет этого персонажа на фоне других правителей, в том числе его предшественников.

Возможно, этот краткий экскурс в биографию царя Величко записал по памяти, уже после смерти героя, о которой упоминал тут же [2, с. 556]. На это косвенно указывают пропуски некоторых дат в этом изложении, вместо которых автор поставил многоточие, вероятно, для того, чтобы указать точные сведения позднее. Заметим, что все пропущенные даты относятся к началу XVIII в., а большинство упомянутых (за некоторым исключением) имеют непосредственное отношение к событиям, происходившим в Украине: два Крымских похода, постройка Новобогородицкой крепости, взятие Казикермена и Азова, начало и окончание войны со Швецией, битва под Полтавой, разорение «Сѣчи Запорозской и всего Войска Низового Запорозского», учреждение Синода, поход на Царьград и заключение мира с Турецкой Портой, построение Царицыной укрепленной линии и Персидские походы, наречение «первым императоромъ всеросийскимъ». В связи с этим можно предположить, что на момент написания этого фрагмента Величко не имел на руках источников для уточнения информации, которой не помнил. Хотя, по всей видимости, он

так и не успел их раздобыть, если закончил свой текст на 1700 г. и не вернулся к заполнению пропусков.

Нужно понимать, что к монаршей власти Величко, как и другие «казацкие летописцы», относится с большим почтением и уважением. Монарх, на службу к которому соглашалось Войско Запорожское, рассматривался как защитник казацких прав и вольностей [5, с. 270–272; 9, с. 403–412]. Поэтому в «казацких летописях» монарх, как правило, изображался в роли позитивного персонажа. Даже о польских королях Владиславе IV и Яне II Казимире Величко писал, как о благодетелях и покровителях казацкого воинства, а всю вину в кровопролитной войне возлагал на польскую шляхту. (Такого рода примеры см.: [2, с. 130–135, 158, 161].) В этом отношении образ Петра I не отличается значительно от положительных характеристик его предшественников-царей и польских королей. Величко отдавал ему должное, указывая на его статус законного правителя.

Неудивительно, что «летописец» осуждал отстранение Иоанна и Петра от власти их сестрой Софьей Алексеевной. Это становится очевидным после первых упоминаний о молодом царе и описания того, как Петр приходит к власти. Стрелецкий бунт 1689 г. представлен в повествовании как некое зло, которому надо противостоять («злу тому запобѣжено» [2, с. 556]), и «начинающуюся крамолу тогдашнюю» [2, с. 641]. Но стрелецкий бунт и «злие замыслы против государя» Голицына [2, с. 636], а также указ об этом Софье [2, с. 555] были раскрыты и разоблачены, и заблаговременно предотвращены. Хотя обвинений против царевны Величко не выдвигал, однако в его тексте можно заметить определенное несогласие с действиями старшей сестры Петра и Иоанна, незаконно сконцентрировавшей власть в своих руках. Софья, отстранив своего единокровного брата Иоанна Алексеевича, хотела царствовать без участия Петра (низложить «от престола» [2, с. 555]), не допустив его к политической деятельности. Два раза Величко заостряет внимание читателя на том, что, несмотря на официальный титул и упоминание в документах имени трех царей [2, с. 550], реальное управление государством проводила царевна Софья Алексеевна («ѡна сама з совѣтомъ князя Василія Василіевича Голицина... правяше царствомъ Російскимъ» [2, с. 550]). При этом аналогичное поведение молодого Петра, фактически уже с 1682 г., по словам самого Величка, сосредоточившего в своих руках управление всем Российским государством, легитимизуется, не смотря на официальное соправление двух монархов «в грамотах и указах монарших»: с 1689 года «начат самъ Петъръ Алексеевичъ всѣмъ царствомъ Російскимъ владѣти и радѣти (яко жъ такъ и было непремѣнно)» [2, с. 650]; «ѡт того часу начать царствовать и всѣмъ царствомъ Російскимъ правити» [2, с. 641]; «единовладним ... зоставши монархомъ» [2, с. 774]. В данном контексте отстранение от дел законного государя и брата Иоанна Алексеевича не трактуется автором как неправомерное (хотя причина, оправдывающая такое политическое решение, остается все та же, как и для Софьи и ее сторонников: немощность и слабое здоровье Иоанна [2, с. 555, 641]).

Краткая биография Петра, поставленная в начале повествования о его правлении, представлена в целом без какой-либо однозначной характеристики автора. Однако даже в этом сухом перечне событий можно увидеть оценочные суждения. Очевидно, весомую роль в позитивном образе Петра играла его

успешная деятельность на военном поприще. Величко с симпатией относился к организации военных походов, которые проходили под управлением молодого царя против Османской империи, в противовес «бесполезным» Крымским походам 1680-х гг. Это же отношение, но в более ярких красках, Величко осветил в своем основном тексте, описывая войну с турками и татарами как необходимость «отмщенія... кривдъ своїхъ» [2, с. 730]. Петр «усовѣтоваша за благо пойти з войсками своїми на Азовъ и Казикерменъ» к Черному морю, при этом дорога по Днепру названа стародавней казацкой («шт Казикермена Войску Низовому Запорожскому аби по стародавному штворилися ворота» [2, с. 730]). Выходит, что царь прислушался к желанию казаков начать войну, хотя склонность была «до миру и дружби», «а татаре и козаки непрестаннї ... до гнѣву и войни чинили шкказї» [2, с. 730]. Величко пишет очень одобрительно как о первом, так и о повторном походе под Азов, уже зная (при написании своего нарратива), что они будут успешными. Он особенно подчеркивал божественное благословение, снизошедшее на Петра, ившедшее выражение в его военном успехе — взятии самой укрепленной крепости в Азии — Азова («крѣпкую первую во Азїи и преславную Азовскую фортецу» [2, с. 775]).

Положительный контекст описания усиливает то, что в этой кампании принимали участие не только московские, но и малороссийские войска. Петр предстает не только как добный царь, дарующий щедрые подарки своим подданным (казакам), но и справедливый, т. к. украинское войско заслужило своей храбростью и мужеством («козацкой щирой и вѣрной службѣ военной») эти награды и похвалу в совместном военном походе: «Петръ Алѣѣвичъ вѣлце будучи контентъ, многократнѣ явствено старшинѣ и чернѣ благодарствовалъ, и взятѣ Азова им самим причитовалъ... зѣло похвалялъ» [2, с. 775]. Несомненно, что отношение автора к личности Петра I сильно зависело от лояльности царя к украинским казакам. Для Величко очень важно (это прослеживается на протяжении всего текста) сохранение и подтверждение вольностей для малороссийского народа. И соответственно, отношение к благодетелю (дарителю) формируется автором в зависимости от данной позиции.

Краткая биография Петра заканчивается панегирическими стихами в его честь. Подобные произведения хвалебного характера нередко встречаются в тексте «Летописи». Они могли быть посвящены каким-то конкретным событиям, как, например, обороне Чигирина или победе над шведами в Северной войне, но чаще всего это восхваление различных казацких лидеров или церковных деятелей. В историографии особое внимание всегда обращали на речь Самойла Зорки в честь Богдана Хмельницкого. Также довольно часто встречаются в «летописи» надгробные панегирические вирши, отдельно можно выделить стихи, восхваляющие Ивана Самойловича, Ивана Мазепу и Петра Алексеевича (полный перечень приведенных Величком литературных произведений см.: [2, с. 852–888]).

Интересно, что аналогичных произведений в честь других московских царей Величко не приводит, хотя такого рода тексты и создавались раньше. Они были широко распространены в Речи Посполитой, а позднее в Гетманщине. Но в Московском государстве панегирики обрели популярность только с реформами Петра I. Герой произведения, как правило, представлял

в позитивном облике. Его нередко сравнивали с героями или богами античных времен. Такого рода символика перекочевала в Речь Посполитую вместе с заимствованием республиканских идей и риторических практик древности. В Россию же традиция написания хвалебных «вирш» попала под влияние «киевских интеллектуалов».

Предисловие перед стихами объясняет причину того, почему Величко их помещает в свое повествование: «для тихъ то великихъ дѣль нѣкто з поетов кіевомалоросійскихъ в похвалу его величеству по заключеню з шведомъ помененного мира сицевї его величеству написал рифми» [2, с. 558–559]. (Можно сравнить с формулировкой Феофана Прокоповича, который упоминал «безчисленные славы Петра», восхваляя своего героя [3, с. 102].) Вероятно, имя автора не было известно Величку, который сделал типичное для таких случаев упоминание. Например, похожим образом он обозначил сочинителя известного православного памятника «Руно орошенное» [2, с. 272]: «нѣкто от благоразумніхъ поетовъ м[ал]оросійскіхъ таковіе изложиль върши» (им являлся Дмитрий Ростовский (Туптало), что не указано в «Летописи»). Информацию о происхождении автора Величко, очевидно, почерпнул из самого произведения. Поскольку в его конце имеются такие строки: «Caru Petru monarsi, zyczym po wsia czasy / Pobid, szczastia y slawy my usi czerkasy», — и специально к краю листа рукой Величка приkleен перевод этой надписи с польского языка: «Царю Петру монарсъ зичимъ по вся часи / Побѣдъ счастя и слави мы усѣ черкаси» [2, с. 559]. Автор сам причисляет себя к «черкасам», что является часто употребляемым наименованием жителей Украины или Малороссии тех времен.

Метафоры, использованные в тексте, были широко известны к 1721 г., дате, к которой приурочен данный стих. Сравнение России с орлом, а Швеции со львом, очень распространены: в частности, «Орел российский» написан Симеоном Полоцким еще в 1667 г. [6, с. II, VII–VIII], а звериная символика при изображении врагов Петра в риторике Феофана Прокоповича нашла впоследствии широкое применение [3, с. 108]. В самом тексте панегирика Петр представлен как монарх, достойный похвалы, чьи добродетели перечислены автором [2, с. 559]:

Pierszego pokazał siebie walecznoscio
Odwagą, rozumem, menstwem, szesliwoscią
... Nie było podobnych...
Pietrze Pirwszy! Cariu Miłosciwy panie...!

Подобного рода упоминания личностных характеристик монарха тоже трудно назвать уникальными. Выше их уже приводил сам Величко, а в панегирических текстах того времени они являются своеобразной нормой. На них указывает даже Феофан Прокопович в своих знаменитых риторических произведениях [3, с. 101–102]. Учитывая все это, довольно трудно выдвинуть предположения об авторе стихов. Во всяком случае это должен был быть человек образованный, знакомый с правилами риторического искусства и, возможно, произведениями Феофана Прокоповича или Стефана Яворского, которые использовали схожие хвалебные приемы.

В приведенном панегирике Петр назван «сыном» России. Такое сравнение представляет Россию в образе матери и общей ценности для всех, в том числе и для монарха. Кроме этого Петр также мог выступать в роли «отца отечества», как видим, в частности, в произведениях Феофана Прокоповича [3, с. 107; 4, с. 314; 7, с. 1]. Однако оба сравнения стали возможны в московской политической культуре в связи с изменениями, начатыми непосредственно самим Петром, которые сделали возможными заимствования европейских идей и смыслов в московской политической жизни. Эта тенденция заметна также в использовании «новых» терминов. В частности, государство, которое традиционно определялось как царство, здесь названо «Российская корона», не исключено, что по аналогии с широко известным термином — «Корона Польская». Эту деталь тоже нельзя назвать уникальной. Формулировки такого рода становились все популярнее. Их можно встретить в разнообразных текстах, например в панегирике, посвященном Петру I и опубликованном Шарифовым в 1717 г. [8].

Однако, в отличие от других правителей (героев «Летописи»), у Петра есть и отрицательные характеристики. Сразу за хвалебными стихами в его честь следует отрывок, в котором Величко описывает, как царь отнял «древніє права и волности Войска Запорозского и народу малороссийского» [2, с. 559], что уже само по себе говорит о особой важности этой темы для автора. Впервые в «Летописи» вина за отнятие казацких прав, за их попрание и нарушение, ложится на самого монарха, а не его подчиненных. Величко писал, что в 1708 г. «во время вшествія шведского в Малую Росію», когда положение дел во время войны со шведами было шаткое, Петр склонял на свою сторону «народ малороссийский» для помощи «отдаления непріятеля шведа» [2, с. 559]. Он пообещал большие вольности населению Малой России, больше, чем были ранее, в том числе при гетманстве Мазепы, «утвержаючи народ малороссийский в вѣрности ку себѣ» и «ѡбѣцуючи за тую вѣрность... такими волностями малоросіян ударствовати, яковими нѣхто з подданих под свѣтомъ у своїхъ монархов не мѣль похвалитися», однако не сдержал свое обещание. Забегая вперед, Величко на это подчеркнуто указывает: «заразъ по кончинѣ гетмана Скоропадскаго року 1722, над чаяніє малороссийское мимо древніє права и волности Войска Запорозского и народу малороссийского, вмѣсто гетмана устроїль в Малой Росії коллегію, и збори розніє нѣгди пред тимъ не бываліе, уничтожиль и ѿременіил зѣло всѣх малоросіянъ, такъ шляхетской козацкой, яко и посполитой кондїції сущихъ» [2, с. 559]. На этом пассаже (крайне негативной характеристике) Величко заканчивает краткую биографию Петра, вступительное слово о Петре, и снова переходит к подробному описанию событий 1682 г.

Фактически, Величко критиковал действия монарха через описание его отступнического пути. Придя к власти в 1689 г., царь отблагодарил гетмана и Войско Запорожское за поддержку, подтвердив «всѣ древніє права и волности Войска Запорожского и всего народа малороссийского в ненарушимой цѣлости заховуючой, такожде и ѿсобной грамоти на маєтности гетманскіє ... и инимъ панамъ малороссийскимъ» [2, с. 642]. Потом в 1708 г. он обещал еще большие права и свободы казакам, призывая их сражаться со «шведами»; но вместо этого в 1722 г. не только отказался от своих слов, но и сам отнял все

подтвержденные им ранее свободы. Величко акцентировал внимание читателя на этом моменте. Аналогичных ситуаций с другими московскими монархами или польскими королями в «Летописи» не описано. Таким образом, Петр выделен на их фоне, не только похвалой, но и критической авторской оценкой.

В вину Петру Величко также ставил те начинания, которые не принесли желаемого результата, а, наоборот, стали причиной различных разорений. Например, автор указывает на поражение царя в борьбе с воровством: «Во всемъ государствѣ своемъ во вся дни живота своего всякими способами воровъ и разбойников вивести тщался … но не возмогъ того доказати, и швшемъ умножиша паче нежели прежде бяху» [2, с. 557]. Кроме этого летописец указывал на неоправданные денежные растраты на постройку флота: «флотъ морской, корабелний и галерний, устроіль з превеликимъ и неищетнимъ казни своей на тое истощаніемъ»; «под Азовомъ… превеликим коштом и казеннимъ иждивеніемъ знаменитій и стучній в морѣ здѣлаль быль гавань албо пристань корабелній»; «ѡднакъ зостали уничтожени, и потерялисѧ бездѣлно, превеликую гсдреви в том уродивши шкоду»; «не без жалю мусѣль том флотъ азовскій вовсе уничтожить и покинути» [2, с. 556, 776]. Автор порицает такие растраты и разорение государства. Однако критика Петра в этом отношении не является уникальной. Точно так же Величко писал о временах бескоролевья в Речи Посполитой перед приходом к власти Фредерика Августа: «ѡтчизну свою, Корону Польскую… приводиль в задолженіе и нахилял до упадку» [2, с. 772]. То есть любые «проигрыши», которые имели негативные последствия для страны, выставляли героев «Летописи» в негативном свете.

Этот же принцип критики можно заметить в указаниях Величка на разорение царем казацких земель. Например, автор много внимания уделил выстраиванию в своем тексте образа Запорожской Сечи как важного оплота украинского казачества. В его истории все гетманы, включая Богдана Хмельницкого, для своего легитимного правления должны были заручится поддержкой низового товарищества. Поэтому даже сухое упоминание в краткой биографии Петра о разорении этого места выглядит крайне неодобрительно: «Сѣчь Запорозскую раззориль и все Войско Низовое Запорозское, прелести Мазепиной послухавшое, ѿ себе под власть кримскую ѿтдалиль» (о событиях 1709 г.). Точно так же летописец упоминал о «потери» Петром Правобочной Украины: «Полякамъ тогобочную ѿтдал Україну року [...], якая вскорѣ на унѣю зостала ѿбернена» [2, с. 557–558]. Перед этим фрагментом Величко не раз писал об угрозе «унии» для православных в Украине и ставил в заслугу гетманам борьбу с ней. В этой парадигме приоритетов поступок Петра выглядит крайне неприглядным.

Таким образом, можно заключить, что Величко оценивал действия Петра исходя из его представления о правильной роли монарха. Как и других правителей, он изображал царя покровителем Войска Запорожского, который должен заботиться о нем. Хотя, его персоне он уделил значительно больше внимания, чем другим правителям. Очевидно, такое внимание обусловлено значительной ролью Петра в судьбе украинского казачества. Мнение автора о своем герое могло варьироваться от позитивного к негативному и наоборот в зависимости от конкретных поступков персонажа. Если Петр действовал

в интересах казацкої общності — Величко восхвалял его, если же наоборот — критиковал. Особенно положительно он отзывался о царе, описывая ранний период его жизни, Азовские походы и приумножение прав украинского народа в благодарность казакам. Вместе с тем, автор негативно относился к нарушению государем своего же слова, ущемлению казацких прав, разорениям украинских земель и другим «поражениям» государя.

«Летопись» С. Величко заканчивается изложением событий 1700 г. Хотя в тексте имеются отсылки к тому, что автор планировал рассказ о более поздних событиях, но кодикологический анализ свидетельствует, что оригинал рукописи дошел до нас без пропусков и утрат. Почему автор не смог написать продолжение (хотя известно, что после завершения «Летописи» он еще создал «Космологию»), по каким причинам решил этого не делать, неизвестно. Возможно, что это сознательный шаг, потому как при подробном рассказе о событиях следующих годов Величко непременно бы коснулся ущемления прав Войска Запорожского и всего малороссийского народа, а, значит, Петр предстал бы в негативном свете. Не исключено, Величко хотел этого избежать, прежде всего из-за соображений безопасности — собственной и его покровителей, семьи Кочубеев.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Багро С. О. Білоцерківський універсал Богдана Хмельницького: походження та обіг тексту. // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. — Т. 264: Праці історично-філософської секції. — Львів., 2012. — С. 474–492.
2. Величко С. «Літопис». — К.: ТОВ «Видавництво «КЛІО», 2020.
3. Довгий О. Л. Петровский канон Феофана Прокоповича // Вестник РГГУ. Сер. «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика». — № 20 (121). — М.: РГГУ, 2013. — С. 100–110.
4. Плохій С. М. Походження слов'янських націй. Домодерні ідентичності в Україні, Росії та Білорусії. — К.: Критика, 2015.
5. Плохій С. М. Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. Вид. 2-ге, випр. — К.: Критика, 2006.
6. Полоцкий С. Орел Российский. Творение Симеона Полоцкого / сообщ. Н. А. Смирнов. — СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1915.
7. Пуфендорф С. Введеніе въ Гісторію Европейскую. Чрезъ Самуила Пуфендорфія, на нѣмецкомъ языцѣ сложенное, Таке чрезъ Іоанна Фридераіа Крамера, на латінскій преложенное. Ныне же повелѣніемъ Велікаго Государя Царя и Велікаго Князя Петра Перваго Всероссій скаго Імператора, на россійскій съ латинскаго преведенное. — Санкт-Петербург, 1718.
8. Шарифов П. П. Рассуждение. Какие законные причины его царское величество Петр I... к начатию войны против короля Карла XII, шведского, в 1700 году имел... — Санкт-Петербург, 1717.
9. Яковенко Н. М. Дзеркала ідентичності: дослідж. з історії уявлень та ідей в Україні XVI — початку XVIII ст. — К.: Laurus, 2012.

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.017

УДК 321.01

Л. А. Гайнутдинова, Р. И. Гайнутдинов*

**ИДЕИ Ш. МОНТЕСКЬЕ «О ДУХЕ НАРОДА»
И «ОБРАЗЕ ПРАВЛЕНИЯ» И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ****

Современная актуализация интереса к консервативной идеологии обусловлена сменой парадигмы развития мирового сообщества и поиском ответов на множество глобальных и региональных вызовов. Необходимы новые подходы к совершенствованию системы управления усложняющимся обществом на основе выработки каждой страной собственной уникальной модели государственного устройства. В статье рассматриваются вопросы влияния идей Ш.-Л. Монтескье о «духе народа» и «образе правления» на формирование концепта российского консерватизма и первого русского консерватора Н. М. Карамзина, идеи которого положили начало национально-консервативному течению традиции осмыслиения места России в мире, ее политическому устройству и политической самоидентификации. Почти через два века, в начале XXI столетия, после периода радикальных либеральных реформ 90-х гг. в российском обществе возникает новый запрос на осмыслиение своего нового места в мире, «умеренного образа правления» на основе традиционных ценностей, пропитанных «духом народа». К идеям Ш.-Л. Монтескье и Н. М. Карамзина начинают обращаться не только исследователи, но и политики, что проявляется в постепенном усилении консервативного тренда, наиболее четко обозначенном Президентом РФ В. В. Путиным на Валдайском форуме в октябре 2021 г.

---

* Гайнутдинова Людмила Александровна, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии факультета истории и социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; lgaynutdinova@list.ru

Гайнутдинов Рашид Ибрагимович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии, религиоведения и педагогики факультета философии, богословия и религиоведения, Русская христианская гуманитарная академия; rig11@bk.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00247 «Монтескье в отечественной и мировой философии и культуре: история и современность».

Ключевые слова: Ш.-Л. Монтескье, Н. М. Карамзин, В. В. Путин, «дух народа», «образ правления», консерватизм, просвещенный консерватизм, консерватизм внешней политики, «умеренный» консерватизм, антиреволюционизм.

L. A. Gaynudinova, R. I. Gaynudinov
**CH. MONTESQUIEU'S IDEAS "ABOUT THE SPIRIT OF THE PEOPLE"
AND "THE WAY OF GOVERNMENT" AND THEIR INFLUENCE
ON MODERN RUSSIAN CONSERVATISM**

The modernization of interest in conservative ideology is due to a change in the development paradigm of the world community and the search for answers to many global and regional challenges. New approaches are needed to improve the management system of an increasingly complex society based on the development by each country of its own unique model of state structure. The article examines the influence of the ideas of C.-L. Montesquieu about the «spirit of the people» and «way of government» on the formation of the concept of Russian conservatism and the first Russian conservative N. M. Karamzin, whose ideas laid the foundation for the national-conservative current of the tradition of understanding the place of Russia in the world, its political structure and political self-identification. Almost two centuries later at the beginning of the XXI century after the period of radical liberal reforms of the 90s. in Russian society, a new demand arises for comprehending its new place in the world, a «moderate way of government» on the basis of traditional values imbued with the «spirit of the people.» To the ideas of S.-L. Montesquieu and N. M. Karamzin are beginning to contact not only researchers, but also politicians, which is manifested in a gradual strengthening of the conservative trend, most clearly outlined by the President of the Russian Federation V. V. Putin at the Valdai Forum in October 2021.

Keywords: C.-L. Montesquieu, N. M. Karamzin, V. V. Putin, «spirit of the people», «way of government», conservatism, enlightened conservatism, conservatism of foreign policy, «moderate» conservatism, anti-revolutionism.

**«ДУХ НАРОДА» И «УМЕРЕННЫЙ ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ»
Ш. Л. МОНТЕСКЬЕ**

Крупнейший представитель французских просветителей XVIII в. Шарль Луи де Секонда, барон де Ла Бред, граф де Монтескье (1689–1755) оценивается современниками через призму его политico-философского учения, в основе которого лежит теория Дж. Локка о разделении властей [7; 8], однако концепция Монтескье отличалась большей историчностью [20, с. 137]. На основе сравнительного метода изучения истории Монтескье убеждается в изменчивости социальных институтов и утверждает, что история может учить многому: люди во все времена имели одни и те же страсти, и в силу этого общественные институты всегда функционируют по определенным законам [44].

Восторгаясь государственной системой английского образца, Монтескье совсем не желал установления подобной системы во Франции и поэтому выступал против буквальной рецепции чужеродных элементов общественного устройства [26], не будучи сторонником бездумного копирования внутренних порядков другого государства, ибо, по его мнению, государственные устои должны соответствовать духу народа, его менталитету, нравам и традициям. Особо он выделяет роль «общего духа» государственной власти или «образа

правления», который является своеобразным фундаментом политической системы. «Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа» [29, с. 163].

По мнению Монтескье, «необходимо, чтобы законы соответствовали природе и принципам установленного или установленяемого правительства, имеют ли они целью устройство его, — что составляет задачу политических законов, — или только поддержание его существования, — что составляет задачу гражданских законов. Они должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату — холодному, жаркому или умеренному, — качествам почвы, ее положению, размерам, образу жизни ее народов — земледельцев, охотников или пастухов, — степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям; наконец, они связаны между собой и обусловлены обстоятельствами своего возникновения, целями законодателя, порядком вещей, на котором они утверждаются» [29, с. 265].

Просветитель обращает внимание на основополагающую роль морали, нравов и обычаяв, которые не зависят от положительного законодательства, а коренятся в истории и культуре народа. «Нравы и обычай суть порядки, не установленные законами; законы или не могут, или не хотят установить их» [30, с. 266]. «...Законы издаются, а нравы внушаются; последние более зависят от общего духа, а первые — от отдельных учреждений...» [29, с. 264]. Именно поэтому Монтескье считает невозможным в государственном устройстве изменять нравы и обычай посредством законов — «лучше изменять их посредством внедрения иных нравов и иных обычаяев» [29, с. 265].

В противоположность общему убеждению своего века, предполагавшему возможным установить одинаковое идеальное право для всех стран, Монтескье требует, чтобы в каждом государстве законы соответствовали сути и принципам установившейся формы правления, физическим условиям страны, сообразовывались с бытовыми особенностями жизни народов. Сово-купность отношений, в которых находятся законы ко всем этим условиям, как раз и составляет то, что называется «духом законов», вытекающим из «общего духа» нации. Монтескье подчеркивает: «У каждой нации существует общий дух, на котором основана и сама власть; когда она хочет оскорбить этот дух, она наталкивается на самое себя и неизбежно останавливается» [Цит. по: 6, с. 151]. Именно с этой точки зрения Монтескье анализирует проблемы, касающиеся организации государственной власти и создания законов: «Законодатель должен сообразовываться с народным духом, поскольку этот дух не противен принципам правления, так как лучше всего мы делаем то, что делаем свободно и в согласии с нашим природным гением» [Цит. по: 6, с. 412]. Эти родственные понятия «народного духа», «общего духа», «духа законов» послужили предпосылкой для последующей формулировки и своего рода «научной легитимизации» понятия «национального духа» профессора Берлинского университета Ф. К. Савини [39, с. 182–183], ставшего родоначальником исторической школы правоведов.

Обосновывая модель государственного устройства на основе разделения властей и идеи «духа закона» [8], соответствующего характеру и традициям

народа, Монтескье утверждает необходимость широкого просвещения народа. «Если мы имеем дело с просвещенной монархией, управляющей народом не despотически, а через систему законов, адекватных характеру народа, то и сам народ должен быть просвещенным, чтобы суметь воспринять закон» [29, с. 139].

Таким образом, Монтескье, являясь признанным отцом современного либерализма, принципы которого вошли в арсенал политической науки и либеральной практики наших дней, искренне стремился найти рационально сбалансированный государственный строй, позволяющий обеспечить достижение политической свободы вкупе с устойчивостью и долговечностью социальной системы [6]. «Большую судьбу» имел в России Монтескье» [18, с. 100] который «пользовался абсолютным авторитетом в просвещенных кругах» [5, с. 322].

Проявив себя как апологет политического и социального компромисса, просветитель предложил конкретный механизм гражданского строительства в виде установления «умеренного образа правления» и создания действующей модели «ограниченного» или «свободного государства» с учетом «духа народа» [30, с. 139]. Именно это было воспринято российскими консерваторами и идеологически обосновано в их общественно-политических концепциях, где они размышляли над судьбой России и ее государственном устройстве [30, с. 139].

Н. М. КАРАМЗИН — «УЧЕНИК МОНТЕСКЬЕ» И ПЕРВЫЙ РУССКИЙ КОНСЕРВАТОР

Идеями Монтескье в России были увлечены не только императрица Екатерина II, внимательно читавшая Монтескье при составлении знаменитого «Наказа», автор конституционных проектов Н. И. Панин, но и другие просвещенные деятели, русские мыслители и литераторы [9], среди которых был и Н. М. Карамзин.

Конечно, основным предметом политических размышлений Карамзина в период 1790–1803 годов был главный факт всемирной истории XVIII века — Великая Французская революция, которая явилась поворотным пунктом в русском сознании, поставившим под сомнение основы европейской жизни и вызвавшим вопросы о смысле того, чего же достигли европейские народы в своем развитии. Пристально всматриваясь в это «явление», Карамзин пришел к выводам, позволившим ему сформулировать базовые принципы своей идеологической позиции, напрямую коррелирующей со взглядами первых европейских консерваторов — русских мыслителей.

«В лице Карамзина... мы видим яркого представителя тех кругов русского дворянства, которые от... заимствования европейского опыта перешли к напряженной рефлексии об исторических судьбах родной страны. Французская революция, несомненно, стимулировала этот процесс и ввела его в консервативное русло» [41, с. 21].

И если такое понятие, как «революция», используемое в работах Монтескье, воспринималось как обозначение «перемены» или «изменения», то к началу XIX в. «революция» стала пониматься «как ненормальное, чрезвычайное состояние общества» [43, с. 36]. По словам Н. М. Карамзина, после «ужасов по-

жара» Французской революции настало время «быть рассудительным» [Цит. по: 9, с. 205].

У Карамзина, разделявшего общественно-политические воззрения Монтескье, из отрицания французского «пожара» с его «смертоубийством, кровопролитием, грабежами и мучительством» [50, с. 206] рождается его дискурс об отечестве — доктрина «благонадежного, государственнического патриотизма» [40, с. 167].

В 1790-е годы в его творчестве проявляется явный интерес к родной истории, сопряженный с романтическим конструированием «русскости». Карамзин начал литературную борьбу за возвращение к «русским истокам», к народным началам как в русском языке, так и в русской жизни в целом. Во вступлении к повести «Наталья, боярская dochь» (1792) писатель, обращаясь к читателям, вопрошал: «Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили, как думали?» [12, с. 55].

В 1802 г. появляется программная статья Н. М. Карамзина «О любви к отечеству и народной гордости», в которой он впервые попытался дать политический и моральный «портрет» России: государственный статус отечества он видит в его истории и в «народной гордости», в моральной любви к отечеству, а потому, пишет он, «патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание ему способствовать во всех отношениях» [13, с. 21]. В целом, Карамзин говорит о том «гармоническом союзе» в «политическом организме», который «заставляет содействовать благу всего общества все части». В этих рассуждениях Карамзина очевидны отзвуки философских концепций Монтескье. Его политические воззрения «сложились под влиянием идей Монтескье», которые помогли ему увидеть узловые проблемы времени [21, с. 198].

В 1802 г. Н. М. Карамзин написал «Историческое похвальное слово Екатерине II», в котором «опираясь на книгу Монтескье “О духе законов”, он изложил как бы программу царствования Александра I» [23, с. 41]. На «языке» того времени само обращение к идеи закона и законоположения осмысливалось как дело «конституциональное», т. е. организующее, устроительное, о чем свидетельствовали и ориентированный на идеи Монтескье «Наказ» Екатерины, и конституционные проекты XVIII — начала XIX в.

«Похвальное слово» представляло собой своеобразный «конституционный» совет Александру I, активно занявшемуся законами и установлениями империи. Н. М. Карамзин напоминает императору и согражданам об авторитетном источнике идей Екатерины, которая «часто, облокотясь на бессмертные страницы Духа законов, развивала в уме своем идеи о народном счаstии, предчувствуя, что она сама будет творцом оного для обширнейшей империи в свете», и о самом Монтескье [15, с. 87]. Карамзин напоминает о главной философской книге Монтескье и об обещании самого Александра I приложить «все силы и старания к усчастливлению России» и опираться на «коренные законы», о чем было объявлено в 1801 г. в манифесте нового императора — «Всемилостивейшей грамоте, российскому народу жалуемой» [19, с. 199].

Вслед за Монтескье Карамзин был сторонником концепции «просвещенной монархии» [50, с. 101]. Нужно заметить, что «Похвальное слово» характеризует стиль консервативного «хранительного» мышления, содержание которого в России всегда определяла национальная идея, синтезирующая патриотизм (соединяющий любовь к Родине в географическом значении с любовью к «русскому духу» — традициям, обычаям, ценностям и идеалам русского народа, сформировавшимся и освященным многовековой историей борьбы за национальное самоопределение в сильном монархическом государстве) и духовную свободу в истинном православии [49, с. 101].

В 1811 году то, что декларировалось писателем в «Историческом похвальном слове Екатерине II» было аргументировано им в «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении», а затем и в «Истории государства Российского» (1816–1829). В «Записке» взгляды Н. М. Карамзина проявляются в постепенном усилении консервативных оттенков его мысли и критике им подражания как механизма культурной динамики. Карамзин упрекает российского самодержца в пренебрежении «народными особенностями» при проведении реформ, которые проявляются в способе организации общественной жизни, быта, в исторически сложившихся и укоренившихся в нравах и обычаях. Именно это признание Карамзином значимости народных устоев и нравов для существования государства коррелирует с выводами Ш. Л. Монтескье, который, давая негативную оценку реформам Петра, отмечал, что недопустимо преобразовывать с помощью законов то, что было установлено обычаями [30].

Влияние Монтескье прослеживается уже в понимании Н. М. Карамзином сущности и специфики политических законов, которые «должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств» [14]. Подобно Монтескье, Карамзин отрицает возможность существования неких всеобщих принципов, могущих послужить основой различных форм правления. Те принципы управления государством, которые историк излагает на страницах своей «Записки», нельзя назвать универсальными. Они применимы исключительно к России с ее гигантскими пространствами, многообразием природно-климатических зон, этнической и культурной уникальностью и исторической спецификой. Таким образом, и для трактата «О духе законов» Монтескье, и для «Записки о древней и новой России» Карамзина характерно доминирование категории особенного над всеобщим. Как отмечал Монтескье, у каждого государства есть «своя особенная, ему только свойственная цель» [30, с. 265]

Критикуя вслед за Монтескье реформы Петра, Н. М. Карамзин заключает, «мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России» [16, с. 293]. Он подчеркивал, что «Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество Государств, подобно физическому, нужное для их твердости. Сей дух есть не что иное, как привязанность к нашему особенному; не что иное, как уважение к своему народному достоинству» [16, с. 291]. И в этом, по утверждению Карамзина, главная ошибка «великого венценосца», ибо «государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следя ему в обычаях» [16, с. 291–292]. Подобные взгляды историка основывались на твердом убеждении, что государ-

ства и народы «могут стоять на одной степени гражданского просвещения, имея нравы различные» [16, с. 291]. Эксперименты здесь не годятся, уверял Карамзин. Каждый народ в своем историческом бытии реализует присущий только ему тип культуры, в основе которой лежит создание национальной государственности. А история показывает, что «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием» [16, с. 284]. Таким образом, политическое кредо Карамзина не просто «консерватизм» в европейском смысле этого слова [46], но — «хранительство». Тяга к «хранительству» («чтобы ничего не переносить, ничему не подражать, а все развивать из того, что есть, и *не разрушая* того, что есть» [42, с. 40]) обусловила особенности мировосприятия Карамзина, определившие весь внутренний строй его произведений.

В последнем труде *«История государства Российского»* (1818) Н. М. Карамзин окончательно сформулировал свои общественно-политические и государственные взгляды. В предисловии он пишет: «Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя» [17, I, с. 7]. Карамзин напоминает об особом «пространстве» России, от которого «мысль цепенеет» [17, I, с. XI]. Общие контуры «государственных» концепций Монтескье отразились и в понимании Карамзином значимости истории государства: «Правители, законодатели действуют по указаниям Истории, и смотрят на ее листы как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье. Но и простой гражданин должен читать Историю <...>: она питает нравственное чувство, и праведным своим судом располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества» [17, I, с. X].

Идеологическое содержание *«Истории государства Российского»* и записки «О древней и новой России» дает основание говорить о социально-политической концепции мыслителя как о «манифесте русского консерватизма» [32, с. 13], в котором впервые комплексно были сформулированы многие важнейшие положения отечественной консервативной идеологии. Карамзинский вариант «хранительного» консерватизма представляет собой не просто политическую доктрину, выражавшую интересы лишь узокорпоративного придворного круга, «официальную догму», а начало консервативного направления социально-политической мысли, имевшее огромное влияние в дальнейшей истории России [27]. К сожалению, уже во второй половине XIX в. общественно-политические взгляды Карамзина были отодвинуты на периферию русской политической истории, а новые поколения мыслителей будут стремиться решить более радикально вопросы государства, закона и судьбы России. Здравый, трезвый «охранительный» консерватизм Карамзина и его философские предпочтения для них станут чуждыми. Консервативные идеи Карамзина будут отвергнуты, а последующая русская мысль больше не интересовалась ни Монтескье, ни Карамзиным. Вплоть до нашего времени.

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ

В ХХ веке о сущности консерватизма задумывались многие выдающиеся учёные, в том числе и такие как М. Оукшотт. Он утверждает: «Быть консерватором значит предпочитать привычное, знакомое — незнакомому, испробованное — неиспробованному, факт — вымыслу, действительное — возможному, близкое — далёкому, подходящее — совершенному» [52]. С. Хантингтон определяет консерватизм ситуационно — как реакцию «защиты существующих институтов от угрозы их разложения, ибо они существуют и рассматриваются в качестве “наших традиций”, а не потому, что они соответствуют некоторым отвлечённым идеалам» [51]. С этой точки зрения консерватизм не реакция вегетативного существования, рефлекторно отторгающего всё «иное», он — следствие осознания кризиса, выделения традиции, благодаря которой общество перестаёт быть чем-то действующим автоматически и бессознательно и которая вследствие этого нуждается в защите и уважении.

Современный российский (новый) консерватизм конца ХХ — начала XXI века так же возрождается после осознания нами всех пагубных последствий либеральных экспериментов в постсоветской России 90-х гг. В основу «нового курса» Путина в период его разработки в конце 1999 года былложен тезис о том, что ельцинская революция завершилась, наступила постреволюция, но не реакция, а эпоха стабильного pragmatизма. [46].

В 2010 году вариант нового консерватизма был концептуально представлен в Манифесте просвещенного консерватизма Н. С. Михалкова [28], в котором было заявлено, что нам необходим просвещенный консерватизм, основанный на позитивном умении осмысливать прошлый и будущий мир вещей, свойств и отношений в должной и полной мере, а также способность эффективно действовать в современном мире, не разрушая его. По мнению автора манифеста, просвещенный консерватизм — это сохраненное и представленное политической, экономической, научной и культурной элитой мировоззрение многонационального российского народа в целом. «Мировоззрение просвещенного консерватизма, образует теоретическую основу российского консервативного движения и задает теоретический вектор для разработки полноценной Программы действий. Просвещенный консерватизм как идеология позволяет последовательно и эффективно проводить в жизнь динамично стабильную внутреннюю и внешнюю политику, направленную на достижение глобальных целей и решение конкретных задач политического, экономического и социального развития нашей страны. Это философия “роста и стабильности”. Философия консолидации. Философия концентрации зрелых и ответственных социальных сил и новаторских творческих энергий от периферии к центру. В движении просвещенного консерватизма четко выражена созидающая, объединительная тенденция... “Созирай, не разрушая!” — наш исторический девиз страны» [28].

Консерватизм Путина В. сконструирован и устремлен в будущее, к тем формам государственной и общественной жизни, которых никогда еще не существовало. Президент последовательно выдвигает цели «консервативной модернизации», которые достаточно четко им формулируются в обязательном

конституционном формате ежегодных Посланий Президента РФ Федеральному Собранию, а также озвучиваются на различных дискуссионных площадках.

Следует отметить, что Путин В. как глава государства всегда ответственно подходит к выбору цитат для своих выступлений. Определяя значимость исторических апелляций в структуре президентского нарратива через рассмотрение цитируемых исторических фигур, можно получить некоторое представление о предпочтениях президента в истории, выборе им ценностно-смысовых платформ, ассоциируемых с авторами соответствующих цитат [1].

В целом, взгляд на историю в Посланиях Путина претерпевает концептуальные изменения. Например, если в Послании 2005 г. определенно сохранился европейский крен осмысления перспектив развития России (принятие европейских ценностей и европейской идентичности, свобода и демократия), то в интерпретации истории содержались посылы, нехарактерные для дискурсивной линии Ельцина (не всякие реформы в истории России были оправданы, оборачиваясь во многих случаях контрреформами; распад СССР хотя и носил закономерный характер, являлся геополитической катастрофой). Интерпретация истории в Посланиях президента соотносится с общей идеологической репрезентацией государства, а высказывания президента по исторической тематике становятся способом раскрытия соответствующей идеологии, трансляцией тех или иных ценностно-смысовых ориентиров.

С 2012 г. — года празднования 1150-летнего юбилея российской государственности, нарастание принципиальных различий в осмыслиении и интерпретации истории России в посланиях Федеральному собранию разных периодов демонстрирует начинающую смену идеологии постсоветского Российского государства. Характерной, усиливаемой с течением времени особенностью Посланий Президента РФ становится использование цитат мыслителей, представляющих национально-консервативную традицию российской общественной мысли, — М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина, Д. И. Менделеева, Н. А. Бердяева, А. Ф. Лосева, И. А. Ильина и др.

В Послании 2012 г. заявляется концепт понимания России как государства-цивилизации, что указывало на ревизию модернизационной теории истории в пользу цивилизационного подхода: наличие самостоятельного пути развития подтверждало расхождение с прежним взглядом об общеевропейских ценностях и идентичности России [1]. Владимир Путин процитировал слова Александра Солженицына: «Патриотизм — чувство органическое, естественное. И как не может сохраниться общество, где не усвоена ответственность гражданская, так и не существовать стране, особенно многонациональной, где потеряна ответственность общегосударственная» [32]. А говоря о необходимости развития страны, процитировал историка и этнографа Льва Гумилёва: «Кто вырвется вперёд, а кто останется аутсайдером и неизбежно потеряет свою самостоятельность, будет зависеть не только от экономического потенциала, но прежде всего от воли каждой нации, от её внутренней энергии; как говорил Лев Гумилёв, от пассионарности, от способности к движению вперёд и к переменам» [32].

В Послании 2013 г. Путин В. В. впервые самоидентифицировал свою позицию как консервативную, используя цитату из труда «Философия неравенства.

Письма к недругам по социальной философии» религиозного и политического философа Николая Бердяева: «Смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперёд и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию, предшествующему образованию государств и культур» [33; 2]. Эту цитату он повторит и в 2021 г., отвечая на вопросы о «здравом» консерватизме.

С Послания 2014 г., в котором исторически обосновывалось воссоединение Крыма с Россией в качестве сакрального символа российской цивилизации, начала подниматься воспроизведимая далее тема исторических врагов. Президент процитировал классика русского философского консерватизма, философа и публициста Ивана Ильина «Кто любит Россию, тот должен желать для неё свободы; прежде всего, свободы для самой России, её международной независимости и самостоятельности; свободы для России как единства русской и всех других национальных культур; и, наконец, свободы для русских людей, свободы для всех нас: свободы веры, искания правды, творчества, труда и собственности». Ильин создавал идеологию русского государственного патриотизма, считал, что у России свой особый путь и западные демократии ей не указ [34]. К идеям Ильина Путин обращался в трех посланиях, что указывает на близость ему взглядов данного мыслителя, являвшегося сторонником сильного, опирающегося на православные ценности Российского государства [1].

В 2015 году Путин цитирует Карамзина Н. М.: «И обращаясь к лидерам партий и участникам будущего избирательного процесса, ко всем общественно-политическим силам, хотел бы процитировать выдающегося историка Николая Михайловича Карамзина. Вот что он писал: “Кто сам себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут. Не говорю, что любовь к Отечеству должна ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всём лучше. Но русский должен знать цену свою”» [35]. Возможность сегодняшней адекватной самооценки коренится в способности ценить собственное прошлое и консолидироваться. Консолидированность — основа суверенитета России, так как при раздроблении составляющие ее народы будут незамедлительно уничтожены противниками. Россия исторически консолидирована единными ценностями и целями. В этом — великий исторический урок Карамзина.

В целом, изменение властного исторического дискурса, прослеживаемое по текстам президентских посланий Федеральному собранию и его выступлений, подтверждает позицию об идеально-властной трансформации в России, пришедшейся на третий срок президентства В. В. Путина. Можно констатировать, что произошел переход от теории модернизации к национально-консервативному подходу в выборе методологических парадигм философии истории [1]. Инверсия взглядов на историю на высшем уровне государственной власти соотносилась с тенденцией общей ценностно-смысловой инверсии, приведшей, в частности, в 2020 г. к внесению существенных поправок в Конституцию России, где были закреплены многие консервативные постулаты, поддержанные в ходе общероссийского референдума большинством россиян.

2021 год стал годом четкого выявления российского консервативного тренда, после того как на пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» (тема «Глобальная встряска — XXI: человек,

ценности, государство») Президент провозгласил консерватизм ведущей идеологической платформой внешней и внутренней политики, описав его общие параметры: «умеренный», «разумный», «здоровый» консерватизм. «Когда я говорю о здоровом консерватизме, всегда вспоминаю Николая Бердяева, которого я тоже уже неоднократно упоминал. Это наш выдающийся философ. Он, как известно, был изгнан из Советского Союза в 1922 году, но он человек, всем своим существом устремленный в будущее. Он тоже был сторонником консерватизма. При этом он говорил, может быть, я не воспроизведу точно эту цитату, но тем не менее: консерватизм — это не то, что мешает идти вверх и вперед, а то, что мешает идти назад и вниз, к хаосу. Вот если мы так будем воспринимать консерватизм, то это будет хорошим подспорьем для развития», — подчеркнул глава государства, отвечая на вопрос, каким может быть «нездоровий консерватизм» [11].

В 2013 году Путин уже обращался к этой цитате. Напомним более полно и точно фразу философа: «Он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию, предшествующему образованию государств и культур. Смысл консерватизма — в препятствиях, которые он ставит проявлениям зверино-хаотической стихии в человеческих обществах. Эта стихия всегда шевелится в человеке, и связана она с грехом. Консервативное начало не есть начало насилиющее и не должно быть им. В нем есть здоровая реакция против насилия над органической природой, против покушения наубийство жизни, которая хочет быть дляящейся. Консервативное начало само по себе не противоположно развитию, оно только требует, чтобы развитие было органическим, чтобы будущее не истребляло прошедшего, а продолжало его развивать. Несчастна судьба той страны, в которой нет здорового консерватизма, заложенного в самом народе, нет верности, нет связи с предками. Несчастлив удел народа, который не любит своей истории и хочет начать ее сначала. Так несчастлива судьба нашей страны и нашего народа» [2].

Консерватизм, по Бердяеву, представляет не форму политической власти, а духовный идеал, основанный на меритократии, питающийся «творческой энергией в глубине жизни» прошлых эпох и устремленный в будущее. Этим он отличается от сиюминутности революционизма, основанного на антиисторизме, нигилизме и разрыве с духовными традициями.

Новая консервативная идеология проявляется и во внешнеполитической деятельности России, являясь адекватным ответом на то давление, которое на международный порядок оказывает Запад. В первую очередь, «консервативная внешняя политика — это наиболее сложный вид стратегии для крупного государства. Тем более, когда речь идет о ядерной сверхдержаве, военные возможности которой всегда создают предпосылки для более решительных действий, если не на глобальном, то на региональном уровне. Такая стратегия требует от государственных деятелей экстраординарной способности к пониманию природы процессов и явлений международной жизни, а также глубокой психологической проницательности. Эти качества являются, по общему признанию, отличительными чертами современного главы российского государства, однако они с трудом передаются институционально» [3]. И здесь вспоминаются слова Монтескье: «Я пишу не с целью порицать установления

какой бы то ни было страны. Каждый народ найдет в моей книге объяснение существующих у него порядков, и она, естественно, приведет к заключению, что предлагать в них какие-нибудь изменения этих порядков имеют право только те лица, которые получили от рождения счастливый дар проникать одним взглядом гения всю организацию государства» [29, с. 160].

Консервативная внешняя политика предполагает способность постоянно гибко реагировать на действия других значимых держав или структурные изменения в международной политике, что и характеризует российскую внешнюю политику последних лет, которая не предполагает строгого следования некоему пути, а находит решения соответственно возникающей ситуации. «Смысл консервативной стратегии выживания в том, чтобы своими действиями постоянно поддерживать баланс сил среди всех значимых для международного мира держав» [3]. Можно сказать, что консервативная внешняя политика, связанная с ограниченностью ресурсов, когда на первое место выступает вопрос об их распределении в конкретных ситуациях, силовому давлению предпочитает опору на манипулирование. Однако необходимо понимать, что при проведении консервативной стратегии нас все чаще будут провоцировать на активные действия и здесь потребуется демонстрация силы ради недопущения радикальных изменений. «Поэтому мы не можем рассчитывать, что поводы для силового вмешательства России будут сокращаться» [3].

И наконец, консервативная стратегия требует постоянного укрепления внутренней ресурсной базы... Это означает неизбежность крайне внимательного отношения к динамике развития российского общества и выбору тех рецептов, которые будут применяться для решения возникающих при этом задач. Иначе говоря, консервативная держава должна вырабатывать в себе способность жить своим умом и действовать с минимальной зависимостью от внешнего идейного воздействия в значимых для сохранения социальной и политической стабильности областях [3].

В 2020 году в Послании Президент сказал: «Поэтому при дальнейшем государственном строительстве перед нами стоят, казалось бы, прямо противоположные задачи, служат ориентиром ценности, которые могут на первый взгляд представляться несовместимыми. Что имею в виду? Мы должны создать систему прочную, надёжную, неуязвимую и по внешнему контуру абсолютно стабильную, безусловно, гарантирующую России независимость и суверенитет. В то же время систему внутри себя живую, гибкую, легко и своевременно, главное, меняющуюся в связи с тем, что происходит в мире, вокруг нас, а главное, в связи с развитием самого российского общества. Систему, обеспечивающую в том числе сменяемость тех, кто находится у власти или занимает высокое положение в других сферах. Такое обновление — неотъемлемое условие для прогрессивной эволюции общества и пусть не безошибочного, но стабильного развития, когда незыблемым остается главное — интересы России» [38].

В МЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Получившие широкое распространение еще в эпоху Просвещения понятия «дух народа» или «национальный дух», «умеренный образ правления», использованные Монтескье для обозначения национальных черт характера, позволяющих отличать представителей одного народа от другого, сегодня приобрели уже некий метафизический смысл и стали обозначать не просто сумму черт народа, а исторически сложившуюся сущность его культуры. Идею народного духа на российской почве подхватил Н. М. Карамзин и развил свою концепцию на основе исторического подхода, закрепив за этим понятием общие наклонности и убеждения, в соответствии с которыми люди начинают жить и согласовывать свои поступки. Через синтез свободы и народного духа формируются традиции и обычаи конкретного народа. Народный дух — это творческая сила. Люди, не похожие друг на друга, но составляющие данный народ, реализуют себя внутри народного духа. Этот процесс должен проходить бесконфликтно в условиях порядка и безопасности. Все попытки перестроить жизнь на основе такого законодательства губительны. Работа законодателя заключается в подготовке законов, основанных на обычаях, сложившихся у народа в его истории. То есть разумность законодателя заключается в том, чтобы выработать подходящие для народа законы, которые были бы ясны и понятны народу на интуитивном уровне, а не требовали бы от него бездумного подчинения. Но без глубокого изучения народного духа такая работа невозможна [45].

На протяжении XIX–XX вв. понятие «народный дух» получало у разных авторов разные оттенки: романтические, националистические, иррационалистические, но всегда относящиеся к части духа единого человечества. То есть, это не нечто застывшее, а активно развивающаяся сущность отдельного народа, проявляющаяся через образование, науку, культуру, в том числе и народную.

Сегодня упадок неолиберального мейнстрима заставляет нас более внимательно отнести к использованию собственных укорененных социальных практик и институтов, ценностей, лежащих в основе традиционной «национальной матрицы». Нам необходимо сформулировать новые подходы к определению общественного согласия и наладить внутреннюю жизнь на основе собственных онтологических представлений о должном, а также новые подходы к совершенствованию системы управления усложняющимся обществом на основе выработки собственной уникальной системы управления [24]. С идеологической точки зрения Россия очень эклектична и «представляет собой некий вариант уже традиционного, многократно описанного “особого пути”, сочетающего рыночное развитие, государственный капитализм и унаследованный от предыдущей страны патернализм в социальной сфере с поправкой на рынок и капитализм» [4, с. 186]. Но наш позитивный ресурс в том, что большинство граждан России склонно к органическому отбору, культивированию и интегрированию уже имеющихся схем на основе феномена «освоения прошлого» без радикальной революционности и гражданских конфликтов.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Багдасарян В. Э., Балдин П. П., Реснянский С. И. Послания президента Российской Федерации Федеральному собранию как источник изучения исторической политики России // Вестник СПбГУ. История. — 2021. — Т. 66. — Вып. 2.
2. Бердяев Н. Философия неравенства // Письмо пятое о консерватизме. — URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/neraven/05.html> (дата обращения: 3.12.2021).
3. Бордачев Т. Происхождение и вызовы консервативной стратегии. Россия в глобальной политике. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/proiskhozhdenie-i-vyzovy-konservativnoy-strategii/> (дата обращения 25.11.2021).
4. Васильев Ю. Постсоветский СССР: от ностальгии к «проекту «Моисей» // Россия в глобальной политике. — 2021. — Т. 19. — № 6. — С. 180–193.
5. Васильева Е. Н. Трактат «О духе законов» Монтескье как объект литературной полемики в России второй половины XVIII в. // Вестник РХГА. — 2015. — Т. 16, вып. 3. — С. 322–331.
6. Воронцов Е. А. Концепция политической свободы Шарля ЛУИ МОНТЕСКЬЕ // Человек. Общество. Инклюзия. — № 2(30). — 2017.
7. Гайнутдинова Л. А., Гайнутдинов Р. И. Концепция разделения властей Ш. Монтескье и ее практическое измерение // Вестник РХГА. — 2019. — Т. 20, вып. 4. — С. 174–186.
8. Гайнутдинова Л. А., Гайнутдинов Р. И. Две традиции теории гражданского общества: Дж. Локк и Ш.-Л. Монтескье // Вестник РХГА. — 2020. — Т. 21, вып. 4–1. — С. 69–80.
9. Гончарова О. М. «Ученик Монтескье» — Н. М. Карамзин // Вестник РХГА. — 2015. — Т. 16, вып. 3. — С. 322–331.
10. Ермашов Д.В., Ширинянц А. А. Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт постсоветской России) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2006. — № 2. — С. 5–22.
11. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Владимир Путин принял участие в пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». — URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/66975 (дата обращения: 02.12.2021).
12. Земскова Е. Немецкий источник трактовки темы «национального характера» в творчестве Д. И. Фонвизина // Литературоведение XXI века: Тексты и контексты русской литературы. — СПб.; Мюнхен: Изд-во РХГИ, 2001. — С. 31–45.
13. Карамзин Н. М. Соч.: в 2 т. — Л.: Художественная литература, 1984.
14. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. — М.: Наука, 1991. — 127с.
15. Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине Второй. — URL: http://dugward.ru/library/Karamzin_istoricheskoe_pohvalnoe_slovo.html (дата обращения: 02.12.2021).
16. Карамзин Н. М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Карамзин Н. М. Избранные труды. — М.: РОССПЭН, 2010.
17. Карамзин Н. М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов: в 4 кн. — М.: Книга, 1988.
18. Коган-Бернштейн Ф. А. Влияние идей Монтескье в России XVIII века // Вопросы истории. — 1995. — № 5. — С. 99–110.
19. Конституционные проекты в России XVIII — начала XX веков / сост., вступ. стат., comment. А. Н. Медушевский. — М.: РОССПЭН, 2010.

20. Коэн Дж. Гражданское общество и политическая теория. — М.: Изд-во «Наука», 2003. — 730с.
21. Лотман Ю. М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века // Лотман Ю. М. Избр. статьи: в 3 т. — Таллинн: «Александра», 1992. — Т. 2. — С. 194–205.
22. Лотман Ю. М. Карамзин. — СПб.: Искусство СПб, 1997. — 832 с.
23. Макогоненко Г. П. Николай Карамзин — писатель, критик, историк // Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. — Л.: Художественная лит-ра, 1984. — Т. 1. — С. 5–50.
24. Мартынов В.С., Фишман Л. Г. Социальные науки и глобальная турбулентность: перезагрузка мейнстрима // МЭиМО. — 2021. — Т. 65. — № 1. — С. 100–113.
25. Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России XVIII — начала XX в. / сост., вступ. стат., comment. А. Н. Медушевский. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 5–72.
26. Милованов К. Ю. Философский проект «свободного государства» Монтескье и его критика современниками. Проблемы современного образования. № 5. 2016. — URL: <http://www.pmedu.ru> (дата обращения: 23.11.2021).
27. Минаков А. Ю. Родоначальник русского консерватизма // Тетради по консерватизму. — 2016. — № 4. — С. 29–40.
28. Михалков Н. С. Манифест просвещенного консерватизма. Право и Правда. — URL: <https://polit.ru/article/2010/10/26/manifest/> (дата обращения: 30.11.2021).
29. Монтескье Ш.-Л. Избранные произведения о духе законов / Ш.-Л. Монтескье; пер. с фр. А. Г. Горнфельда. — М.: Госполитиздат, 1955. — 274 с.
30. Монтескье Ш.-Л. О духе законов [Текст] / Ш.-Л. Монтескье. — М.: Мысль, 1999. — 672 с.
31. Пивоваров Ю. С. Время Карамзина и «Записка о древней и новой России» // Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. — М., 1991.
32. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 01.12.2021).
33. Послание Президента Федеральному Собранию. 2013. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 01.12.2021).
34. Послание Президента Федеральному Собранию. 2014. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения: 01.12.2021).
35. Послание Президента Федеральному Собранию. 2015. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 01.12.2021).
36. Послание Президента Федеральному Собранию. 2016. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 01.12.2021).
37. Послание Президента Федеральному Собранию. 2018. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 01.12.2021).
38. Послание Президента Федеральному Собранию. 2020. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/62582> (дата обращения: 01.12.2021).
39. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. Т. I / Пер. с нем. Г. Жигулева; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. — М.: Статут, 2011. — 510 с.
40. Сандомирская И. И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. — Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 2001.
41. Соловьев Э.Г. О некоторых особенностях формирования консервативного идеиного комплекса в России: К постановке проблемы // Проблемы общественно-политической мысли в зеркале новой российской политологии [Сб. ст.]. — М.: ИМЭМО, 1994. — С. 3–47.

42. Страхов Н. Н. Спор об общем образовании // Страхов Н. Н. Избранные труды. — М.: РОССПЭН, 2010.
43. Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. — Челябинск: Энциклопедия, 2011.
44. Торубарова Т. В. Рационализм как ключ к пониманию «Духа законов» в философии Ш. Л. Монтескье // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2013. — № 2 (26).
45. Чижков Н. С. Социально-философские взгляды Н. М. Карамзина // nauka.me. — 2018. — Номер 5 [Электронный ресурс]. — URL: <https://nauka.me/s24132888000173-4-1/> (дата обращения: 06.12.2021).
46. Шаблинский И. Г. «Новый консерватизм» и советская идеологическая парадигма // Политические науки. — 2017. — № 3. — С. 136–157.
47. Ширинянц А. А. «Консерватор», «консерватизм», «консервативный» в русской социально-политической мысли XIX века // Sensus Historiae. — Vol. XX (2015/3). — S. 27–35.
48. Ширинянц А. А. «Консерватор»: слово и смыслы в русской социально-политической мысли XIX века // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2015. — № 6. — С. 112–124.
49. Ширинянц А. А., Ермашов Д. В. «Хранительство» Н. М. Карамзина // Тетради по консерватизму. — 2016. — № 4. — С. 11–29.
50. Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству. — М.: Ин-т русской цивилизации, 2011.
51. Huntington S. P. Conservatism as an Ideology // American Political Science Review. — 1957. — № 51.
52. Oakeshott M. On being Conservative // Rationalism in Politics and other Essays. — Indianapolis, 1991. — P. 408.

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.018

УДК 1 (091)

В. Д. Алташина, М. Р. Алташина*

МЕЖДУ ВЕСАМИ ПРАВОСУДИЯ И СТРЕЛОЙ АМУРА: ПОРТРЕТЫ МОНТЕСКЬЕ НА ФРОНТИСПИСАХ**

Статья посвящена изображениям Монтескье на фронтисписах изданий его произведений. Для анализа выбраны только те издания, эстампы которых символически отображают издаваемые тексты. Несмотря на то, что портрет самого автора в профиль, выполненный в 1753 г. гравером Ж. А. Дастье для медали, остается практически неизменным, в зависимости от текстов (собрания сочинений, «Персидские письма», «Книдский храм») и года выхода меняется аллегорическое наполнение: неизменными остаются лишь традиционные атрибуты Правосудия — весы, меч, фасции. Чаще всего оригинальные аллегорические изображения представлены на фронтисписах конца XVIII века. Наиболее интересные фронтисписы, анализируемые в статье, символически представляют все основные творения Монтескье и разные его ипостаси — философа, историка, юриста, романиста.

Ключевые слова: Монтескье, фронтиспис, аллегория, «Дух законов», «Персидские письма», «Книдский храм».

*V. D. Altashina, M. R. Altashina
BETWEEN THE SCALES OF JUSTICE AND CUPID'S ARROW:
MONTESQUIEU'S PORTRAITS ON FRONTISPICES*

The article is devoted to Montesquieu's images on frontispieces of his works editions. For the analysis were selected only the publications whose prints symbolically reflect the published texts. Despite the fact that the author's portrait in profile, made in 1753 by the engraver J. A. Dassier for the medal, remains practically unchanged, depending on the texts

* Алташина Вероника Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежных литератур филологического факультета СПбГУ; nikaalt@bk.ru

Алташина Марина Ринатовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры зарубежного искусства театроведческого факультета РГИСИ.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00247 «Монтескье в отечественной и мировой философии и культуре: история и современность».

(collected works, «Persian Letters», «The Temple of Cnidus») and the year of publication the allegorical content changes: only the traditional attributes of Justice remain unchanged — scales, sword, fascia. Allegorical images are largely presented on the frontispieces of the 18th century. It can be argued that the most interesting frontispieces symbolically represent all the main Montesquieu's creations and his various incarnations — philosopher, historian, lawyer, novelist.

Keywords: Montesquieu, frontispiece, allegory, the «Spirit of Laws», «Persian Letters», «The Temple of Cnidus»/

Вольтер, выскакивающий из постели в ночном колпаке; Дидро в домашнем халате; Руссо в армянском наряде — эти изображения французских просветителей давно стали привычными. А Монтескье? Строгий чеканный профиль, спокойный взгляд, легкая усмешка в уголках губ — только таким представляем мы автора «Духа законов», таким запечатлел его после многочисленных сеансов позирования известный гравер и медальер швейцарского происхождения Жак Антуан Дасье (Jacques Antoine Dassier; 1715–1759) на медали 1753 г. (рис. 1), ставшей моделью для всех последующих изображений, в том числе и для фронтисписов, к которым мы обратимся в данной статье.

Поскольку в дальнейшем эта медаль послужит для всех позднейших портретов автора «Духа законов», то позволим себе кратко остановиться на истории создания. По имеющимся сведениям, Ж.-А. Дасье специально прибыл в Париж в 1752 г. чтобы получить разрешение на выполнение гравюры резцом, которая завершила бы серию медалей с изображениями знаменитых людей века Англии и Франции, начатой его отцом Жаном Дасье (1676–1763) и продолженной сыном. Монтескье долго отказывался, как и от всех прочих предложений написания своего портрета, но, когда гравер спросил его, не полагает ли он, что в отказе от его предложения больше гордыни, нежели в согласии (по версии Эрап, эти слова принадлежали самому Монтескье [2]), философ согласился. Его профиль в античной манере изображен на лицевой стороне медали, по краю которой идет латинское имя CARO. DE SECONDAT BARO DE MONTESQUIEU. Исследователи отмечают сходство с античными изображениями Цицерона, а современники единогласно признавали исключительное сходство с моделью [1, p. 85]. На обратной стороне помещено аллегорическое изображение Правды, свет факела которой заставляет Правосудие снять повязку с глаз и выронить меч. Надпись на латыни HINC IURA (Здесь законы) раскрывает

Рис. 1. Жак-Антуан Дасье, 1753¹

смысл изображения: законы рождаются из естественного соединения правды и справедливости, доказательством чему служит «Дух законов» [1, р. 85] — это название написано пером Правды на лежащей рядом книге.

Почти сразу после смерти Монтескье гравюру (рис. 2) с обеих сторон медали делают рисовальщик, гравер и иллюстратор Жак де Сев (Jacques de Sèv; работал с 1742 до 1788) и гравер Ноэль Ле Мир (Noël Le Mire; 1724–1801), которые еще не раз выступят в качестве иллюстраторов произведений Монтескье. Ж. де Сев известен своими иллюстрациями «Естественной истории» Бюффона, а искусный гравер, Н. Ле Мир прославился своими портретами Генриха IV, Фридриха Великого, Людовика XV и др., а также иллюстрациями произведений Корнеля, Расина, Кребийона, Вольтера и Руссо. Таким образом, оба автора имели достаточный опыт работы с произведениями эпохи Просвещения. Созданная ими гравюра была использована как фронтиспис в «Полном собрании сочинений» Монтескье [16]. Различия между медалью и эстампом очевидны: на последнем изображения развернуты в другую сторону, на оборотной стороне не изображен меч у ног Правосудия и нет подписи автора — Ж. А. Дасье. На медали Правда находится выше Правосудия и ее факел направлен прямо ей в лицо, что заставляет Правосудие снять повязку и смотреть на правду открытыми глазами. На эстампе обе аллегории находятся в одной плоскости и факел светит снизу, что не вполне соответствует изначальному замыслу гравера. Однако идея развернуть изображения и представить Монтескье, взирающим на свой «Дух законов», представляется оправданной, особенно для фронтисписа.

Аналогичный эстамп (рис. 3), но с вертикальным расположением лицевой и оборотной сторон был помещен в качестве фронтисписа к первому сборнику личных писем Монтескье к итальянским друзьям [5]. Автор эстампа, равно как место издания и издатель не указаны, однако современники сочли, что оно было подготовлено близким другом Монтескье Октавианом Гуаско. В отличие от предыдущего эстампа здесь нет указания на дату 1753 г.

В 1765 г. эстамп (рис. 4) только с лицевой стороны медали, помещенный в прямоугольную раму, увенчанную бантом — характерным декоративным элементом стиля Людовика XV, был выполнен немецкими художниками-граверами Генрихом Шмицем (Heinrich Schmitz; 1758–1787) и Якобом Готлибом Телотом (Thelott, Jacob Gottlieb; 1708–1760)² и помещен в качестве фронтисписа

Рис. 2. Ноэль Ле Мир по рис. Жака де Сева, 1757

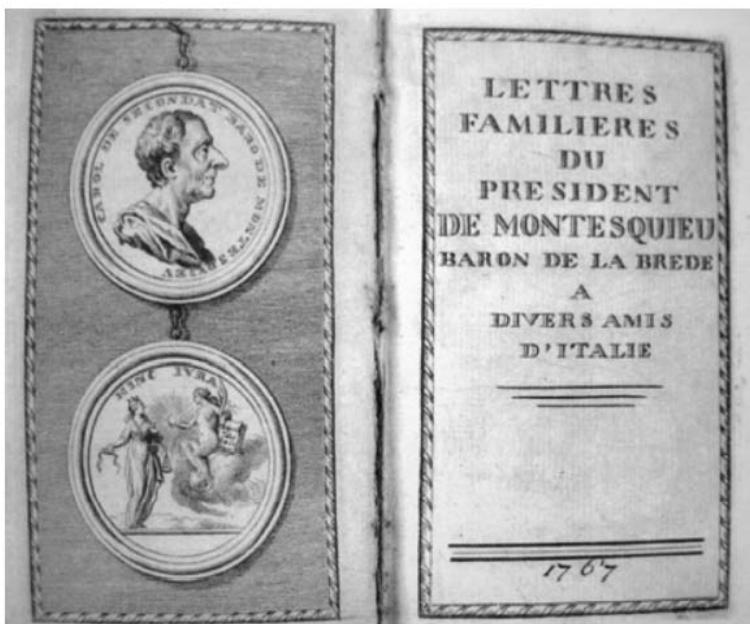

Рис. 3. Без подписи, по рис. Ж.-А. Дасье, 1767

Рис. 4. Генрих Шмиц, Якоб Готлиб Телот по рис. Ж.-А. Дасье, 1765

Рис. 5. Жан-Клод Фошери по рис. Шарля-Абраама Шасела, 1822

к изданию «Персидских писем» и «Книдского храма» [6]. Этот же портрет будет использован в качестве фронтисписа для двух собраний сочинений — 1784 г. [13] и 1792 г. [15].

Эстамп (рис. 5) с изображением реверса с гравюры Сева и Ле Мира был использован Жаном-Клодом Фошери (Jean-Claude-Auguste Fauchery; 1798–1843), художником и гравером, и иллюстратором, мастером исторического жанра Шарлем-Абраамом Шасела (Charles-Abraham Chasselat; 1792–1843) для фронтисписа собрания сочинений 1822 г. [19]. Изображение, с двух сторон которого размещены зеркало и весы — атрибуты Правосудия, помещено на пьедестале под нетипичным портретом Монтескье, держащего книгу и мечтательно смотрящего вдаль на фоне неба.

Поскольку копии профиля с медали Дасье в разных ракурсах и с незначительными изменениями будут тиражироваться впоследствии, мы не будем далее останавливаться на них, обратившись к наиболее оригинальным фронтисписам с изображениями Монтескье.

В дальнейшем узнаваемый профиль Монтескье будет представлен в окружении разных аллегорических фигур. При этом художники, продолжая копировать медаль Дасье, будут соединять аверс и реверс в единое целое, помещая различные аллегории с обеих сторон медальона с профилем, как, например, на эстампе (рис. 6) Клода-Антуана Литре де Монтиньи (Claude-Antoine Littret de Montigny; ок. 1735–1775) по рисунку уже упомянутого Жака де Сева, помещенном в качестве фронтисписа первого тома сочинений, изданных в Лондоне в 1767 г. [8] и переизданных в 1772 г. Медальон Дасье, но развернутый в противоположную сторону, помещен на пьедестале с латинской надписью CAROLUS DE SECONDAT BARO DE MONTESQUIEU, которая почти соответствует (за исключением имени, которое было сокращено на медали) оригиналу. «Слева, на облаках крылатый Гений Ума, узнаваемый по пламени, извергающемуся из его головы, поднимает левой рукой над медальоном пальмовую ветвь Славы и держит в правой руке фасцию и весы. Справа, перед ионической колонной, Клио, муза Истории, смотрит на портрет. Она держит писало и опирается на книгу, лежащую на пьедестале. У подножия цоколя путти, сидящий на закрытой книге, развертывает ленту с частью цитаты из Вергилия “[Felix qui potuit] Rerum cognoscere causas” (“Счастлив тот, кто смог понять причины вещей”). О произведениях Монтескье говорят символы: “Персидские письма” представлены тюрбаном, “Книдский храм” — стрелой Амура и венком из цветов, “Размышления о величии римлян” — ликторским пучком и аквилой³, “Дух законов” — скрижалями закона с изображением римских цифр и книгой, на корешке которой можно прочесть “Кодекс”, расположенных вместе с томом у ног гения Ума, а также весами Правосудия, изображенными дважды — внизу гравюры на переднем плане и в руках Гения» [2, р. 64]. Дважды изображен и ликторский пучок⁴ — символ правосудия и государственности, что явно выделяет из всех творений Монтескье трактат «Дух законов».

Этот же эстамп будет не раз еще использован разными граверами как фронтиспис собраний сочинений в разных странах: в 1774 г. гравером-портретистом и иллюстратором, членом Королевской академии, Джозефом Коллайером

Рис. 6. Клод-Антуан Литре де Монти-
ни по рис. Жака де Сева, 1767

Рис. 7. Шарль Эжен Дюпоншель,
1784

(Joseph Collyer; 1748–1827) для собрания сочинений, изданного в Лондоне в 1774 г. [10] (переиздание 1777 г.); в 1777 г. немецким гравером Гюставом Георгом Энднером (Gustav Georg Endner; 1754–1824), автором портретов Петра I, Александра I, Георга III, для польского перевода собрания сочинений, изданного в Лейпциге и Дрездене [12]. Две последние гравюры отличаются от оригинала незначительными деталями, связанными с форматом издания: Коллайер немного срезает крылья у Гения, а Энднер вытягивает колонну с венком.

В дальнейшем портрет с теми же самыми атрибутами (турбан, пальмовая ветвь, венок и стрела, ликторский пучок и аквила) символизирующими основные произведения Монтескье, будет не раз использоваться в качестве фронтисписа для собраний сочинений. Отметим, что автор основательного репертуара «Портреты Монтескье» дважды принимает орла аквилы за перевернутого голубя («une colombe curieusement couchée sur le dos», «colombe renversée» [2, р. 73–74]). Любопытно отметить, что эта неверно понятая деталь, превратится в голубку на более поздних гравюрах.

Шарль Эжен Дюпоншель (Charles Eugène Duponchel; 1748 — ок. 1780), известный своими гравюрами Людовика XVI и Марии-Антуанетты, помещает медальон на пьедестале с надписью «Шарль Луи де Секонда барон де Монтескье, родившийся в Бред 18 января 1689 г., скончавшийся в Париже 10 февраля 1755». Внизу кроме традиционных атрибутов находится еще и свиток. Впервые данный фронтиспис появился в сборнике произведений 1784 г., в который входили «Персидские письма, с приложением тех, которые не были

опубликованы в предыдущих изданиях» и «Книдский храм» [7] — атрибуты романов занимают первый план в левом нижнем углу. Позднее, в 1790 г. он будет использован для собрания сочинений [14] (рис. 7).

Фронтиспись (рис. 8) Пьера-Адриена Ле Бо (Pierre-Adrien Le Beau; 1748 — ок. 1817), известного своими рокайльными изображениями красавиц («Рождающиеся желания», «Опасности боскетов») по рисунку Алие (Alié⁵) для собрания сочинений, выпущенного в революционные годы [17], представляет все тот же медальон с изображением довольного, почти улыбающегося автора «Духа законов», на пьедестале с простой надписью «Шарль де Секонда де Монтескье» (без указания баронского титула) и годами жизни. Медальон увенчан «двумя венками из лавра и роз с ниспадающими бантиками. Слева изображены фрукты и виноград, справа — колосья пшеницы, внизу ветви лавра и дуба. Слева под медальоном — открытая книга с пустыми страницами, лежащая на мече и весах, от которых видно лишь коромысло, но не чаши. Справа сложенная пустая страница, волынка и труба славы» [2, р. 78]. Нам кажется, что вернее было бы вместо волынки употребить термин мюзетт, который обозначает как французский народный музыкальный инструмент вроде волынки, так и пасторальный танец, очень популярный во Франции в XVIII в. Изображение мюзетты мы находим на картинах французских художников: А. Ватто «Пасторальные танцы» (1720-е годы) и Ф. Буше «Пасторальная сцена. Мюзетта» (1753). С одной стороны, этот инструмент отсылает к Монтескье как к представителю культуры рококо, автору пасторалей «Книдский храм» и «Путешествие в Пафос», — именно волынка (мюзетт) изображена на завершающей виньетке «Книдского храма» 1772 г., к которому мы обратимся далее. С другой стороны, будучи народной, мюзетта соответствует духу революционных лет. Художник использует как традиционные символы (меч и весы — правосудие; розы, лавр и труба — слава; дуб — бессмертие и твердость), так и менее явные, например: виноград — символ жизненной силы и знания, пшеничный колос — плодородия. В Евангелии от Иоанна (12:24) Иисус Христос говорит: «Если пшеничное зерно не упадет в землю и не умрет, то оно останется всего лишь зерном. Если же оно умрет, то из него произойдет много зерен». Это можно отнести и к трудам Монтескье, которые дали в том числе и республиканские всходы. На наш взгляд, представленные атрибуты не только имеют отношение к творчеству Монтескье, но и отражают революционную символику. Например, ветви оливы (а не лавра, как пишет А. Эарар) и дуба символизировали мир, справедливость и мудрость. Начиная с 1792 г. дуб считался деревом свободы и даже попал в республиканский календарь⁶ для обозначения второго дня мая месяца, виноград — для первого день августа — сентября, или фруктидора, т. е. месяца фруктов, изображенных на фронтисписе. Лавр, дуб, олива и пшеничный колос являются атрибутами Марианны — символа первой республики, установленной в 1792 г., победу которой символизирует труба. Вероятно, эта связь с революционной эпохой объясняет улыбку и полный оптимизма взор Монтескье — он как будто видит реализацию своих идей.

Многофигурную аллегорическую композицию в качестве фронтисписа для немецкого издания сочинений в 1799 г. [18] (рис. 9) создает Каспар Вейнраух (Caspar Weinrauch; 1765–1846), гравер и иллюстратор. Мы находим все те же

Рис. 8. Пьер-Адриен Ле Бу
по рис. Алие, 1796

Рис. 9. Каспар Вейнраух, 1799

традиционные элементы — дуб, розы, лавровый венок, весы и ликторский пучок, лежащие в самом низу. Однако глаз привлекают женские фигуры: справа Афина, венчающая Монтескье лавровым венком, узнаваемая по копью и изображению Горгоны за ней, слева римлянка, украшающая пьедестал гирляндой из роз. Амуры на кифаре поют славу философи. Гравюра символически намекает посвященному читателю лишь на два произведения — «Дух законов» и «Рассуждения о величии римлян».

Интересный фронтиспис (рис. 10) представлен в отдельном издании «Духа законов» 1777 г. — первого тома собрания сочинений [11]. Его авторы, Пьер-Клеман Мариийе (Pierre-Clément Marillier; 1740–1808), рисовальщик и гравер мелкой насечки, иллюстратор, и Никола Делоне (Nicolas Delaunay; 1739–1792), гравер резцом, автор иллюстраций и эстампов с изображением бытовых сцен, изображают медальон с профилем, над которым помещают атрибуты Справедливости — весы и меч. Фасции стоят внизу за фигурой Амура, который протягивает розы голубке одной рукой, а другой держит венок над плитой с именем философа. Названы два произведения — «Персидские письма» на листе у ног Амура и «Дух законов» в правом углу. Этот же фронтиспис был помещен в первом томе собрания сочинений, изданного в 1790 г. в Амстердаме [14].

Самый оригинальный и изысканный фронтиспис в стиле рококо (рис. 11) украсил издание «Книдского храма» 1772 г. [4] (факсимильное издание 1879–1880). Роскошное, богато иллюстрированное, украшенное одиннадцатью

гравюрами издание, было широко анонсировано в прессе. Кроме фронтисписа и сопровождающего его титульного листа в нем представлены семь гравюр, иллюстрирующих семь песен произведения, и две гравюры к краткому продолжению, озаглавленному «Сефиза и Амур».

Как это ни покажется странным, но на протяжении XVIII–XIX вв. именно «Книдский храм» был наиболее часто переиздаваемым и переводимым произведением будущего автора «Духа законов»⁷. Эта поэма в прозе или роман, как определял жанр сам автор, был издан анонимно в марте 1725 г. в Париже. Монтескье долго отказывался от авторства и только в 1743 г. вышло исправленное им самим издание, что свидетельствует о том значении, которое он придавал своему раннему творению.

Фронтиспис был создан Ноэлем Ле Миром (Noël Le Mire; 1724–1801), автором первой гравюры с медали Дасье, по рисунку Шарля Эйзена (Charles Eisen; 1720–1788), фламандского рисовальщика и гравера, работавшего в Париже. Отмечают сходство фронтисписа с эстампом Литре по рисунку де Сева — не случайно Ле Мир и де Сев совместно сделали первую гравюру с медали Дасье. Ле Мир прибавил свое имя к имени Монтескье внизу медали. В издании 1772 г. дано такое объяснение аллегорических фигур: «Гений литературы венчает его одной рукой, приглашая другой Природу прикоснуться к лире. Амур дарит автору свой колчан, лук и факел. Также изображены Справедливость — намек на “Дух законов”, который находится рядом с “Персидскими письмами” и “Книдским храмом”, и фасции внизу, указывающие на “Размышления о величии римлян”» [2, р.64]. Однако легко заметить, что аллегория Природы весьма напоминает Венеру на следующих гравюрах издания, что отмечает А. Эрар: «Эта красивая женщина с длинными волнистыми волосами, наготу которой прикрывает гирлянда из роз, есть сама приятная Природы, Книдская Венера» [2, р. 71]. Внизу слева видны три книги: первая — «Книдский храм», рядом с которой помещены «Персидские письма», а третья, «Дух законов»,

Рис. 10. Никола Делоне по рис. Пьера-Клемана Марайе, 1777

Рис. 11. Ноэль Ле Мир по рис. Шарля Эйзена, 1777

Рис. 12 Морис Жобер де Бек,
1925

склоняется к сидящей в правом углу Фемиде. Гравюра совершенно очевидно делает акцент на творчестве Монтескье — рокайльного романиста, а не философа-юриста. Венок на голове автора находится в одной параллели с колчаном Амура, что так же выделяет эту галантную ипостась автора, менее известную в настоящее время, но важную для XVIII века.

Увы, XX–XXI века менее богаты на интересные изображения портретов Монтескье — большинство изданий ограничивается все тем же знакомым профилем. Однако исключения все же встречаются, к ним относится редкое лимитированное издание «Персидских писем» с иллюстрациями Мориса Жобера де Бека [8] (Maurice Jaubert de Béqure; 1878–1938), французского художника и иллюстратора. На профиль автора все с той же медали в окружении знакомых атрибутов — роз и тюрбана — взирает персидская красавица (рис. 12).

«Книдский храм», «Персидские письма», «Упадок римлян» и «Дух законов» — четыре произведения совершенно разных жанров: в первом автор — певец Граций, во втором — изящный и остроумный рассказчик, в третьем — историк и философ, в четвертом — ученый законодатель» [3, р. V], — писал аббат Вуазенон⁸. Большинство фронтисписов символически представляют все основные творения Монтескье и разные его ипостаси — философа, историка, юриста, романиста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фотографии фронтисписов приводятся по изданию [2].
2. Отметим, что А. Эраг даёт неверные даты жизни художника и не указывает его имени — Thelott (1715–1759) [2, р. 64].
3. Аквила — серебряный или золотой знак легиона в древнеримской армии в виде орла, размещённого на шесте. Отметим, что А. Эраг ошибочно называет аквилу вексиллом — военным полевым штандартом, который представлял собой четырехугольный кусок ткани, висящий на перекладине древка.
4. Любопытно отметить, что фасции появились на гербе Франции во времена Первой Республики.
5. Никаких сведений об этом художнике найти не удалось.
6. Французский республиканский календарь действовал с октября 1793 г. по 1 января 1806. Месяцы и дни были связаны с явлениями природы (растения, животные, сельскохозяйственные работы).
7. В России он был переведен дважды: в 1770 и в 1804 гг.
8. Вуазенон Клод Анри де (фр. Claude-Henri de Voisenon; 1708–1775) — французский церковный деятель, писатель, член Французской академии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Beaume P. Éclaircissements historiques sur le portrait de Montesquieu // Bulletin polymathique du Muséum d'instruction publique de Bordeaux ou Journal littéraire, historique et statistique du département de la Gironde, 1802. P. 83–87. — URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k102473h/f87.item> (дата обращения: 24.11.2021)
2. Ehrard A. Portraits de Montesquieu. Répertoire analytique. Clermont-Ferrand: Presses Universitaires Blaise-Pascal, 2014. 287 p.
3. Jacob P.-L. Préface de l'éditeur. //Montesquieu. Le Temple de Gnide, suivie de Céphise et Amour. Paris: Léon Willem, éditeur, 1879–1880. P. V–XXVII.
4. Montesquieu. Le Temple de Gnide, suivie de Céphise et Amour. Paris: chez Le Mire graveur, 1772.
5. Montesquieu. Lettres familières du président de Montesquieu baron de La Brède à divers amis d'Italie. Bordeaux, 1767.
6. Montesquieu. Lettres persanes, Par M. de M***. Nouvelle édition, augmentée du temple de Gnide. Amsterdam, M.DCC.LXV.
7. Montesquieu. Lettres persanes, Par M. de M.ontesquieu. Nouvelle édition, Augmentée de douze Lettres qui ne se trouvent point dans les précédentes; et suivies du temple de Gnide. Londres, M.DCC.LXXXIV.
8. Montesquieu. Lettres Persanes. Illustrations de Maurice de Becque: Limited edition. Published by Lampe D'Or. Paris: chez Baudel, 1925.
9. Montesquieu. OÉuvres de Monsieur de Montesquieu. Nouvelle édition. Revue, corrigée et considérablement augmentée par l'auteur: In 3 t. Londres: chez Nourse. M.DCCLXVII. (переиздание 1772).
10. Montesquieu. The complete works of M. de Montesquieu: In 4 t. London: T. Evans, 1774. (переиздание 1777).
11. Montesquieu. OÉuvres de Monsieur de Montesquieu (qui ne comprend que «L'Esprit des lois»): In 4 t. Genève, M.DCC.LXXVII.
12. Montesquieu. OÉuvres complètes: In 3 t. Leipzig, Dresden, 1777–1779.
13. Montesquieu. OÉuvres de Monsieur de Montesquieu. Nouvelle édition, Revue, corrigée,& considérablement augmentée: In 8 t. Paris: Aux Deux-Ponts, Chez Sanson & Compagnie. M.DCC.LXXXIV.
14. Montesquieu. OÉuvres de Monsieur de Montesquieu. Nouvelle édition, Revue, corrigée & augmentée de pièces qui n'avoient point encore paru: In 7 t. Amsterdam, M.DCC.XC.
15. Montesquieu. OÉuvres de Monsieur de Montesquieu, nouvelle édition, revue, corrigée, & considérablement augmentée: In 8 t. Saarebruck: Chez la Société Typographique, M.DCC. LXXXII.
16. Montesquieu. Oeuvres complètes: In 12 t. Paris: Pierre Didot l'Aîné, l'an IIIe de la République (1795).
17. Montesquieu. OÉuvres de Montesquieu. Nouvelle édition: In 5 t. À Paris, Chez Gueffier, Imprimeur Libraire, rue Git-le-Cœur, an IV de la République Française.
18. Montesquieu. Der Herrn von Montesquieu sammtliche Werke: In 8t. Wien: B. Ph. Bauer libraire-éditeur, 1799.
19. Montesquieu. OÉuvres complètes de Montesquieu, avec les remarques des divers commentateurs, et des notes inédites. Paris, édit. Louis Duprat-Duverger, J.A.S. Collin de Plancy, MDCCCXXII.

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.019

УДК 821.161.1

О. В. Богданова, И. А. Митрофанова*

Н. А. НЕКРАСОВ В ВОСПРИЯТИИ А. П. ЧЕХОВА (РАССКАЗ «У ЗНАКОМЫХ»)**

В работе сопоставляются публицистический и художнический дискурсы А. П. Чехова, эксплицирующие отношение писателя к личности и творчеству Н. А. Некрасова. Для сопоставления используется, с одной стороны, ответ Чехова на анкету газеты «Новости дня» — «Отжил ли Некрасов?», с другой — тексты рассказа «У знакомых» и лирической комедии «Вишневый сад». В статье показано, что публичное заявление Чехова о любви к Некрасову в художественных текстах писателя трансформируется, оказывается нерелевантным и обнаруживает, что отношение Чехова к поэту-демократу было неоднозначным и сложным. В работе сопоставляются разные варианты рассказа «У знакомых» («Крик») и прослеживается логика раздифференциации внутри образной системы рассказа. От традиционного противопоставления «тогда // теперь» («Лосевы, Надежда, Варвара // Подгорин») автор статьи переходит на уровень «перекодировки» персонажей («Лосевы // Варя+Подгорин // [Надежда]»), что позволяет, с одной стороны, сблизить рассказ-автопретекст и драму-посттекст, с другой — уточнить чеховское восприятие Некрасова.

Ключевые слова: А. П. Чехов, Н. А. Некрасов, рассказ «У знакомых», редакции рассказа, система персонажей, автопретекст и «Вишневый сад».

---

* О. В. Богданова, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; olgabogdanova03@mail.ru

И. А. Митрофанова, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; a_blum@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00272 «Н. А. Некрасов: pro et contra. Личность, деятельность, творческое наследие Некрасова в оценках отечественных мыслителей и исследователей».

O. V. Bogdanova, I. A. Mitrofanova
N. NEKRASOV IN THE PERCEPTION OF A. CHEKHOV
(THE STORY "AT ACQUAINTANCES")

The article compares the publicistic and artistic discourses of A. Chekhov, which explicate the writer's attitude to the personality and creativity of N. Nekrasov. For comparison, we use, on the one hand, Chekhov's answer to the questionnaire of the newspaper «News of the day» — «Did Nekrasov survive?», on the other hand — the texts of the story «At acquaintances» and the lyrical comedy «The Cherry orchard». The article shows that Chekhov's public declaration of love to Nekrasov in the writer's artistic texts is transformed, turns out to be irrelevant, and reveals that Chekhov's attitude to the democratic poet was ambiguous and complex. The paper compares different versions of the story «At acquaintances» («Scream») and traces the logic of differentiation within the figurative system of the story. From the traditional opposition «then // now» («Losevs, Nadezhda, Varvara // Podgorin») the author of the article goes to the level of «recoding» characters («Losevs // Varya+Podgorica // [Nadezda]») that allows us to bring the story-autopretext to drama-posttext.

Keywords: A. Chekhov, N. Nekrasov, story «At acquaintances», the wording of the story, system of characters, autopretext and «The Cherry orchard».

Обращаясь к проблеме «Чехов и Некрасов», исследователи, как правило, начинают рассуждения с того, что цитируют ответ А. П. Чехова на анкету Н. Е. Эфроса, сотрудника газеты «Новости дня», «Отжил ли Некрасов?», предложенную литераторам в связи с 25-летием со дня смерти поэта.

Упоминание об этом эпизоде сохранились в чеховском эпистолярии. Так, 14 декабря 1902 года в письме к О. Л. Книппер из Ялты Чехов сообщал: «Получил от Эфроса письмо. Просит написать, какого я мнения о Некрасове. Это-де нужно для газеты. Противно, а придется писать. Кстати сказать, я очень люблю Некрасова и почему-то ни одному поэту я так охотно не прощаю ошибок, как ему. Так и напишу Эфросу» [19, с. 90].

Действительно, именно «так» и ответил Чехов на анкету Эфроса: «Я очень люблю Некрасова, уважаю его, ставлю высоко, и если говорить об ошибках, то почему-то ни одному русскому поэту я так охотно не прощаю ошибок, как ему. Долго ли он еще будет жить, решить не берусь, но думаю, что долго, на наш век хватит; во всяком случае, о том, что он уже отжил или устарел, не может быть и речи» [15, с. 273].

Как правило, исследователи акцентируют внимание на словах «Я очень люблю Некрасова...», но оставляют без комментария трижды (в письме и в анкете) повторенное суждение об «ошибках». Писатель не поясняет, о каких «ошибках» идет речь, но специалистам (и читателям), хорошо знакомым с личностью и творчеством Некрасова, (почти) очевидно, что высказывание Чехова должно было касаться «двух ликов» Некрасова — барина и демократа, успешного предпринимателя и поэта-борца за права народа, Перепельского и собственно Некрасова [см. об этом подробнее: 7, 9]. Другими словами — при всей «любви» к Некрасову даже в публичной анкете Чехов не мог (не счел необходимым) «забыть» об «ошибках», а проходное замечание в письме к жене — «Противно, а придется писать» — только усиливает впечатление от меры субъективности/объективности публичного дискурса-ответа.

В связи с пробудившимися догадками о неоднозначности оценки Чеховым творчества Некрасова возникает необходимость обратиться к художественным текстам прозаика и на их примере попытаться осознать глубину чеховской «любви» к Некрасову, к его личности, взглядам и его поэзии. Исследовательским материалом в таком случае должны послужить чеховские тексты, в которых непосредственно звучат строки из стихов Некрасова и присутствие которых в тексте обнаруживает сознательность интенции автора, демонстрирует непосредственное участие цитатного материала в разработке и воплощении художественной задачи¹. Один из таких текстов — рассказ «У знакомых».

Принято считать, что рассказ «У знакомых» («рабочее» название — «Крик») был написан в ответ на предложение (заказ) Д. Ф. Батюшкова, редактора русского отдела международного журнала «Cosmopolis», в котором и был опубликован впервые текст рассказа: *Cosmopolis*. 1898. Т. IX. № 2, февраль. С. 103–120 — за подпись Антон Чехов [12, с. 354].

Хорошо известен и другой факт: до выхода в свет журнального номера в письме к Д. Ф. Батюшкову Чехов настоятельно просил редактора выслать ему корректуру рассказа для необходимой и обязательной правки.

Из письма Чехова от 15 (27) декабря 1897 года (Ницца):

«Многоуважаемый Федор Дмитриевич, <...> буд[ъ]те добры, пришлете мне корректуру, которой я не продержу у себя дольше одного дня <...> Думаю, что ничто мне не помешает кончить и выслать рассказ своевременно...» [18, с. 122].

Примечательно, что именно на этапе правки корректуры Чехов не только изменил ономасиологически значимые антропонимы: Жорж превратился в Михаила («Мильй Миша...» [23, с. 7]), фамилия Подгорский была «усеченена» до Подгорин, владельцы поместья Кузьминки из Горбылиных оказались переименованы в Лосевых, — но и включил в текст новые пространные речевые пассажи героев и самостоятельные (самоценные) фрагменты, один из которых непосредственно связан с Некрасовым: героиня рассказа Варвара Павловна читает строки из некрасовской «Железной дороги».

Более того, как свидетельствует переписка Чехова, живя в это время в Ницце и не имея перед собой тома стихов Некрасова², он настойчиво просил знакомцев-соотечественников, проживавших в то время во Франции, найти для него текст некрасовской «Железной дороги». Известно, что такая просьба была адресована О. Р. Васильевой [20, с. 156] и Н. Н. Тугаринову. Можно предположить, что писатель обращался и к другим русским путешественникам и эмигрантам в поисках каких-либо изданий стихов Некрасова. О. Р. Васильева нашла стихотворение и сообщила об этом Чехову телеграммой от 22 января 1898 года из Канн.

Как видно, будучи связан обещанием, данным Д. Ф. Батюшкову («не продержу у себя дольше одного дня» и «выслать рассказ своевременно»), тем не менее Чехов усиленно разыскивал текст стихотворения Некрасова. Потому, можно предположить, вставной эпизод, появившийся в тексте в процессе правки рассказа, был весьма значимым для автора.

Комментаторы к Полному собранию сочинений Чехова связывают привнесение «некрасовской темы» в рассказ с особой датой — 20-летием со дня смерти поэта, с событием важным, но конкретным. «Непосредственным

повородом, заставившим Чехова обратиться к стихам Некрасова, видимо, было 20-летие со дня смерти поэта, исполнившееся 27 декабря 1897 г. В номерах “Русских ведомостей” и “Биржевых ведомостей”, полученных в Ницце в начале января, Чехов мог прочитать статьи, связанные с этой датой» [12, с. 359]. Нельзя не согласиться с приведенным суждением. Между тем очевидно и другое — «вставной эпизод» привносил в рассказ не только мемориальную ноту, но и вводил в текст важный характероформирующий акцент, обозначал ценностную доминанту рассказового хронотопа, который отчетливее прорисовывался в сознании художника на завершающем этапе работы.

Дело в том, что основной видимый принцип, по которому выстроен текст рассказа «У знакомых», — антитеза, оппозиции «прошлое ↔ настоящее», «тогда ↔ теперь», «уже ↔ еще» [см. об этом: 8, с. 138–151]. Вся система событий, впечатлений, воспоминаний, мыслей героя (героев) дифференцируется про двоичному принципу — как было и как стало, прежде и теперь, когда-то и сейчас, одни и другие.

Кроме того исследователями давно замечено и то обстоятельство, что рассказ «У знакомых» может быть квалифицирован как (авто)претекст, как произведение, во многом предшествовавшее поздним текстам Чехова — философским драмам «Три сестры» и «Вишневый сад» или рассказам «Архиерей» и «Невеста» [см.: 1, 2]. Очевидно, что рассказ «У знакомых» по художественному совершенству далек от «Вишневого сада», однако в плане интересующей нас проблемы примечательно, что строки из стихов Некрасова звучат не только в тексте рассказа, но и в лирической комедии Чехова.

Если к 1903 году, времени создания «Вишневого сада», в художественном сознании Чехова оказалась четко структурирована темпоральная триада «прошлое — настоящее — будущее» [см. подробнее: 5, с. 463–510], то в рассказе «У знакомых» доминирует дуалистическая оппозиция «прошлое — настоящее». И несмотря на газетное заявление о том, что Некрасов не «отжил» и не «устарел» (о чём «не может быть и речи»), тем не менее в тексте рассказа строки Некрасова становятся знаком-символом, несомненно, уже прошедшего.

Система персонажей рассказа «У знакомых» (в сравнении с «Вишневым садом») не четко дифференцирована в социальном плане (в комедии: (1) дворянин — (2) разночинцы — (3) потомки бывших крепостных крестьян) [5, с. 463–510], однако литературный контекст (фон), в рамках которого смоделирован хронотоп более раннего текста, позволяет разглядеть черты (типы) дворянские и разночинные. Первые из них — муж и жена Татьяна и Сергей Сергеевич Лосевы, вторые — герой-повествователь юрист «милый Миша» и подруга Татьяны Варвара Павловна, «Ва» [23, с. 7], доктор. В рассказе Чехов не делает на этом акцент, но обращение к социальному статусу героев при понимании «некрасовской темы» оказывается важным.

Примечателен тот факт, что первоначально главной героиней рассказа должен был стать (безымянный в записных книжках) женский персонаж, весьма близкий образу Варвары Павловны. По свидетельству комментаторов к Полному собранию сочинений Чехова, «в записных книжках Чехов сделал несколько записей, которые впоследствии использовал в рассказе «У знако-

мых»: «Женщина-врач, уже седеющая, впадающая в мистицизм. Имение скоро пойдет с молотка, бедность, а лакеи всё еще одеты шутами»; «Муж всё сопел, обзвывал гостя милым, дорогим»; «Он был знаком с ж^{<женщиной>}-врачом, когда она была еще девочкой, тогда она была умна, теперь же постарела и много не понимает»; <...> «Докторша затянута в корсет, большие рукава» <...> (Зап. кн. II, стр. 46, 47). «Полная девочка похожа на булку»; «Когда женщина любит, то ей кажется, что предмет ее любви устал, избалован женщинами — и это ей нравится»; «Женщина-врач затянута в корсет, высокие рукава, уже седеет, впадает в мистицизм» (Зап. кн. I, стр. 70, 73)» [12, с. 354].

Очевидно, что безымянная героиня вбирала в себя черты и Татьяны, и Варвары, но доминантным признаком было ее медицинское образование — «докторша».

По словам авторов «Примечаний», приведенные выше записи «могут быть датированы октябрем 1896 — марта 1897 г.» [12, с. 354]. Таким образом, во-первых, можно отметить, что рассказ напрямую не мог быть связан с «заказом» для «Cosmopolis», т. е. его проблематика владела сознанием Чехова ранее, а во-вторых, как видно, за период чуть более года (октябрь 1896 — февраль 1898) замысел получил большую определенность, события обрели темпоральную локализацию, система персонажей — пусть и «стертую», но социальную характерологичность. Согласно расстановке общественных сил в России XIX века владельцами наследных Кузьминок стала не семья разночинной «докторши» (медицинское образование в XIX веке — прерогатива разночинного класса), а семья героини-дворянки, получившей имение в наследство («Кузьминки пошли в приданое...» [23, с. 8]).

Образ Татьяны Алексеевны (Лосевой), наследной хозяйки Кузьминок, выписывается Чеховым так, что за взглядами и характером героини просматривается целая историческая линия («династия»), «родословная» тех неординарных русских женщин, которые были героями «дворянских» романов начала (отчасти середины) XIX века. Имя Татьяна (вслед за пушкинской Татьяной Лариной) может быть в этой системе аргументом случайным, но готовность героини следовать за мужем «хоть в Сибирь» [23, с. 11] — явный сигнал, ориентирующий на воспоминание о женщинах-декабристках³. Страстный монолог Татьяны, готовой встать на защиту мужа: «...Сергей хлопочет, ему обещали место податного инспектора *где-то там* в Уфимской или Пермской губернии, и я готова куда угодно, *хоть в Сибирь*, я готова *жить там десять, двадцать лет...*» [23, с. 11], — невольно пробуждает в сознании ассоциации с образами героических женщин, на десять-двадцать лет последовавших за своими мужьями в Сибирь. Чехов словно бы вычерчивает историческую горизонталь, на которой находится место и для Татьяны, автор ставит героиню в ряд жертвенных и чтимых персонажей (и персонажей).

Подобная историческая (хотя отчасти и иронизированная) ассоциация поддерживается деталями от-литературными. Татьяна Алексеевна впервые предстает перед героем-рассказчиком «в саду на террасе» в «широком пеньюаре» (утреннем халате), в портрете детализируется впечатление от ее «полных, белых рук»:

…теперь, когда ей было уже более тридцати лет, такая же красивая, видная, как прежде, в широком пеньюаре, с полными, белыми руками, она думала только о муже и о своих двух девочках, и у нее было такое выражение, что хотя вот она говорит и улыбается, но все же она себе на уме, все же она на страже своей любви и своих прав на эту любовь и всякую минуту готова броситься на врага, который захотел бы отнять у нее мужа и детей [23, с. 10].

Незначительные (кажется) художественные детали (в т. ч. пеньюар) заставляют вспомнить литературный персонаж, хорошо знакомый современникам Чехова, образ (почти прототипический), вобравший в себя черты самоотверженного служения мужу и глубокой преданности семье — Наташа Ростова из «Войны и мира» Л. Толстого.

Из эпилога романа «Война и мир» (Ч. 1. Гл. X) — о Наташе (уже) Безуховой:

Она пополнела и поширела, так что трудно было узнать в этой сильной матери прежнюю тонкую, подвижную Наташу. Черты лица ее определились и имели выражение спокойной мягкости и ясности. В ее лице не было, как прежде, этого непрестанно горевшего огня оживления, составлявшего ее прелест. Теперь часто видно было одно ее лицо и тело, а души вовсе не было видно. Видна была одна сильная, красивая и плодовитая самка.

<...>

Известно, что человек имеет способность погрузиться весь в один предмет, какой бы он ни казался ничтожный. И известно, что нет такого ничтожного предмета, который бы при сосредоточенном внимании, обращенном на него, не разросся до бесконечности. Предмет, в который погрузилась вполне Наташа, — была семья, то есть муж, которого надо было держать так, чтобы он нераздельно принадлежал ей, дому, — и дети, которых надо было носить, рожать, кормить, воспитывать... [14, с. 343, и далее].

Чеховская Татьяна словно бы «копирует» («наследует») характер и положение в семье идеальной толстовской героини-женщины, «воспроизводит» ту «зависимую» («рабскую» у Толстого [14, с. 343], но возвышающую) манеру поведения-служения, когда вся сущность жены сводится к обожанию мужа и самоотверженной любви матери к детям. Неслучайно Чехов вводит в текст рассказа образ двух юных дочерей Татьяны (в целом — излишних и избыточных для сюжета), о которых мать с восторгом восклицает:

— Что же вы не похвалите моих девочек? — говорила Татьяна, глядя с любовью на своих двух девочек, здоровых, сытых, похожих на булки, и накладывая им полные тарелки рису. — Вы только взглядитесь в них! Говорят, что все матери хвалят своих детей, но, уверяю вас, я беспристрастна, мои девочки необыкновенные... [23, с. 14].

Интегрированная в монологическую речь героини оценочная аксиология персонажа-рассказчика, в данном случае реципиента («похожие на булки» — даже не на булочки, без смягчающего уменьшительного суффикса; «полные тарелки рису» — обрисовывающие полноту не столько блюда, сколько «скрытого» облика полных «необыкновенных девочек») порождают неизбежную аллюзию на «плодовитую самку» Наташу, на ее жизнь-служение и преданность семейному «гнезду» [23, с. 11, 14].

А propos: концепт «гнездо» пронизывает всю ткань повествования, слово звучит в тексте трижды (или четырежды), будучи непосредственно кооперированным с образом Татьяны, с ее принадлежностью к родовому «дворянскому гнезду» и привязанностью к семье, дому, земле. Героиня восклицает: «Я здесь родилась, это мое гнездо...» [23, с. 11]. Об этом говорит повествователь: «...она каждую минуту была готова броситься на врага, который захотел бы отнять у нее мужа, детей и гнездо» [23, с. 11]. Об устройстве «этого гнезда» [23, с. 14] и роли Татьяны в нем размышляет гость-юрист Подгорин.

Иными словами, Татьяна, образ которой (судя по «Записным книжкам») возник у Чехова не сразу, постепенно и намеренно «выправлялся» художником в сторону ее «узнаваемости», формировался как образ героини-птицы («Я здесь родилась, это мое гнездо» [23, с. 11]⁴; примитивнее — насекомы), милой и заботливой (но беспомощной) хозяйки «дворянского гнезда». В итоге в ходе окончательной правки рассказа не разночинка-докторша, а старинная дворяночка обретает роль владелицы поместья Кузьминки и предстает органичной (знакомо репрезентирующей) его частью.

Если образ Татьяны создан Чеховым в контексте (около)пушкинского романа и толстовской эпопеи, то образ Сергея Сергеича, мужа Татьяны, воплощен в явной ориентации на героя гончаровско-тургеневского типа⁵. Если «именной» аргумент (повтор в именовании — Сергей Сергеич как Илья Ильич) вновь может показаться слабым, то способ и характер портретирования героя обнаруживают отчетливые интертекстуальные отсылки, связь со знаковыми претекстами, среди которых прежде всего «Обломов» (или «Обыкновенная история») и «Отцы и дети» (или «Дворянское гнездо»).

Появление героя в утренний час на веранде дома в халате и феске — с одной стороны, становится чертой (признаком, модой) былого времени (вспомним феску Павла Петровича Кирсанова), с другой — указанием на «славянофильский» дух героя (вспомним знаменитый восточный халат Обломова, его восточный диван и восточные тапочки, как и его имение Обломовку, находящееся «где-то далеко на востоке»). Подобно тому, как Павел Петрович при встрече в Марьине трижды (наряду с английским «shake hands») лобзает племянника Аркадия, так и Лосев при встрече в Кузьминках приветствовал Подгорина «целуясь с ним три раза» [23, с. 9], И далее в продолжение рассказа герой повторяет эту церемонию несколько раз. Кажется, подобный жест мог быть простой данью русской традиции, но в рамках короткого рассказа Чехов слишком настойчиво вспоминает об этой черте персонажа, тем самым заставляя обратить на нее внимание.

В отличие от романов середины XIX века сама по себе идея славянофильства (и противостояния западничеству) уже не была злободневной, но ее актуализация в рамках рассказа Чехова становится способом маркирования «родословной» персонажа-мужа и мотивации сибаристского образа жизни героя. Неслучайно, представляя Сергея Сергеича, повествователь обращает внимание на «чисто русские» портретные черты героя и поведенческую доминанту — желание персонажа казаться «простым»: «У него были крупные черты, толстый нос, негустая русая борода; волосы он зачесывал набок, покупечески, чтобы казаться простым, чисто русским» [23, с. 9].

В этом же характерологическом ряду оказываются и ментальные ориентации героя — *идеализм*: «он идеалист» — несколько раз настойчиво звучит применительно к личности Сергея Сергеича.

Следует напомнить, что в середине XIX века, в период борьбы западников и славянофилов, деловые, радикальные, умствующие западники строили конфликт идей (и идеологий) на рационализме и деловитости одних и идеализме и пассивности других. Самыми известными идеалистами в русской литературе были, как известно, Обломов и Николай Кирсанов, в сатирико-гиперболизированной (сниженной) форме — Карась-идеалист и Премудрый пескарь Салтыкова-Щедрина [см. об этом подробнее: 7, с. 5–19].

Либерализм русского дворянства к шестидесятым годам XIX века действительно достигал уровня идеализма (даже утопизма [7, с. 5–19]), что для одних означало представление (отчасти сентиментальное) о преемственности поколений и продолжении традиций, для других было выражением озлобленности и жесткой неприязни к наследованию «старого», «былого»,казалось, отжившего.

Идеализм Сергея Сергеича Лосева представлен героем-рассказчиком (и отчасти героем-повествователем) в ироническом ключе, лишенным глубины и экзистенциальной рефлексии, но он намеренно акцентирован, хотя и отдан на откуп внешней, поверхностной, сторонней оценочности (взгляд со стороны). Если полнота и леность Обломова (лежание на диване) представлены Гончаровым как «нормальное состояние» героя, то полнота и леность Лосева («ленивый малый» [23, с. 9]) Чеховым подвергаются ироничной критике. «Его <Сергея Сергеича> упитанное тело и излишняя сытость стесняли его, и он, чтобы легче дышать, всё выпячивал грудь, и это придавало ему надменный вид» [23, с. 9]. Усиление и обострение приема антитезы (предпринятое в рамках корректуры [23, с. 252]) живописнее оттеняет абрис располневшей фигуры Лосева: рядом с его громоздким и обрюзгшим телом свояченица Надежда казалась «воздушной» [23, с. 9].

Чехов акцентирует позерство и театральность, неестественность и игру в поведении героя. У Лосева «была манера неожиданно для собеседника произносить в форме восклицания какую-нибудь фразу, не имевшую никакого отношения к разговору, и при этом щелкать пальцами. И всегда он подражал кому-нибудь; если закатывал глаза, или небрежно откидывал назад волосы, или впадал в пафос, то это значило, что накануне он был в театре или на обеде, где говорили речи. Теперь он шел, как подагрик, мелкими шагами, не сгибая колен, — должно быть, тоже подражал кому-то» [23, с. 10]. И эта ненастоящность («чтобы казаться...» [23, с. 9]) становится поводом к раздумьям об ответственности героя за происходящее в семье и с поместьем.

Именно барин-идеалист, по мнению героя-рассказчика, повинен в том, что поместье Татьяны выставлено на торги. Это он, по наблюдению Подгорина, получив имение в качестве приданого за невестой, пускался во всякого рода «хозяйственные предприятия», строил и «не достр[аива]л» дачи [23, с. 8], включался в «разные аферы», а теперь «не рассчитывает <...> спасать Кузьминки» [23, с. 19]. По словам Лосева, «недоимка скопилась громадная, и имение не приносит никакого дохода, только убытки каждый год...» [23,

с. 19]. В Сергея Сергеича нет сожаления: «Тане, конечно, жаль, это ее родовое, а я, признаться, даже рад отчасти. Я совсем не деревенский житель. Мое поле — большой, шумный город, моя стихия — борьба!» [23, с. 19]. Пустословие и легкомысление персонажа («псевдоидеализм») очевидны и опосредованы его риторикой.

Примечательно, что в момент правки корректуры Чехов усиливает мотив ответственности Сергея Сергеича за драматичную судьбу поместья: «Кузьминки пошли в приданое только шесть лет назад, но уже разорены *этим самым Сергеем Сергеичем*» [23, с. 8] — выделенные курсивом слова вписаны Чеховым в текст на самом последнем этапе работы над рассказом.

Живя в долг (в т. ч. 100/200 рублей, одолженные у Подгорина), Лосев совершает «частые поездки в Москву», где «он завтракал в “Славянском базаре”, обедал в “Эрмитаже” и кончал день на Малой Бронной или на Живодерке у цыган (это называл он “встряхнуться”)» [23, с. 8]. Картины кутежей героя и его мотовство остаются вне сценического пространства, однако городские топонимы — названия знаменитых ресторанов и маркированных шумными событиями районов Москвы — берут на себя роль метонимических заместителей, один звук имени которых пробуждает в памяти впечатления ярких, пышных, по-купечески «сильных» («обед силён» — И. Бунин) застолий и вечеринок⁶.

Итак, в рассказе принципиально и конститутивно выстроенным на темпоральных оппозициях «тогда» и «теперь», «уже» и «еще» герои уходящей «идеальной» эпохи — гончаровско-тургеневских «дворянских гнезд» — отмечены коннотациями прощания, исчезновения, ухода, однако в отличие от будущего «Вишневого сада» еще лишены ноток ностальгии и трагизма. В рассказе мотив угасания помещичьих «гнезд» маркирован признаками безответственности самих хозяев, их субъективной вины и невыполненного перед потомками долга. Личной и личностной (без)ответственности, лишенной (пока еще) примет и признаков универсального закона.

Поскольку в реализации хронотопического подхода «тогда и теперь», опосредующего атмосферу рассказа «У знакомых», прошлое (в той или иной мере) дискредитируется, то a priori можно ожидать, что развитие действия обозначит некие позитивные маркеры в настоящем. В частности появление в имении Кузьминки стороннего человека, гостя-юриста, по законам художественной реальности должно (или может) актуализировать новый и современный ракурс достижения мира и его идеалов.

Именно так и происходит на сюжетном уровне. Герой Подгорин хотя и любил в прошлом хозяев имения, однако сейчас все более раздражен поведением хозяина, раздосадован жалобами хозяйки, его утомляют привычно-знакомые наскучившие разговоры — планируемая трехдневная поездка представляется ему отбыванием «повинности» [23, с. 8]. Долго сдерживаясь в присутствии дам, герой наконец раскрывается перед вызывающим у него «брзгливое чувство» [23, с. 9] Сергеем Сергеичем и обращается к нему с суровыми и жесткими инвективами. Вначале: «...ради бога, перестаньте воображать, что вы идеалист. Вы такой же идеалист, как я индюк. Вы просто легкомысленный, праздный человек, и больше ничего» [23, с. 19–20]. Чуть позже еще более жестоко: «Посмотрите на себя в зеркало, <...> вы уже не молодой человек, скоро будете стары, пора же

наконец одуматься, отдать себе хоть какой-нибудь отчет, кто вы и что вы. Всю жизнь ничего не делать, всю жизнь эта праздная ребяческая болтовня, ломанье, кривлянье — неужели у вас у самого голова еще не закружилась и не надоело так жить? Тяжело с вами! Скучно с вами до одурения!» [23, с. 20].

Кажется, новый герой способен объективно оценить прошлое и осознать приближение нового, возвратить к грядущему. Действительно, его реплики, обращенные к героям, полны оптимизма. К Татьяне: «Всё обойдется. Ваш муж будет служить, вы войдете в новую колею, будете жить *по-новому*» [23, с. 11]. Лексемы с корнем «нов-» повторяются в реплике героя дважды. (Можно сказать даже трижды — ибо вслед за словами Подгорина они тут же отзываются в речи Татьяны: «Какая там новая жизнь!» [23, с. 11].)

Позже в мыслях к самому себе: герой-рассказчик Подгорин мечтает о человеке, о женщине, «которая, стоя на валу, там, где стоит теперь Надежда, рассказывала бы что-нибудь интересное, новое, не имеющее отношения ни к любви, ни к счастью, а если и говорила бы о любви, то чтобы это было призывом к новым формам жизни, высоким и разумным, *накануне* которых мы уже живем, быть может, и которые *предчувствуем* иногда...» [23, с. 22–23].

Вероятно, именно этот внутренний монолог героя и заставил исследователей поверить в то, что рассказ открыт «новым идеям», обращен к «новым формам жизни» и проч. [см., напр.: 3; 8; 11; 13]. Однако, на наш взгляд, это не так или не вполне так.

Исследователи уже обращали внимание на то, что «отповедь» героя по отношению к прошлой жизни (в частности — к Сергею Сергеевичу) чрезмерно критична и по-своему жестока. Герой суров в оценке быта и бытия старых (былых) друзей: и если даже не перед каждым из них он выражает раздражение и неприязнь, то его внутренние (скрытые от окружающих, но не от читателя) мысли «выдают» в нем персонажа необъективного, эгоистичного и по сути равнодушного.

В обличении Сергея Сергеича Подгорин, герой-обвинитель (юрист), кажется, прав — барин-сибарит сам виноват в том положении, в каком оказалась его семья. Однако Чехов — не Лев Толстой, он избегает односложности и морализаторства. И у Чехова, кажется, даже не достойный сочувствия герой вдруг пробуждает чувство сожаления.

Сергей Сергеич глубоко вздохнул и сел на диван. <...> И вдруг плечи и голова у него затряслись, и он *зарыдал*. <...>

— Я сделал массу зла? — спросил Сергей Сергеич, поднимаясь и с удивлением глядя на Подгорина. — Дорогой мой, вы ли это говорите? Я сделал массу зла?! О, как вы меня мало знаете! Как вы меня мало понимаете!

<...>

— О, как вы меня мало знаете! — повторял Лосев совершенно *искренно*. — Как вы меня мало знаете! [23, с. 20; выд. нами. — О. Б., И. М.].

Примечательно, что заключительный повтор «О, как вы меня мало знаете! — повторял Лосев *совершенно искренно*. — Как вы меня мало знаете!» Чехов привнес в текст рассказа во время работы над корректурой. То есть на заключительном этапе доработки Чехову было важно подчеркнуть неоднозначность героя и указать на субъективность аксиологической позиции Подгорина. Фи-

нальные правки рассказа показывают, что за «*криками* гибнущих поместий Чехов чувствовал нечто большее, чем легкомыслie и леность их хозяев.

К тому же все то, что, казалось, разделяло героев и вызывало обоснованно-объяснимое «брезгливое чувство» рассказчика, как ни странно, оказывается обращенным Чеховым не только к Сергею Сергеичу, но и к самому Подгорину. Дважды повторенный в тексте мотив «голой шеи» Надежды, на которую обращает внимание гость («Теперь она была в белом платье, с открытой шеей, и это впечатление белой, длинной, голой шеи было для него ново и не совсем приятно...» [23, с. 9]; «Теперь Надежда сидела у его ног, и ее голая шея ему не нравилась, и это его смущало...» [23, с. 12]), оказывается метонимическим «замещением» того же (или близкого к нему) мотива сладострастия и воожделения, который опосредует образ Лосева: чистая и «воздушная» Надежда в субъективном восприятии героя-рассказчика неким неожиданным образом предстает «низкой» и «пошлой» — неслучайно соседство «странных» впечатления героя с воспоминанием о Малой Бронной и о встрече с Сергеем Сергеичем, который там «кончал день» [23, с. 8]. Ранее подчеркнутое противоположение «порядочных женщин» [23, с. 9] и «женщин без разбора» [23, с. 9] неожиданным образом сливаются в сознании «благочестивого» героя, ставя под сомнение его «моральный кодекс» и право судить окружающих.

Недовольство героя всеохватно. Достаточно напомнить о ранее уже упомянутых (неозвученных) впечатлениях Подгорина по поводу детей Татьяны Алексеевны («как булки») или обратиться к эпизоду с Надеждой, мечтающей о новой жизни. Еще недавно сам провозгласивший идею «новой жизни», в разговоре с Надеждой рассказчик не доверяет словам юной героини. После слов Надежды: «Надо работать. Я поступлю в Москве куда-нибудь, буду зарабатывать, помогать сестре и ее мужу...» [23, с. 17] — герой рефлексирует:

«Совершенно незнакомая с трудом, она теперь была воодушевлена мыслью о самостоятельной, трудовой жизни, строила планы будущего — это было написано на ее лице, и та жизнь, когда она будет работать и помогать другим, казалась ей прекрасной, поэтичной. Он видел близко ее бледное лицо и темные брови и вспоминал, какая это была умная, сметливая ученица, с такими хорошими задатками, и как приятно было давать ей уроки. И теперь, вероятно, это была не просто барышня, которая хочет жениха, а умная, благородная девушка, доброты необыкновенной, с кроткой, мягкой душой, из которой, как из воска, можно слепить всё что угодно, и, попади она в подходящую среду, из нее вышла бы превосходная женщина...» [23, с. 17].

Кажется, герой должен быть согласен с Надеждой. Он верно понимает слова героини и вторит ей в собственных мыслях. Однако выделенные в тексте субъективно-модальные вводные обороты порождают недоверие, вызывают легкое сомнение — причем не столько у читателя, сколько у самого слушателя-собеседника. Еще не произнесенное героем, еще не выписанное автором в тексте рассказа уже ощущается некое ожидаемое негативно-противительное «но». И оно звучит уже в следующей строке:

«Отчего бы и не жениться на ней, в самом деле?» — подумал Подгорин, но тотчас же почему-то испугался этой мысли и пошел к дому... [23, с. 17].

Любопытно, что внутренний монолог (реплика) Подгорина «Отчего бы и не жениться на ней...» в структурном, стилевом и даже лексическом плане очень напоминает фразу Дмитрия Старцева — Ионыча — о Котике: «А хорошо, что я на ней не женился...» Другими словами, наряду с «Вишневым салом», рассказ «У знакомых» коррелирует и с «Ионычем», позволяя распознать в образе Подгорина черты полноценного, позволяющего себе погрязнуть в застойной среде доктора Старцева, обывателя Ионыча [см. подробнее: 6, с. 357–388].

Заметим, что сентенция Дмитрия Старцева, не дождавшегося Котика ночью на кладбище (и, как говорят специалисты, пережившего кульминационный момент <?>), — «Ох, не надо бы полнеть!..» — весьма близка резюмирующей сентенции Подгорина: «Проще же вовсе не обращать внимания <на таких, как Лосев>», — подумал Подгорин, — а главное, не давать денег» [23, с. 21]. В обоих случаях в речи героя проступает логика (точнее алогизм) в духе и стратегии приема «обманутого ожидания», эффекта нарушения смысловой зависимости и эмоциональной последовательности. Кроме того, подобная «философизация» персонажных изречений позволяет сделать вывод, что и Подгорин, подобно Лосеву, по-своему «рисуется», тоже театрально играет некую роль (в данном случае праведника), но не выдерживает ее до конца. Его ранний отъезд (на следующий день, а не спустя три обещанных дня) становится тому подтверждением.

Наконец, особого внимания заслуживает образ Варвары Павловны, «докторши», которая на раннем этапе обдумывания рассказа должна была занимать главную позицию в системе персонажей, но в итоге оказалась героем «второго плана».

«Особость» положения Варвары в системе героев эксплицируется автором уже на самом раннем этапе развертывания сюжетных коллизий рассказа.

Подпись в присланной Подгорину «экспозиционной» записке — «Та и Ва» [23, с. 7] — подталкивает героя к воспоминаниям и акцентуации именно образа «Ва».

Но кто же Ва? Вспомнились Подгорину длинные разговоры, веселый смех, романсы, прогулки по вечерам и целый цветник девушек и молодых женщин, живших когда-то в Кузьминках и около, и вспомнилось простое, живое, умное лицо с веснушками, которые так шли к темно-рыжим волосам, — это Варя, или Варвара Павловна, подруга Татьяны [23, с. 7].

По приезде в Кузьминки присутствие Вари педалируется и Надеждой, встречающей Подгорина: «У нас Варя, и тоже ждет вас» [23, с. 9].

Как было сказано ранее, Варя — врач, «докторша». «Она кончила на медицинских курсах и служит где-то за Тулой, на фабрике, и теперь <...> приехала в Кузьминки погостить» [23, с. 7]. Создавая портрет героини, повествователь подчеркивает не только нужду («модное платье с высокими рукавами», «Не-смотря на корсет, <...> было заметно, что она нуждалась и у себя на фабрике за Тулой жила впроголодь...» [23, с. 16]), но и трудничество героини, обеспечивающей себя и хлопочущей о других: «И было очень заметно, что она заработалась; тяжелый, однообразный труд и это ее постоянное вмешательство в чужие дела, заботы о других переутомили и состарили ее...» [23, с. 16].

Подгорин выделяет Варвару среди женского общества Кузьминок. Не юная Надежда, в которую был некогда влюблён студент Миша, учительствовавший у младшей сестры Татьяны по математике и истории [23, с. 10], а Варя, подруга Татьяны, кажется, могла бы быть (и оставаться) настоящим понимающим другом Подгорина [ср.: 8, с. 145]. Неслучайно, поздним вечером, увидев в темноте возле черной башни Надежду, герой-рассказчик грезит, чтобы на ее месте оказалась Варвара. Бывший студент и бывшая курсистка, теперь юрист и врач, герои-разночинцы, кажется, очень подходят друг другу, близки духовно и ментально.

Как уже было отмечено, Чехов не использует «терминологические» маркеры в дифференциации социального происхождения героев, однако учитывает эту характеристику. Поэтапность работы над текстом рассказа обнаруживает, что писатель последовательно «разводил» дворян и разночинцев. Именно этим и можно объяснить «упрощение» фамилии персонажа-рассказчика: не Подгорский (на «дворянский» лад), а Подгорин. Признак возможной состоятельности и респектабельности Подгорина — «кабинет» — в корректорской правке снижается до «комнаты» [12, с. 251]. И, наоборот, фамилия владельцев усадьбы — из маркированных «горбом» или «горбылем» Горбылиных — превращается в нейтральную светскую Лосевы (как, например, Оленины). Выявлению внутренней близости героев и посвящена внесенная на заключительном этапе работы сцена с чтением Варварой стихотворения Некрасова «Железная дорога».

Как известно, образ железной дороги достаточно частотен в прозе и драматургии Чехова. Он встречается в «Дуэли» (1891), «Жене» (1892), «Убийстве» (1895), «Моей жизни» (1896), «На подводе» (1897), в «Даме с собачкой» (1899), «Вишневом саде» (1903), «Невесте» (1903) и др. Семантический комплекс мотива-концепта емок и включает в себя представление о движении времени, о прогрессе, о жизни современного человека и его устремленности к новому. И хотя образ-концепт «железная дорога», как правило, у Чехова не оказывает решающего влияния на развертывание фабульных событий повествования, тем не менее он формирует важный антураж (декорационный «задник») — как отдельной сцены, так и рассказа или драмы в целом.

В рассказе «У знакомых» образным заместителем реальной железной дороги, проходящей неподалеку от усадьбы Лосевых Кузьминки, становится стихотворение Некрасова с таким названием.

Как уже отмечалось выше, исследователи полагают, что поводом к включению «Железной дороги» в текст рассказа послужила памятная дата — 20-летие со дня смерти поэта. В целом можно согласиться с подобным предположением. Однако, на наш взгляд, помимо того можно обозначить целый комплекс иных причин, первая из которых — датировка событий и своеобразная «индикация» персонажей. Знание стихов Некрасова и любовь к ним эксплицирует принадлежность курсистки Вари и студента Михаила к поколению «новых людей», разночинцев-демократов, сформированных пропагандистской поэзией заступника русского народа, выражителя народных чаяний поэта Некрасова. Указанный аспект актуализирует, с одной стороны, взаимную близость героев, приверженцев революционной поэзии шестидесятых, с другой — акцентирует их несходность с хозяевами разоряющегося поместья.

Даже речестилевая характеристика героев-демократов показательно иная. На фоне риторики Татьяны обращают на себя внимание отрывистость и лаконизм фраз Варвары: «Выручайте, Миша, выручайте, — сказала Варя, заскутивая. — Вы всегда были умницей. Вы мало жили, еще ничего не испытали в жизни, но у вас на плечах хорошая голова... Вы поможете Тане, я знаю» [23, с. 12]. Или Варвара за столом к Сергею Сергеичу: «Вы отравляете себя, Сергей Сергеич. Вы нервный, впечатлительный человек и легко можете стать алкоголиком. Таня, вели убрать водку» [23, с. 14]. Или она к Подгорину: «Мы должны выручить Сергея Сергеича, — сказала Варя, — это наша *нравственная обязанность*» [23, с. 15; выд. нами. — О. Б., И. М.].

В ритмически рубленой и твердой речи Вари (как и в поэзии Некрасова) звучат отголоски народной речи — пословицы и поговорки. Так, обращаясь к Подгорину как к адвокату, героиня именует его «крючком» [23, с. 11]. Современному читателю вряд ли знакомо подобное сравнение, но оно представляет собой усеченную до минимума, редуцированную народную максиму: «В земле черви, в воде черти, в лесу сучки, в суде *крючки* — куда уйти?» [10]. Тем самым характеристика Варвары дополняется — она курсистка, «докторша», народник, демократ.

С помощью стихотворения Некрасова Чехов реализует тот подход, о котором писал Я. С. Мерперту 29 октября 1898 г. из Ялты: «...вот эти имена — Белинский, Пушкин, Некрасов, по-моему, более выразительны, как даты, чем цифры, которые обыкновенно туго воспринимаются вниманием слушателя и остаются немыми...» [21, с. 315]. В рассказе «У знакомых» имя (и стихотворение) Некрасова становится именно такой «бесцифровой» датой, указанием на период шестидесятых годов как на историческую ретроспективу Вари и Подгорина.

Кроме того, транспонирование стихов Некрасова в текст позволило Чехову обеспечить и соразмерность образно-сюжетной системы рассказа, весомость и идейную соотнесенность персонажей. Дело в том, что без сцены чтения «Железной дороги» композиционная выверенность рассказа была бы слабее. В исходном для рассказа — конститутивном — противостоянии прошлого и настоящего (старого и нового), как видно из текста, в «дворянской» линии была отчетливо акцентирована фабульная респектива, выделены особенности личности и характера Сергея Сергеича, Татьяне дано было право емко и многословно высказать собственные переживания, даже портрет хозяина усадьбы был весом и выразителен. Тогда как пласт нового («разночинного» сегодня) был значительно локальнее — представление о новом и настоящем исчерпывалось (без эпизода со стихами) исключительно возваниями Подгорина и его инвективами в адрес Сергея Сергеича. Введение в текст сцены с декламацией некрасовских строф «уравновешивает» композиционную структуру и позволяет наряду с группой героев-хозяев выделить равноценную пару героев-гостей, как показывает текст, *других* в сравнении с владельцами поместья.

Поводом к декламации стихов Некрасова, введенным в текст в ходе работы над корректурой, послужили увиденные гуляющими зеленые и красные огни, что зажглись «по линии железной дороги там и сям» [23, с. 13].

Варя остановилась и, глядя на эти огни, стала читать:

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты,
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их!..

- Как дальше? Ах, боже мой, забыла всё!
Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной...

Она читала великолепным грудным голосом, с чувством, на лице у нее загорелся живой румянец, и на глазах показались слезы. Это была прежняя Варя, Варя-курсистка... [23, с. 13].

Эпизод организован так, что предикативное «забыла» Варвары преодолевается и нейтрализуется «вдруг вспомнил» Михаила, эксплицируя «родство душ» героев:

Подгорин вдруг вспомнил, — как-то случайно уцелело у него в памяти со студенчества, — и прочел тихо, вполголоса:

Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную, —
Вынесет всё — широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе... [23, с. 13].

Строки «Железной дороги», декламируемые Варварой, всколыхнули героя-рассказчика и, «слушая ее, Подгорин думал о прошлом и вспоминал, что и сам он, когда был студентом, знал наизусть много хороших стихов и любил читать их» [23, с. 13].

На какой-то миг может показаться, что стихи Некрасова — маркер нового, сегодняшнего, прогрессивного и ожидаемого. Однако в сцене со стихами настойчиво повторяется семантически значимый глагол «забыла» («Ах, боже мой, забыла всё!»; «Эх, забыла» [23, с. 13]; позже он повторится в речи героини еще раз — «Всё забыла» [23, с. 16]; будет акцентирован в словах повествователя: «дальше Варя не помнила...» [23, с. 13]), что в совокупности формирует мотив забвения и становится сигналом оксюморонного «прошедшего нового», оставшейся позади молодости («нет уже молодости» [23, с. 8]) и наступления поры неких итогов.

Неслучайно последние строки некрасовского стихотворения — «Жаль только...» — удваиваются (даже утраиваются) в репликах героев и из сферы поэзии переносятся в плоскость прозы. Варя подхватывает чтение Подгорина, но переводит стихотворные строки в статус размышления-суждения о себе (о нас, о них). «Жаль только, — перебила его Варя, вспомнив, — жаль только, жить в эту пору прекрасную уже не придется ни мне, ни тебе!» [23, с. 13]. Формат графической — линеарной — визуализации «цитаты», обстоятельственно-наречная форма «уже» (вместо некрасовского «уж») не соответствуют ритмике стихотворения, трансформируют возвышенный строй поэтической тональности и превращаются в часть прямого диалогического высказывания героини. Завершающий сцену жест Варвары Павловны — похлопывание по плечу Подгорина («она засмеялась и хлопнула его рукой по плечу» [23, с. 18]) — до-

вершает ситуацию переключения эмоционального регистра, подобно тому, как чуть позже фраза «Закрыли рояль» [23, с. 18] выделит аспективный ракурс безвозвратности и невозвратимости утрат, произошедших с героями.

Итак, с введением сцены чтения стихов Некрасова уравновешивается композиционная структура рассказа, обеспечивается уравнивание соположения в рассказе героев из различных социальных слоев общества. Более того, по мере погружения в художественную атмосферу рассказа становится ясно, что Чехов не абсолютизирует ранее акцентированную оппозицию прошлого и настоящего. Скорее наоборот. Очень по-чеховски он снимает *противопоставление* (тогда ↔ теперь) и замещает его сопоставлением (тогда // теперь или тогда = теперь). Казавшаяся конститтивной антитеза «уже» и «еще», «когда-то» и «сейчас» Чеховымнейтрализуется, граница между оппозициями стирается. Герои и прошлого, и настоящего — Лосевы и Пригорин/Варя — оказываются погруженными в *тогда* больше, чем в *сейчас*. Неслучайно замечание повествователя о герое-рассказчике: «Настоящее было ему мало знакомо, непонятно и чуждо» [23, с. 7] — и оно может быть спроектировано на всех героев рассказа.

Тогда на основе приведенных размышлений можно заключить, что высказывание Чехова-публициста о Некрасове — «...о том, что он [Некрасов] уже отжил или устарел, не может быть и речи...» — для художника-Чехова не релевантно. Как показывает текст рассказа «У знакомых», Некрасов для Чехова (и его героев) оказывается выразительным коррелятом прошедших демократических шестидесятых — не настоящего, не сегодняшнего, не «нового». Другое дело, что для Чехова концептуально вопрос *о новом* — вопрос весьма сложный и далеко не однозначный.

В этом плане нуждается в уточнении мысль исследователей о том, что сферы восприятия автора и героя практически совпадают, почти накладываются друг на друга, внутренняя речь персонажа и активно эксплуатируемый прием несобственно-прямой речи как будто свидетельствуют о родстве позиции автора-повествователя и героя-рассказчика [см.: 8]. Однако, как нередко бывает у Чехова, подобное впечатление — только видимость. Несовпадение зоны голоса героя и автора (разведение их) обнаруживается в рукописях и усиливается в ходе корректурной правки. Всего одно-два слова, кооптированные в текст (г. о. в речи Подгорина), позволяют заметить, что Чехов сознательно и последовательно дифференцировал позицию героя-рассказчика и позицию героя-повествователя, усиливая в суждениях персонажа намеренную субъективность, эмоциональность и личностную оценочность. Доминирующая форма субъективной нарратории — от первого лица — очень осторожно и корректно объективируется точкой зрения невидимого автора, повествовательной формой от третьего лица — и их позиции не совпадают.

Подобная — нечеткая — аксиология, слабо контурированная система персонажей свидетельствуют о «проходном» («подготовительном») характере рассказа, о рассредоточенности (еще) раздумий автора и его несфокусированности в отношении к главному вопросу, который позже окажется в эпицентре «Вишневого сада» — вопрос о судьбе России, с ее разоряющимися «гнездами», беспомощными хозяевами и несчастными гостями. Однако подступы к универ-

сализации намечающихся проблем явно просматриваются (прочерчиваются) в тексте «У знакомых».

В русле этих рассуждений напомним, что первоначально рассказ должен был называться «Крик». Возникает вопрос: в чем смысл изменения названия? как в результате переименования смещаются смысловые акценты и общая идея рассказа? Ответ: принципиально.

Как видно из «Записных книжек» и сохранившейся корректуры, текст рассказа не подвергался радикальным правкам, последние были связаны прежде всего с нарративными стратегиями автора (повествователя и рассказчика). Однако смена названия принципиально трансформировала перспективу восприятия событий, точку отсчета, фокус, на который должен был ориентироваться реципиент.

Если внимательно приглядеться к тексту рассказа «У знакомых», то становится очевидным, что мотив крика, который должен был выйти на титульную позицию, связан с образами хозяев поместья Кузьминки. Это горькие реплики и драматичные монологи Татьяны Алексеевны, *кричащей* о погибели родовой усадьбы, дома, семьи, самого существования.

В ответ на собственные размышления о потере Кузьминок Татьяна с болью выкрикивает-восклицает: «Без Кузьминок я не могу. И не могу, и не хочу. Не хочу! — *крикнула* она и топнула ногой» [23, с. 11].

На абстрактную по своей сути реплику Подгорина о новой жизни Татьяна решительно соответствует — и тоже с криком: «Как вы можете это говорить! — *крикнула* Татьяна; теперь она казалась очень красивой и сильной, <...> была готова броситься на врага, который захотел бы отнять у нее мужа, детей и гнездо...» [23, с. 11].

Черновики не показывают этого, но *крик* мог звучать в тесте рассказа и в других задуманных и не вошедших в окончательную редакцию фрагментах.

На этом основании можно предположить, что «рабочее» название рассказа — «Крик» — скорее всего было связано с криком о помощи хозяев «дворянского гнезда», с криком боли и терзающей их потери. Точка зрения повествователя и его аксиологическая позиция тем самым были ориентированы на Татьяну и ее «гнездо». Неслучайно в «Записных книжках» Чехова значится, что главной героиней рассказа должен был быть женский персонаж.

Смена названия «Крик» на «У знакомых» кардинально меняла аспективный ракурс восприятия изображаемого. Теперь в центре нарративной системы оказывался голос героя-рассказчика, друга семьи, адвоката, в гостях «у знакомых» наблюдающего за происходящим в усадьбе и смотрящего «со стороны». При такой диспозиции «крик» героини теперь не воспринимается непосредственно, но достигает реципиента-читателя словно через мембррану (фильтр) восприятия Подгорина, чьи мысли и впечатления точно «приглушают» крик хозяйки «дворянского гнезда». Новое название сдвигает на задний план драматичную судьбу поместья и его владельцев, но выдвигает на передний рефлексию и оценочность изображаемого «человеком со стороны» — теперь его голос звучит отчетливее, он солирует. И хотя в рассказе это голос друга, тем не менее его позиция иная — «чужая» по степени сопричастности драматическим обстоятельствам и по осмыслиению их генетики.

Как уже было сказано выше, герой Подгорин — демократ-разночинец. Он другой, хотя как старинного друга семьи и его беспокоит (до определенной степени) судьба поместья (Лосевых). Неслучайно как сквозной, пронизывающий текст мотив звучит вопрос: что делать?

В пределах небольшого рассказа вопросно-риторическая фигура «что делать?» повторена как минимум пять раз («Научите, бога ради, что нам делать?» [23, с. 12] и др.), в форме ответа («напр., «ничего нельзя сделать» [23, с. 11]) — еще несколько раз. Очевидно, что для тонкого стилиста Чехова столь обильное присутствие маркированного оборота не случайно. Многократность повторения одной и той же идеологемы («что делать» [23, с. 12, 15], «что нам делать» [23, с. 12]), с одной стороны, несомненно, указывает на безвыходность положения героев-дворян и желание преодолеть гибельность ситуации, с другой — пробуждает ассоциацию с романом Н. Г. Чернышевского «Что делать?», с образами героев-шестидесятников. Отлитературный мотив «Что делать?» формирует квалифицирующую (институализирующую) ауру героев рассказа.

А пророс: вполне вероятно, что и медицинское образование героини, и даже ее имя были навеяны (в т. ч. и) ассоциациями с романом «Что делать?», сюжетными нитями судеб героев-медиков Лопухова и Кирсанова, образом «новой» героини Веры Павловны (как видно, «отцовские» корни у героинь общие).

Однако только «идентификацией» героев мотив не исчерпывается — он выражает смятение во внутреннем мире героев и потому в ходе корректурной правки подвергается Чеховым универсализации: от вопроса Чернышевского «Что делать?» писатель выходит на уровень вопроса Шекспира: «Всё ли благополучно в Датском королевстве?» [23, с. 11]. Причем семантико-смысловая значимость вопроса сокрыта не в самой приведенной цитате, а в интертекстуальном фоне — в гамлетовском рефрене «Быть или не быть?»: «Смиряться под ударами судьбы иль надо оказать сопротивление?» (перевод Б. Пастернака). И далее поднимается до сакрально-бытийной — экзистенциальной — риторики: «кто вы и что вы...» [23, с. 20].

Между тем, возвращаясь к теме чеховского восприятия Некрасова, обратимся теперь к тексту «Вишневого сада» и напомним, что и в нем звучат некрасовские строки. Как помним, во втором действии во время прогулки хозяев поместья Раневской и Гаева и их гостей рядом с ними появляется Прохожий.

Трофимов. Кто-то идет.

Показывается Прохожий в белой потасканной фуражке, в пальто; он слегка пьян.

Прохожий. Позвольте вас спросить, могу ли я пройти здесь прямо на станцию?
Гаев. Можете. Идите по этой дороге.

Прохожий. Чувствительно вам благодарен. (Кашлянув.) Погода превосходная... (Декламирует.) Брат мой, страдающий брат... выдь на Волгу, чей стон... (Варе.) Мадемузель, позвольте голодному россиянину копеек тридцать...

Варя испугалась, вскрикивает.

Лопахин (сердито). Всякому безобразию есть свое приличие!

Любовь Андреевна (оторопев). Возьмите... вот вам... (Ищет в портмоне.) Серебра нет... Все равно, вот вам золотой...

Прохожий. Чувствительно вам благодарен! (Уходит.)
Смех [22, с. 226].

Декламируемые Прохожим строки — компиляция из Надсона и Некрасова, у последнего — из «Размышлений у парадного подъезда» [22, с. 518]. Подключение к Некрасову строк из Надсона не нарушает стилевого и смыслового единства стихотворного послания, скорее усиливает и нагнетает впечатление от сочувственной поэзии «заступника народного».

Однако, если в рассказе «У знакомых» чтение стихов Некрасова сопровождается серьезной тональностью и акцентируется грустной финальной сентенцией Варвары («Жаль...»), то в «Вишневом саде» (написанном позднее) сцена выписана в ироническом ключе, настраивающем на «брезгливое чувство». Портрет и образ Прохожего выразительно маркированы — герой «в белой потасканной фуражке» и он «слегка пьян» [22, с. 226]. Характер внешнего портретирования персонажа не вызывает сомнения: личность героя — выразителя народных чаяний — снижена и карикатурирована, а его внутренний потенциал акцентирован еще и авторской ремаркой — «Смех», что выдает в герое существо пошлое, низкое и неблагодарное.

Таким образом, и в данном случае следует говорить о несовпадении публицистического и художнического пафоса высказывания Чехова по поводу Некрасова. Если на уровне рационалистической оценки поэтического наследия Некрасова Чехов был сдержан, великодушен и доброжелателен, по-своему «солидарен», хотел верить в то, что Некрасова «на наш век хватит», то в ходе творческого миромоделирования художник подчинялся не закону рационального объективизма, а чувству и интуиции, и тогда характер восприятия поэзии Некрасова (по-видимому, и его личности) оказывался иным. Некрасов оставался вне пределов глубинных интенций писателя, некрасовская поэзия не побуждала Чехова и его героев к философским размышлениям, рефлексия персонажей на некрасовские строки носила форму условной характерологии, маркирования литературного типа и исторической эпохи, которой для Чехова были *некрасовские шестидесятые*. Иронико-сатиризованный образ Прохожего (проходящего, прошедшего) становится фигуративной реализацией развернутой метафоры, связанной с художническим восприятием Некрасова Чеховым.

Напомним, что в пьесе «Вишневый сад» звучит и еще один «некрасовский» мини-мотив — упоминание времени, когда случилось «несчастье» [22, с. 224], т. е. была объявлена крестьянская воля⁷. Слуга Фирс, своеобразный герой-резонер в пьесе Чехова [см. об этом подробнее: 5, с. 463–510], определяя суть крепостной реформы 1861 года, квалифицирует ее как несчастье, выступая открытым (или скрытым?) противником доминантной установки лирического героя некрасовской поэзии, его героя-борца и героя-народолюбца, приветствующего и воспевающего крестьянскую свободу. В «свернутой» форме знаменательная (и знаменитая) реплика-идеологема Фирса обозначает конфронтацию героя (в итоге и Чехова) с Некрасовым, эксплицирует диалектичность подхода Чехова к событиям окружающей жизни — в отличие от социальной тенденции поэта-народника.

В качестве итога приведенным наблюдениям следует еще раз вернуться к сопоставлению рассказа «У знакомых» и комедии «Вишневый сад». Как было

показано выше, сюжетные коллизии и мотивные ряды, выстраивающие нити взаимодействия между произведениями, носят очень «предварительный» характер и слишком далеки от той емкой философской проблематики, к осмыслиению которой Чехов обратится впоследствии. Экзистенциальная триада (прошлое → настоящее → будущее) пока еще не контурируется в тексте и соположение темпоральных пространств реализуется упрощенно, через оппозиционный дуализм (тогда ↔ теперь). Маркеры социальной дифференции (дворяне — разночинцы — люди из народа в их отношении к будущему России) в рамках рассказа ограничиваются приметами либерального идеализма (сильно иронизированного) и «туманного» демократизма (с его абстракциями о некой «новой жизни»). Образ Надежды сюжетно остается вне пределов персонажной градации — семантически значимый антропоним (Надежда = надежда) много-кратно обыгрывается в тексте рассказа, но акциональная позиция героини фабульно не прописана, героиня фактически выпадает из системы идейно кодируемых персонажей.

В рассказе «У знакомых» обобщенные универсалии «Вишневого сада» (сад // Россия; поколения // временные пласти) еще не выкристаллизованы, философская многослойность еще не достигнута и локализована полем психологии, вниманием к внутреннему миру одного из героев — к сознанию персонажа-рассказчика. Диалектика мировосприятия еще только формируется — двойственность поведения центрального персонажа, его личностная противоречивость и двусоставность (о Подгорине: «В нем было два человека» [23, с. 12]) обозначают поиски художника в этом направлении, но не позволяют выйти на уровень глобального обобщения. Однако, еще только нащупывая перспективу художественного осмыслиения судеб былых «дворянских гнезд», Чехов уже на уровне рассказовой наррации указывает на связь персонажей с чем-то большим, чем просто усадьба, дом, сад, — в рамках хронотопа даже малой жанровой формы этим «чем-то» оказывается жизнь, человеческое существование, бытие.

В целом рассказ «У знакомых» достаточно неопределенен, раздифференцирован и даже аморфен, потому и критикой, и самим автором был оценен как довольно слабый [см.: 16, с. 166] (неслучайно в собрание сочинений А. Ф. Маркса текст не вошел [17, с. 46]). Между тем отдельные аспекты рассказового микрокосма позволяют различить каркас текста, заглянуть в мастерскую художника, обозначить перспективы художнических поисков, в конечном итоге приведших к гениальному «Вишневому саду».

Применительно же к чеховской аксиологии места и роли Некрасова в истории русской литературы (и общества в целом) рассказ «У знакомых» выявляет такой характер дискурсивного высказывания, следуя которому можно реинтерпретировать (дешифровать) модальную установку официальной писательской анкеты и уточнить спектр смысловой полифонии, которую демонстрировал Чехов, говоря о любви к Некрасову. Вряд ли можно согласиться с суждением, что «отношение А. П. Чехова к Некрасову было безоговорочно положительное» [3, с. 103], — в истории русской литературы трудно найти художников более разных.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В числе такого рода произведений Чехова могут быть названы «Ванька» (1886), «Сирень» (1887), «Счастье» (1887), «Спать хочется» (1888), «Именины» (1888), «Остров Сахалин» (1893–1894), «Белолобый» (1895), «Дом с мезонином» (1896), «У знакомых» (1898), «Вишневый сад» (1903) и др.

2. В библиотеке Чехова (ДМЧ) значится книга: *Некрасов Н. А. Стихотворения. Полн. собр. в одном томе. 1842–1877. Изд. 2-е. СПб.: Тип-я Стасюлевича, 1882. 446 с.*

3. Как известно, вторая половина XIX века стала эпохой «пробуждения» декабристских идей и их имен, что было связано с государственными указами о разрешение ссылочным вернуться в центральную Россию, с появившимися в этот период мемуарами (записками) бывших ссыльных и их жен (А. Е. Розен, И. И. Горбачевский, Н. И. Лорер, М. А. Бестужев, М. Н. Волконская и др.), ходившими первоначально в списках, позже опубликованными.

4. Мотив птицы-героини поддерживается образом настоящих птиц: «...в этой самой гостиной играли, *пели* и танцевали до глубокой ночи, при открытых окнах, и *птицы* в саду и на реке *тоже пели...*» [23, с. 16].

5. Слово «тип» звучит в тексте рассказа применительно к Сергею Сергеевичу и к Подгорину: «такие “типы”, как Сергей Сергеевич, и такие, как он сам, Подгорин» [23, с. 22].

6. Характер московских эпизодов из жизни Сергея Сергеевича можно легко представить себе по рассказу И. Бунина «Чистый понедельник» (и др.), где герои нередко проводят время в том же «Славянском базаре», «Эрмитаже» или у цыган.

7. Заметим, что и в рассказе «У знакомых» — 1898 г. — неожиданным образом появляется словосочетание «крепостное право». Герой-рассказчик, гуляя по саду, замечает башню: «В стороне, обращенной в поле, на правом углу стояла башня, построенная очень давно, *еще в крепостное право*» [23, с. 22]. Без контекста «некрасовских шестидесятых» подобное «уточнение» вряд ли было бы актуальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балухатый С. Д. От «Трех сестер» к «Вишневому саду». — Л.: АН СССР, 1931. — 70 с.
2. Балухатый С. Д. Чехов-драматург. — Л.: Гослитиздат, 1936. — 319 с.
3. Битюгова И. А. К творческому портрету Н. А. Некрасова и А. П. Чехова. — Ставрополь (Цхинвали): Госиздат Юго-Осетии, 1959. — 253 с.
4. Богданова О. В. «Да ты своим ли голосом поешь?» // Богданова О. В. О поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?». — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. — 195 с. [Сер. «Петербургская филологическая школа и образование». Вып. 5]. — С. 5–19.
5. Богданова О. В. «Пьесу назову комедией...» // Богданова О. В. Русская литература XIX — начала XX века. Традиция и современная интерпретация. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. — С. 463–510.
6. Богданова О. В. Две редакции рассказа А. П. Чехова «Ионыч» // Богданова О. В. Русская литература XIX — начала XX века. Традиция и современная интерпретация. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. — С. 357–388.
7. Богданова О. В. О поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. — 195 с.

8. Кубасов А. В. Нarrатив и время в рассказе А. П. Чехова «У знакомых» // Уральский филологический вестник. — 2013. — № 1. — С. 138–151.
9. Макеев М. С. Некрасов. — М.: Молодая гвардия, 2017. — 464 с.
10. Михельсон А. Д. Большой толково-фразеологический словарь русского языка: электронное издание. — М.: Си ЭТС: Бука, 2008.
11. Петровская Н. И. Литературные коды в рассказе А. П. Чехова «У знакомых» // Вестник ТГПИ им. А. П. Чехова. — 2008. — Сер. Гуманитарные науки. Вып. 1. — С. 101–105
12. Примечания // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 16: Сочинения. 1881–1902. — М.: Наука, 1979. — С. 354.
13. Смолкин М. Великий реалист // На рубеже. — Петрозаводск. — 1954. — Июль–август, № 7. — С. 112–113.
14. Толстой Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 8 т. Т. 4. — М.: Лексика, 1996. — 361 с.
15. Чехов А. П. Ответ на анкету «Отжил ли Некрасов?» // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 16: Сочинения. 1881–1902. — М.: Наука, 1979. — С. 273.
16. Чехов А. П. — А. С. Суворину. 6 (18) февраля 1898 г. Ницца // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 12: Письма, июнь 1897 — декабрь 1898. — М.: Наука, 1979. — С. 166.
17. Чехов А. П. — А. Ф. Марксу. 18 июня 1901 г. Аксеново // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 10. Письма, апрель 1901 — июль 1902. — М.: Наука, 1981. — С. 46.
18. Чехов А. П. — Д. Ф. Батюшкову. 15 (27) декабря 1897 г. Ницца // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 7: Письма, июнь 1897 — декабрь 1898. — М.: Наука, 1979. — С. 122.
19. Чехов А. П. — О. Л. Книппер-Чеховой. 14 декабря 1902 г. Ялта // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 11: Письма. 1902–1903. — М.: Наука, 1982. — С. 90.
20. Чехов А. П. — О. Р. Васильевой. 21 декабря (2 февраля) 1898 г. Ницца // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 7: Письма, июнь 1897 — декабрь 1898. — М.: Наука, 1979. — С. 156.
21. Чехов А. П. — Я. С. Мерперту. 29 октября 1898 г. Ялта // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 7: Письма, июнь 1897 — декабрь 1898. — М.: Наука, 1979. — С. 315.
22. Чехов А. П. Вишневый сад // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 13: Пьесы, 1895–1904. — М.: Наука, 1978. — С. 196–253.
23. Чехов А. П. У знакомых // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 10: Рассказы, повести, 1898–1903. — М.: Наука, 1977. — С. 7–23.

**Прокофьев С. С.
(к 130-летию со дня рождения)**

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.020

УДК 78.01

E. C. Власова*

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Я. МЯСКОВСКОГО
В КОМИТЕТЕ ПО СТАЛИНСКИМ ПРЕМИЯМ:
С. С. ПРОКОФЬЕВ (ПО МАТЕРИАЛАМ РГАЛИ)****

В статье рассматривается проблема (не)восприятия в СССР произведений С. С. Прокофьева после его возвращения на родину. Представлены ранее неизвестные сведения о работе музыкальной секции Комитета по Сталинским премиям. Акцент делается на деятельности Н. Я. Мяковского по продвижению в советском официальном дискурсе творчества С. С. Прокофьева. Публикуются письмо-ходатайство Мяковского Комитету об опере «Семен Котко», фрагменты высказываний о Прокофьеве С. Михоэлса, В. И. Немировича-Данченко, И. Э. Грабаря, А. Б. Гольденвейзера, М. Б. Храпченко. Затрагиваются демагогические вопросы, актуальные для официальных инстанций в течение всего советского периода: о «наших» и «не наших» художниках, о таланте, «поставленном на службу народу». Доказывается, как длительная и настойчивая за-кулисная борьба Мяковского за признание Прокофьева «советским композитором» завершилась его победой. В творческие биографии двух выдающихся русских композиторов вводятся новые исторические факты.

Ключевые слова: история, музыка, Комитет по Сталинским премиям, Мяковский, Прокофьев, архивные документы.

E. S. Vlasova
N. Y. MYASKOVSKY'S ACTIVITY
IN THE COMMITTEE ON STALIN PRIZES: S. S. PROKOFIEV
(based on the materials from RGALI)

The problem of non-perception of S. S. Prokofiev's works after his return in the USSR is examined in the article. Previously unknown information about the work of the music

* Власова Екатерина Сергеевна, доктор искусствоведения, профессор кафедры истории русской музыки Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского, Русская христианская гуманитарная академия; vlasovaes@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00859 «Творчество С. Прокофьева как феномен отечественной и мировой культуры».

section of the Stalin Prize Committee is presented. The emphasis is on the activities of N. Y. Myaskovsky in his decision to promote the work of S. S. Prokofiev in the Soviet official discourse. Myaskovsky's letter of petition to the Committee on the opera «Semyon Kotko», fragments of statements about Prokofiev by S. Mikhoels, V. I. Nemirovich-Danchenko, I. E. Grabar, A. B. Goldenweiser, M. B. Khrapchenko are published. Demagogic issues relevant to official authorities throughout the Soviet period are touched upon: about «our» and «not our» artists, about the talent which «should service the people». It is proved how Myaskovsky's long and persistent behind-the-scenes struggle for recognition of Prokofiev as a «Soviet composer» ended with his victory. New historical facts are introduced into the creative biographies of two outstanding Russian composers.

Keywords: history, music, Stalin Prize Committee, Myaskovsky, Prokofiev, archival documents.

В конце 1930-х годов значительной инициативой руководства советского государства стало создание регулярной (материальной и публичной) системы поощрения деятелей науки, техники и культуры. Образование Комитета по Сталинским премиям оказалось по своим последствиям одним из самых длительных во временном отношении гуманитарных проектов, который в несколько измененном виде сохранялся и далее в виде Государственных премий. Выдвижение, благодаря ему, на первые роли в социальной жизни представителей научной и художественной интеллигенции существенно изменило сложившийся в обществе в послеоктябрьский период баланс социальных групп. Обладание значком лауреата самой престижной в сталинском СССР награды возводило его собственника в ранг элиты общества, наделяя правами и возможностями, недоступными обычному жителю страны.

Однако тема Сталинских премий не являлась предметом научного внимания по многим причинам. После смерти Сталина само его имя оказалось «стерто» из публичного поля в советском дискурсе. Сочинения, в которых упоминалось о вожде, при переизданиях получали новую текстовую редакцию. В них слово «Сталин» легко заменялось «Лениным». Наглядными примерами такого рода смысловых подмен могут служить нотные издания «Здравицы» С. С. Прокофьева (М.: Музыка, 1984. 47 с.) и «Песни о лесах» Д. Д. Шостаковича (М.: Музгиз, 1962. 146 с.). Создатели монографий, статей в энциклопедических изданиях, учебных трудов стали называть получателей Сталинских премий лауреатами Государственных. В постсоветское время довлеющий психологический образ сравнительно недавнего прошлого, в котором *a priori* не могло быть ничего позитивного, мешал разумным оценочным критериям.

Нельзя не признать, что сам факт учреждения столь высокой государственной награды, периодичность ее вручения, масштабность охваченных ею новых художественных произведений стали явлением уникальным, не имеющим аналогов в мировой практике. Членами Сталинского Комитета были избраны в большинстве своем выдающиеся деятели искусства, которые наделялись правом выдвигать кандидатов на премию самолично, помимо общественных организаций, таких как Союз композиторов, Радиокомитет, филармонии, театры.

В 2016 году М. Фролова-Уокер выпустила развернутое монографическое исследование, в котором впервые затронула данную проблему. Сталинская

премия воспринимается здесь как важный атрибут музыкальной жизни советского общества, испытывающей сильную и постоянную зависимость от политических институтов [6].

Наша задача заключается в другом. Из всего комплекса проблем, возможных при взгляде на тему, мы избираем ту, что связана с личностью Н. Я. Мясковского и его деятельностью в Комитете по Сталинским премиям по продвижению в советском официальном дискурсе сочинений С. С. Прокофьева.

Первое заседание Комитета состоялось 16 сентября 1940 года в помещении МХАТ имени А. М. Горького (здание МХАТ стало постоянным местом, где проходили секционные и пленарные заседания секций Комитета). Во вступительном слове В. И. Немировичем-Данченко была предложена следующая схема деятельности Комитета: четыре секции — по литературе, по театру и кино, по музыке и по архитектуре и изобразительному искусству. В состав музыкальной секции вошли автор гимна партии большевиков А. В. Александров, директор Московской консерватории А. Б. Гольденвейзер (назначенный руководителем секции), председатель Оргкомитета Союза советских композиторов Р. М. Глиэр, члены Оргкомитета ССК СССР композиторы И. О. Дунаевский, Мясковский и Ю. А. Шапорин, художественный руководитель Большого театра, дирижер С. А. Самосуд, представители национальных республик: певицы из Казахской ССР К. К. Байсептова и Узбекской ССР Х. Насырова, азербайджанский композитор У. Гаджибеков. От партийно-государственного аппарата представлялись заместитель заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров и председатель Комитета по делам искусств М. Б. Храпченко. Присутствующий на заседании А. Н. Толстой (в Комитет входили также А. А. Фадеев, М. Э. Чиаурели, С. М. Михоэлс, В. А. Веснин, В. И. Мухина, И. Э. Грабарь, А. С. Гурвич, Ф. М. Эрмлер, Н. Н. Асеев, Н. К. Черкасов, В. Я. Виленкин и другие) высказал те мысли, которыми руководствовался каждый из присутствующих, осознавая возложенную на «комитетчиков» высокую ответственность: «Комитет выполняет роль гораздо более крупную, чем присуждение премий, а именно какую-то концентрацию и рост эстетических требований, которую Комитет до известной степени должен отражать и должен сыграть большую роль в поднятии эстетической культуры» [9, л. 22]. То есть шла речь о высоких художественных общественных стандартах, о направляющей роли Комитета в их формировании. «Результаты должны быть гораздо шире, чем просто присуждение премий», — выразил общее мнение, поддержав Толстого, Немирович-Данченко [9, л. 23].

К следующему заседанию Комитета, которое состоялось через два месяца, Мясковский воспользовался своим экспертным правом и выдвинул на премию оперу Прокофьева «Семен Котко», премьера которой состоялась 23 июня 1940 года в оперном театре имени К. С. Станиславского. Согласно первоначально установленным правилам, на премию могли выдвигаться исключительно те сочинения, которые были закончены в промежутке с 1 января по 15 октября каждого года. Опера «Семен Котко» подходила под данный параметр идеально. Мясковский, побывав на одном из премьерных исполнений, высоко оценил опус, записав 20.09.1940 в дневнике: «Сегодня была премьера «Семена Котко» (все же разрешили) — впечатление все сильнее и сильнее. Не-

обыкновенная музыка» [8, л. 53]. В книге О. П. Ламм «Страницы творческой биографии Мясковского», фрагмент фразы из дневника «все же разрешили» копирован [2, с. 278].

Впрочем, любовь к творчеству Прокофьева жила в Мясковском с консерваторских лет. Он считал своего младшего друга первым композитором современности, ставя его выше И. Ф. Стравинского, а также всех западных собратьев по сочинительскому цеху. Однако задача в продвижении новых эстетических ориентиров, которая перед ним стояла, была весьма сложна. С оперой дело не задалось с самого начала. Помимо ареста в июне 1939 года Вс. Э. Мейерхольда, который должен был стать режиссером постановки, сама личность Прокофьева, пришельца на суровую советскую землю из «подозрительного» западного мира, не внушала официальным инстанциям доверия. И этот лед настороженности предстояло растопить, то есть, по сути, сформировать новый официальный эстетический запрос на Прокофьева как на советского художника. Письмо-рекомендация, которое Мясковский адресовал в Комитет по Сталинским премиям, является высочайшим примером великолепного владения композитором тонкими нюансами дипломатического искусства:

В Комитет по Сталинским премиям

Предлагаю выставить кандидатом на Сталинскую премию по музыке композитора Сергея Прокофьева за его оперу «Семен Котко», законченную и поставленную на сцене оперного театра имени Станиславского в 1940 году.

Произведение это по моему мнению является одним из наиболее выдающихся во всей советской оперной литературе. Первоклассное по мастерству, превосходное по музыкальному материалу, глубоко реалистичное по содержанию и средствам музыкального выражения, оно в то же время от начала до конца пронизано интонациями народной песни — русской и украинской. Продолжая в основном традиции русской оперной классики (линии Мусоргского — Римского-Корсакова), оно вместе с тем вполне современно и самобытно. Особенную ценность этому произведению придает необыкновенная яркость музыкальных характеристик всех действующих лиц оперы, как главных, так и второстепенных, включительно даже до самых маленьких эпизодических ролей, притом характеристика в большинстве случаев данная с подкупляющей теплотой и простотой и создающая волнующие образы живых людей.

Член Комитета по Сталинским премиям,
засл[уженный] деятель искусств Н. Мясковский [7, л. 1]
27/IX 1940

Письмо находится в личном архивном фонде С. С. Прокофьева. Другой, рукописный его вариант, ничем не отличающийся от приведенного, сохранился в черновиках Мясковского. В отличие от других его многочисленных отзывов и характеристик «прокофьевское» письмо не содержит помарок и вариантов. Видимо, Мясковский долго мысленно вынашивал этот текст и написал его «залпом». Текст письма содержит слова и понятия, господствующие в советском лексиконе: «реалистичное по содержанию», «пронизано интонациями народной песни», «традиции Мусоргского — Римского-Корсакова», «подкупая теплота и простота», «волнующие образы простых людей»...

Яркое, новаторское оперное детище Прокофьева, конечно, не вписывалось в заданные письмом характеристики. Да и сам его текст сильно отличается

от меткого и образного литературного стиля Мяковского. Не случайно его считали одним из лучших и проницательных музыкальных критиков своего времени. Действительно, он, обремененный массой общественных обязательств, знал, что, как, когда и кому писать, он писал так, чтобы втиснуть оперу в советские нормативные эстетические рамки, в которые она явно не попадала.

Помимо Прокофьева по оперному жанру Музыкальной секции Комитета были представлены такие национальные опусы, как две узбекские оперы «Лейли и Меджнун» Р. М. Глиэра (совместно с Т. С. Садыковым), «Великий канал» (Большой Ферганский канал имени Сталина, построен в 1939–1940 годах) С. Н. Василенко (совместно с М. Ашрафи), бурятская — «Энхе-Булат батор» М. П. Фролова и три (!) грузинские — «Ладо Кецховели» (Кецховели Ладо, Кецховели Владимир Захарьевич — грузинский большевик) Г. В. Киладзе, «Родина» И. И. Тускии и «Како Качаги» (поэма И. Чавчавадзе) А. К. Андриашвили. Как видим, настоящих конкурентов у «Семена Котко» не было. Все национальные творения (за исключением «Лейли и Меджнун», авторство которой целиком принадлежит Глиэру) сохранились лишь как исторические явления, полноценного художественного смысла они не имели.

21 ноября, после концерта, на котором члены всех секций Комитета заслушивали произведения, рекомендованные на Сталинскую премию, состоялось пленарное заседание секций музыки, архитектуры и театра. По установленным правилам члены Комитета должны были читать все представленные литературные произведения, смотреть кинофильмы и театральные спектакли, оценивать живописные и архитектурные творения. Выдержать подобный темп работы не каждому было по силам. Заседание «цвета интеллигенции» (так назвал собравшихся драматург А. Е. Корнейчук) продолжалось до утра.

По опере Прокофьева высказались Гольденвейзер и Гаджибеков, остальные присутствующие молчали. Молчал и Мяковский. Гольденвейзер аргументировал отказ в премировании осторожно:

Прокофьев обладает исключительным мировым масштабом мастерства и еще одним свойством, которое даже не каждому даровитому композитору свойственно: это композитор, создающий свой стиль, к которому можно относиться по-разному, сочувствовать или не сочувствовать, — но отрицать то, что у него есть свой ярко выраженный стиль, нельзя. Поэтому, как композиторская величина, это очень крупный масштаб. Но является ли эта опера таким произведением, которое без сомнения могло бы быть выдвинуто на Сталинскую премию? Тут возникают сомнения. В этой опере, наряду с яркими сценами погрома, сумасшествия, есть моменты вялые; допустим, сцена с пушкой. У него есть некоторый холодок. Нельзя сказать, чтобы революционный сюжет был разработан так актуально, чтобы он захватывал слушателя. Опера не встречает большого отклика. Опера идет и особенного общественного резонанса не получает. Поэтому, отдавая таланту Прокофьева должное, мы считаем, что как целое произведение сценического порядка, — а не считаться с этим в опере нельзя, — это не является таким произведением, которое можно сказать с уверенностью, встретит сочувствие широкой общественности, если его выставить на Сталинскую премию [9, л. 174].

На самом деле опера вызвала пристальное внимание со стороны слушателей, что косвенно подтвердил официально признанный основоположник професси-

онального музыкального искусства Азербайджанской ССР, получивший среди первых советских композиторов звание народного артиста СССР Узеир Гаджибеков. Признавая новаторский оперный стиль Прокофьева, отсутствие в его произведениях штампованных форм, яркость воздействия его музыки на слушателей, он выразил сомнение в литературном качестве либретто: «Я только не согласен с либретто, оно очень плохое. Что героического сделал Котко? То, что он бросил бомбу в церковь, и все вышли здоровыми, только один ранен? Чайковский и Вагнер сами участвовали в составлении либретто. Не знаю, какое участие принимал Прокофьев в составлении либретто, но оно бездарное» [9, л. 190].

Упрек в «бездарности» либретто также не имел под собой оснований: авторами его были писатель В. Катаев, автор повести «Я — сын трудового народа», ставшей литературным первоисточником оперы, и, конечно, композитор, продумавший литературную основу своего сочинения до мельчайших деталей. Конечно, это была отговорка, не имеющая реальных оснований. Поразительно в данной ситуации другое. В том же году на премию выдвигалась Г. И. Уланова как исполнительница партии Джульетты из поставленного Кировским театром 11 января 1940 года балета Прокофьева. Уланова премию получила с формулировкой «за выдающиеся достижения в области балетного искусства». Ее Джульетта рассматривалась как такое достижение. Имя автора музыки балета косвенно возникало в процессе обсуждения в следующем контексте. Михоэлс, продвигая кандидатуру Улановой, заявил: «Моя точка зрения, что это несоизмеримые величины, что Уланова — огромное явление в области своего искусства, чего нельзя сказать о других компонентах спектакля» [10, л. 14]. В «Воспоминаниях» М. А. Мендельсон-Прокофьевой есть свидетельства того, что многим тогда музыка балета казалась «недостаточно танцевальной», что финал сочинения производил «слишком мрачное впечатление» и балетмейстером Л. М. Лавровским и дирижером Ю. Ф. Файером всерьез рассматривался вопрос о его изменении, о чем они безуспешно просили композитора [3, с. 43, 287].

Из сказанного очевидно, что прокофьевская музя была не слишком приветливо встречена после окончательного возвращения композитора на родину. Помимо настороженности властей существовал и момент отторжения его сочинений современниками. Будущий автор скандальной оперы «Великая дружба» В. Мурадели, побывавший на премьере «Семена Котко», утверждал в кулуарах, что «любовь в сочинении выведена не русская», что «может быть во Франции, так любят», зло намекая на то, что автор лишь недавно (три года назад) окончательно вернулся в страну с берегов Сены [3, с. 44]. Намек был вполне иезуитского толка и отдавал плохо скрытым обвинением в формализме. Подобного рода сентенции не только транслировались в театральных и филармонических кулуарах, но и облекались в форму письменных обращений к вождю. Так, в секретариате В. М. Молотова сохранилось письмо заместителя художественного руководителя музыкального театра имени В. И. Немировича-Данченко, члена редколлегии журнала «Советская музыка», члена ВКП(б) с 1930 г. партбилет № 1234451 [так он подписал свое письмо] М. А. Гринберга, отправленное им 7 января 1941 года «В Центральный Комитет ВКП(б)» на имя Сталина. Гринберг «сигнализировал» о нездоровых тенденциях, «мешающих росту советской музыки в должном направлении. В наиболее ясном выражении

эти тенденции проявились, на мой взгляд, в выдвижении группы музыкальных произведений на премию Вашего имени». Гринберг выступал против кандидатур Шостаковича и Прокофьева. Последний, по его мнению — «крупный мастер, широко признанный за границей. Но десятки лет этот выдающийся композитор находится под влиянием современной западной музыки» [11, л. 104]. В вышеупомянутом письме содержалась следующая помета: «Очень прошу, если нет возможности дождить об этом письме лично тов. Сталину, возвратить его мне по адресу: Москва, Третья Миусская 4/6 кв. 59 Гринбергу М. А.» [11, л. 104]. Впоследствии Гринберг занял пост художественного руководителя Московской филармонии и в начале 1960-х настоятельно рекомендовал дирижеру К. П. Кондрашину осуществить премьеру Четвертой симфонии Шостаковича, одного из тех композиторов, о «порочной музыке» которых он ранее неоднократно сигнализировал в ЦК ВКП(б). В 1960 году Шостакович был утвержден Н. С. Хрущевым руководителем Союза композиторов РСФСР, и подобная инициатива вполне вписывалась в русло течения уже «оттепельной» музыкальной жизни. Подобное «перекрашивание» под господствующие цвета меняющегося времени можно наблюдать в жизни очень многих деятелей отечественной музыкальной культуры.

В январе 1941 года, после шквала обрушившихся на властные структуры писем от композиторов, имена которых не попали в число претендентов на Сталинскую премию, под напором протестующей и жаждущей высшего на то время знака государственного отличия творческой интеллигенции, изменились условия выдвижения. Согласно новым правилам на премию могли претендовать сочинения, созданные в период 1934–1940 годов. В новый лист участников обсуждений по настоянию Мясковского попала кантата «Александр Невский».

3 января 1941 года состоялось очередное пленарное заседание Комитета по обсуждению кандидатов на музыкальные премии. Вновь, представляя «Александра Невского», двойственную позицию занял Гольденвейзер: «О Мясковском и Шостаковиче мы много говорили, ничего прибавлять не надо. Секция остается при своем первоначальном мнении» [10, л. 147–149]. Действительно, оба композитора через два месяца получили премии первой степени за Двадцать первую симфонию (Мясковский) и Фортепианный квинтет (Шостакович). Вакантной на тот момент оставалась одна, третья, высшая премия по музыке. Казалось, естественным делом было определить ее автору таких блестательных сочинений, которые были завершены после возвращения в СССР, как опера «Семен Котко», кантата «Александр Невский», балет «Ромео и Джульетта», Виолончельный концерт, симфоническая сказка для детей «Петя и волк», «Здравица». Однако в слове о Прокофьеве из уст Гольденвейзера прозвучало мнение, которое в куларах обговаривалось не раз и которое невозможно было опровергнуть в силу его очевидной абсурдности. Мнение это о том, что, дескать, Прокофьев — не «наш» художник. Использовалась лексика, установившаяся со времен Гражданской войны и разделявшая общество на «своих» и «чужих», на «красных» и «белых».

Прокофьев представляется среди композиторов первого ранга. Это композитор, имеющий большое имя не только у нас в Союзе, но и во всем мире. Его про-

изведения являются составным элементом программ концертов симфонических предприятий всего мира. Это первоклассный мастер исключительного дарования. Но творчество его встречает некоторые возражения: в какой мере этот композитор созвучен нашей советской действительности? И некоторые рассматривают его как не совсем «своего». Я не буду решать этот вопрос. Но за последнее время Прокофьев написал ряд произведений вполне «наших», в том числе «Александра Невского», которого мы выдвигаем на Сталинскую премию. Он написал оперу «Семен Котко». Одни отрицают его, другие считают его произведения гениальными. Во всяком случае эти произведения во многих отношениях выдающиеся. И его балет «Ромео и Юлия», из которого он сделал две оркестровые сюиты, тоже замечательное произведение. Так что пройти мимо фигуры Прокофьева никак нельзя [10, л. 1486, 149].

Немирович-Данченко подхватил колебавшегося в сторону начальства Гольденвейзера, публично усомнившись: «Удастся ли нам премировать Прокофьева за «Александра Невского» и избегнуть того, что мы премируем его за музыкальное направление?» [10, л. 153].

Мясковский, взяв слово после «патриархов» советской культуры, высказался предельно убедительно, откровенно и страстно, склонив колеблющихся на свою сторону:

Для меня Прокофьев один из величайших композиторов современности. Я его считаю среди первой пятерки мировых музыкантов: Рахманинова, Стравинского, Метнера, Рихарда Штрауса, который еще жив, и он пятый. В последних произведениях, которые он пишет, он для нас вполне приемлем. «Александр Невский» — это произведение и патриотическое, и народное и высокого мастерства и вдохновения. Кто-то упрекнул Прокофьева в том, что он мало говорит народу. Я бы спросил: какому народу? Тому, кому нравится музыка эстрады, Прокофьев ничего не скажет. Но таким и ничего не скажут ни наша симфония, [ни] квинтет [Шостаковича]. Хор из «Александра Невского» «Вставайте, люди русские» сделан для военного оркестра кем-то и исполняется везде с большим успехом. Другой его хор из канты сделан Краснознаменным ансамблем и тоже пользуется большим успехом. Прокофьев необыкновенно яркий человек в смысле музыкальной подачи материала и в смысле характера. Эти качества могут идти в уровень с любым русским классическим произведением. Если бы его песню на поле мертвых (шестая часть «Мертвое поле» «Я пойду по полю белому» для меццо-сопрано и оркестра из канты «Александр Невский») исполнялась Максаковой или еще лучшей певицей, то это была бы песня, под которой подписался бы Глинка. Это необыкновенно по глубине, искренности и теплоте чувств. Без Прокофьева мы не можем выходить на премии, мы будем чувствовать себя обезглавленными [10, л. 153, 154].

Пламенную речь Мясковского поддержал директор Московского государственного художественного института И. Э. Грабарь: «Надо исправить ошибку, которая висит над этим огромным музыкантом — Прокофьевым. Это на нашей совести, если мы этого не сделаем» [10, л. 155].

Мясковский, в силу своего огромного музыкантского авторитета, убедил присутствующих в своей позиции. Тогда, чтобы изменить ситуацию, слово взял Председатель Комитета по делам искусств М. Б. Храпченко. Вместо аргумен-

тов он, словно бы и не услышав Мяковского, представил почтенной публике демагогические рассуждения о «народе» и «таланте»:

Я хочу сказать о Прокофьеве как о кандидате на Сталинскую премию. Я не собираюсь обсуждать талант Прокофьева, но мне кажется, что Сталинская премия дается не просто за талант, а за талант, поставленный на службу народу, за талант, который использован на то, чтобы народ почувствовал радость, силу, почувствовал себя более могучим; чтобы талант содействовал творчеству народа и развитию социалистической культуры. Если с этой точки зрения подойти к творчеству Прокофьева, то мне кажется, что его произведения не заслуживают Сталинской премии, несмотря на его талант. Если взять конкретное произведение [как] «Александр Невский», то надо сказать, что оно не обладает такими выдающимися качествами подлинного произведения, широко известного народу, чтобы можно было говорить о том, что оно признано народом и заслуживает такой чести, как Сталинская премия. Я бы сказал, что Прокофьев находится в начале своего пути как композитор, который отдает свои силы народу, как композитор, который ориентируется на широкие массы. Было бы преждевременно предугадать его дальнейшее развитие и его работы, которые могут быть значительными. Поэтому я считаю нецелесообразным присудить ему Сталинскую премию [10, л. 156].

После словесной «дуэли» Мяковского и Храпченко началось голосование. Помимо сочинений Мяковского, Шостаковича и Прокофьева в голосовании участвовали Шапорин с симфонией-кантом «На поле Куликовом», Хачатурян с Фортепианным концертом, Глиэр с музыкой к спектаклю «Гюльсара» и Дунаевский с массовыми песнями. При 32 присутствующих по 30 голосов получили Мяковский и Шостакович. Шапорин «обошел» Прокофьева на 4 голоса (26 против 22). Хачатуряну досталось 21, Глиэру 13, Дунаевскому 11. Оставались еще премии второй степени по 50000 рублей. И тут Храпченко просто обманул присутствующих: «Премия второй степени должна быть рассчитана на молодых талантливых людей. Если премия первой степени — это премия для, условно говоря, сложившихся мастеров, то в премии второй степени должна быть учтена наша молодежь» [10, л. 184]. «Молодежные» премии, помимо Хачатуряна, были в конечном счете даны Гаджибекову (старше Прокофьева на 6 лет!) и украинскому композитору Л. Н. Ревуцкому (старше на 2 года).

В тот день 3 января 1941 года при голосовании экспертов стало окончательно понятно, что Храпченко не допустит того, чтобы Прокофьев получил любую из Сталинских премий. И дело было вовсе не в личной неприязни Председателя Комитета по делам искусств к композитору мирового масштаба. Храпченко, на наш взгляд, стал лучшим руководителем культуры после А. В. Луначарского, историческую роль которого для российского государства трудно переоценить. Храпченко лишь транслировал официальную позицию по поводу репатрианта Прокофьева. И то обстоятельство, что автор «Александра Невского» позднее все же получил шесть Сталинских премий, свидетельствует об одном: борьба Мяковского, закулисная, кабинетная, невидимая постороннему глазу, за признание Прокофьева советским композитором была им выиграна.

В своем исследовании о Сталинских премиях Фролова-Уокер назвала Мяковского «мафиозным Доном, орудующим из тени» [6, р. 144] и продвигающим

на премии своих учеников Д. Б. Кабалевского, Н. И. Пейко, В. Я. Шебалина, В. Мурадели. С данным мнением нельзя согласиться.

В его экспертном суждении, перед которым склонялись даже его оппоненты, присутствовал совсем иной охват. Им двигали иные цели, иного масштаба, которые, видимо, непостижимы для современного делового человека, западного по менталитету сознания. Он «продвигал» всю ту музыку, которая обладала высокими художественными и профессиональными качествами: Скрипичный концерт Н. П. Ракова, Вторую симфонию Г. Н. Попова, сочинения Р. М. Глиэра, М. О. Штейнберга, Восьмую симфонию, Фортепианное трио Шостаковича и многое другое. Гольденвейзер, который в дружеских симпатиях к нему никогда не был замечен, признавал, что Мяковский считался «общепризнанным авторитетом не только среди молодых, но и среди зрелых композиторов» [1, с. 230]. Многие ходили к нему на поклон в его скромную квартиру на Сивцевом Вражке, желая услышать его честное и интеллигентное, всегда точное и острое мнение о новой музыке. Без Мяковского, без его мощного вдохновляющего влияния на культурные процессы в стране, музыкальная атмосфера времени была бы гораздо грязнее.

И еще одно: распространенное мифологическое представление о Прокофьеве как о «чемпионе» в области получения Сталинских премий, как об «образцовом советском композиторе» далеко от исторических реалий.

Последние 17 лет его жизни в СССР полны драматических и горьких переживаний, агрессивного, часто оскорбительного неприятия его искусства. И Сталинские премии, которыми он всецело обязан принципиальной, мужественной позиции и последовательной работе Мяковского в Комитете, стали существенной компенсацией за унизительно невежественное, завистливое и недоброжелательное отношение соотечественников к великому мастеру русской музыкальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гольденвейзер А. Б. О Мяковском — человеке // Н. Я. Мяковский. Статьи, письма, воспоминания / ред.-сост. С. И. Шлифштейн. — М.: Советский композитор, 1959. — 358 с.
2. Ламм О. П. Страницы творческой биографии Мяковского. — М.: Советский композитор, 1989. — 363 с.
3. Мендельсон-Прокофьева М. А. О Сергеевиче Прокофьеве. Воспоминания, дневники (1938–1967) / ред.-сост. Е. В. Кривцова. — М.: Композитор», 2012. — 632 с.
4. Прокофьев С. С. Здравица. — М.: Музыка, 1984. — 47 с.
5. Шостакович Д. Д. Песнь о лесах. — М.: Музгиз, 1962. — 146 с.
6. Frolova-Walker M. Stalin's Music Prize: Soviet Culture and Politics. — New Haven and London, Yale University Press, 2016. — 384 p.
7. РГАЛИ. Ф. 1929. Оп. 3. Ед. хр. 283.
8. РГАЛИ. Ф. 2040. Оп.1. Ед. хр. 6243.
9. РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1.
10. РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 2. Ед. хр. 1.
11. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Ед. хр. 640.

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.021

УДК 1 (091)

Д. Ю. Брагинский*

ПРОКОФЬЕВ И МЕЙЕРХОЛЬД. ГРАНИ СОТРУДНИЧЕСТВА: ОТ ОПЕРНОГО ТЕАТРА ДО ФИЗКУЛЬТУРНОГО ПАРАДА**

Статья посвящена теме сотрудничества Сергея Прокофьева с Всеволодом Мейерхольдом, с юности композитора до последних дней жизни режиссера. Главной целью автора статьи стало создание панорамы творческого содружества в рамках биографий обоих великих деятелей искусства. Тема их взаимного общения включает в себя обращение к самым разнообразным жанрам искусства, которые привлекали внимание обоих мастеров, — комическая опера, лирико-психологическая опера и такой парадоксальный массовый жанр, как физкультурный парад. Именно работа над подготовкой Первого Всесоюзного парада физкультурников на Красной площади в 1939 году стала последним эпизодом творческого альянса композитора и режиссера.

Ключевые слова: Сергей Прокофьев, Всеволод Мейерхольд, опера «Любовь к трем апельсинам», опера «Игрок», Мариинский театр, физкультурный парад на Красной площади.

D. Yu. Braginsky

PROKOFIEV AND MEYERHOLD.

THE COOPERATION OPTIONS: FROM AN OPERA HOUSE TO A SPORTS PARADE

The article is devoted to the topic of cooperation between Sergei Prokofiev and Vsevolod Meyerhold, from the composer's youth to the last days of the director's life. The main goal of the author of the article was to create a panorama of the creative community within the biographies of both great artists. The theme of their mutual communication includes an appeal to the most diverse genres of art that attracted the attention of both — comic opera, lyric and psychological opera, and such a paradoxical mass genre as a sports parade. It was

* Брагинский Дмитрий Юрьевич, кандидат искусствоведческих наук, преподаватель Средней специальной музыкальной школы Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова; dmi-braginsky@yandex.ru.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00859 «Творчество С. Прокофьева как феномен отечественной и мировой культуры»

the work on the preparation of the First All-Union Parade of Athletes on Red Square in 1939 that became the last episode of the creative alliance of the composer and director.

Keywords: Sergei Prokofiev, Vsevolod Meyerhold, the opera «The Love for Three Oranges», the opera «The Gambler», Mariinsky theater, a sports parade on Red Square.

Сотрудничество Сергея Прокофьева и Всеволода Мейерхольда является совершенно особым миром, объединяющим как творчество гениального композитора, так и творчество гениального театрального мастера. Мейерхольд был одним из самых вдумчивых «толкователей» музыки Прокофьева, он основывался на подлинной любви к этой музыке и радостном служении его великому искусству. Режиссер открывал в творчестве Прокофьева всегда новое, всегда неожиданное, пытаясь созидать бесконечно преображающийся портрет великого композитора. Как отмечал И. Д. Гликман, «Мейерхольд горячо любил Прокофьева-композитора. Любовь эта не знала никаких колебаний, сомнений. Она отличалась замечательным постоянством и преданностью». [3, с. 309].

Границы их сотрудничества оказались разнообразными и многоплановыми. Все началось с лирико-психологической оперы Прокофьева «Игрок». Дирижер Альберт Коутс после премьеры симфонической «Скифской сюиты» Прокофьева так увлекся этой оперой, что решил поставить ее на сцене Мариинского театра. В апреле 1916 года на его квартире состоялось предварительное прослушивание будущей оперы, на котором присутствовал и режиссер Мейерхольд,

Прокофьев от начала до конца исполнил клавир «Игрока» на рояле и спел партии всех основных персонажей героев, о чем позже вспоминал в своих «Дневниках»: «Вчера были с мамой у Коутса. Там собирались слушать “Игрока”: Попова, Каракаш, Алчевский, Мейерхольд и американец с американкой. Я сыграл от начала до конца при громких одобрениях аудитории. Попова была в восторге от своей партии, Каракаш просил дать ему хоть какую-нибудь партию. Мейерхольд сказал: Вы даже не знаете, что вы написали: это будет переворот во всём оперном Искусстве» [10, с. 619].

. Опера немедленно была принята к постановке, и 28 января 1917 года состоялась первая оркестровая репетиция. Режиссером-постановщиком должен был стать Всеволод Мейерхольд. Прокофьев посещал каждую репетицию, о чем позже вспоминал: «В зале находились Мейерхольд и Головин, преочаровательный седеющий красивый господин, с которым я, наконец, познакомился и который наговорил мне короба комплиментов, — оба были милы и с большим воодушевлением относились к “Игроку”» [10, с. 652].

Как замечал И. Д. Гликман, «острый интерес к “Игроку” подогревался в режиссерском сознании Мейерхольда и тем, что появление этой оперы совпало с работой над постановкой “Маскарада”, в котором также ярко звучит мотив карточной игры» [3, с. 310].

Петроградская пресса наполнилась сообщениями о том, что в Мариинском театре в недалеком будущем состоится премьера «Игрока», а эта опера представлялась Мейерхольду сочинением, открывающим новую страницу в истории музыкального театра. Режиссер считал, что композитор вскоре будет провозглашен крупнейшим новатором и провозвестником нового стиля в оперном искусстве, заявляя: «Прокофьев пошел дальше Глюка, он пошел

далше Вагнера, значительно дальше. Он совсем исключил всякие арии, у него нет даже прелестных бесконечных мелодий Вагнера, нет этой сладости, а он заставил действующих лиц все время плавать в изумительных речитативах, что совершенно исключает всякое сходство с оперой, существовавшей до сих пор» [5, с. 70]. Однако Мариинский театр в 1917 году перестал считаться императорским и лишился государственных дотаций. Все постановки были прекращены, а опера «Игрок» в постановке Мейерхольда так и не дождалась своей премьеры на петроградской сцене.

Следующая опера Прокофьева, «Любовь к трем апельсинам», создавалась в 1919 году, в период пребывания композитора за рубежом. Однако ее первоначальный замысел был связан с ярчайшими театральными впечатлениями Прокофьева от театральной жизни дореволюционной России, где в поисках новых ярких форм спектакля повсеместно осуществлялись попытки возродить искусство старины итальянской комедии масок.

Прокофьев всегда считал, что Мейерхольд стал крестным отцом его оперы. В 1918 году, в канун отъезда композитора за рубеж, режиссер подарил ему журнал «Любовь к трем апельсинам». Это название автор заимствовал и из широко известной сказки итальянского драматурга Карло Гоцци, созданной в традициях народного театра масок. В первом же номере журнала Мейерхольд опубликовал вольную сценическую обработку этой сказки. Молодого композитора привлекла жизнеутверждающая основа народной фантастики, а также поэтичность вымысла и остроумное смешение шутки, сказки и сатиры. Оригинальной стала и театральная линия, объединяющая три разных плана действия. Первый — сказочные персонажи: Принц, Труффальдино. Второй — подземные силы, от которых они зависят: Маг Челий, Фата Моргана. И, наконец — Чудаки, комментирующие развитие интриги.

Мейерхольд вспоминал: «Я передал Прокофьеву первую книжку нашего журнала «Любовь к трем апельсинам» перед самым отъездом его в Америку (кажется, это было в самом конце 1918 года). Передавая книжку, убеждал его написать оперу на текст наш «Любовь к трем апельсинам». Он ответил: «Буду читать на океанском пароходе»» [6, с. 388].

Впервые познакомившись с номером журнала, Прокофьев оставил запись в своем дневнике: «Прочитал «Любовь к трём апельсинам». А здорово! Из этого можно кой-что сделать, только предварительно переделать сюжет совсем наново. Музыка — ясная, живая и, по возможности, простая. Когда с Мейерхольдом мы шли по Морской, обсуждая «Три апельсина», со стороны площади, от Исаакия, раздался ряд выстрелов. Мы побежали в обратную сторону, боясь вlipнуть в политическое столкновение. Мейерхольд, который бежал впереди, кричал мне: «Ложитесь, ложитесь!» Добежав до большого выступа, остановились. Выстрелы впоследствии оказались рядом невинных вспышек бензина в автомобиле» [10, с. 697].

В результате родилась комическая опера, каждый эпизод которой несет на себе следы невидимого сотрудничества композитора с Мейерхольдом. Этому сочинению Прокофьева характерна яркая зрелищность, стремительность движения. Многие черты в драматургии оперы «Любовь к трем апельсинам» восходят к жанру ревю, блистательно интерпретированному Мейерхольдом

в его спектаклях, где столкновение двух культур выражалось через противопоставление здорового спортивного духа, физической культуры, бодрых маршей — эстетике фокстрота, медленным и расслабленным ритмам танго. Упадок капитализма в спектаклях Мейерхольда иллюстрировался танцевальной музыкой, исполнявшейся джазовым ансамблем, который впервые появился на российской сцене.

Карнавальное искусство всецело занимало Мейерхольда, и эта мысль оказалась оченьозвучна творческимисканиям Прокофьева. Композитору очень понравилась драматургическая ткань театрального дивертисмента с его многообразной сценической фактурой. Прокофьев очень дорожил мнением Мейерхольда и испытывал к нему чувство глубокой благодарности. Он надеялся, что когда-нибудь режиссер поставит его оперу «Любовь к трем апельсинам», но этого не произошло, к сожалению.

В 1927 году Мейерхольд возвращается к идеи поставить оперу «Игрок» на сцене Мариинского театра. Особый интерес у него вызывала театральная сцена игры в рулетку, картина в игорном доме. О сотрудничестве режиссера и композитора стало известно благодаря публикации 1927 года в журнале «Музыка и революция»: «Композитор С. Прокофьев закончил новую редакцию оперы «Игрок», сделанной по указанию Мейерхольда» [9, с. 99].

Стремясь к максимальному совершенству, Прокофьев привлек Мейерхольда к сотрудничеству, не без основания расценивая его в качестве будущего постановщика оперы «Игрок». Как отмечал И. Д. Гликман, «рекомендации режиссера нашли воплощение в создании терпкой, азартной, взвинченной, атмосферы игорного дома и отчетливой индивидуализации фигур игроков, чья психология, повадка, мимка, жестикуляция стали предметом наблюдения Мейерхольда (они ему понадобятся для постановки «Пиковой дамы» Чайковского)» [3, с. 321]. К сожалению, и этот проект так и остался нереализованным. Несмотря на кропотливую подготовку, Мейерхольд не смог поставить оперу «Игрок» ни на сцене Мариинского театра, ни на сцене Большого театра.

В 1936 году Прокофьев принимает окончательное решение вернуться на родину после двадцатилетнего периода жизни в Германии, Франции и Соединенных Штатах Америки. После возвращения сразу начинаются его творческие контакты с Мейерхольдом, который обратился к композитору с просьбой сочинить музыку для постановки драмы Пушкина «Борис Годунов». Именно в тот момент он готовил эту пьесу для постановки в своем собственном театре, в Государственном Театре имени Мейерхольда.

В течение многих лет Мейерхольд вынашивал идею постановки драмы Пушкина «Борис Годунов» — эта пьеса стала в его судьбе своеобразным связующим звеном между оперой и драмой. В 1911 году в Мариинском театре он поставил оперу Мусоргского «Борис Годунов», а в 1925–1926 годах repetировал эту пьесу Пушкина в Государственной академической студии им. Вахтангова. Приступая к работе над пьесой Пушкина в собственном театре, одновременно он планировал поставить оперу Мусоргского в МАЛЕГОТе (Ленинградском академическом Малом театре оперы и балета).

Режиссер возлагал большие надежды на музыку Прокофьева в новой постановке. По его мысли, она должна была играть важную конструктивную

роль в предстоящем драматическом спектакле, она должна была быть тесным образом связана с пушкинским текстом и режиссерским замыслом.

Такие особенности мышления, как глубинная музыкальность, продуманное экспериментирование мышления, сближали Мейерхольда и Прокофьева. Это подтверждается не только доверительностью дружеского общения, но и серьёзностью совместных творческих планов. «Если бы не обстоятельства, в историю современного оперного театра могли войти “Игрок”, “Семён Котко” Прокофьева—Мейерхольда. При участии Асафа Мессерера ими планировалась постановка балета “Стальной скок”. Самым драматичным примером внешнего вмешательства в созворчество стала судьба спектакля “Борис Годунов”» [1, с. 216].

Творчество Пушкина сопровождало Прокофьева на протяжении всей жизни. Хотя непосредственных сочинений, вдохновленных гением Пушкина, в творческом наследии композитора совсем немного, они отличаются необычайной значимостью. Первым музыкальным обращением к Пушкину можно считать оперу «Пир во время чумы», написанную Прокофьевым-подростком в 1903 году. Последнее обращение датируется 1952 годом, когда музыкальная тема из прокофьевской сюиты к спектаклю «Евгений Онегин» прозвучала, как своеобразная реминисценция, в Седьмой симфонии композитора.

На репетиции пьесы «Борис Годунов», состоявшейся 16 ноября 1936 года, Прокофьев познакомил труппу с написанной к спектаклю музыкой, сыграв ряд фрагментов на фортепиано и разъяснив значение каждого музыкального номера. К великому сожалению, и эта постановка не была реализована по многим причинам. В 1957 году Анатолий Эфрос использовал музыку, созданную Прокофьевым для спектакля Мейерхольда, в своей постановке «Бориса Годунова» в Центральном детском театре. Спустя 13 лет Эфрос вновь обратился к прокофьевской музыке при подготовке телеспектакля по пушкинской пьесе. В 1983 году были изданы партитура и клавир музыкальных номеров к спектаклю. Отдельные эпизоды музыки Прокофьева для спектакля «Борис Годунов» Мейерхольда были исполнены Г. Рождественским. Позднее весь материал, сочинённый Прокофьевым, записал М. Юровский с оркестром и хором Берлинского радио. В 2007 году спектакль Мейерхольда—Прокофьева был представлен в театре Принстонского университета как студенческий проект. В России музыка Прокофьева для концепции Мейерхольда прозвучала 2010 года в Государственной академической Капелле Санкт-Петербурга (дирижёр — В. Чернушенко).

Мейерхольд сыграл важную роль и в создании оперы Прокофьева «Семен Котко». С момента возвращения в Советский Союз композитор хотел написать оперу на современный сюжет. Внимание его привлекла повесть «Я — сын трудового народа» писателя Валентина Катаева, повествующая о событиях гражданской войны на Украине. В 1938 году на сценах советских театров появилась авторская версия повести под названием «Шел солдат с фронта».

Прокофьев обратился к писателю, который согласился с идеей и стал вместе с композитором работать над либретто. Недаром детство Прокофьева проходило в украинской усадьбе, — вероятно, композитора при написании оперы привлекла возможность использовать далекие воспоминания, в частности в его памяти всплывали особенности украинского говора.

В основу либретто новой оперы легли прозаические диалоги повести Катаева, и по совету Мейерхольда в качестве поэтических текстов были использованы стихотворение «Заповіт» Тараса Шевченко и стихи некоторых народных песен. Создание музыки пришлось на 1939 год. Мейерхольд рассказывал труппе театра им. Станиславского, в котором собирался ставить этот спектакль: «Работа его очень увлекает, он пишет с величайшим энтузиазмом» [5, с. 236].

Первые три акта были сочинены менее чем за два месяца: 26 марта Прокофьев закончил сцену встречи Семена с односельчанами, 8 апреля был готов II акт, 15-го — 1-я картина I акта, 5 мая — весь III акт, 16 июня — IV акт и, наконец, 28 июня опера в клавире была полностью закончена. Вся работа проходила в тесном общении с либреттистом и режиссером Мейерхольдом. Правда, между Прокофьевым и Катаевым, который хотел видеть в опере народные танцы, песни в украинском духе и несложные небольшие арии, не раз возникали конфликты, но композитор твердо следовал своему замыслу, и писателю пришлось подчиниться. Прокофьев указывал, какие куски повести должны войти в текст оперы без изменений, некоторые драматургические решения были также предложены Прокофьевым.

После закрытия Государственного Театра имени Мейерхольда в январе 1938 года К. С. Станиславский предложил Мейерхольду должность главного режиссёра в Оперном театре имени К. С. Станиславского. Благодаря усилиям Мейерхольда в репертуар театра была сразу включена новая опера Прокофьева «Семен Котко».

По свидетельству Мейерхольда, 3 апреля 1939 года Прокофьев сыграл первые два акта новой оперы для узкого круга лиц, среди которых были Маяковский, Катаев и Мейерхольд. Началась интенсивная совместная работа Прокофьева и Мейерхольда, прерванная неожиданным арестом режиссера. Сын композитора Олег Прокофьев вспоминал: «Мейерхольд был арестован за неделю до окончания клавира “Семена Котко” и Прокофьев остался один со своей оперой, сообща разработанной в деталях, без крепкой руки замечательного режиссера» [6, с. 211].

После ареста В. Э. Мейерхольда на должность режиссёра-постановщика оперы была назначена С. Г. Бирман. Оркестровка оперы была окончена 29 августа 1939 года. Однако за время подготовки спектакля изменилась политическая ситуация. Весной 1940 года перед премьерой обсуждались вопросы о необходимости внесения изменений как в либретто, так и в музыку к опере. Действующих по либретто немецких солдат сперва заменили на австрийских военных. Композитор присутствовал на репетициях и премьере спектакля 23 июня 1940 года.

Последней страницей сотрудничества Прокофьева и Мейерхольда стала работа над подготовкой Первого Всесоюзного парада физкультурников на Красной площади. В 1939 году Советский Союз отмечал шестидесятилетие со дня рождения своего вождя Иосифа Виссарионовича Сталина. В связи с этим были намечены многие торжественные мероприятия: на Тушинском аэродроме состоялось пышное празднования Дня советской авиации, открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, с размахом готовилось проведение Всесоюзного парада физкультурников, в подготовке которого был

задействован Мейерхольд, как главный режиссер действия. Именно он пригласил Прокофьева написать музыку для главного парада того времени.

С начала 1920-х годов российский театр активно питался спортивными идеями. Мейерхольд насыпал свои постановки элементами физкультуры, разрабатывая «биомеханику», основанную на использовании гимнастики, бокса, фехтования и бега. Спортивная динамика так интриговала Сергея Эйзенштейна, что он ставил спектакль по классической, хрестоматийной пьесе А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» в гимнастических конструкциях, состоявших из атлетических снарядов и тренажеров.

Московский коллектив «Драмбалет» выступал с физкультурными танцевальными сюитами Асафа Мессера. Николай Фореггер для своих актеров изобретал систему «тефиэтренажа» (театрально-физического тренажера). Выступления многочисленных групп «Синяя блуз» увенчивались эффектными акробатическими «пирамидами».

«Наш бог — бег», — писал Владимир Маяковский, автор пьесы «Чемпионат всемирной классовой борьбы». В ней сочетались черты спортивного соревнования и политического памфлета: поединок двух борцов являлся аллегорией схватки политических лагерей — «красной» России и «загнивающего» Запада.

Обращение Прокофьева к спортивной теме было закономерным. В конце 1920-х годов в стране начался настоящий спортивный бум, спортсмены и спортсменки в то время стали излюбленными моделями живописцев и скульпторов. Культ спорта наполнял творчество Александра Родченко, работавшего вместе с Шостаковичем над постановкой пьесы «Клоп» В. Маяковского в театре В. Мейерхольда. В своих многочисленных фотоработах А. Родченко запечатлевал напряженные моменты спортивных тренировок, неожиданные ракурсы физкультурных шествий и массовых спортивных праздников. Его супруга и соратница, художник-дизайнер Варвара Степанова, не только создавала костюмы к спектаклям В. Мейерхольда, но и впервые в истории в 1923 году разработала эскизы формы для советских футболистов.

Спортивные мотивы доминировали в художественном оформлении многих станций московского метрополитена, построенных в 1930-е годы. Дизайн этих величайших архитектурных сооружений периода сталинизма вышел за рамки чистой архитектуры, сблизившись с идеологией.

Античные традиции, эхом отозвавшиеся в официальном искусстве тоталитарных режимов Италии и Германии, неожиданно проявились в эстетике городской скульптуры социалистического реализма. В 1930-е годы в парках крупных советских городов появились скульптурные « античные торсы» советских физкультурников, названия которых красноречиво говорили об устойчивой тенденции: «Дискобол», «Копьеносец», «Победитель в метании копья», «Лыжница», «Паращитистка», «Прыжок в воду».

Установленная в центре фонтана Центрального парка культуры и отдыха имени М. Горького «Девушка с веслом» (1934), изготовленная по проекту Ивана Шадра, со временем распространилась по всем городским паркам Советского Союза. Несмотря на то, что эта скульптурная фигура превратилась в своеобразный символ социалистической эпохи, многие исследователи отмечали, что в своем генезисе она восходила к эллинским образцам.

В советском музыкальном искусстве 1920-х годов спортивная тема получила специфическое воплощение. Отношение к физкультуре и спорту в СССР, как и в других тоталитарных странах, всегда носило ярко выраженную идеологическую окраску. Общий фон, на котором эта тема произрастала в искусстве, исторически гораздо более глубок и многообразен, чем только урбанистическая культура больших городов. В постановлениях партии подчеркивалось, что физическая культура и спорт должны использоваться не только как часть общеполитического воспитания, но и как своеобразное средство объединения рабочих и крестьян вокруг партийных, советских и профсоюзных организаций.

Массовое физкультурное движение, согласно коммунистическим установкам, выражало идею народного патриотизма, а физкультурные парады были призваны символизировать энтузиазм и оптимизм народных масс. Начиная с середины 1920-х годов физкультурные парады, как смотры достижений физкультурников, большие спортивные праздники, стали проводиться ежегодно в крупнейших центрах страны. Был выработан порядок проведения физкультурных парадов, включающий торжественное открытие, марш-парад, гимнастические выступления и спортивные соревнования по лёгкой атлетике, борьбе, тяжёлой атлетике, играм и т. д. В Советском Союзе проводятся всесоюзные физкультурные парады с участием представителей всех союзных республик. Задуманные как важное средство агитации и пропаганды физической культуры и спорта, эти парады имели в то же время ярко выраженную политическую и идейную направленность.

Грандиозные театрализованные спортивные шествия, проходившие на Красной площади, превращались в крупнейшие события политической и культурной жизни. Физкультурные парады ставили такие знаменитые режиссеры и балетмейстеры, как В. Мейерхольд и С. Радлов, К. Голейзовский и И. Моисеев. Контроль над их проведением осуществлялся на самом высоком партийном и правительственном уровне.

В 1939 году Мейерхольд работал над постановкой оперы «Семен Котко» в Театре имени К. Станиславского и одновременно готовил проведение физкультурного парада на Красной площади, который, вероятно, мог бы стать самым грандиозным представлением в его творческой деятельности. Музыку для физкультурного парада по просьбе Мейерхольда написал Прокофьев.

Официальное предложение о создании музыки для физкультурного парада композитор получил от спортивного комитета СССР за полгода до проведения мероприятия, но, возможно, скрытые мотивы появления этого сочинения зародились задолго до того. Духом спортивности и до этого было пронизано творчество Прокофьева, критики отмечали: «Это какой-то футболист в музыке, музыкальный спортсмен, посягающий на священные задачи музыкального искусства и спустивший его с заоблачных высот на землю!» [11, с. 9].

Увлечение Прокофьева спортом имело отнюдь не случайный и не только любительский характер: к спорту композитор относился очень серьезно. В юности он даже написал «Марш гимнастов» для спортивного гимнастического общества «Сокол». Жанр марша, маршевость занимают важнейшее место в творчестве Прокофьева. Марш «Сокол» — один из самых первых больших маршей Прокофьева.

Увлечение Прокофьева спортом имело не любительский характер: к спорту композитор относился очень серьезно, его спортивные занятия носили систематический и постоянный характер. В юности композитор активно занимался гимнастикой в Российском гимнастическом обществе «Сокол». Это общество возникло и оформилось как «гимнастическое движение» в 60-х гг. XIX века в ряде славянских стран — Чехии, Словении, Болгарии, Польше, Хорватии, Сербии. Первая «сокольская» организация в России появилась в Петербурге в 1879 году, в 1883 — в Москве (Л. Н. Толстой и А. П. Чехов впоследствии вошли в ее ряды).

В 1907 Прокофьев оставил такую запись в своем «Дневнике»: «Штембер, Боря и я записались в гимнастическое общество «Сокол». Моя мама уже давно добивалась от меня поступления в «Сокол», находя необходимость физического развития. Я упирался: было некогда и лень. Но в августе, в Сонцовке, Д. Д. Сонцову удалось доказать мне, насколько необходима гимнастика и насколько бодрее будешь себя после этого чувствовать» [10, с. 139].

Тема гимнастического спорта, спортивных занятий в разных контекстах и разных формулировках буквально пронизывает «Дневник» композитора: «...решил зимой усиленно делать сокольскую гимнастику...» [10, с. 237]; «Вечером был в «Соколе» и с большим удовольствием делал гимнастику. В эту зиму я буду исправно посещать «Сокол», он приносит много пользы» [10, с. 349]; «Вечером в «Соколе» делал гимнастику. С непривычки устал страх как» [10, с. 350]; ««Вольные игры развеивают печаль, нас унесут в беспросветную даль...»- как поется в сокольской песне. За чаем сказал маме, что несколько «соколов» собираются в Гельсингфорс и предлагают мне сделать компанию» [10, с. 361]; «Вечером был в «Соколе» и с удовольствием изламывался на кольцах и «козлах»» [10, с. 366]; «Вечером не без удовольствия был в «Соколе»» [10, с. 368]; «Вечером «Сокол»...» [10, с. 269]; «Сегодня, идя в «Сокол»...» [10, с. 373]; «...я решил идти в «Сокол», а завтра послушать «Кармен». В «Соколе» в этой очереди мало народу, поэтому заниматься пришлось много. Изломали во как!» [10, с. 375]; «Вечером играл «Аиду» и был в «Соколе». Три предыдущих раза я ходил во вторую очередь. Сегодня я пришел в первую и было приятно попасть в оживление и толкотню. Фотограф снимал нас» [10, с. 377]; «Дома много занимался, а вечером был в «Соколе»» [10, с. 379]; «Вечером гимнастировал в «Соколе». Восьмого у них вечер и меня просят выступить в концертном отделении. Восьмого днем — спектакль «Аиды», вечером в таких случаях всегда не знаешь, что делать, а потому и с готовностью согласился» [10, с. 384]; «Вечером зашел за мной Николай Штембер и мы вместе отправились в «Сокол»» [10, с. 386]; «В «Сокол» я пошел не совсем охотно, но размялся в нем и гимнастировал с удовольствием» [10, с. 388]; «Вечеринка в «Соколе». Не особенно хочется идти, но надо, обещал в концертном отделении играть Сонату (№ 1). Во время игры пианино вдруг сломалось и перестало давать звук. Я полез смотреть, что случилось с механизмом, — в зале поднялся хохот. Мне самому стало смешно и, громко сказав публике: «Ничего не поделаешь, пианино не хочет играть», я ушел с эстрады. Пианино починили и я сыграл Сонату» [10, с. 407]; «Вечером был в «Соколе» с Николаем Штембером» [10, с. 434]; «Вечером пошел в «Сокол», в котором не было целых две недели. Хорошая вещь «Сокол»» [10,

с. 435]; «...я устал от репетиций и вернулся домой в скверном расположении духа, которое, впрочем, без остатка было выгнано “Соколом”» [10, с. 535].

Спорт и музыка в жизни Прокофьева были тесно связаны. Для гимнастического общества «Сокол» композитор написал Марш в мае 1913 года. Гимнастический марш Прокофьева исполнялся регулярно, о чем можно прочитать в «Дневнике» композитора: «Провел вечер в “Соколе”. Вчера маршировали под мой сокольский марш, который пользуется успехом» [10, с. 353]; «Вечером с удовольствием делаю гимнастику в “Соколе” и играю “соколам” мой марш. Некрасивая “соколка” просит “брата Прокофьева” приходить на полчаса раньше и играть марш для “соколок”» [10, с. 354]; «С удовольствием собирался отдохнуть в “Соколе”. Как ни странно, а во время гимнастики отдыхаешь. Первое время делаю гимнастику невнимательно, но потом с большим удовольствием. После занятия в “Соколе”, собравшиеся вокруг пианино, поют мой марш» [10, с. 356]; «Вечером был на сокольской вечеринке, которой предшествовало небольшое выступление лучших “соколов” и “соколят”. Вот им-то мне и надо было играть музыку; для некоторых упражнений существовала специальная музыка (чешская очень приличная), но для других надо было сыграть просто какой-нибудь вальс, и так как серьезные Вальсы были забракованы “соколками”, то я опозорил свои седины, играя “Songe d’Automne”. Маршировали под мой марш, публика (большей частью тоже гимнастическая) очень забавно хлопала ладошами в такт на каждую четверть. Когда весь зал ритмично грохотал, выходило эффектно» [10, с. 364]; «Вечером пошел в “Сокол”, в котором не был целых две недели. Хорошая вещь “Сокол”! Борис [по-видимому, Борис Захаров] взял мой марш и будет отдавать его граверу. Права издания я подарил “Соколу”» [10, с. 434]. «Днем <...> заходил в нотопечатню Шмидта по поручению “соколов”, ибо Шмидт напечатал мой “сокольский” Марш. Его бы получить, да Шмидт в качестве немецкого подданного выслан и теперь в его учреждении ничего не добьешься» [10, с. 506]; «...идя в типографию Уля по поводу издания моего сокольского “Марша”...» [10, с. 533]; «Занес мой сокольский “Марш” в военную цензуру, а то без нее нельзя печатать» [10, с. 535].

Прокофьев провел немало времени за игрой в покер и бридж. Как отмечает исследователь, «На парижской квартире Прокофьевых в тридцатые годы устраивались чемпионаты по карточной игре “бридж”» [2, с. 286].

Совершенно очевидно, что спорт и музыка в жизни Прокофьева были тесно связаны. Неудивительно, что он по предложению Мейерхольда охотно согласился сотрудничать в 1939 году. Выступление спортсменов требовалось оформить как музыкальными средствами, иак и художественными, среди которых были транспаранты, плакаты и лозунги политического содержания.

Музыка Прокофьева для Всесоюзного парада физкультурников в Москве состоит из шести частей, названных в соответствии с физкультурным сценарием, созданным Мейерхольдом:

- I.   «Вступление». (Стремительный выбег 500 человек с копьями. Яростный бросок копий в плакат, изображающий агрессора).
- II.   «Снаряды». (С подкидных досок взлетают мастера-гимнасты)
- III.   «Вольные упражнения».

IV. «Бой» (показ разнообразных новейших форм рукопашного боя в плане вольной технической схватки).

V. «Полоса препятствий» (стена, барьеры, мышеловка, забор, бревно).

VI. Заключительное выступление. Все участники исполняют народно-революционную песню.

Никогда сочинения Прокофьева не исполнялись таким гигантским музыкальным коллективом, как в тот день на Красной площади, когда в его распоряжении оказалось почти полторы тысячи музыкантов. Четыреста исполнителей входили в состав сводного оркестра, а сводный хор насчитывал почти тысячу певцов. Во время физкультурного парада на Красной площади присутствовало все высшее руководство Советского союза во главе с Иосифом Сталиным. Лаврентий Берия, занимавший должность комиссара НКВД, не только присутствовал на параде, но и лично курировал все репетиции, проходившие на Красной площади перед знаменательным днем.

Физкультурный парад, состоявшийся 18 июля 1939 года в Москве, запечатлён в цветной хроникальной ленте «Цветущая юность» (реж. Александр Медведкин). Впоследствии композитор оформил сюиту, называющуюся «Музыка для физкультурных упражнений».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бояринцева А. А. Пушкиниана Сергея Прокофьева: неоконченные диалоги // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2014. — URL: <http://e-koncept.ru/2014/64344.htm>
2. Вишневецкий И. Сергей Прокофьев. — М.: Молодая гвардия, 2009.
3. Гликман И. Мейерхольд и музыкальный театр. — Л.: Советский композитор, 1989. — 351 с.
4. Мейерхольд В. Э. Переписка: 1896–1939. — М.: Искусство, 1976.
5. Мейерхольд В. Э. Статьи, письма, речи, беседы. — М.: Искусство, 1968.
6. Прокофьев О. Мой отец, его музыка и я. Дневник, письма, беседы, воспоминания. 1891–1991. — М.: Классика-XXI, 1991.
7. Прокофьев С. Автобиография. — М., Советский композитор, 1982.
8. Прокофьев С. Воспоминания, письма, статьи. — М.: Дека-ВС, 2004.
9. Прокофьев С. Статьи и материалы. — М.: Искусство, 1965.
10. Прокофьев С. Дневник. 1907–1933. — М.: Классика-XXI, 2017.
11. Тюлин Ю. На пути к признанию: Страницы воспоминаний // Музикальная жизнь, 1966, № 8.

КУЛЬТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.022

УДК 1 (091)

A. A. Ермичев*

КУЛЬТУРА СОВЕТСКОЙ РОССИИ — СССР В ЖУРНАЛАХ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ (о проекте издания)**

Статья имеет целью объяснение мотивов издания библиографического указателя «Культура, наука и образование в Советской России — СССР (1920–1940 гг.). Указатель статей, заметок и рецензий в семи журналах русского зарубежья». Сначала подчеркнута тривиальная задача необходимости обращения к истории, далее дается краткая социально-культурная характеристика русского беженства, возникновение его журналистики, формировавшей единое социально-культурное пространство «второй» России. Характеризуется содержательные особенности семи русских журналов и их политическая позиция в отношении СССР. Объясняются особенности построения предметного указателя, в котором сочетаются философско-культурный и историософский подходы с культурологическим.

Ключевые слова: Россия, СССР, революция, эмиграция, божество, журналистика, Русская мысль, «Воля России», «Современные записки» и «дочерние» предприятия журнала «Русская школа за рубежом», историософия России.

A. A. Ermichev
CULTURE OF SOVIET RUSSIA — USSR
IN THE MAGAZINES OF THE RUSSIAN EMIGRATION
(about the project of the publication)

The article aims to explain the motives for publishing the bibliographic index «Culture, science and education in Soviet Russia — USSR (1920–1940) Index of articles, notes and reviews in seven journals of the Russian diaspora». First emphasizes the trivial task of the need to turn to history, then gives a brief socio-cultural characteristics of Russian refugees,

* Ермичев Александр Александрович; доктор философских наук, профессор, Русская христианская гуманитарная академия.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00783 «Социально-философская и политическая просоветская мысль первой волны эмиграции русского зарубежья в периодических изданиях 20–50-х гг. XX века».

the emergence of its journalism, which formed a single socio-cultural space of the «second» Russia. The article describes the content features of seven Russian journals and their political position in relation to the USSR. The features of the construction of the subject index, which combines philosophical, cultural and historiosophical approaches with culturological ones, are explained.

Keywords: Russian, USSR, revolution, emigration, divinity, journalism, Russian thought, «Will of Russia», «Modern notes» and «subsidiaries» of the journal «Russian School abroad» historiosophy of Russia.

Издательство Русской Христианской Гуманитарной академии подготовило библиографический указатель статей, заметок и рецензий в семи журналах русского зарубежья — тех из них, в которых с разной степенью объективности и обстоятельности рассказывается о культуре, науке и образовании в Советской России — СССР межвоенного времени 1920–1940 гг.

Субъективизм предпринятого издания очевиден. Неужели только в этих журналах печатались статьи и заметки о культуре в СССР? Да и возможно ли извлечение отдельной статьи из органики журнала?

С таким обстоятельством придется смириться. Составитель указателя не предлагает дороги, а только указывает: здесь ищите, и, обладая каким-то знанием, сумеете им воспользоваться.

Учитывая это обстоятельство, составитель воспользовался правом пояснить необходимость предлагаемого издания.

* * *

Двадцатое столетие для России — противоречиво, катастрофично, тревожно. Четыре революции, две мировые войны. А тогда же русский народ и иные народы России возводили здание коммунистической цивилизации, призванной стать стартовой площадкой для всего человечества, для его перехода в царство свободы. Не может быть, чтобы Создатель благожелательно не следил за Россией — СССР благожелательно — иначе мы погибли бы несколько раз.

Всем нужно понимать свою историю, а нам особенно. Конечно, едва ли возможно понять нашу историю так, чтобы восприятие ее опыта уберегло нас от «ошибок» в будущем. Однако понимать нужно. В этом случае периодика русского зарубежья станет одним из зеркал нашего самопознания. Она являет собою взгляд на нашу советскую историю с ее строительством прекрасного будущего со стороны — со стороны знания, ценностей, быта, привычек прежней, досоветской России, в недрах которой каким-то образом состоялось зачатие и рождение СССР. Хорошо, что есть свидетельства со стороны отцов и матерей наших, которые чудесным образом выжив в революции и гражданской войне, оказавшись на безопасном расстоянии от Советской России, стали рассказывать о ее рождении и росте. Находясь в недосягаемости для левиафана, они свидетельствовали о нем свободно, повинуясь лишь запросам своего сердца.

Но не поторопимся с таким утверждением. Сердца побежденных так же, как и сердца их победителей были отравлены революцией и братоубийством гражданской войны. Только победители остались на родной земле под родным небом и со своим народом, а побежденные были этого лишены. К ранам

революции и гражданской войны прибавилась еще одна — существования без России, без родины.

В 1918–1922 годах Советскую Россию покинули более 2,5 миллионов человек. Тяготы их беженской жизни (они, вернее, должны быть названы беженцами) были во всем — повседневности, от житейского уровня до политico-юридического статуса в чужом государстве. Бездомные и, в огромнейшем большинстве своем, безденежные, они ищут возможности трудиться и обеспечить простое проживание, вырастить детей и дать им образование, достойно проститься с ушедшими... А здесь — чужой язык и незнакомые нравы, да еще на каждое действие необходимо доказательство от документа... даже при доброжелательном отношении со стороны принимающего государства. Состоявшаяся организация жизни русских беженцев за границей может быть, пожалуй, названа их достижением. Оно же, в свою очередь, стало потому возможным, что образованная часть беженцев не рассматривала Европу как нечто неведомое или чуждое. Она была знакома с политико-правовой культурой Европы, с ее наукой и литературой, и многие из беженцев начинали это знакомство с обучения в европейских университетах. Имеются данные, что на начало 20-х годов более 70% беженцев принадлежали либо к людям интеллектуального труда, либо не имевшим специальности вообще, то есть тех, кто в прежней России мог жить на правах членов семьи. Очевидно, однако, что всех беженцев, включая и 30 недостающих процентов, объединяли язык, обида за ушедшую Россию, представшую перед ними в непонятном облике СССР — новой страны, из названия которой исчезло прежнее имя. Все беженцы, а не только наиболее образованные, определенно испытывали самую острую нужду узнать о себе — о своем рассеянии, о положении в странах рассеяния, о, быть может, возможном улучшении своей новой жизни... Так возникала русская журналистика за рубежом в самых разнообразных обличьях — от традиционных «толстых» журналов и ежедневных газет, до каких-либо «ежедневных обозрений» и разного рода бюллетеней, выходивших по случаю какого-либо события. Издания появлялись как бабочки-однодневки. Не успев расцвести, они быстро увядали. Скоро по достижении некоторой бытовой стабильности в принимающих странах у беженцев появляются разного рода общественные организации, что придавало новые импульсы развитию русскоязычной журналистики. Беженцы соединялись, начав сознавать себя принадлежащими какому-то единству, наследующему традиции ушедшей России, и уже потому противостоящему России Советской. Формировалось единое социокультурное пространство. Создавалась параллельная СССР зарубежная Россия. Цели ее осознавались — выжить, сохраняя в себе Россию, внимательно следить за коммунистическим экспериментом и бороться с ним, с его авторами и функционерами, чтобы, наконец, вернуться в свою Россию. Цели были сформулированы ясно — они были патриотическими и антисоветскими. Проблемой оставались средства их достижения. Уже в первые годы беженства выявились две позиции. Одни считали коммунизм болезнью русской души и надеялись, что со временем может состояться самоизлечение народа. Эмиграция должна способствовать этому процессу. Другая позиция предполагала активную борьбу с советской властью. Наиболее последовательные сторонники этой позиции заходили до-

стяжено далеко, что было показано их поведением в 1941–1945 годах, когда они предложили свои антисоветские услуги гитлеровцам.

* * *

Полагая себя посланниками русской культуры на Западе, ее законным наследником и продолжателем, русская эмиграция была ревниво внимательна к вопросам культурного строительства в Советской России. Выбор изданий для тематической росписи был крайне затруднен не столько огромным количеством газет и журналов, выходивших в русском зарубежье (в «Сводном каталоге русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий» только в библиотеках Санкт-Петербурга числится 446 журналов и 122 газеты)*, сколько самим предметом библиографической росписи — соприкосновение культур двух различных социальных миров на протяжении почти двадцати лет. Содержание любого из периодических изданий русского зарубежья было, по существу, точкой, в которой пересекались культуры двух миров — прежней императорской России и новой России, дерзнувшей на коммунистический эксперимент, началом которой стала разрушительная революция. Точка или место пересечения культур определялось позицией редакции издания — ее принадлежностью какой-либо общественно-политической позиции. Но жизнь периодического издания зависела от подписчиков — читателей, а следовательно, от того, насколько эта позиция была ими востребована, соответствовала их ожиданиям. Между тем, в русском зарубежье незначительное число журналов и газет выходило в течение пяти-десяти и более лет. По-видимому, редакции четырех журналов: «Время России» (1922–1932 гг.), «Новая Россия» (1936–1940 гг.), «Русская мысль» (1921–1929 гг.), «Современные записки» (1920–1940 гг.) — сумели найти среднюю позицию между партийностью и интересом подписчика. Специализированный журнал «Русская школа за рубежом» (1923–1931 гг.) самым непосредственным образом соответствует проекту нашего издания. Два оставшиеся издания — «Новый град» и «Русские записки» — следует рассматривать в качестве филиалов или ответвлений «Современных записок». Краткие характеристики названных журналов могут быть сведены к следующему.

«Русская мысль». Как известно, журнал был возрождением того петербургского — петроградского журнала, которым П. Б. Струве руководил с 1907 по 1918 годы и сделал его одним из лучших в России. Теперь настали другие времена, но Струве настаивал: редакция «будет осуществлять ту же задачу, которой она служила всегда: «быть органом свободной русской национальной мысли, политической и культурной», которая сможет «осознать, осмыслить обрушившуюся на нашу страну несчастья и катастрофу» и «сплотить вокруг себя все живые духовные силы, преданные идеалу органического национального возрождения России, ее государственности и культуры». Журнал, пожалуй,

* Эти данные могут быть дополнены другими. На 46-й странице «Очерков истории образования и педагогической мысли Российского зарубежья (20–50-е гг. XX в.)», изданных в Саранске в 2000 году, указано, что «в период между двумя мировыми войнами за рубежом выходило 1435 наименований русских журналов и газет по различным отраслям знаний.

можно назвать последним залпом последней битвы гражданской войны за Крым (1921 г.). Национальный либеральный консерватизм в его непримиримой противоположности мировому коммунизму был идеологической опорой журнала. Программные задачи журнала определялись и выражались в первую очередь в выступлениях самого редактора: «Историко-политические заметки о современности», «Социализм. Критический опыт», «Прошлое, настоящее и будущее. Мысли о национальном возрождении России» — и близких ему публицистов и политиков — С. С. Ольденбурга, К. И. Зайцева, В. Б. Ельяшевича. Среди авторов журнала — философы Г. А. Ландау, П. И. Новгородцев, Е. В. Спекторский, Г. В. Флоровский, социологи — Н. С. Тимашев, историки — А. А. Кизеветтер, П. М. Бицилли. Как и в прежнем издании, в зарубежной «Русской мысли» большое внимание уделялось художественной литературе в новой России. О ней пишут А. Г. Левенсон, К. В. Мочульский, П. Н. Савицкий и др. Широкое панорамное видение русской культуры, расколотой революцией, было предложено в статьях К. И. Зайцева, А. Д. Семенова-Тянь-Шанского, П. Б. Струве и др.

«Воля России». До обретения журнального формата «Воля России» была сначала газетой, а затем еженедельником; одно время выходила раз в полмесяца. Особенности ее содержания определились тем обстоятельством, что Прага стала пристанищем левой социалистической эмиграции. Не прошло и пяти лет от начала выхода, как из редакции сначала ушли правые эсеры (В. М. Зензинов, А. Ф. Керенский и др.), а потом и центрист В. М. Чернов. Пришли левые — В. В. Сухомлин, М. Л. Слоним, Е. А. Сталинский. Группа «Воли России» принимала русскую революцию позитивно, как состоявшийся факт русской истории, но в какое-то время свернувшей с пути демократического движения. Оттого и отношение к Советской России было если не позитивным, то понимающим. Нужно не пытаться реставрировать старое, а искать возможности для исправления состоявшегося отклонения от правильного социализма. «Журнал стремится идти в русле русского народничества, — поясняла редакционная статья, — пытаясь в свете его основных идей осознать и усвоить опыт революции». Журнал звал беженцев стать «лицом к России». Будучи продолжателями народнических традиций, учитывая своеобразие русского пути, редакция все же видит будущее России «на путях связи с западной культурой» и «активного участия» ее в мировых процессах. Естественно, что идеологическая линия группы «Воля России» обеспечивалась многочисленными статьями ее «левых вождей». Журнал вел полемику со своими «правыми» соратниками по эсеровскому движению об отношении к советской власти и к большевизму, но не опускался до уровня их «сменовеховского» приятия.

Поворот «лицом к России», помимо прочего, означает большое разнообразие материалов о советской жизни — быт, церковь, молодежь, жизнь окраин, семья и брак, общественное построение и т. п. Читателям были интересны обзоры советской жизни Тукалевского В. Н., Чернова В. М., «Впечатления нелегального» Глеба Гонцова, записки Вл. Лебедева, сумевшего с чужим паспортом проехать по России в год «великого перелома». Точно так же было большим количеством советской художественной литературы на страницах «Воли России» — Н. Асеева, И. Бабеля, Л. Леонова, В. Маяковского, Б. Пастернака. Журнал следил за жизнью советской литературы очень внимательно (обзоры

литературы, деятельность писательских организаций), огромное количество рецензий на советскую литературу, хроника литературной жизни. Политический деятель, публицист М. Л. Слоним обнаружил в «Воле России» выдающийся талант литературного критика. Поражает количество рецензий и откликов на советскую литературу — не только художественную, но и научную.

«Современные записки». Это — самый долговечный и самый известный из «толстых» журналов русского зарубежья. Он был свидетелем всей межвоенной эпохи (1920–1940) русского зарубежья, Европы, Советской России — Советского Союза (Правда 19–22.XI). Вышло 70 книг его, тиражом в 2000 экземпляров. Его читали в самых разных местах русского зарубежья, но и в СССР — тоже (поступало 25 экземпляров — в библиотеки и к советским и партийным деятелям). Издание было общественно-литературным, и редакция выдерживала нужное соотношение двух сторон своей деятельности. Известно, что название журнала производно от названий двух выдающихся демократических изданий в России XIX века — «Современника» и «Отечественных записок». Сначала редакция была чисто эсеровская, то есть народническая, социалистическая и демократическая, но — правого крыла этого движения, в отличие от эсеров «Воли России». Каждый из редакторов ко времени «Современных записок» имел героическую биографию выдающегося представителя эсеровского движения.

В заявлении «От редакции» была изложена платформа журнала. «Современные записки», — подчеркивала редакция, — посвящены прежде всего интересам русской культуры. «В самой России свободному независимому слову нет места, а здесь, на чужбине, сосредоточено большое количество культурных сил, насилиственно оторванных от своего народа, от действенного служения ему. Это обстоятельство делает особенно ответственным положение единственного сейчас большого русского ежемесячника за границей». Эта ответственность обязывала редакцию предоставлять страницы своего издания всему, «что в области художественного творчества, научного исследования или искания общественного идеала было объективно ценным с точки зрения русской культуры».

Редакция провозглашала идею единства России — федерации народов, всенародного республиканского парламента в форме Учредительного собрания, законом гарантирующего политические и гражданские свободы, всеобщего избирательного права, передачи земли трудящимся, права на труд и охрану труда. Противник этой программы не мог рассчитывать на участие в журнале. Однако заявленные редакцией антибольшевизм и антисоветизм были с очень широкими и плохо определенными границами. В их пределах могли быть — и были — свои «правые» и «левые»; в конце концов, практика работы журнала выводила его на центристскую политическую позицию, не получившую своего окончательного выражения. Впрочем, это делало журнал в той или иной степени приемлемым для разных слоев эмигрантов.

Авторитет журнала и, более того, его продолжительное существование были обеспечены его литературным отделом. М. Алданов, А. Белый, Б. Зайцев, И. Бунин, Д. Мережковский, И. Шмелев, М. Осоргин, В. Набоков, Г. Газманов и другие представители литературы русского зарубежья. Блистал именами отдел

литературной критики — Г. Алданов, З. Н. Гиппиус, Д. Святополк-Мирский, К. Мочульский. Выдающиеся мыслители и знатоки мировой культуры П. Бицилли, В. Вейдле, Ф. Степун и Г. Федотов рассматривали русскую историю в контексте мировых судеб и в катастрофической реальности современности и тем привлекали внимание читателей. Аналитику современной советской жизни взял на себя убежденнейший антисоветчик М. Вишняк. Проблемы советского хозяйства и социальной структуры рассматривали Б. Бруцкус и С. Загорский. «Неправильный» советский социализм сопоставляли с правильным Португейс С. и Н. Херасков.

Полное неприятие советской государственности не мешало следить за жизнью культуры в СССР — празднование пушкинского юбилея, ликвидация беспризорности, состояние советской школы, советских газет, съезды ВКП(б), пионерской организации, философия и востоковедение. Все статьи снабжались разными дозами критики изображаемого. За двадцать лет существования журнала в нем было отрецензировано более двухсот советских книг самого разнообразного содержания.

«Новый град». Издание было задумано в 1926 г. одним из редакторов «Современных записок» И. И. Бунаковым (Фондаминским), которого не удовлетворила философско-мировоззренческая индифферентность «Современных записок» в их осмыслиении русских событий. Разделявшие его соображения сотрудники «Современных записок» Г. П. Федотов, а затем Ф. А. Степун также признавали, что целостному социально-активному материалистически-атеистическому мировоззрению большевиков необходимо противопоставить столь же целостное социально активное христианское мировоззрение.

«Новый град» заявлял, что ни редакция, ни авторы не составляют партии или политической группы, но привержены известному духовному единству, «вечной правде, правде личности и ее свободе», «воле к новой организации жизни», «правде общежития». Более отчетливо принципы этого единства были названы Степуном: 1) либеральная идея политической свободы; 2) социалистическая идея общественно-хозяйственной справедливости; 3) христианская идея абсолютной личности..

В таком характерном для русской журналистики в целом «направленческом» духе «Новый град» выходил под редакцией Бунакова (Фондаминского), Степуна и Федотова. Журнал представлял то направление «пореволюционного» сознания, которое надеялось на «самоизживание» коммунизма. Свою цель редакция видела в выработке целостного мировоззрения, в котором признается абсолютная (религиозная) ценность свободы личности, и в воспитании социально активного человека, руководствующегося христианским мировоззрением.

Совершенно не случайно, что журнал стоял у истоков «Православного дела» матери Марии. Редакция хотела наметить контуры социально-экономического и культурного облика будущего мира. Так, например, И. Бунаков полагал, что постбольшевистское хозяйство не будет советско-крепостным, но и не станет свободно-капиталистическим Отталкиваясь от социальной практики и капитализма, и социализма, журнал проявляет интерес к социально-экономическому реформаторству в различных странах, не исключая учета опыта Советской

России, за что оппоненты «Нового града» упрекали его в просоветизме. На такие упреки отвечал Ф. Степун в пятой книге.

Естественно большое внимание журнала к реалиям советской жизни. Природу ее хозяйственного строя рассматривали И. Бунаков, С. Гессен, П. Савицкий. Советской молодежи посвящена редакционная статья № 1 за 1932 г. и пятая беседа в обществе «Круг» (№ 11). Проблема семьи и брака затронута в статье Ф. Степуна. О советской школе дважды говорил С. Гессен. В статье «Сумерки отечества» Г. Федотов утверждал, что страна и сейчас сохранила статус третьего культурного материка между Европой и Азией, а П. Савицкий подтверждает, что СССР на 90% живет культурой XIX века.

Осознавая литературоцентричный характер русской культуры, «Новый град», рассматривая вопросы литературы, выдвигал на первый план проблему взаимоотношения художника и общества, свободы и социальной ответственности литературы. Из произведений собственно литераторов «Нового града» были напечатаны статьи М. Цветаевой «Лирика и эпос в Советской России. Владимир Маяковский и Борис Пастернак» (№ 6 и 7) и отрывок из романа В. С. Яновского «Портативное бессмертие» — под названием «Доклад Свифтсона», в котором отражена основная идея «Нового града» о необходимости воспитания «человека «Нового града», унаследовавшего традиции русской интеллигенции, всегда устремленной к устроению Царствия божьего на земле.

Об отношении писателей к новоградским требованиям дают представление отчеты о заседаниях литературного общества «Круг», печатавшиеся в 10-м и 11-м номерах журнала.

«Русские записки». Общественно-политический и литературный журнал выходил в Париже в 1937–1939 гг. Вышло 19 его книжек (с двумя сдвоенными номерами). Журнал был «дочерним» предприятием «Современных записок» и поначалу редактировался теми же лицами, кто руководил и парижским журналом, то есть Н. Д. Авксентьевским, И. И. Бунаковым (Фондаминским), М. В. Вишняком и В. В. Рудневым. Только местом издания значилось экзотическое «Париж-Шанхай». Новый журнал появился по просьбе русской эмиграции в Китае. Она высоко ценила «Современные записки», но находила их тематику далекой от жизни русской эмиграции на Дальнем Востоке. Новый журнал стал выправлять положение, поместив об этом статьи Н. Лидина и И. Бунакова (Фондаминского). С апреля 1938 г. «Русские записки» обрели нового редактора — П. Н. Милюкова, а секретарем редакции стал М. В. Вишняк. Новая редакция стала актуализировать материалы, оповещая о современных событиях в мире, даже публикуя хронику тревожных событий, приближающих к войне.

Очевидна главная направленность интереса редакции к масштабным социально-культурным процессам, происходившим в СССР (пятилетку и изменение социальной структуры в стране оценивал Е. Юрьевский, сталинскую конституцию и право — Л. Торопецкий, А. Керенский и Е. Кускова, феномен советской бюрократии — П. Берлин, политические репрессии — П. Берлин и Б. Суворин, Красную армию после чистки — Э. Воленборг и т. п.). По общим проблемам истории русской культуры и ее современному состоянию выступали Г. Федотов и Н. Алексеев. О советской литературе дважды выступил в журнале Г. Адамович; он же дал обзор мемуарной прозы А. Белого, вышедшей в Москве.

«Русская школа за рубежом». Этот журнал, безусловно, не идет по ведомству популярных и общедоступных изданий. Это — специализированное педагогическое издание. Но оно существовало почти десять лет (1923–1931 гг.) и, значит, было востребовано — скорее всего, по единственной причине — в семьях беженцев из России были дети... В странах русского рассеяния появляются школы, где они будут учиться. Буквально, на голом месте, на чужбине: язык, обычаи, еда даже одежда — все не как дома, все не как в России. Появляются школы, между этими школами существует незримое единство — единство устремления к России. «Ибо, — говорилось в редакционной статье, — чем иным живут зарубежные школы, как не мыслью о России...» Редакция продолжает: «...во имя чего столько страданий физических и моральных, как не во имя охранения тех, кому суждено вернуться в землю обетованную? И вот наша первая задача — работать над возможно большим объединением зарубежных школ, русского зарубежного учительства... Мы искатели. У нас нет готовых формул. Наш девиз: свободная школа».

Журнал ставил своей задачей освещение жизни школ за рубежом, помогая педагогам ориентироваться в новейших направлениях современной педагогики. Редакция — выдающийся философ педагогики С. И. Гессен, выдающийся лингвист и педагог С. И. Карцевский и их коллеги — наметили шесть постоянных разделов (общая педагогика, народное просвещение в СССР, русская зарубежная школа, народное просвещение в Западной Европе и Америке, вопросы методики, библиография). Информация о процессах в советской педагогике и системе народного образования подавалась весьма разнообразно — с хроникальных заметок и перепечатки разного рода документов советского народа до обобщающих статей о его практике. Поразительно, что менее чем 10 лет, выйдя 34 номерами, журнал поместил свыше 200 рецензий на книги по педагогике, методике преподавания и детскому чтению, изданные в СССР.

Чтение журнала не оставляет сомнений в том, что его авторы хотели быть объективны в отношении образовательной ситуации в СССР. Иное дело, что выдерживать нужную объективность было трудно просто потому, что в переволюционные двадцатые годы советская система образования находилась в неустойчивом положении. Очевидно, что многое не было понятно авторам «Русской школы» — и конечная цель советского образования — подготовка полезного во всех отношениях будущего участника социалистического строительства, и педагогическое экспериментаторство, не имевшее никаких научных оснований, и, наконец, классово-политический подход как в содержании образования, так и в демонстрируемых привилегиях (или, напротив, препятствиях) при поступлении в высшее учебное заведение. Анализ общего образования в СССР двадцатых годов был дан в статьях А. Бема, С. Гессена, Б. Никольского, М. Новикова, Н. Новожилова, А. Павлова и др.

Журнал исследует советскую систему образования на различных уровнях ее организации — ликвидация безграмотности и борьба с беспризорничеством, типы школы, профессиональное образование, содержание учебных программ (математика, естествознание, литература), состояние педагогической мысли, положении шкраба, то есть школьного работника, то есть учителя. Обнаруженный при этом идеологизм в жизни советской школы делал нормы русской

дореволюционной школы более привлекательными. Уже само обращение к ним делало возможной более правильную оценку современного образования в СССР. Журнал почитают как бесспорно, лучший педагогический журнал в эмиграции.

«Новая Россия». Это издание было основано и руководимо А. Ф. Керенским и выражало политическое мировоззрение правых эсеров. Редакция формулировала свою позицию относительно современности следующим образом. Девятнадцать лет, прошедшие с революции, радикально изменили страну: «сменились поколения, перевернулась структура страны, исчезли бесследно целые классы населения. Вечная сущность России, преодолевая все над ней производимые идеологические жесточайшие опыты, ищет новых форм своего бытия. В этом весь смысл ныне происходящих событий в СССР. Из ленинского “плацдарма мировой революции”, пройдя Голгофой сталинской пятилетки, Россия превращается в народное государство. Эти два слова уже сказаны Сталиным...» Но редакция знает, что народное государство может быть только государством свободным. Потому у издания есть одна задача — «освобождение человека и раскрепощение существующего в стране хозяйства», то есть «уничтожение нового крепостничества во всех его видах». Третьей задачей «Новой России» стала «охрана исторического достояния России». В этих границах возможные авторы «Новой России» идут своим собственным путем: «Христианин и безбожник, эллин и иудей, народник и марксист, социалист и демократ — все мы, во многом разные, в одном — едины: в борьбе за раскрепощение России, за освобождение человека, за создание нового очеловеченного социального строя».

Особенность «Новой России», так благоприятно выделяющая издание из уже названных — пристальное внимание к текущим событиям советской жизни и быстрая реакция на них. Лучше всего об этой особенности скажет рубрика «Голос издалека», которую вел А. Ф. Керенский. Перечислю оглавление рубрики в особенном для советских людей 1937 году: «От Ленина к Сталину» (№ 19), «Пушкин» (№ 21), «Самоуничтожение ленинизма» (№ 22), «Двадцатая годовщина» (№ 23), «Новый русский царь. Некоторые итоги сталинизма» (№ 32), «Идеальный студент по Сталину» (№ 34), «Расправа с духовенством» (№ 37). Была рубрика «Критики советской жизни». Она давалась без подписи. Вот одна из картинок того же 1937 года: «Догоняют и перегоняют. Демократия при содействии милиции. Пропихивают подписочку. Кто сильнее — нарком или конституция». Но когда стало все яснее, что мир приготовляется к войне, журнал занимает отчетливо выраженную патриотическую позицию. Помимо названных, в журнале выступали Г. Адамович, М. Алданов, Н. Алексеев, Н. Бердяев, П. Берлин, М. Вишняк, З. Гиппиус, В. Зензинов, Е. Извольская, Г. Федотов.

* * *

Самодержавная и синодальная Россия не выдержала невольного соседства с капиталистической Европой. Она заболела революцией и вошла в Европу XX века февральским кризисом 1917 года. Большевики дважды спасли Россию — первый раз в Брестском мире, после чего сковали революцию обручем коммунистического самодержавия, а второй раз, когда организовали советский

народ для отпора фашистской Европе. Но спасение России дорого обошлось ей. Мало того, что она раскололась на зарубежную и советскую Россию, главным было то, что тенденция раскола сохранилась и одействорилась снова, прежде всего, в расколе славянского ядра России в 1989 году. Сейчас воспитанники византийско-коммунистического СССР, вполне войдя в ореал современного капитализма, прилагают гигантские усилия по сохранению исторически сложившегося союза неравномерно развитых регионов постсоветской России. Они лихорадочно ищут скреп этого конгломерата. Дай Бог им сил!

Задачи рядовых участников исторической драмы России значительно скромнее. Указатель статей, заметок и рецензий в семи журналах русского зарубежья, посвященных культуре, науке и образованию в Советской России — СССР, имеет скромную цель — напомнить о единстве русской культуры, которое однажды было нарушено в феврале-марте 1917 г. Если культура, то есть свободное творчество, является способом существования человека и его целью, то такое напоминание в наши дни вполне уместно. Имея в виду историософский подтекст событий русского столетия от 1812–1814 до 1914–1917 гг., которые привели к образованию двух России — советской и зарубежной, составитель отказался от формального культурологического подхода к предметному указателю. Попытки авторов русского зарубежья осмыслить революцию 1917–1921 гг. и последующую жизнь континентальной Советской России неизбежно выводили их на проблемы философии истории вообще и, их философскоеrossиеведение, в особенности. После этого, после удовлетворения неистребимых потребностей русских авторов в осмыслении вечных русских проблем они начинают переживать за состояние и судьбы экономики, социальной структуры, политico-правовой жизни, культуры (в целом), науке (в целом), просвещения (в целом), а потом уже — события, факты, имена.

Задача указателя скромна — только облегчить труд современного россиеведения. Указатель адресуется историку русской культуры и только систематизирует статьи и заметки авторов русского зарубежья о событиях культуры, науки и образования, состоявшихся в Советской России — СССР двадцатых-тридцатых годов XX века.

Что касается авторов или аналитических статей о культурном процессе в СССР, или простейшей о нем информации, то ли историко-культурных обобщений о его будущем, то ли рецензий о какой-либо советской книге, то ими были самые разные представители дореволюционного культурного расцвета, сорванного народной революцией октября 1917 года и гражданской войной, — неизвестные, не очень известные и, наконец, известные сегодня каждому гуманитарию. Убедиться в этом легко, лишь взглянув на указатель имен, расположенный на последних страницах нашей книги — от А. Н. Бердяева, до С. Я. Эфрана и А. С. Ященко. Как внимательно они следили за культурой Советов — иногда восхищаясь, чаще — негодяя, а еще чаще — осуждая ее или за идеалистический утопизм, или — что становилось все чаще — за то, что, существуя в условиях несвободы, она сама пропитывается несвободой.

В указателе названо более 1500 статей, заметок и рецензий, отразивших значительный круг самых разных сторон и моментов культурного развития первого в мире социалистического государства за первые двадцать лет его

существования. Время небольшое — даже по меркам жизни одного человека. За столько лет человек входит в юношеский возраст и или овладевает профессией, или еще учится в институте. Столь краткие годы, охваченные указателем, разрешают говорить только о зарождении новой культуры. К тому же было бедой, что революционное исполнение лозунга «кто был ничем, тот станет всем» привело к тому, что новая страна в одночасье лишилась почти всей своей учительской силы — элиты художественной, научной и технической интеллигенции, с трудом взращенной петровской Россией.

В сущности, культурное строительство нужно было начинать заново — с ликвидации неграмотности и использования тех культурных богатств, которые были пригодны для послепетровской советской России. При этом строителям новой культуры нужно было тогда же разрешать множество задач по выживанию, то есть задач хозяйственного, социального и военно-политического характера. Выживание как внекультурная задача определила подход к задачам культурным и решение этих последних. Этот императив при учете культурного уровня народа, призванного к социальной ответственности, провоцировал «организованное упрощение культуры», что часто становилось предметом негодования или шуток зарубежной России.

Согласимся, что любое культурологическое исследование предполагает уяснение исторической обусловленности и социально-экономической среды культурного развития, а в 20–30-е годы XX века — его политической составляющей, оставшейся в наследство от гражданской войны. Не только большевистские победители строго и во всем следили за верностью революции и новой власти, но и эмиграция жила антикоммунистической и антисоветской политикой и сидела на нераскрытых чемоданах, лелея мечту о реванше. Изображение советской культуры в журнале «Современные записки» корректировались острыми антисоветскими обзорами М. В. Вишняк «На родине». В «Воле России» подобную функцию исполняют статьи В. М. Чернова, Е. А. Сталинского, В. В. Сухомлина, а в «Новой России» — А. Ф. Керенского.

Поэтому пользователя нашим изданием не может удивить структура предметного указателя, предполагающая две его части. В первую часть вошли статьи о культурно-исторических предпосылках и социально-политической среде рождения советской культуры. Статьи, заметки и рецензии, рассказывающие о собственно культурных полях Советской России — от литературы до внешкольного образования, — вошли во вторую часть предметного указателя.

Взгляд эмигранта на советский культурный процесс преимущественно критический. Даже признавая необходимость того, что дала Советская власть в области культурного строительства, исполнение последнего они находили большей частью неудовлетворительным. По-иному, похоже, и быть не могло. Жестокая революционная Советская Россия, которая их оттолкнула, не была их Россией.

Однако советская история подсказывает, что хилиастическая устремленность марксистской идеологии оказаласьозвучной традициям русского сознания. Она была столь вдохновляющей, что цивилизованное единство советского государства, общества и культуры состоялось без участия русского зарубежья. Два события мировой истории XX века — победа над фашизмом в Великой Отечественной войне и начало освоение космоса — подтверждают этот тезис.

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.023

УДК 1 (091)

Е. Ю. Машукова*

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В РЕЦЕПЦИЯХ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ ГРАД»**

Предметом данного исследования является отношение авторов эмигрантского журнала «Новый град» к строительству социализма в СССР в 30-х годах XX века, и в частности к одной из главных задач построения социализма — формированию нового советского человека. Характерной особенностью новоградцев явилось то обстоятельство, что, отвергая и критикуя сталинский социализм, они также не принимали и капитализм в качестве исторической альтернативы. Критика капитализма и социализма предпринималась авторами журнала прежде всего на том основании, что в этих режимах невозможно было осуществление главной цели социального развития — правды личности и ее свободы. На страницах журнала осуществляется развернутая критика деятельности советской власти, направленной на формирование нового советского человека. По сути все направления этой деятельности объединялись термином «культурная революция». Она включала в себя следующие задачи: создание новой пролетарской культуры, искоренение религии, ликвидацию безграмотности, создание новой пролетарской морали, в основе которой была полная подчиненность человека делу строительства коммунизма. Новоградцы полагают, что на всех этих направлениях деятельность большевиков привела к фактическому уничтожению в Советской России всякой возможности самозарождения личности. Советская власть хочет господствовать над людьми, сделав их безличными строителями социализма, а по существу «зомбированной массой, которой легко управлять», считают авторы «Нового града». Автор делает попытку связать размышления новоградцев с реальным контекстом эпохи и работами современных авторов и приходит к выводу о том, что многие оценки авторов журнала являются настолько точными, что фактически повторяются современными исследователями данной проблемы.

Ключевые слова: Новый град, советский человек, свобода личности, духовные ценности.

* Машукова Елена Юрьевна, кандидат философских наук, доцент, Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского, Санкт-Петербург; lilacrainbow@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00783 «Социально-философская и политическая просоветская мысль первой волны эмиграции русского зарубежья в периодических изданиях 20–50-х гг. XX века».

E. Y. Mashukova
**THE FORMATION OF A NEW SOVIET MAN IN
THE RECEPTION OF THE AUTHORS OF THE MAGAZINE “NOVY GRAD”**

The subject of this study is the attitude of the authors of the émigré magazine «Novy Grad» to the building of socialism in the USSR in the 30s of the XX century, and in particular to one of the main tasks of building socialism — the formation of a new Soviet man. A characteristic feature of the Novogradites was the fact that, while rejecting and criticizing Stalinist socialism, they also did not accept capitalism as a historical alternative. Criticism of capitalism and socialism was undertaken by the authors of the journal primarily on the grounds that in these regimes it was impossible to achieve the main goal of social development — the truth of the individual and his freedom. On the pages of the magazine, a detailed criticism of the activities of the Soviet government, aimed at the formation of a new Soviet man, is carried out. In fact, all areas of this activity were united by the term «cultural revolution». It included the following tasks: the creation of a new proletarian culture, the eradication of religion, the elimination of illiteracy, the creation of a new proletarian morality, which was based on the complete subordination of man to the cause of building communism. Novograd residents believe that in all these areas the activities of the Bolsheviks led to the actual destruction in Soviet Russia of any possibility of self-generation of the individual. The Soviet government wants to dominate people by making them impersonal builders of socialism, but essentially a «zombie mass that is easy to control,» the authors of the «New City» believe. The author makes an attempt to link the reflections of Novograd residents with the real context of the era and the works of modern authors and comes to the conclusion that many of the assessments of the authors of the journal are so accurate that they are actually repeated by modern researchers of this problem

Keywords: Novy Grad, Soviet man, personal freedom, spiritual values.

Приблизительно с середины 20-х гг. прошлого столетия, после утверждения большевистского режима в бывшей Российской империи, в отечественной и эмигрантской общественной мысли возникла проблема советского человека как особого социально-антропологического явления.

Например, группа «Смена вех» (и вместе с ней значительная часть русской эмиграции) утверждала, что нормальный «русский человек» (прежде всего мужик, крестьянин), переживший кошмары войны и революции, возьмет верх над революционными фантазерами и организует жизнь и государство на обычных началах. Группа так называемых евразийцев надеялась на то, что порожденный революцией «новый человек» спасет российское государство и сможет ориентировать его на (мифологизированную) Азию. Советская официальная общественная мысль ориентировалась на то, что должным образом реконструированный и «исправленный» человек имперской эпохи послужит достаточно надежным кирпичиком новоимперской государственности [см. об этом: 14].

20-е годы XX века — время значительных экспериментов в культуре, получивших название культурной революции: попытки совершить реформы в образовании, отменить или преобразовать семью, создать новую proletарскую мораль, новое искусство и литературу — все эти попытки были свернуты, и в 30-е годы начинается возвращение к истокам, так называемое «Великое отступление». «Концепция “Великого отступления” означала, что после безудержного революционного экспериментаторства во всех сферах

жизни в 1920-е гг. сталинистская система 1930-х гг. из-за ряда объективных причин снова вернулась к традиционным ценностям» [29, с. 355]. Принято считать, что становление «классического» типа советского человека приходится на 30–40-е годы XX века, когда выросло первое поколение людей, воспитанных при советской власти и испытавших влияние всех этих нововведений. Именно на это время приходится деятельность эмигрантского журнала «Новый град», который активно включается в дискуссию о советском человеке целым рядом полемических статей. Это не было случайностью, ведь проблема свободы личности и ее гармонического развития всегда была в центре внимания новоградцев. Необходимо отметить, что журнал «Новый град» занимал особое место в богатой на таланты русской эмигрантской литературе 30–40-х годов. Это место определено было не только тем, что в его создании принимали участие выдающиеся мыслители и блестящие стилисты: Г. Федотов, Ф. Степун, Н. Бердяев, Н. Лосский, И. Бунаков, Б. Вышеславцев, но также тем обстоятельством, что, отвергая и критикуя сталинский социализм, новоградцы также не принимали и капитализм в качестве исторической альтернативы. Критика капитализма и социализма предпринималась новоградцами прежде всего на том основании, что в этих режимах невозможно было осуществление главной цели социального развития — правды личности и ее свободы. Они понимали, что эта цель неосуществима без духовного перерождения людей. Свою задачу они видели в том, чтобы выработать целостное мировоззрение, в котором признавалась бы абсолютная ценность личности. Это мировоззрение должно было бы противостоять большевистской идеологии, ведь, по мнению новоградцев, любой социальный строй держится на душах людей, следовательно, надо подорвать доверие людей к этому строю, «увести души людей от советской власти». Необходимо также упомянуть, что основой такого мировоззрения должно было быть христианство, так как, лишь оно, по убеждению новоградцев, открывает для людей бесконечную ценность личности. Но, на первое место выходит нравственное измерение христианства, которое нужно возродить в общественной жизни. В редакционной статье первого номера журнала его авторы пытаются обозначить основные черты справедливого общественного устройства, то есть такого социального строя, где осуществилась бы наконец подлинная демократия, которая гарантировала бы свободу личности, ведь по словам одного из авторов «Нового града» Б. Вышеславцева: «Принцип демократии, наперекор словесному смыслу, вовсе не есть власть народа и власть большинства. Принцип демократии: правовое государство и автономия личности» [7, с. 39].

На страницах журнала осуществляется развернутая критика деятельности советской власти, направленной на формирование нового советского человека. По сути все направления этой деятельности объединялись термином «культурная революция». Она включала в себя следующие задачи: создание новой пролетарской культуры, искоренение религии, ликвидацию безграмотности, создание новой пролетарской морали, в основе которой была полная подчиненность человека делу строительства коммунизма. Итогом деятельности советской власти в этом направлении было воспитание нового поколения советских людей. Каковы же главные черты этого нового советского челове-

ка, воспитанного большевиками? Очевидно, что все эти черты должны были воплотиться в молодежи 30-х годов, первого поколения людей, воспитанных советской властью. Новоградцы подчеркивали, что именно молодежь стала главной идеологической опорой новой власти, более того, комсомол в СССР к 30-м годам был единственной силой, сохраняющей веру в коммунизм. Молодежь, настоящий «железобетон» советской власти, отмечает И. Бунаков, так как воспитана большевиками по своему образу и подобию. И даже если некоторые представители молодежи ненавидят свою власть, они очень мало от нее отличаются по складу своей души, по взглядам на мораль, семью и любовь [6, с. 37]. Вследствие того, что молодежи свойственен максимализм, «оторванность от жизни», она наиболее склонна поддержать любую радикальную доктрину, именно поэтому она является наиболее «идеократическим» слоем советского общества. Но, так называемый идеализм советской молодежи не является моральным, хотя некоторые моральные качества в ней присутствуют, такие как мужество, дисциплина, преданность общему делу. Но эти качества в сочетании с отрицанием личной чистоты, правдивости и человечности создают скорее военный тип общественного служения, полагает Г. Федотов [27, с. 15]. Поэтому, можно восхищаться некоторыми качествами молодежи, например, трудовой энергией, но есть и оборотная сторона — комсомольцы не только строят заводы, но и разрушают храмы и расстреливают крестьян, и вообще энергия комсомола направлена против народа, которого силой загоняют в «технический рай».

Следующим направлением культурной революции было полное искоренение религии. Но в СССР коммунизм де-факто перерастает во что-то, напоминающее религию, отмечает И. Лаговский, показывая на конкретных примерах, взятых из советской прессы, рождение в Советской России «нового религиозного сознания». Коммунистический энтузиазм приобретает в советской России все более религиозную окраску, об этом свидетельствует и эсхатологическая одержимость большевиков, и почти религиозная природа культа Маркса и Ленина:

«Утверждение социальной правды, как дела прежде всего религиозного, в советских условиях часто принимает даже странные, граничащие с кощунством, уродливые формы. Советский культ Маркса и Ленина становится религиозным. Они, как обличители социального зла, предсказывавшие о новой социальной действительности, потрудившиеся над осуществлением ее, начинают почитаться как своего рода пророки» [12, с. 48].

Степун, в свою очередь, говорит о «церковно — приходском марксизме» Ленина [17, с. 9] и резюмирует, что страна уже 15 лет «бьется в бреду рационалистического утопизма» [19, с. 18]. Интересно, что эти наблюдения новоградцев полностью разделяют современные исследователи: так, известный американский исследователь Стивен Коткин писал о теократических аспектах сталинской цивилизации [31], наконец, заявление о том, что марксизм был в сущности, лишь еще одной формой религии в СССР, является почти общим местом в современных исследованиях [см. об этом: 29].

Формированию образа нового советского человека подчинена была вся система образования, считал С. И. Гессен, один из авторов «Нового града»,

написавший одну из лучших книг по педагогике в XX веке — «Основы педагогики». Гессен подчеркивал, что главной целью образовательной политики советской власти было воспитание членов нового коммунистического общества: «Школьная политика должна была разрешить задачу создания “квалифицированной рабочей силы”, коммунистическое правоверие которой стояло бы выше всяких подозрений» [8, с. 68].

По мнению Гессена, культурная пятилетка провалилась: «Отступление советской власти на фронте просвещения является одним из “возвышеннейших зрелищ эпохи Русской Революции”» [9, с. 42]. Почему же она провалилась? Прежде всего потому, что итогом повальной ликвидации безграмотности стало чудовищное снижение качества образования. За один только год удалось ликвидировать миллионы безграмотных, но фантастический количественный рост школы привел к такому чудовищному снижению ее качества, что сама советская власть была потрясена обнаружившимися результатами.

Также большевики были вынуждены признать неудачу «классового отбора»: «Пролетариат оказался явно неспособным или нежелающим воспользоваться предоставленной ему привилегией “грызть гранит науки”» [там же]. Дело в том, что до 1935 года прием в советские вузы регулировался нормами представительства различных общественных слоев, в рамках которых особое предпочтение отдавалось абитуриентам пролетарского происхождения. Делалось это в целях создания рабочей интеллигенции. В 1928 году пролетарское происхождение имела четверть советских студентов; к 1935 году их доля достигла 45%. В декабре 1935 года вышло правительственное постановление, которым провозглашалось право всех советских граждан независимо от происхождения на получение высшего образования. Однако эта новая политика не покончила с дискrimинацией «классово чуждых» элементов.

Следующим направлением школьной реформы было преимущественное внимание к политическим вопросам, следствием чего явилась тотальная политизация школы. Гессен отмечает, что грамотность понималась как «грамотность, в первую очередь политическая», а не как «безошибочность в письме». С 1928 года политграмота разрастается в целый самостоятельный цикл отдельных учебных предметов, в так называемое «социально-политическое ядро» учебных программ. Таким образом, вместо того, чтобы развивать всесторонне задатки личности, речь шла о том, чтобы сделать образование орудием всемирной революции, а личность учащегося — средством партии и государства. Сближение школы с производством, а также ее последующая военизация способствовали этому процессу. Гессен отмечает, что все эти нововведения наложили несомненный отпечаток на самоидентичность советского человека:

Выдвижение рабочего комсомольца на командные посты было последней целью школьной реформы. Самоуверенный и полуграмотный, исполненный ненависти к старым спецам и предпочитающий им иностранных наймитов, он представляет собою тот новый правящий слой, на который во все большей степени принуждена опираться советская власть [8, с. 74].

Следующим важнейшим направлением деятельности советской власти, направленной на формирование нового человека, было реформирование семейно-брачных отношений. Большевики провозгласили задачу создания

новой пролетарской культуры и новой морали. Однако, по мнению новоградцев, «борясь за новую мораль, они нанесли непоправимые удары всякой морали» (Степун). Это особенно было заметно в такой области общественных отношений, как семья и брак.

Практика заключения браков в СССР в то время регулировалась Семейным кодексом 1926 года, легализовавшим фактические браки совместно проживавших партнеров. Эти браки назывались гражданскими, известно, что первый такой брак был заключен между матросом Павлом Дыбенко и народным комиссаром общественного призрения, впоследствии чрезвычайным и полномочным послом СССР Александрой Коллонтай.

О значении, которое социальная революция придавала вопросам семьи и брака, свидетельствуют два декрета за подписью Ленина, изданные уже 19 и 20 декабря 1917 года. Они, по существу, упраздняли все прежнее законодательство о браке и семье. Один декрет назывался «об отмене брака» (но его содержание не было таким однозначным, как его название). Второй декрет назывался «О гражданском браке, о детях и о внесении в акты гражданского состояния». Оба закона лишили мужчину права на руководство семьей, предоставляя женщине полное материальное и гражданское самоопределение:

«В соответствии с общей тенденцией к упрощению жизни, характерной для советской системы расторжение принудительного брака было чрезвычайно упрощено. Сексуальный союз, который все еще назывался брачным, можно было столь же легко расторгнуть, как и заключить, значение имело лишь свободно выраженное согласие партнеров. Регистрация отношений перестала быть обязательной, вопрос об отношениях между партнерами больше не решало государство» [15, с. 61].

Ф. Степун в статье «Любовь по Марксу» считает, что «либертарная» идея освобождения женщины и семьи на самом деле обернулась закрепощением семьи «коммунистической государственностью, выдаваемой за советскую общественность» [18, с. 18]. Установка института фактического брака и проповедь свободной любви разрушила институт семьи, и это не было случайностью, полагает Степун, ведь, семья является тем фундаментом, на котором держится независимость личности, таким человеком уже труднее управлять. Советской же власти нужен весь человек, отсюда принцип уничтожения всяких «мещанских» семейных радостей. Вводя «холостую психологию», советские писатели стремятся к наибольшей «депоэтизации» любви, к ее «метафизическому удешевлению». Таким образом, обесценивание семьи и любви как буржуазных ценностей оказалось на руку советской власти, которая хочет господствовать над людьми, сделав их безличными строителями социализма, а по существу «зомбированной массой, которой легко управлять», считает Степун [см. об этом: 18].

И, наконец, еще один миф советской власти — идея о том, что только жизнь в коллективе придает смысл человеческому существованию, другими словами, подлинной социальной жизнью является жизнь в коллективе. Необходимо отметить, что коллектив был специфически советским, а не универсально-человеческим феноменом [29, с. 72], в советских словарях «коллективизм» определялся как принцип товарищеского сотрудничества работников, согласно

которому личные интересы индивида должны быть подчинены общественным. Считалось, что подчинение революционному коллективу придает человеку силы и гарантирует осмысленность его существования. Только социальное единство, построенное по социалистическому принципу, говорил теоретик коллектива А. С. Макаренко, может быть названо коллективом [цит. по: 29, с. 96]. По определению основоположника советской педагогики, коллектив — общность, связанная с борьбой за коммунистическое будущее [там же].

Но советский коллектив — это не более, чем фикция, пишет Степун, так как подлинное единение между людьми возможно лишь там, где речь идет о личностях. Но поскольку большевики отрицают самоценность человеческой личности, и в общем-то делают все, чтобы уничтожить саму возможность ее возникновения, ни о какой нравственной связи между людьми говорить не приходится. По этому поводу Степун остроумно замечает, что: «о подлинной общинности можно говорить лишь там, где общество состоит из личностей; там же, где оно состоит не из личностей, а из индивидуумов, допустима, строго говоря, лишь речь о коллективе» [21, с. 214].

С оценкой Степуна перекликается замечание советского философа А. Зиновьева, которое приходится уже на 70-е годы прошлого столетия: «Реальная жизнь коллектива — это постоянная борьба за признание, где каждый пытается помешать другим отличиться» [см. об этом: 10]. Поэтому не случайно советский коллектив оказался той средой, где зарождалось новое советское мещанство. Интересно, что о появлении мещан в советском обществе писал тот же Макаренко, отмечая, что главным признаком этих людей было притворство и лицемерие. Макаренко считал существование таких притворщиков главной угрозой для коллектива. Его забота как главного педагога была в том, чтобы разбираться не с теми, кто открыто нарушил правила коллектива, а с теми, кто был почти незаметен в повседневной жизни. Макаренко считал, что притворяющиеся советскими патриотами могут после выхода из колонии быстро стать мещанами, то есть, по словам Макаренко, «рано женятся, заводят семейку, пристраиваются при помощи всяких лазеек на работу, выходят из комсомола, теряют общественную связь...» [цит. по: 29, с. 354]. Думается, что не будет большим преувеличением сказать, что лицемер постепенно превратится в господствующий тип советской личности: так, современный исследователь отмечает, что советское лицемерие было специфическим способом связки публичной и приватной сфер в советском режиме. Лицемеры новой эпохи формируются как личности именно с помощью самой практики лицемерия: этот раскол естественен для них, так как они становятся частной независимой личностью, лишь затворяя свою жизнь от товарищей. Теперь становится вообще трудно выжить, если ты не лицемер, и не только из-за того, что режим уничтожает мужественных нелицемеров, но и потому, что «лицемеры, превратившиеся в господствующий тип советской личности, вынуждают всех стать таковыми» [29, с. 359].

По мнению новоградцев, спасти человека от социального утилитаризма и мещанства может лишь возрастание духовной жизни в мире, духовное пробуждение личности, но это как раз невозможно, потому что большевики разрушили русскую культуру и по сути уничтожили интеллигенцию.

Как известно, наиболее сложным в советском обществе оказалось положение интеллигенции. В новой социальной иерархии интеллигенция занимала низшие позиции, она презрительно именовалась социальной прослойкой, доминирующее положение в обществе должно было принадлежать двум основным классам советского общества — рабочим и крестьянам. Сама природа труда, которым занималась интеллигенция, вызывала недоверие рабочего класса, которому совершенно чуждо было понятие о профессиональном равенстве, т. к. физический труд признает «мозоли единственным критерием труда» [25, с. 32]. Следствием этого явилась социальная деградация интеллигенции и упадок культуры. К тому же, работники духовного труда не создают материальных ценностей, и, пока производство материальных благ поглощает внимание общества, нечего и думать о восстановлении должного духовного строя, пишет Г. Федотов [25, с. 33].

Итог всем этим размышлениям подводит тот же Г. Федотов, резюмируя, что «большевикам удалось воспитать поколение, для которого нет ценности человеческой души и когда склынет волна революционного колlettivизма эта “мораль” станет на службу личного эгоизма. Появится новое мещанство — социалистическое» [28, с. 5]. По мнению авторов «Нового града», мещане — это люди, привыкшие жить обыденными интересами, для них не существует духовных ценностей. Мещанство не есть сытость или даже пресыщенность материальными благами, а некий строй души, некая направленность сознания. Новоградцы считали, что именно на таких людей ориентировались большевики, так, Степун отмечает:

Не подлежит никакому сомнению, что успех большевизма объясняется не в последнюю очередь тем, что при всем своем презрении к отдельной человеческой личности, он всегда проявлял очень большую чуткость к проблеме пригодного для революции человеческого материала. Большевизм — это не только программа и тактика, это и полусознательная ставка на вполне определенного человека [18, с. 6].

Похоже, что авторы «Нового града» трактовали феномен большевизма шире, нежели политика конкретной партии. Большевизм — это образ мысли, образ действия, характерный для определенного типа человека.

Поэтому в России духовные ценности не являются значимыми для людей: нет уважения к истине, к свободе, достоинству человеческой личности. Происходит социальная деградация интеллигенции и вульгаризация культуры, истребляется свобода творчества. Но самое страшное преступление большевиков — это глубокоеискажение народной души, которое ведет за собой их режим:

В большей степени, чем проповедь материализма и безбожия, чем сознательное разрушение семьи, эта деморализация связана с необходимостью общей лжи и предательства, с проникновением политического сыска в самые недра народной жизни [26, с. 8].

Федотов пишет об исчезновении понятия совести в социальной жизни: «И наконец, мы можем мириться с исчезновением типа интеллигента, но не с исчезновением жалости к человеку, совести в социальной жизни» [там же].

Действительно, даже слово «совесть» почти исчезает из лексикона повседневной жизни: можно согласиться с наблюдением современного исследователя, что, начиная с предшественников большевиков — революционных радикалов 1860–70-х годов, слово «совесть» употреблялось все меньше и меньше из-за его прямых связей с понятием «христианская совесть», а для обозначения ядра революционной веры использовалось слово «сознательность», которое несло с собой коннотацию научности и осознанного контроля над импульсами души [29, с. 48]. С другой стороны, И. Хельбек отмечает, подтверждая тезис Федотова, что жертвы сталинского террора сами оправдывали насилие по отношению к другим людям:

Сталинский режим прибегал по отношению к своим гражданам к крайним формам насилия, но и их собственное самопонимание было проникнуто символическим насилием. Ключевыми компонентами советской субъективности являлись борьба с внешними и внутренними врагами, а также уничтожение «старого человека» в целях создания «нового». Прометеевское прославление силы, здоровья и красоты сочеталось с откровенным презрением к тем, кто считался слабым, больным и непригодным к жизни [30, с. 405].

Как бы подводя итог всем этим размышлениям, Степун отмечает, что «за пятнадцать лет существования советской власти была уничтожена всякая возможность самозарождения личности» [19, с. 18]. Тем не менее, надо признать, что отношение новоградцев к советской России и советскому человеку постепенно менялось: так, в 1937 году Ф. Степун в статье «Чаемая Россия», напишет, что общество, построенное большевиками, при всех его несовершенствах, предпочтительнее, чем капитализм. Так, если брать основную массу населения, так называемый «служилый слой», то можно признать, что в СССР действительно построено бесклассовое общество. Люди совершают чудеса трудового героизма, получая за это минимум необходимых для жизни благ. Это общество гораздо ближе к христианству, чем капитализм, и поэтому «не только не ставя большевикам, в заслугу создание такого общества, но и не прощая им его, нельзя все же не видеть, что советская жизнь является весьма пригодной базой для возведения первого гуманитарного этажа “Нового града”» [20, с. 33]. Особенno привлекательной казалась Степуну трудовая жизнь, «которая в большой степени уравняла бедных и богатых, знатных и простых, образованных и малограмотных», он считал, что ее обязательно надо сохранить, повысив ее бытовой и хозяйственный уровень [20, с. 35]. По мнению Степуна, превращение России в типично капиталистическую страну было бы величайшим преступлением, как перед идеей социального христианства, так и перед всеми пережитыми Россией муками [там же].

Наиболее последовательной была позиция Н. Бердяева, который еще в первом номере «Нового града» вызывал всеобщее негодование эмиграции своим допущением существования особой советской свободы: «Коммунистическое понимание свободы есть понимание свободы, как реализации коллективной строительной энергии в определенном направлении, при определенном знании, что есть истина» [1, 62]. Утверждая, что в обществе капиталистическом свобода стала прикрытием интересов буржуазных классов, Бердяев полагал, что на За-

паде существует свобода для немногих, в Советской России свободное общество строится в перспективе для всех. На Западе трудящимся предоставляются формальные политические права, но не предоставляется возможности через них реализовать свои экономические права. Но мало отвлеченно и формально утверждать свободы и права других людей, надо дать людям материальную возможность быть максимально свободными:

Советская свобода есть возможность социально, колективно реализовать свою энергию в строительстве новой жизни, в переустройстве мира. При французской свободе очень трудно переделать мир, хотя можно как угодно устроить свою личную судьбу. При советской свободе можно легко переделать мир, хотя в своей личной жизни вы лишены всякой свободы [1, с. 59].

И в 1939 году Бердяев признает право народа на социальную справедливость: экономические требования масс о том, чтобы «цивилизация принадлежала и им» совершенно справедливы и оправданы: «Да, вторжение масс неизбежно сопровождается кризисом культуры, угрозой свободе творчества. Но русская культурная элита также виновата в катастрофе русской духовной культуры, так она всегда была индифферентна, эгоистична, отличалась презрением к жизненным нуждам человеческих масс» [1, с. 6].

Несмотря ни на что, новоградцы были убеждены, что, России, отменившей идеи свободы и личности, предстоит первой выйти на новый путь социального и духовного творчества. Поэтому, одной из задач, которую они ставили перед собой, была задача интуитивно разгадать и творчески закрепить рождающийся в Советской России образ нового человека. По мнению Бердяева, самое главное преимущество этого человека в том, что это человек из народа, который, впервые себя почувствовал сознательным участником и строителем новой жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследователи отмечают, что «исключительная обращенность к личности была уникальна для советского коммунистического государства» [см. об этом: 30]. Советским людям внушалось, что только советская власть понимает, что сам по себе человек является «огромным капиталом». Большевики обещали, что те, кто был рабами, могут и должны превратиться в образцовых представителей рода человеческого. Троцкий описывал социалистическое будущее как время, когда «средний человеческий тип поднимется до высот Аристотеля, Гете или Маркса» [22, с. 197]. Призываю советских граждан принять участие в коллективном строительстве нового мира, руководство обращалось к их предполагаемой предрасположенности к героизму. Эта предрасположенность стимулировала энтузиазм, веру в себя и творческую энергию — все основные характеристики сталинского нового человека, явно противопоставлявшегося «старому человеку» буржуазного Запада. Такое внимание к героизму человека стимулировало у советских граждан стремление работать ради советского государства, поскольку такая деятельность являлась мерой их жизни.

Советская идеологическая машина прославляла героев сталинской эпохи — летчики-полярники, ткачики, доярки, шахтеры были представлены как воплощение советской мечты. В отличие от «американской мечты» (амericанцы — бездуховные рабочие руки, эксплуатируемые капиталистами), советские люди — это сознательные кузнецы своего счастья, коллективные творцы своей судьбы [30, с. 22].

Согласно советской идеологеме, человек должен жить политической жизнью, мыслить о своем существовании в терминах общественной полезности и не позволять личным заботам подрывать устремленность к общим целям. Хельбек справедливо отмечает, что, в отличие от либерального субъекта, главной особенностью советских людей было не желание личной свободы, а стремление вписаться в революционный контекст эпохи [30, с. 17].

Конечно, необходимо учитывать, что в Советском Союзе отсутствовала как теоретическая, так и практическая подготовка к встрече с трудностями, порожденными переустройством культурной жизни. Общество, погрязшее в бедности, пережившее граждансскую войну, должно было сначала подумать о самых простых экономических задачах. Не следует забывать, что русская революция была первой успешной социальной революцией. Но, оказалось, что культурная революция поставила гораздо более трудные вопросы, чем социальная. Это и понятно, так как культурная революция требует перестройки психологической структуры масс. Именно поэтому, задача формирования нового советского человека не была решена, да и не могла быть решена в парадигме сталинской идеологии. Горделивое прославление личности закончилось по существу уничтожением личности, о чем преимущественно и писали новоградцы. Надо признать, несмотря на то, что авторы журнала «Новый град» находились в эмиграции, многие их оценки оказались очень точны, а догадки попадали прямо в цель. На самом деле, именно напряжение между идеологией и реальностью сыграло наибольшую роль в формировании советского человека. Необходимость мимикировать создала тот тип человека, который описывает Ю. Левада, инициировавший дискуссию о советском человеке в 90-е годы [см. об этом: 13].

В заключение необходимо отметить, что мы исследуем прошлое, для того, чтобы лучше понять настоящее. Размышления новоградцев о советском субъекте представляются чрезвычайно актуальными именно потому, что они позволяют проблематизировать и понять истоки формирования советского человека, того человека, черты которого до сих пор каждый может найти в себе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Парадоксы свободы в социальной жизни // Новый град. — 1931. — № 1. — С. 59–66.
2. Бердяев Н. А. Социальный кризис культуры // Новый град. — 1932. — № 3. — С. 46–53.
3. Бердяев Н. А. О смене поколений и о вечном возвращении // Новый град. — 1932. — № 5. — С. 36–42.

4. Бердяев Н. А. О социальном персонализме // Новый град. Париж. — 1933. — № 7. — С. 44–60.
5. Бердяев Н. А. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции // Новый град. — 1939. — № 13. — С. 5–11.
6. Бунаков И. И. Два кризиса // Новый град. — 1932. — № 2. — С. 28–39.
7. Вышеславцев Б. П. Социальный вопрос и ценность демократии // Новый град. — 1931. — № 2. — С. 39–50.
8. Гессен С. И. Пятилетка и школьная политика советской власти // Новый град. — 1931. — № 1. — С. 67–77.
9. Гессен С. И. Судьба коммунистического идеала образования // Новый град. — 1933. — № 6. — С. 42–59.
10. Зиновьев А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. — Москва: Центрполиграф, 1994.
11. Коллонтай А. Любовь и новая мораль // В. Райх, Г. Маркузе. Секс — путь к свободе. Великая борьба за Эрос. — М.: Родина, 2021.
12. Лаговский И. А. Бог и социальная правда в СССР // Новый град. — 1932. — № 4. — С. 40–54.
13. Левада Ю. А. Простой советский человек. — Москва: Мировой океан, 1993.
14. Левада Ю. А. Время перемен. Предмет и позиция исследователя. — URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/14608-svoi-put-statya-yuriya-levady-o-fenomene-sovetskogo-cheloveka> (дата обращения: 20.09.2021).
15. Райх В. Сексуальная революция в России // В. Райх, Г. Маркузе. Секс — путь к свободе. Великая борьба за Эрос. — М.: Родина, 2021.
16. Степун Ф. А. Задачи эмиграции // Новый град. 1932. № 2. — С. 15–27.
17. Степун Ф. А. О человеке Нового града // Новый град. — 1932. — № 3. — С. 6–20.
18. Степун Ф. А. Любовь по Марксу // Новый град. — 1933. — № 6. — С. 12–27.
19. Степун Ф. А. Идея России и формы ее раскрытия // Новый град. — 1934. — № 8. — С. 15–27.
20. Степун Ф. А. Чаемая Россия // Новый град. — 1936. — № 11. — С. 11–40.
21. Степун Ф. А. О свободе // Новый град. — 1938. — № 13. — С. 11–44.
22. Троцкий Л. Д. Литература и революция. — М.: Политиздат, 1991.
23. Федотов Г. П. Новый град // Новый град. — 1931. — № 1 — С. 3–8.
24. Федотов Г. П. Россия, Европа и мы // Новый град. — 1932. — № 2. — С. 3–14.
25. Федотов Г. П. Что такое социализм. // Новый град. — 1932. — № 3. — С. 21–33.
26. Федотов Г. П. В пленау стихии // Новый град. — 1932. — № 4. — С. 8–20.
27. Федотов Г. П. Падение советской власти // Новый град. — 1932. — № 5. — С. 10–21.
28. Федотов Г. П. «О национальном покаянии» // Новый град. — 1933. — № 6. — С. 3–11.
29. Хархордин О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности; изд. 2-е. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016.
30. Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. — М.: Новое литературное обозрение, 2017.
31. Stephen Kotkin. Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1995.

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.024

УДК 122/129

П. Н. Базанов*

**«УТВЕРЖДЕНИЯ» РОССИИ:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПОРЕВОЛЮЦИОНЕРОВ НАЦИОНАЛ-МАКСИМАЛИСТОВ****

В статье анализируются общественно-политические взгляды одной из самых крупных пореволюционных организаций Русского Зарубежья — национал-максималистов (утвержденцев). Реконструирована история этого национал-большевистского политического течения. Выявлены их основные идеологические постулаты, показаны их синкретическая самобытность и оригинальность, и поиски третьего пути между социализмом и капитализмом. Раскрыто отношение к христианству, славянофильству и социализму. Основной акцент сделан на их отношении к решению национального вопроса в России, созданию нового государства в России. Так же обоснована позиция утвержденцев по отношению к интервенции и пораженчеству в будущей войне. Затрагивается их критика нацизма, как величайшей опасности для народов России. Обоснована роль лидера утвержденцев Ю. А. Ширинского-Шихматова. Исследуется история издательской деятельности национал-максималистов, периодики, в том числе журналов «Утверждения» и «Завтра», являющихся важным источником их взглядов.

Ключевые слова: Ю. А. Ширинский-Шихматов, утвержденцы, национал-большевики, национал-максималисты, пораженчество, оборончество, национальный вопрос, русская эмиграция, христианский социализм.

P. N. Bazanov

**«AFFIRMATIONS» OF RUSSIA: POLITICAL AND PUBLISHING ACTIVITIES
OF THE NATIONAL MAXIMALIST REVOLUTIONARIES.**

The article analyzes the socio-political views of one of the largest post-revolutionary organizations in the Russian Abroad — the national-maximalists (affirmators). The history of

* Базанов Петр Николаевич, доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВП Санкт-Петербургский государственный институт культуры; bazanovpn@list.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00783 «Социально-философская и политическая просоветская мысль первой волны эмиграции русского зарубежья в периодических изданиях 20–50-х гг. XX века».

this national-bolshevik political trend is reconstructed. Their main ideological postulates are revealed, their syncretic originality and originality are shown and the search for a third way between socialism and capitalism. The relation to christianity, slavophilism and socialism is revealed. The main attention is paid to their attitude to the solution of the national question in Russia, the creation of a new state in Russia. The position of the affirmators in relation to intervention and defeatism in a future war is also substantiated. Their criticism of nazism is touched upon as the greatest danger to the peoples of Russia. The role of the leader of the approvers Yu. A. Shirinsky-Shikhmatov. The history of publishing national maximalists, periodicals, including the magazines «Affirmations» and «Zavtra», which are an important source of their views, is investigated.

Keywords: Yu. A. Shirinsky-Shikhmatov, approvers, national-bolsheviks, national-maximalists, defeatism, defencism, the national question, Russian emigration, christian socialism.

Пореволюционеры появились в Русском Зарубежье в конце 1920-х — начале 1930-х гг. как левый ответ эмиграции на поиски новой идеологии, способной опровергнуть большевистский коммунизм и либеральный капитализм со всеми их недостатками. Пореволюционерам свойственны поиски очередного т. н. «третьего пути», чем их идеи и привлекательны последние четверть века в России. Все пореволюционные организации признавали Революцию 1917 г. как свершившийся факт, но левые пореволюционеры находили в социалистическом перевороте положительные стороны, как и в фашизме, демократию, к которой надо стремиться, и противопоставляли себя нацизму.

Одна из самых крупных пореволюционных организаций, но немногочисленная по количество членов — национал-максималистская имела несколько названий. Первым названием совсем маленькой группы Ю. А. Ширинского-Шихматова его ближайших единомышленников был «Союз российских национал-большевиков», потом «Союз российских национал-марксистов (национал-большевиков)» и, наконец, «Союз Национал-Максималистов», но в историю члены этой группы вошли под названием «утвержденцы». Эмблемой новой организации стал крест на фоне серпа и молота в обрамлении двух снопов с лозунгом: «Да здравствует Новая Россия, страна Веры и Труда».

Идеологию национал-максимализма начал разрабатывать еще в начале 1920-х гг. князь Юрий Алексеевич Ширинский-Шихматов (1890–1942) — по прямой линии потомок Чингисхана, кавалергард и летчик, по образованию юрист, в эмиграции публицист и шофер такси. В начале 1920-х гг. он был известен как активный монархист, один из лидеров правого молодежного движения. Получив деньги у великого князя Дмитрия Павловича, первым переиздал «Монархическую государственность» Л. А. Тихомирова. Разработка новой монархической идеологии, идейные искания, привели его к образованию нового политического течения. Еще в Берлине в 1920 г. он выступал с докладом с характерным названием «Национал-большевизм и свободно-избранные Советы как путь к национализации революции». Как и многие эмигрантские организации, национал-максималисты утверждали, что у них была предтеча — российская организация, якобы созданная в Москве летом 1917 г. Свои взгляды Ю. А. Ширинский-Шихматов определял как «советско-монархическое народничество», отвергал «Белую идею» и призывал к «овладеванию» рево-

люцией. В отличие от сменовеховцев он не верил в возможность перерождения большевистского режима и выступал за возрождение национального идеала и социальной справедливости [14, с. 101]. После оккупации Франции фашистами Ю. А. Ширинский-Шихматов в знак протеста хотел зарегистрироваться как еврей и носить желтую звезду. Он мученически погиб в немецком концлагере: эсэсовцы забили его насмерть за попытку заступиться за другого заключенного [13, с. 112].

Позицию утвержденцев об овладении русской революцией лучше всех передал писатель и публицист Лев Борисович Савинков (1912–1987) — сын знаменитого террориста, сам более всего известный как член интербригады, воевавшей за республиканцев в Испании, участник Сопротивления и после войны совпатриот. Вопреки придуманным впоследствии домыслам, что перевоеволюционеры, якобы переходили на коммунистические позиции, речь шла о замене большевистской идеологии Русской Идей (в утвержденческом ее понимании) [22, с. 8].

В июне 1927 г. от имени «Парижской Группы Союза Национал-Максималистов» Ю. А. Ширинский-Шихматов выпустил типографскую листовку с лозунгами: «К слухам об интервенции», «Долой Коммунизм!», «Иностранные руки прочь от России!» [5, л. 4–4 об.], в которой познакомил эмиграцию с основами своей политической доктрины. Общая идея листовки — националист не может быть пораженцем, и критика позиции П. Б. Струве о свержении большевиков любыми способами. В том же году в Ницце была издана от имени «Ниццкого кружка политического самообразования» единственная брошюра перевоеволюционеров «Национал-максимализм и национал-большевизм» (16 с.) подписанная криптонимом «Л.Б.». Большую часть брошюры занимал текст доклада Ю. А. Ширинского-Шихманова на конференции «Объединения русских эмигрантских студенческих организаций» (ОРЭСО), первоначально напечатанный в первом номере молодежного журнала «Авангард» (Северная Африка). В докладе доказывалось, что национал-максимализм и национал-большевизм — одно и то же, поэтому в первом номере журнала «Утверждения» на третьей странице обложки рекламировалось это издание.

В начале тридцатых годов Ю. А. Ширинский-Шихматов издает в Париже журнал «Утверждения» (1931–1932. — №№ 1–3). Наверное, самое серьезное свое идеологическое предприятие. Вышло всего три номера, обложку к ним выполнил художник В. Н. Никольский. Во всех трех номерах разные подзаголовки, в первом — «орган Объединения перевоеволюционных течений», во втором — «органисканий нового синтеза», с № 3 — «орган осуществления нового синтеза». Заказы на печать принимали французские типографии, и только последний номер были напечатан в известном «Франко-Славянском издательстве».

Название журнала тоже было символичным. В первом номере в статье «От редакции» анонимный автор, видимо, Ю. А. Ширинский-Шихматов, пояснял:

«До-революционные направления, из различных побуждений и с разными целями сходились в одном: в ОТРИЦАНИЯХ. Течения по-революционные, ис-

ходя их различных предпосылок, устанавливая свою идейную преемственность из различных идеологических источников — сходятся в конечных УТВЕРЖДЕНИЯХ» [18, с. 3].

Журнал должен был объединить всех сторонников для создания новой идеологии:

Нам необходима концентрация всех сил, всего пореволюционного фронта для выполнения первостепенной важности задачи, лежащей на журнале: оформления единой пореволюционной идеологии, формулировки Российской исторической Идеи в ее проекции на современность [18, с. 6].

Как писали представители молодежного крыла нового движения о его формировании:

Все расширяющееся объединительное после-революционное движение, названное «утвержденчеством» (по имени его идеологического основоположника и водителя, — журнала «Утверждения») в настоящее время уже захватило значительные слои молодой трудовой эмиграции [16, с. 1].

Авторами журнала были не только национал-максималисты, но и представители других оттенков пореволюционной мысли, разрабатывавшие новый государственный строй (идеократия — идеоправство — синтекратия). Кроме Ю. А. Ширинского-Шихматова, из молодых пореволюционеров печатались журналист (сын известного нововременного публициста) Яков Михайлович Меньшиков (1888–1953) и идеолог национал-мессионистов П. С. Боранецкий, а так же многие левые евразийцы (И. В. Степанов, Н. К. Ладов, С. Д. Бохан), сменовеховцы-устряловцы (Н. В. Устрялов, Н. В. Васильев и Г. Н. Таносов), христианские анархисты, полумладороссы, националисты-христиане, неонародники и т. д. [4, с. 46]. Сотрудниками «Утверждений» оказались видные представители старшего поколения эмиграции: новоградцы — Н. А. Бердяев, Е. Д. Скобцова (Мать Мария), Е. Д. Кускова, близкий в то время «Современным запискам» Ф. А. Степун и принадлежащий к умеренно-правому сектору Зарубежья сотрудник «Возрождения» Н. С. Тимашев. Близок к «пореволюционному течению» и к «Утверждению» оказался и недавний советский дипломат-перебежчик, занявший двусмысленную позицию, — С. В. Дмитриевский. Публика, как справедливо заметил один из первых историков русской эмиграции Г. П. Струве, «весьма разношерстная», он же доказывал, что «в каком-то смысле духовным отцом журнала был Н. А. Бердяев». «Обе первых книжек “Утверждений” открывались бердяевскими “открытыми письмами к пореволюционной молодежи”, и на писания многих сотрудников журнала чувствовалось влияние Бердяева» [25, с. 155]. «Утвержденцы» считали, что их влиянию следуют 24 кружка русских эмигрантов по всему свету.

Об интересе к пореволюционным и национал-максималистским идеям свидетельствует рост тиража «Утверждений»: Первая книга — 600 экз.; Вторая книга — 1200 экз.; Третья книга — 1800 экз. Реальный тираж, по утверждению П. С. Боранецкого, был не более 700 экз. [2, с. 39]. «Журнал издавался без всяких меценатов, исключительно на извощичье заработка самого Ширинского

и такие же трудовые гроши молодежи из его окружения» [4, с. 46–47]. По свидетельству известного эсера В. М. Зензинова, на «Утверждения» И. И. Бунаков–Фондаминский «с любовью охотно помогал найти средства, издателя, типографию. Он выработал даже особый метод издания книг, авансируя типографию своими средствами и заранее распределяя будущее издание между разными русскими книжными магазинами Парижа и Берлина» [7, с. 315].

Основными программными политическими положениями утвержденцев были:

1. Свобода религий.
2. Конфедеративное государство с сильною центральной властью, опирающеся на систему свободно-избранных советов («Союз Народов Государства Российского»).
- ...8. Усиление обороноспособности страны.
9. В области внешней политики: всемерное стремление к мирной ликвидации конфликтов; доброжелательное отношение к освобождающимся колониальным народам и эксплуатируемым слоям населения капиталистических стран...

Так же важнейшим считалось: «Освобождение России от сталинской диктатуры» [28, с. 40]. Под национальным освобождением понималось «право всех населяющих Россию народов свободно строить свою жизнь и развивать свои национальные культуры.». Конфедерация в виде «Союза Народов Государства Российской» рассматривалась как вынужденная временная мера для спасения государства, но на все времена переходного периода проповедовался путь сильной власти. Для повышения обороноспособности страны утвержденцы в своей geopolитической доктрине колебались между федерацией и конфедерацией, склоняясь к первой, как более органичной для евразийского пространства, в виде «Союза Народов Государства Российской». Впрочем, пореволюционеры более надеялись на духовное единство, централизация предлагали только добровольную.

Особенности политической программы утвержденцев не понять, если не знать их главный идеологический постулат. Главный постулат — богоизбраничество русского народа. Особая мировая роль русской нации, ее мировое значение, национальный характер способны преодолеть любые политические сложности. Доказательству данного постулата посвящены почти вся публицистика национал-максималистов и статьи их союзников.

Основными для пореволюционной идеологии считались четыре тезиса:

1. Примат духовного начала над материальным, идей над интересами, общего над частным,
2. Долг устроения жизни на основах христианской правды,
3. Всечеловечность миссии России — духовной, культурной, социальной (раскры-ваемой многими, как мессианское призвание),
4. Наконец, постановка проблемы по-революционности, как проблемы синтеза (до - революционная Россия — тезис, революционная — антитезис) [18, с. 6].

В отличие от воинствующего атеизма большевиков, пореволюционеры считали: «Христианство — наша основа, наш исход и наша цель» [1, с. 4]. Поиски нового духовного пути утвержденцев, союз социального равенства и православия лучше всех выразил художник Валентин Леонидович Андреев (1912–1988), сын знаменитого писателя:

Лучи Христианства должны просиять в России и пронизать сумерки человечества; мы ищем каким способом мы сможем отдать на это и свои силы, Мы знаем, что веру «нельзя навязать, она приходит сама». Но можно видеть дела верящих и поверить в их истину. Именно этим путем мы и хотим завоевать доверие. Мы отбрасываем два «пути к блаженству» современного человечества: коммунизм и капитализм. Они враги друг другу, но мы враги им обоим. Мы ищем претворения в жизнь Христовой Истины в Ее незапятнанном виде. Мы ищем в себе силы не ограничиться одним церковным — личным благочестием; христианство очищенное, христианство новое, к человеку и человечеству обращенное, христианство социальное — вот путь сияющий впереди. Смиренно и дерзостно вступаем мы на эту дорогу [1, с. 4].

Кроме идеи «Свободы» в бердяевском понимании, поднимались два вопроса — извечная русская дилемма «западничество и славянофильство» и отношение к революции 1917 г. и советской власти.

Все пореволюционеры не признавали концепцию активистов, считавших, что СССР не Россия, а государство, не имеющее отношения к нашей исторической традиции, созданное коммунистами на территории захваченной страны, как Турция на месте Византии. В отличие от активистов, пореволюционеры доказывали, что появилась новая российская держава — Советская Россия, которая продолжает генеральную линию русской истории — существовать во имя всего человечества и давать пример вселенских общемировых практик, а не мещанско-буржуазных устремлений стран Запада.

Отношение к советской власти было для утвержденцев не посредственно связано с их неприятием интервенции и с подрывом обороноспособности страны. «Путь России — это путь от советской действительности к осуществленной Российской Идеи» [19, с. 10]. Как и другие пореволюционные течения, они не признавали сталинский социализм, как и капитализм.

Наша политическая позиция вполне определена: она непримиримо революционна по отношению к коммунистическому правительству современной России. Наша позиция столь же непримиримо враждебна всякой реставрации — во всех ее видах и степенях. Для нас равно неприемлемы тезисы капитализма и антитезисы коммунизма. Мы ищем новые формы, новые пути [18, с. 8].

Разграничивался существующий в Советской России большевизм (народное бунтарство, олицетворяемое первым большевиком Степаном Разиным) и коммунизм (западная теория, вредная для России, олицетворяемая отцом коммунистов Карлом Марксом).

Само советское государство, государственную промышленность и в особенности Красную Армию утвержденцы хотели сохранить. Их не устраивала коммунистическая идеология. Власти они хотели достигнуть путем переворота, без гражданской войны, с опорой на молодежь. Любой контакт с советской властью носит тактический характер и связан со спасением страны и русского народа.

К коммунистической власти мы относимся непримиримо и сближения с современной Россией ищем через голову как эмигрантчины, так и коммунистической опричнины [10, с. 166].

Л. Б. Савинков даже уточнял о контактах с подсоветской молодежью [22, с. 9].

Правый сменовеховец Н. В. Устрялов, с присущим ему реализмом и лучшим знанием советской действительности, пытался поставить мечтателей пореволюционеров на землю. Он указывал, что молодежь в СССР понятия не имеет о проблемах, которые волнуют их ровесников в зарубежье. Это действительно две параллельные вселенные, которые встретились только в 1990-е гг.:

Представьте себе евразийские «временники» с их историософской романтикой и религиозным эзотеризмом в руках современного комсомольца-ударника! Представьте себе того же комсомольца за политico-философскими размышлениями «Утверждений»! — Это разные миры... Они встретятся? — Да! когда-нибудь... в наших внуках... Но сейчас — сейчас не тешите себя преждевременными снами!... Сейчас, впрочем, спасибо и на том, что если комсомольцу еще нет дела до евразийца, то евразиец готов жадно и *сочувственно* всматриваться в комсомольца. Это уже большой шаг вперед — для зарубежья [26, с. 111].

Пораженчество в рядах русских эмигрантов, провоцирование новой интервенции вызывали у утвержденцев обоснованную обеспокоенность. Ю. А. Ширинский-Шихматов призывал единомышленников обсудить данную проблему на страницах журнала.

Другие отстали еще больше и рассуждают еще примитивнее: к если будет война какой-либо иностранной державы с СССР возьму винтовку и пойду с иностранцами «против большевиков». Видимо не отдают себе отчета, что фактически пойдут отвоевывать «Одессу для Бухареста и Киев для Варшавы». Это последнее обстоятельство побудило нас дать во второй книжке «Утверждений» несколько статей, под разными углами зрения затрагивающих проблему интервенции [27, с. 65].

Евразиец И. В. Степанов справедливо заметил, что Западу совершенно все равно, какая власть в России: царская, коммунистическая или демократическая. Стой с рыночной экономикой и развитой промышленностью даже хуже — торговый конкурент.

Борьба против советов принимает характер чисто экономической борьбы. Коммунистической пропаганды уже не боятся, боятся хозяйственной мощи России. Боятся неожиданного конкурента [24, с. 109].

Такие же мысли высказывал О. А. Сарматов со ссылкой на германофила, сенатора Жозефа Мари Огюста Кайо (1863–1944) — бывшего премьер-министра и министра финансов Франции:

Недаром недавно Кайо высказал мысль, что западному капитализму страшиться надо не коммунизма, а экономического подъема России, и что в интересах Европы надо затормозить развивающееся там строительство. Идти с интервенциями — идти против России! [23, с. 122].

Другой утвержденческий публицист, А. Д. Холодилов развивал пореволюционную концепцию единой страны — не красной, не белой, поэтому ос-

лабление Советской России — это беда для Родины, для будущего государства после большевиков.

«Вот почему глубоко ошибочны все те политические концепции, которые предусматривают раздельное существование двух политических идей: России «советской» и России «национальной». Россия — едина, и она неотделима в данное время от большевизма, как в дореволюционную эпоху была неотделима от самодержавия. ... Вот почему в настоящее время всякое действие, всякая пропаганда, имеющая целью повредить интересам современной России, является деянием антинациональным, пораженческим. Нам, русским, необходимо теперь же решить с кем мы — с Россией или с ее будущими врагами, ибо не в страстной борьбе против неизбежности надвигающихся ужасных событий, а в своевременном предотвращении ошибок и паники во время этих событий — долг подлинных патриотов» [30, с. 64].

Если утвержденцев упрекали в беспочвенных мечтаниях об изменении положения на Родине, то у их оппонентов — активистов — не существовало которые единого плана действий. Они жили в парадигме 1918 г. — захват власти в стране кучкой бандитов, которую легко можно свергнуть. Знаменитый изобретатель И. И. Сикорский годами искал деньги на строительство большого самолета, который долетит до Москвы, сядет на Красной площади, а боевики РОВС перебьют советское руководство, и Россия станет свободной. Русская поэтесса и публицистка, евразийка, доктор философии София Дорофеевна Бохан-Савинкова (?—1939) посвятила статью «Мы» критике отсутствия у активистов историософской системы причин революции и поражения в Гражданской войне. В эмиграции она призывала содействовать национализации революции:

«Прежде всего — мы должны твердо знать, чего именно не надо делать: не мечтать об интервенции, не призывать к актам саботажа и вредительства, не ставить знака равенства между Россией и комвластью, между коммунизмом и Революцией» [22, с. 8].

Особую обеспокоенность у всех обронцов вызывали экспансационистские планы германского нацизма. Общественно-политическая деятельница, меценат, член группы пореволюционной молодежи, член редколлегии «Завтра», Совета Старейшин и Исполнительного комитета «Пореволюционного клуба» Ирина Ильинична Ильинская еще до прихода к власти Гитлера в статье «Новые течения европейской мысли» писала од двух новых тенденциях в немецкой русофобии — расизме (с оголтелым антисемитизмом) и желании русской земли до Урала.

Есть в них и непреодоленная до-революционность: многие установки — лишь случайно выхваченные и уродливо преувеличенные отдельные черты староклассического пан-германизма. Так, национал-социалисты являются защитниками чистоты германской расы и открыто проповедуют антисемитизм. В них прежде всего *национальная гордость определяет сознание*. Они, в общем, враждебно настроены по отношению ко всем расам. Отношение к евреям — только самое резкое проявление этой ненависти. О России они просто говорят, что, «если нам понадобится земля, мы возьмем ее на Востоке» [9, с. 21].

Причем ссылка на «Майн камф» была сделана специально для предельной точности. «Утверждения» напечатали статью гамбургского публициста Хugo Вальдена «Эволюция Hitlera». В ней показано влияние на фюрера нацистов балтийских немцев. Эти эмигранты из России были неистовыми русофобами, пропагандистами нордической расы. Остзейцы пропагандировали совместный поход немцев и англичан против унтерменшней с Востока.

Опять выдвигается план отторжения от России Украины, Дона и Кубани, чтобы служить житницей Германии. Эстония же, Латвия и Литва должны всецело подпасть германскому влиянию для того, чтобы балтийские бароны могли бы вернуться хозяевами в свои родовые замки... [3, с. 162].

С большим удовольствием показывает немецкий публицист поддержку правыми Великобритании национал-социалистов, но, как русофил-бисмарковец, он считает войну с Россией будущей катастрофой, а с коммунистами СССР А. Гитлер всегда может договорится, т. к. борется с марксизмом только в Германии.

Эта националистическая мегаломания может еще очень дорого обойтись германскому народу, но пока что английские консерваторы субсидировали национал-социалистов на выборах в рейхстаг в 1930 году и Хитлер (Гитлер. — П. Б.) приглашен в Лондон читать лекции о задачах партии. Поэтому было бы большим заблуждением полагать, что приход национал-социалистов к власти знаменовал бы резкую перемену курса германской внешней политики в отношении Москвы. Война коммунизму будет объявлена Хитлером только на территории Германии [3, с. 162].

Идеология оборонческой позиции утвержденцев, основанная на их философии, вызывала острую критику даже у ближайших сторонников. П. С. Боранецкий, пройдясь по их христианству, обвинял в сменовеховстве.

Ведь нац.[ионал]-большевизм «Утвержд.[ений]» это ни что иное, как все та же устряловщина, переданная здесь «своими словами». При таких установках это, в лучшем случае, позиция буриданова осла, подыхающего между двумя столами сена, а в худшем — предмет для употребления большевиками в их работе по разложению эмиграции. При этом большевизанскую наготу плохо прикрывает фиговый листок лампадкового «messianism». Этот «messianism» отца Паисия (из «Бр[атьев]. Карамаз.[овых]») и старца Филофея, воспринятый «Утвержд.[ений]» может быть только выгоден большевикам помимо своего назначения фигового листка: он уводит людей от подлинной исторической активности и закапывает их на кладбище среди всякого рода мертвчины» [2, с. 40].

Известный перебежчик С. В. Дмитриевский в статье «Против пассивности» призывал не ждать, что само собой в Советской России, как у сменовеховцев, поменяется к лучшему: «Мой призыв к зарубежной молодежи: — Бойтесь устряловщины!» [6, с. 128]. Другой пореволюционер, Владислав Д. Иванов призывал не увлекаться отчетами советской власти о развитии промышленности и успехах в экономике. Он доказывал, что столь любимая коммунистами кампанейщина мало имеет отношения к реальным делам. Вместо плановой

экономики, построенной на научных прогнозах, — волюнтаризм («Пятилетку в три года»), вместо повышения качества труда и производительности — дутые рекорды («Стахановское движение»), а возникающие из-за этого брак, технические аварии и износ оборудования, незамедлительно объявляются вредительством. «Результат: — “пятилетка”, т.-е. демагогия вместо дела, вопли вместо приказов и процессы о “вредительстве” вместо результатов. Лживая и карикатурная картина строительных усилий страны. Картина одновременно печальная и смешная» [8, с. 146]. Через несколько лет И. В. Сталин и руководство СССР негласно признали свои ошибки в форсировании первой пятилетки и даже помиловали участников «дела Промпартии».

Осенью 1932 г. в Париже был основан «Пореволюционный Клуб», ставивший своей задачей мировоззренческий диалог представителей пореволюционных течений, «осознание и обоснование целостного пореволюционного мировоззрения. Большого влияния она (группа национал-максималистов. — П.Б.) на общественную жизнь русского зарубежья не имела, но своими “оригинальными” взглядами создавала себе соответствующую рекламу» [12, с. 99].

В 1933 г. по инициативе Ю. А. Ширинского-Шихматова образовалось Объединение Пореволюционных Течений (ОПТ), в которое вошло несколько кардинальских организаций. Судя по всему, деятельность ОПТ сводилась в основном к заседаниям в так называемом Пореволюционном клубе, диспутам и т. д. Даже издание своей прессы «Утвержденцам» не удалось наладить. Влияние ОПГ как реальной политической силы оказалось ничтожным, что не отменяет идейной оригинальности того же Ширинского-Шихматова [21, с. 434].

В июле 1933 г. по инициативе Ю. А. Ширинского-Шихматова состоялся первый съезд представителей национал-максималистов, утвержденцев, неодемократов, националистов-христиан, четверороссов и русских националсоциалистов. Съезд принял устав «Объединения пореволюционных течений» (ОПТ). В первом пункте этого устава пояснялось, что в ОПТ могут входить на федеративных началах (на основании особого каждый раз постановления ЦИК ОПТ) все пореволюционные организации, течения, группы и кружки... [4, с. 48], но предусматривалось и личное членство: «Всем вступающим в ОПТ (предусмотрены и персональные вхождения в Объединение)» [4, с. 49]. В уставе были зафиксированы: отказ от монархической формы правления и идея «истинного национализма как всенародного служения Богу и Миру — на собственных исторических путях» [14, с. 102].

Впрочем, положения устава носили более декларативный характер. Даже само ядро ОПТ — группа «Утверждения» — должна была порой выступать не как политическая партия, а как политическое течение.

«Утвержденцем может быть и национал-максималист, и евразиец, и неонародник («новоградец»), и даже устриловец, — не отказываясь ни от своей программы, ни от своей организации. В утверждентстве сплетаются все отдельные тропинки, сливаясь в широкую торную дорогу» [19, с. 1].

Организационная слабость сторонников Ю. А. Ширинского-Шихматова приводили к тому, что им постоянно приходилось оправдываться почему они не создали свою политическую партию:

Утвержденцы — не политическая партия, а политико-идеологическое объединительное движение, в котором принимают участие представители самых различных пореволюционных групп, организаций и направлений. Ибо утверждчество в организационном отношении сесть прежде всего стремление к сочетанию и сосредоточению усилий ныне разрозненно-ищущих пореволюционных направлений [16, с. 2].

Группы утвержденцев образовались в Латвии, Бессарабии, Югославии, Польше, Эстонии, Чехословакии, Южной Германии, Южной Америке и Северной Африке. Все группы и ячейки (от 3 до 15 человек) [31, с. 167].

Тем не менее, на позицию Ю. А. Ширинского-Шихматова ориентировались следующие периодические издания. Печатавшийся на множительном аппарате в Марселе журнал «Пореволюционная Россия: Бюллетень Представительства объединения пореволюционных течений на Юге Франции», при ближайшем участии Г. Р. Кроона (Георгия Волина) — руководителя Российской национально-социалистической рабоче-крестьянской группы во Франции, и генсек местного Пореволюционного клуба, член Л. Лукьянов. Планировалось, что он будет выходить 2 раза в год, но вышли только первые два номера за 1934 г. и третий за 1935 г. В Париже выходили журналы «Еженедельник Пореволюционного клуба», с редакцией О. А. Грекова, А. М. Зигон, И. И. Ильинская, А. Ф. Пилипенко (1934–1935. — № 1–21/22), преобразованный в «Ежемесячник Пореволюционного клуба» (1935. — № 1), напечатанный в парижской типографии «S.N.I.E». Последний журнал открывался программной статье Ю. А. Ширинского-Шихматова «Первое открытое собрание» [10]. В ней раскрывалась корректировка взглядов «утвержденцев» на национальный вопрос.

В плане национальном мы отстаиваем преобразование фиктивной федерации одноклассовых обществ (вернее — их компартий) в конфедерацию бесклассовых национальных организов, т.-е. утверждение начал пореволюционного конфедерализма, — основы грядущего Союза Народов Государства Российского [10, с. 13].

Далее излагается доклад Ю. А. Ширинского-Шихматова «Что происходит в России?» (7 ноября 1935 г.) с рассуждениями о «национализации» советской власти [29, с. 15].

Планировалось издать (к 15 января) второй номер «Ежемесячника». В нем должны были напечатать следующие доклады: 1) Г. П. Федотов — «Основная проблема пореволюционного сознания»; 2) Л. Н. Антонов — «Фашизм и коммунизм»; 3) Н. Н. Алексеев — «Конституция СССР»; 4) Ю. А. Ширинский-Шихматов — «Организация труда в современной России» [29, с. 15].

На «Утверждения» ориентировалась так же «независимая беспартийная газета» «Россиянин-Пореволюционер». Вышел только один номер в 1936 г., администратором был Вячеслав Цимбалюк, который был основателем отделения Союза в Париже в 1936 г. Последний организовал и возглавил «Зарубежный Союз Служения Родине (ЗА СЭСЭСР)» [5, л. 129]. Удалось выявить оборонческую листовку от имени «Зарубежного Союза Служения Родине» (сокращенно: «ЗА ЭСЭСР») с девизом «За Россию — все с Россию!» [5, л. 129] напечатанную в типографии «SNIP».

Пореволюционер Г. Р. Кроон (Георгий Волин) в начале 1930-х гг. создал на юге Франции «Российскую национально-социалистическую рабоче-крестьянскую группу во Франции» [5, л. 1], которая входила в якобы существующее «Российское национально-социалистическое Движение». От имени «Центра действия» этой организации он выпустил одноименную листовку [5, л. 176] — национал-большевистского содержания. Более интересна его листовка «Во имя Голгофы против Свастики» [5, л. 181], с антигитлеровским и прохристианским содержанием. В ней содержалась информация о полном разрыве с русским национал-социалистическим движением, ориентировавшимся на А. Гитлера. В Германии ячейка организации Г. Р. Кроона действовала с 1931 по 1933 г. Г. Р. Кроон так же выпустил листовку «Тезисы «Российской национально-социалистической рабоче-крестьянской группы», к интегральному социализму, к Новому Граду — Царству Божьему на земле». С лозунгом Россия — Третья Россия [5, л. 199]. Листовка была крайне антисепаратистской направленности.

Группа молодых членов ОПТ издавала журнал «Завтра», заявленный как «ежемесячник утверждёнцев», но реально вышло всего семь номеров (Париж, 1933. — № 1–4; 1935. — № 5–7). Тираж намечался 2500 экз. Четные и спецвыпуски в продажу не поступали, их тираж был значительно меньше — в 300 экз. Хотя четные номера журнала печаталась на ротаторе, т. к., по сведениям В. С. Варшавского, на типографию денег не хватало [46, с. 47], поэтому с четвертого номера все стали нетипографскими. Журнал «Завтра» декларировался как «орган молодых — для молодых» [1, с. 1]. В редколлегию входили Вадим Л. Андреев, Вал. Л. Андреев (сыновья писателя Леонида Андреева, последний — автор обложки журнала), И. И. Ильинская, Л. Б. Савинков, А. И. Ярмидзе (идеолог группы), при ближайшем участии Ю. А. Ширинского-Шихматова. Внутренние противоречия привели к изменению подзаголовка с № 5 в 1935 г.: «пореволюционный ежемесячник, издание Парижского отдела Союза российских национал-марксистов (национал-большевиков)». В последнем номере у журнала появился неофициальный редактор П. С. Чижов. При нем термин «национал-большевики» стал основой в самоназвании группы.

«Завтра» предоставило свои страницы и представителю другого пореволюционного течения — первому идеологу неодемократии, заместителю председателя «Объединения русских эмигрантских студенческих организаций» Н. Н. Былову, известному своей формулой третьего пути — «демократия минус плутократия и плюс христианство». Из других авторов выделим Н. Н. Алексеева, С. В. Дмитриевского, В. Д. Иванова, Г. Р. Кроона, (Г. Волина), В. С. Яновского.

Молодежная группа «Завтра» декларировало свое единство с утвержденцами:

Мы полностью разделяем идеологическую систему «Утверждений»: веру в российское мессианское призвание, в освободительную миссию России в мире, в то, что она призвана сказать этому миру новое слово. Не будучи узкими догматиками мы ищем нового, социального раскрытия христианства; утверждаем первенство духовного начала над материальным, идей над интересами, общего над частным; социально мы обращены прежде всего к трудящимся и эксплуатируемым [15, с. 2].

Подробно перечислялись все установки этого политического течения.

Кроме издания журналов «Утверждения», «Завтра» и немногочисленных листовок, у утвержденцев были большие планы наладить свою издательскую деятельность, выпускать в сериях книги и брошюры, печатать многотиражную периодику, отражающую их общественно-политические и идеологические взгляды. А. В. Квакин ввел в научный оборот очень интересное письмо Ю. А. Ширинского-Шихманова Н. В. Устрялову от 1 июля 1934 г. про издательские планы пореволюционеров:

Нами, кроме того задумано (и выполняется) издание «Пореволюционной библиотеки» — серия небольших (карманного формата) книжек; некоторые из них будут оригинальны (напр[имер] очень любопытная «Исповедь пореволюционера» нашего нового соратника — С. М. Сирина) — другие же — оттиски статей из № 4 «Утверждения» по принципиальным вопросам (национальный вопрос, земельный, рабочий, социальный и пр.). Мы бы могли выпустить отдельной книжкой в серии «Пореволюционной библиотеки» Ваши три статьи, причем расходы связанные с напечатанием «О советской нации» взяли бы на себя, а расходы по остальным двум статьям легли бы на Вас [11, с. 207].

Уверженцы очень серьезно относились к пропаганде своих взглядов. В четвертом номере за 1933 г., в редакционной статье они отчитывались перед сторонниками: «Издательская работа утвержденцев все расширяется. К выпуску в течение зимы 34-го года намечена целая серия брошюр (“Популярная библиотечка утвержденцев”) и листовок» [17, с. 2]. Далее планировалось «предпринять необходимые шаги для централизации пореволюционного издательского дела: один “толстый” журнал, один ежемесячник, одна газета» [17, с. 6]. Для этого хотели прекратить печатать дорогие и малотиражные издания местных организаций и закрыть ротаторные номера журнала «Завтра».

Издательская деятельность утвержденцев была очень незначительной, не смотря на нетривиальные идеи, преданность немногочисленных сторонников и помощь новоградцев. Ни одного издания «Пореволюционной библиотеки» или «Популярной библиотечки утвержденцев» обнаружить не удалось. Видимо публикации помешало банальное отсутствие финансирования. Большинство русских эмигрантов были активистами или выбирали менее элитарных младороссов. С другой стороны, сами утвержденцы верно отмечали:

Тот факт, что на страницах «Утверждений» нашли себе место Бердяев и Куксова, Тимашев и Устрялов, Степун и Дмитриевский, — подтверждает правильность основной установки: широкой терпимости к чужому мнению, способность отвести на второй план свое частное, ради утверждения общего «во имя России завтра» [15, с. 29–30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Вал. На путь // Завтра. — 1933. — № 1. — С. 3–4.
2. [Боранецкий П. С.], П. Б. Ответ нашим критикам // Третья Россия. — 1932. — № 2. — С. 38–42.

3. Вальден Х. Эволюция Хитлера // Утверждения. — 1932. — № 3. — С. 159–162.
4. Варшавский В. С. Незамеченное поколение. — Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1956.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 5856. Оп. 1. Д. 518.
6. Дмитриевский С. Против пассивности // Утверждения. — 1932. — № 3. — С. 119–128.
7. Зензинов В. Памяти И. И. Фондаминского — Бунакова // Новый журнал. — 1948. — Кн. XVIII. — С. 299–316.
8. Иванов В. Д. Заметки по вопросам политики // Утверждения. — 1932. — № 3. — С. 134–147.
9. Ильинская И. И. Новые течения европейской мысли // Завтра. — 1933. — № 1. — С. 20–22.
10. К слухам об интервенции // Утверждения. — 1932. — № 3. — С. 165–166.
11. Квакин А. В. Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках Третьего Пути. — М., 2006.
12. Комин В. В. Политический и идеяный крах русской мелкобуржуазной революции за рубежом. — Калинин, 1977.
13. Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. — Т. 1. — М., 1994.
14. Олейник О. Ю., Меметов В. С. Интеллигенция, эмиграция, отчество: проблема патриотизма в творческом наследии представителей российского зарубежья 20–30-х годов XX века. — Иваново, 1997.
15. Открытие Пореволюционного Клуба // Завтра. — 1933. — № 4. — С. 29–30.
16. От редакции // Завтра. — 1933. — № 1. — С. 1–3.
17. От редакции // Завтра. — 1933. — № 4. — С. 1–16.
18. От редакции // Утверждения. — 1931. — № 1. — С. 3–8.
19. От редакции // Утверждения. — 1932. — № 3. — С. 3–10.
20. Первое открытое собрание 31-го октября 1935 г. // Ежемесячник Пореволюционного клуба. — 1935. — № 1. — С. 4–14.
21. Политическая история русской эмиграции 1920–1940 гг.: Документы и материалы. — М., 1999.
22. Савинков Л. О революции // Завтра. — 1933. — № 1. — С. 6–9.
23. Сарматов О. А. Дух интервенции // Утверждения. — 1931. — № 2. — С. 119–122.
24. Степанов И. В. Россия и эмиграция // Утверждения. — 1931. — № 2. — С. 109–118.
25. Струве Г. П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. — Париж; М., 1996.
26. Устриялов Н. В. Эмигрантская смена // Утверждения. — 1932. — № 3. — С. 107–118.
27. Ширинский-Шихматов Ю. А. Об антитезисе // Утверждения. — 1931. — № 2. — С. 65–75.
28. Ширинский-Шихматов Ю. Освобождение // Утверждения. — 1933. — № 1. — С. 19–43.
29. Ширинский-Шихматов Ю. А. Что происходит в России? // Ежемесячник Пореволюционного клуба. — 1935. — № 1. — С. 14–16.
30. Холодилов А. Д. Вчера. Сегодня. Завтра // Утверждения. — 1931. — № 2. — С. 54–64.
31. Хроника // Утверждения. — 1932. — № 3. — С. 167–176.

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.025

УДК 122/129

П. Н. Базанов*

К ГРЯДУЩЕЙ АТЛАНТИДЕ — ТРЕТЬЕЙ РОССИИ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДНИКОВ-МЕССИАНИСТОВ**

В статье анализируются общественно-политические взгляды одной из самых экзотических политических организаций Русского Зарубежья — народников-мессианистов (третьюероссов). Реконструирована история этого политического течения. Выявлены основные идеологические постулаты, показана самобытность и оригинальность. Раскрыто отношение к христианству, славянофильству и наследию Петра I. Основной акцент сделан на их отношение к решению национального вопроса в России, синтезу народов. Так же обоснована позиция третьероссов по отношению к интервенции и пораженчеству в будущей войне. Затрагивается их критика нацизма, как величайшей опасности для народов России. Обоснована роль лидера организации П. С. Боранецкого. Исследуется история журналов народников-мессианистов «Третья Россия» и «Свершения», являющихся важным источником их взглядов.

Ключевые слова: П. С. Боранецкий, переволовионеры, народники-мессианисты, третьероссы, пораженчество, оборончество, национальный вопрос, русская эмиграция, Петр I.

P. N. Bazanov

TOWARD THE COMING ATLANTIS — THE THIRD RUSSIA:
POLITICAL AND PUBLISHING ACTIVITIES OF THE MESSIANIST POPULISTS

The article analyzes the socio-political views of one of the most exotic political organizations in the Russian Abroad — the Messianic Narodniks (Third Russian). The history of this political trend has been reconstructed. Their main ideological postulates are revealed, their originality and originality are shown. The article reveals the attitude to Christianity,

* Базанов Петр Николаевич, доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВП Санкт-Петербургский государственный институт культуры; bazanovpn@list.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00783 «Социально-философская и политическая просоветская мысль первой волны эмиграции русского зарубежья в периодических изданиях 20–50-х гг. XX века»

Slavophilism and the legacy of Peter I. The main attention is paid to their attitude to the solution of the national question in Russia, the synthesis of peoples. The position of the Third Russians in relation to intervention and defeatism in a future war is also substantiated. Their criticism of Nazism is touched upon as the greatest danger to the peoples of Russia. The role of the leader of the organization P. S. Boranetsky. The history of the magazines of the populist-messianists «Third Russia» and «Accomplishments», which are an important source of their views, is investigated.

Keywords: P. S. Boranetsky, post-revolutionaries, messianic populists, third Russians, defeatism, defencism, the national question, Russian emigration, Peter I.

Одна из самых экзотических политических организаций Русского Зарубежья, группа Народников-Мессианистов П. С. Боранецкого окончательно выделилась из пореволюционного движения в начале 1930-х гг. Официальное периодическое издание народников-мессианистов — журнал «Третья Россия» (Париж, 1932–1939. — № 1–9) неоднократно менял подзаголовок: № 1 — «орган пореволюционного синтеза», № 2 — «орган исканий нового синтеза» и с № 3 — «орган осуществления нового синтеза». Номера журнала выходили не периодично, с большим опозданием из-за материальных затруднений издателей. Название журнала тоже было символичным. В честь него это течение и получило более распространенное название — группа «Третья Россия» («третъероссы»). В редакционной статье, открывавшей первый номер, так объяснялись переименование группы и основные философские основы журнала, как органа идеологического течения.

Понятием Синтеза определяются и наши установки Третьей России. (Под таким названием «Группы Тр.[етья] Р[оссия]», начала свое существование гр.[уппа] Народников-Мессианистов. Распространенность теперь подобного рода представлений о смене фаз в нашем историческом существовании, говорит, что основная линия взятая нами, была правильна). «Первую», до-революционную Россию условно рассматривать как «тезу», (положение), а «Вторую», Революционную Россию (во всех ее этапах и направлениях), как отрицание первой, как «антитезу», то грядущая по-революционная Третья Россия должна явиться не только творческим преодолением дореволюционной и революционной России, но и органическим вмещением, Синтезом того лучшего, положительного, что было в первой и второй России [16, с. 6].

Главой группы и редактором-издателем журнала, идеологом этого течения пореволюционной мысли был Петр Степанович Боранецкий (Баранецкий) (1900 — не ранее 1965) — философ и публицист, в 1928 г. бежавший из СССР. Известными авторами журнала, кроме П. С. Боранецкого (в том числе под псевдонимом П. Мартин), были евразийцы Н. Н. Алексеев и Н. А. Клепиков, из других сами «третъероссы» Н. Барский, С. Бережной, Н. Былов, Д. Даренко, И. Дворецкий, С. Никулин, Н. Тургенева. Принципиальной отличительной чертой третьероссов от всех остальных пореволюционных течений были их отрицательное отношение к христианству и вера в науку и технику. Поэтому новоградцы принципиально не принимали участие в их журнале, именно из-за антихристианства. Как точно заметила Н. А. Ехина:

Ведь Боранецкий ставил себя на порядок выше всех пореволюционников, которые, по его мнению, «утверждали Новую Землю, но Небо у них оставалось

старое, а, следовательно, старой оставалась и земля», третьероссы же «утверждали» «Новую Землю и Новое Небо» [14, с. 206].

В начале 1930-х гг. группа П. С. Боранецкого издала «Манифест Народников-Мессианистов». От остальных пореволюционных течений идеология этой группы отличалась ориентацией на крестьянство, антигородскими буколистическими тенденциями, сочетавшимися с последовательным технократизмом, что сильно контрастировало с архаизмом классических консерваторов, левыми пореволюционными исканиями. По мнению П. С. Боранецкого, современная техника — это магия некой, человечеством еще не осознанной новой религии — организации мира, исторических свершений, прометеевской победы и борьбы. П. С. Боранецкий даже написал специальную политологическую работу по данному вопросу — «К идее научного государства» [4]. А. Г. Гачевой совершенно справедливо отмечено: «Боранецкий нес эмиграции прометеизм первых пореволюционных лет как откровении о подлинном творчестве, как миросозерцание будущего» [10, с. 443]. Его взгляды так можно сформулировать: человек «Третьей России» — преобразователь мира и самого себя.

В анонсе к последним номерам журнала П. С. Боранецкий так сформулировал идеологическое кредо:

Будучи последователями идеи русского мессианизма, мы, однако, отвергаем обанкротившийся традиционный «славянофильский» мессианизм базировавшийся на идеале Русского Православия. Для нас Россия — грядущая Третья Россия, — носительница нового высшего жизненного идеала, страна в творчестве обретенного «золотого века», — «грядущая Атлантида» [Завтра. 1936. № 7. С. 9].

Понять что имел в виду такой своеобразный мыслитель, как П. С. Боранецкий, можно из его программной статьи в первом номере «Утверждений» — «О русском мессианизме» [8]. Отмечая последствия катастрофы 1917 г. и экономический и политический кризис начала 1930-х гг., приведшие к тупику развития Родины, он верит в Россию и ее блистательное торжество в веках.

Общим для нас является убеждение в катастрофизме положения России, с той разницей, пожалуй, что мы в этом убеждении идем дальше; мы последовательнее, смелее. Смелее, надо думать, потому, что мы — дети этих исключительных, разверзающих все исторические ограниченности, событий, видим за мрачной завесой катастрофического положения то, что не дано видеть им, носителям взорванной и испепеленной жизни. Мы — мессианисты. Мы верим в такие возможности раскрывающиеся в судьбе России, перед которыми оторопеет филистерская мысль представителей различных наших традиционных направлений [8, с. 24].

С народничеством П. С. Боранецкого и его сторонников связывает вера в русское крестьянство, в его извечно правильный взгляд на обустройство «мира». Третьюсссы считали себя наследниками взглядов А. И. Герцена.

Поэтому я утверждаю, что к исполнению своего всемирно-исторического предназначения Россия может прийти лишь через свое крестьянство — свою подлинно самобытную нетронутую силами разложения упадочной цивилизации города и притом подавляющую часть своего населения. Впервые лишь теперь

раскрывается во всей своей значительности смысл Герценовской формулы: «мужик — человек будущего России». Отсюда и потому мы в известном смысле — «народники». Но мы также и мессианисты [8, с. 37].

Крестьянофilia так же оправдывалась и борьбой с ультразападническим, которым был советский коммунизм 1920-х гг., проповедовавший антирусскую и противонациональную политику.

Ведь большевизм с его материализмом, интернационализмом, атеизмом, экономизмом и пр. — это явление нашего города, который по своему духовно-культурному существу является, пожалуй, в большей мере западническим, чем сама западно-европейская культура. Именно поэтому мы в утверждениях об особой культурно-исторической миссии России исходим из крестьянства — этой целинной, мощно-органической, подлинно самобытно-русской стихии, свободной от того западно-европейского духовного декаданса, лишь продолжением которого на новой территории является наш город — и «буржуазный» и «пролетарский» [8, с. 32].

Народнический и научократический мессианизм П. С. Боранецким противопоставлялся церковному мессианизму евразийцев и утвержденцев и классовому, материалистически-социалистическому интернациональному большевиков, и расовому мистицизму нацистов. Духовная революция противопоставлялась христианству, в особенности «розовому», а над учением философа Н. Ф. Федорова П. С. Боранецкий откровенно издевался. При этом народничество воспринималось как русский вариант демократизма (без эсеровского социализма). Христианство с его апологией человека как божьего раба, загробной жизнью было для П. С. Боранецкого неприемлемо. Он выступал за человека-демиурга, чья жизнь и деятельность строится на науке и движет историю. Сам П. С. Боранецкий пояснял позицию журнала по этому вопросу: «Наш журнал не “антихристианский”, а просто не-христианский, как и большинство теперешних периодических изданий» [6, с. 61]. И в свою защиту приводил на четвертой странице первого номера цитату философа Д. С. Мережковского на собрании «Зеленой Лампы», посвященном первому номеру «Третьей России»:

При всей враждебности к журналу «Т.[ретья] Р.[оссия]» из-за его критического отношения к христианству и попыток исканий и творчества нового мировоззрения и жизненного идеала, тем не менее признает, что из всех новых пореволюц.[ионных] течений журнал «Т.[ретья] Р.[оссия]» — самое интересное явление [Завтра. 1932. № 1. 4 с. обл.].

Позицию национал-мессианистов лучше всего характеризует анонс седьмого номера:

В области сознания мы боремся НА ДВА ФРОНТА: против маразма современного МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО (буржуазно-марксистского) сознания, оскотинивающего и дисквалифицирующего человека, угашающего его в духовно-нравственном идиотизме и против вызываемой им реакции ТЕОЛОГИЧЕСКОГО сознания, влекущей человечество к мертвым и примитивным формам духовной жизни. — Буржуазно-марксистскому, материалистическому идеалу человека,

ЧЕЛОВЕКА-МЕЩАНИНА-ХАМА-ХУЛИГАНА, мы противопоставляем идеал Нового Человека, ЧЕЛОВЕКА-ПРОМЕТЕЯ-ПОБЕДИТЕЛЯ-ТВОРЦА-ДЕМИУРГА-ГЕРОЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ. В пределе наше миросозерцание есть миросозерцание ЧЕЛОВЕКО-БОГА; в пределе — материалистическое миросозерцание есть миросозерцание ЧЕЛОВЕКО-СКОТА [Завтра. 1936. № 7. С. 9].

Для идеологии и политической тактики национал-мессианистов важное значение имела принципиальная оборонческая позиция. В русле защиты Родины от потенциальной агрессии рассматривались многие общественно-политические вопросы. Оборончество довлело над проектами построения нового государства, решением национального вопроса в России, над отношением к нацизму А. Гитлера и над собственным «партийным» строительством. Даже критика изъянов большевистской политики носила характер обличения неспособности советской власти защитить страну. Большевизм воспринимался как болезнь, а нацизм — как смерть для страны. *«Мы же при всяких обстоятельствах предпочитаем Россию больную — России мертвой* (выделено мной. — П. Б.)» [7, с. 91].

П. С. Боранецкий еще в первом номере «Утверждений» демонстративно высказал свою позицию:

При этом мы не можем забывать того, что в этой предстоящей схватке мирового империализма и коммунизма, — врагом России является *и тот, и другой*, ибо война с коммунизмом будет прежде всего империалистической войной, а следовательно, она будет войной не только против большевиков, но и *против России*. ... Ни одним шагом, за весь страшный период нашей национальной трагедии, — хищный, корыстный мир не дал нам оснований думать иначе. Не приходится теперь сводить счеты, — но время придет, — и мы их сведем; мы напомним о крови миллионов русских людей, за которую расплатились тем, что по кускам рвали достояние несчастного народа, пользуясь временной беспомощностью его [9, с. 58].

Приведем и еще несколько доказательств. В статье четвертого номера с символическим названием «От группы Народников-Мессианистов. Против национально-исторического пораженчества», предупреждая о маниловщине пораженчества третьяrossы указывают и на недопустимость падения морального уровня русского народа после поражения коммунизма.

Опаснее территориальных отторжений (все до единой пяди вернем!), мнимой возможности раздела России тот неизбежный после большевистского скотского царства дух маразма, безудержного разгула голой обывательщины и упадочничества, наплевательства на все высокое, идеальное, святое, который грозит угасить исторический гений русского народа, оставить на месте души великой нации одну омерзительную зловонную клоаку [17, с. 4].

Еще более критичен по отношению к пораженцам С. К. Бережной в статье «К врагам русского народа»:

Поэтому напрасно и те мнят себя невинными «критиками», кто «идейно» и так бескорыстно, продолжая старую смердяковскую традицию оплевывания своего народа и национального самоуничижения, фактически работают над подрывом нашего национального престижа, умаляют и чернят наш национальный гений,

дисквалифицируют нашу историю и культуру и, тем самым, льют воду на мельницу наших врагов. Эти гнусные потомки второго сына Ноя, эти слюнявые смиренники (обычно слишком смиренные в оценке своего народа, они крайне не смиренны в оценке лично себя) должны понять, что новые, наступающие теперь времена, уже не те, кто теперь уже нельзя будет, как во времена гнилого, дегенеративного царизма, безнаказанно плевать в лицо своему народу [2, с. 41].

Третьюеросский публицист Н. Николаев на страницах журнала продолжает линию обличения пораженцев, сравнивая мелкого торговца К. М. Минина и дворянчика Ю. Б. Отрепьева (расстригу Григория), приведшего интервентов на Русь, ставя проблему будущего коллабрационизма-власовщины.

В новом великом Смутном времени, которое переживает Россия, и которое, по-видимому, подходит к концу, снова, как тогда, происходит борьба двух тенденций в душе Русского народа — и здесь, в эмиграции, и там, — борьба между патриотически-героическим духом Минина и предательски-пораженческим духом Гришки Отрепьева. Кто победит? И, следовательно, — возродится ли Россия в новом величии и свободе или падет, опозоренная, отдавшись в руки Вора — ставленника иноземного врага? [15, с. 35].

Сам П. С. Боранецкий еще в первом номере «Утверждений» однозначно выразил свою позицию против решительной защиты Родины:

«Таким образом, ни национал-пораженчество, ни национал-соглашательство, ни тем более преступно-пассивное национал-непротивленчество, а с Россией, через Россию, и во имя свободы и величия России. В противовес национал-пораженцам, национал-соглашателям и национал-непротивленцам, мы должны быть национал-революционерами, ибо в национальной революции скрещиваются все пути и средства Восстания к Свободе и Величию России [5, с. 58].

Оборонческая позиция была напрямую связана с анализом немецкого фашизма. Особое беспокойство обоснованно вызывали взгляды А. Гитлера и идеология его национал-социалистической партии.

Идеолог третьероссов С. Бережной специально написал работу «Немецкий гитлеризм и русская эмиграция». В ней в тезисах он показал отношение своего течения к гитлеризму и юдофобии.

«Тезис 11. Из всего состава идеологии гитлеризма нам наиболее чужда и отвратна его псевдонаучная теория расизма и вытекающие из нее позорные проявления антисемитизма, несовместимые ни с достоинством великого народа, ни с нравственно-культурным уровнем людей 20-го столетия» [3, с. 11].

Политической тактикой был призыв С. Бережного о союзе с мировым еврейством и его спасением от нацизма:

12. Но помимо решительного принципиального осуждения антисемитизма, всегда чуждого русскому народу в целом, мы не должны забывать, что больше половины мирового еврейства находится в пределах славянских стран и главным образом России. — Этот факт может стать и огромным отрицательным, и огромным положительным фактором для нас, в зависимости от практического разрешения становящегося все более актуальным еврейского вопроса [3, с. 12].

Русский же национализм в интерпретации третьероссов — всемирный, универсальный и мессианский:

13. Наша идея не расизм — этот зоологический национализм, а мессианизм: — не эгоцентрическая, а универсалистическая идея: только она совместима с вселенским духом и многонациональностью России [3, с. 12].

П. С. Боранецкий провидчески же поднимает тему немецкой славянофобии и русофобии и традиционного западного желания поживиться за счет русской земли:

Гитлеровская же Германия своих колонизаторских, захватнических планов в отношении России даже не скрывает: на этом ведь, в конце концов, построена вся ее современная внешняя политика. Она позволяет себе притом, со свойственным этой нации свиным самодовольством, третировать русский народ и все славянство «низшей расой», предназначенней как «навоз» для удобрения ее, якобы, «высшей расы». Все это общеизвестно, известно не только нам, но и всему мировому общественному мнению, так как было предметом целого ряда официальных и неофициальных выступлений и заявлений. Поэтому, когда вопреки всему этому некоторые из такого рода русских горе-фашистов, стараются «доказать», что ничего подобного нет, что Гитлер затевает поход на Россию с самыми благими и лишь антибольшевистскими намерениями, то это выходит совсем уж в духе одной русской народной поговорки: «тот ему плюет в глаза, а он твердит: Божья роса» [7, с. 89].

П. С. Боранецкий так же прекрасно показывает, что прокоммунистическое оборончество создано СССР, а крайнее пораженчество — спецслужбами III Рейха.

Из некоторых достоверных источников нам известно, что русская эмиграция сейчас повсюду находится не только под негласной, «положительно-отрицательной» обработкой большевиков, но также и гитлеровских агентов. Нам, разумеется, не о чем спорить с расистскими истериками и скоморохами: у нас с ними — мы уже писали об этом — может быть лишь один язык, язык оружия. И если понадобится, — мы не сомневаемся в том: русский народ им пообломает их хищнические клыки. Считаем лишь нужным напомнить им, что дело им придется иметь не с несчастными, опустившимися беженцами и случайными проходящими, которых они всея всячески обхаживают и обрабатывают, а с новыми гранитными людьми новой грядущей России, людьми огненной, революционной формации; с тем новым человеческим материалом, который вынес на себе и преодолел величайшую в мировой истории трагедию[7, с. 89].

Пророческой оказалась ирония идеолога третьероссов:

«Мы даже склонны думать, что хищный лай на Россию жадных расистских псов, есть лай на слона ничтожной моськи. Но моська не должна забывать, что лает она на слона, чтоб не рисковать далеко не безопасными для нее последствиями. Гитлеровским комедиантам мы очень рекомендуем подучить историю на этот счет, — вспомнить, в трепете державшего всю Европу Карла XII и безраздельно владевшего ею Наполеона, чтоб понять, что не им столь самонадеянно соваться в путь, на котором погибли два величайших из завоевателей» [7, с. 89].

Уничтожение российского государства не являлось открытием А. Гитлера; по мнению третьероссов, коллективный Запад давно лелеет такую мечту.

Идеолог пореволюционеров И. Дворецкий выступает с совершенной национал-большевистских позиций:

Одной из целей Германии и Австро-Венгрии в великую войну, было расчленение России. То, чего не удалось сделать врагам России, было сделано отчасти ее бывшими друзьями: значительные куски ее территории были оторваны и не для кого не секрет, что соседи России воспользуются всяким удобным случаем, чтобы расширить свои границы за ее счет, расчленив ее на ряд «независимых» государств. В случае удачи они на долго будут избавлены от страха перед Москвой и получат возможность широко распространить сферы своего влияния в этих новых образованиях [13, с. 52].

Идеолог третьероссов С. Бережной считал единственным спасением от гитлеровского вторжения союз свободных народов объединенных русским мессионизмом:

14. В форме Российских Соединенных Штатов (в духе нашего лозунга: от Российских Соединенных Штатов — к Всеславянским — к Мировым), союза государств свободных и равноправных национальностей русский народ в сотрудничестве с другими братскими народами будет творить новую культуру и формы новой высшей общественности, а не чинить угнетение, насилие и эксплуатацию, прикрываясь расовой теорией своего превосходства. Всем славянским народам настал час сделать выбор между третиющим их низшей расой немецким расизмом, грозящим их превратить в колонии и навоз и между русским мессианизмом, мессианизмом российских народов, призывающим их к сотрудничеству во всемирно-историческом Деле строительства новых высших форм культуры и общественности [3, с. 12].

Именно резко отрицательное отношение к нацизму считалось у более левых самым положительным в деятельности национал-мессианистов. Ф. А. Степун в 1932 г. на страницах «Нового Града», приветствуя появление «Третьей России», констатировал, что журнал «энергично отмежевывается от всякого фашизма и определенно становится на сторону “неодемократии”». «От духа фашизма» Ф. А. Степун признавал за журналом лишь «его тон: волевой, страстный, бодрый, иногда не только несущийся, но и заносчивый», замечая при этом, что «люди, вышедшие из революции, не могут, да пожалуй, и не должны писать иначе» [18, с. 80].

За решение национального вопроса у национал-мессианистов отвечал публицист Д. Даренко. Этой проблеме он посвятил статьи «Мессианизм и национальная проблема», «Национальный вопрос и пореволюционное сознание (К Всероссийским Соединенным Штатам)» и «Крах ленинской национальной политики. К самоубийству Скрыпника». Третьероссы прекрасно понимали, что одними обещаниями справедливого решения национального вопроса после свержения большевиков проблему не решить.

Среди основных вопросов эпохи едва ли не главным, трагически стоящим и настоятельно требующим своего разрешения вопросом, является вопрос национальный [12, с. 23].

Д. Даренко, в отличие от представителей левой социалистической мысли, прекрасно понимал, что без решения национального вопроса нельзя стремиться к справедливому и социально равному обществу.

Значение национального вопроса тем более актуально, что всякая мечта о новом лучшем социальном устроении человечества, о выходе его в новую, светлую и цельную эпоху из нашей катастрофической, неотвратимо должна столкнуться с националистической психологией современных народов [12, с. 24].

Критике третьероссов подвергались правый национализм и левый интернационализм:

Уродливо-односторонним решениям, национального вопроса в доктринах национализма и интернационализма нужно противопоставить новое третье решение, как выход из той безнадежной альтернативы, которую они собой представляют [12, с. 26].

В рамках своей идеологии они хотели создать синтетическую культуру, способную связать различные народы и дать человечеству пример мировой гармонии. Подлинный путь разрешения национального вопроса третьероссы видели в своем лозунге «К ВСЕРОССИЙСКИМ СОЕДИНЕННЫМ ШТАТАМ».

Больше того, идею интернационала как такового, только и возможно преодолеть, борясь за новое раскрепощение народов, в данном случае России, во имя организации их на новых началах — подлинно свободного Союза Национальных Республик (Всероссийских Соединенных Штатов) [12, с. 25].

Новый союз планировался в рамках общей «евразийской» геополитической судьбы.

Но мы также всегда утверждали, с полным сознанием всей ответственности за то, о новой исторической необходимости, — Всеобщего Сговора Народов России об их дальнейшей совместной судьбе [11, с. 56].

Национал-мессиансты признавали Россию страной не одного этноса, считали, что она создана разными народностями.

Другой публицист «Третьей России», И. Дворецкий, в статье «Факты к украинскому вопросу» считал, что компромисс с национальными окраинами можно найти только на почве децентрализации. Так же, как и крупнейший специалист по украинскому сепаратизму историк Н. И. Ульянов возлагал надежду на союз со сторонниками М. И. Драгоманова [19–22]. Но историк из второй «волны» предлагал создавать самоуправляемые губернии-штаты, а не отдельное государственное образование, как у И. Дворецкого:

Еще Драгоманов, знаменитый украинский патриот, видел главное зло не в России, как таковой, а в русском централизме. Децентрализация России и создание автономных областей, как составных частей государства — вот разрешение русского вопроса по Драгоманову. С этим согласится всякий истинный украинец и к этому нужно стремиться. Только при таком устройстве Украины сможет увидеть свой идеал Соборной Украины осуществленным. Совместно

с Великороссией и Белоруссией Украина сможет образовать великое славянское свободное государство и привлечь в состав этого государства и другие части бывшей России [13, с. 54].

Впрочем, третьероссы откровенно издевались над «мудрой ленинской национальной политикой». Д. Даренко приурочил к самоубийству одного из вождей украинских большевиков Н. А. Скрыпника статью с символическим названием «Крах ленинской национальной политики». Академик АН УССР Николай Алексеевич Скрыпник (Скрипник) (1872–1933) был наркомом внутренних дел, наркомом юстиции, образования и генеральным прокурором Украины, был одним ярых проводников украинизации и коренизации Малороссии и Новороссии. К началу 1930-х гг. в коренизация во всех республиках позорно провалилась, в условиях индустриализации выяснилось, что ученик любого учебного заведения на русском языке, знает в десять раз больше, чем выпускник аналогичной национальной образовательной структуры. Кроме того, все учреждения по коренизации стали пристанищем оппозиционных ВКП (б) элементов. Кроме репрессий против национальных структур, советская власть должна была найти виновных и из своей среды. Идеально подошли стойкие ленинцы, по-прежнему проводившие политику своего кумира. Одним из фанатиков ленинской украинизации был Н. А. Скрыпник, затравленный до самоубийства.

Д. Даренко решительно выступал против сменовеховской концепции, что советская власть продолжила дело Ивана Калиты. Он совершенно верно заметил и предсказал лейтмотив 1991 г.:

Мы всегда утверждали, что большевики, в силу многих причин, не только не «объединили Россию», но наоборот, подготовили и готовят дальнее страшный взрыв ненависти у разных народов России к Москве и силы отталкивания от нее [11, с. 56].

С национальным вопросом непосредственно связана судьба российского государства. Интересно отношение третьероссов к извечной дилемме западничество — славянофильство и к третьему течению — евразийству. Национал-мессианисты одними из первых заметили, что евразийство — это западничество наоборот (т. е. восточное западничество), а классическое славянофильство XIX в. они считали идеализацией российской архаики, причем не часто иноzemного происхождения.

Отрицая славянофильство, западничество и евразийство, национал-мессианисты поднимали на щит русской истории государство. Много раз цитированный С. К. Бережной даже свою статью назвал «К апофеозу государственности (О новом государстве)». Напоминая всем известную истину, что русский народ — нация государственная и олицетворением его в нашей истории является император Петр Великий.

Все сказанное косвенным образом укрепляет нас в вере в великую судьбу русского народа и в правильности того значения в его возрождении, которое мы приписываем государству. Ибо русский народ по существу своему — народ государственный. Все, что он создал великого, он создал в государстве и через государство. Даже религию свою он принял от государства и через государ-

ство ею руководил. Не случайно большевизм, зачатый анархо-коммунист. идеологией, обернулся небывалым этатизмом. Именно в отсутствии пафоса государственности — был основной порок февр. революции. Лишь невежды, не знающие нашей истории могут говорить о негосударственности русского народа. Создавший империю, превышающую размеры древнего Рима, объединивший и сплавивший свыше ста национальностей и языков — это ли безгосударственный народ!? Или убедительнее этих фактов елейная старославянофильская размазня о поповском анархизме русского народа, который действительно едва ли его не погубил, если бы не явился великий Петр — это величайшее явление нашего подлинно нац.[ионального] духа. В соответствии со всем сказанным, мы должны быть принципиальными и последовательными этатистами. Больше того, мы должны будем воспитывать и будить в нашем народе культ государственности [1, с. 10].

Этатизм третьероссов, их идеализация левиафана государства привели их лидера даже к столь модной в наши дни идеализации сталинской политики. В последнем номере журнала П. С. Боранецкий печатает статью «“Петръ Великий” или “Николай Кровавый” (Загадка Сталина)». Сравнивая лидера большевиков с царем Петром (чье имя он подчеркнуто пишет с «мужественным» твердым знаком), доказывает не только реформизм последнего, но его термидорианство.

Такова, следовательно, одна возможная сторона нашей альтернативы: Сталин — «последний (большевистский) царь», «Николай Кровавый», беспомощно-жестокий спасатель обреченного Историей режима. Но наряду с ней присутствует и другая возможная сторона этой альтернативы: Сталин — великий преобразователь, революционер сверху, автор некоего превентивного переворота, подобный Петру Великому, Иоанну Грозному, на Западе Наполеону и др. ... и закончит тот процесс государственной и национальной коссолидации Русского народа, который сейчас там происходит, войдет в Историю, несмотря ни на что, в качестве второго собирателя России, ибо именно при нем закончился ленинский период распада и разбазаривания ее и начался процесс всестороннего воссоединения [9, с. 32].

Обличением же И. В. Сталина занимаются русофобы, как идеолог левого коммунизма Л. Д. Троцкой — правая рука В. И. Ленина.

«Недаром враги России, как таковой, не могут иначе говорить о нем, как с пеной у рта, И, конечно, отнюдь не из антибольшевитских побуждений: Троцкий, для которого Stalin — «фашист», « бонапартист», «ликвидатор» революции и пр. и пр., у них не вызывает таких чувств, даже совсем, наоборот... Для нас же эта ненависть врагов России к Stalinу есть именно аргумент в пользу его [9, с. 32].

Евразийские, скорее антиевропейские увлечения П. С. Боранецкого привели к попытке издавать в Париже ежемесячную газету «Свершения. Орган пореволюционной мысли и пореволюционного действия» (вышел только единственный номер 8 апреля 1934 г.). Вместе с П. С. Боранецким в ее редакцию входили Д. К. Даниленко, Б. Г. Шварц (лидер софиаратов) и ведущий правый евразиец П. Н. Савицкий. В газете так же публиковались А. П. Антипов, М. М. Артемьев, известный евразиец П. Н. Савицкий (в том числе под псевдонимом В. Логовиков) и другие.

Хотя народники-мессионисты и вошли в созданное по инициативе Ю. А. Ширинского-Шихматова «Объединение Пореволюционных Течений» (ОПТ) в 1933 г., объединившее несколько карликовых организаций, уже весной того же года в противовес «Пореволюционному клубу» утвержденцев П. С. Боранецким был создан «Объединенный Клуб Пореволюционных течений», в его заседаниях принимали участие третьярьоссы, парижская евразийская группа и вседядные новоградцы, бойкотировавшие периодику национал-мессианистов.

Благодаря своей экзотической общественно-политической философской мысли третьярьоссы сумели испортить отношения со всеми политическими силами Русского Зарубежья, даже со своими ближайшими союзниками пореволюционерами-утвержденцами, новоградцами и даже евразийцами. Положение осложнялось и качествами характера лидера национал-мессианистов П. С. Боранецкого — его комплексом вождя и спасителя России.

Народники-мессионисты, в противоположность всем пореволюционерам, пытавшимся соединить христианство и социализм, относились к религии очень отрицательно, с атеистических и научных позиций. Их идеалом была научная технократия. Третьярьоссы опровергали и любимый догмат евразийцев, что революция 1917 г. была почвенническим ответом народа на западнический курс, принятый еще Петром I. Наоборот, отсутствие духа реформ Петра Великого привел к гибели Империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бережной С. К апофеозу государственности (О новом государстве) // Третья Россия. — 1932. — № 2. — С. 6–11.
2. Бережной С. К врагам русского народа // Третья Россия. — 1938. — № 8. — С. 39–42.
3. Бережной С. Немецкий гитлеризм и русская эмиграция // Третья Россия. — 1933. — № 3. — С. 10–12.
4. Боранецкий П. С. К идее научного государства // Третья Россия. — 1933. — № 3. — С. 15–23.
5. Боранецкий П. Назревание событий (К вопросу о текущем моменте и общей тактической установке) // Утверждения. — 1931. — № 1. — С. 52–61.
6. Боранецкий П. С., [П.Б.] На полемическом фронте // Третья Россия. — 1933. — № 3. — С. 58–62.
7. Боранецкий П. С., [П.Б.] О геройской ориентации и русском национальном достоинстве // Третья Россия. — 1934. — № 6. — С. 88–92.
8. Боранецкий П. С. О русском мессианизме // Утверждения. — 1931. — № 1. — С. 22–37.
9. Боранецкий П. «Петръ Великий» или «Николай Кровавый». (Загадка Сталина) // Третья Россия. — 1939. — № 9. — С. 29–34.
10. В поисках синтеза: Пореволюционные течения русской эмиграции 1920–1930-х годов / Вступ. ст., публ. и comment. А. Г. Гачевой // Диаспора VII: Нов. материалы. — Париж; СПб., 2005. — С. 437–487.
11. Даренко Д. Крах ленинской национальной политики. К самоубийству Скрыпника // Третья Россия. — 1933. — № 3. — С. 55–56.

12. Даренко Д. Национальный вопрос и пореволюционное сознание (К Всероссийским Соединен. Штатам) // Третья Россия. — 1932. — № 2. — С. 23–25.
13. Дворецкий И. Факты к украинскому вопросу // Третья Россия. — 1934. — № 4–5. — С. 52–54.
14. Ёхина Н. А. Молодая эмиграция в поисках новой России: П. С. Боронецкий и евразийство // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. — М., 2014. — С. 198–208.
15. Николаев Н. Минин или Гришка Отрепьев // Третья Россия. — 1939. — № 9. — С. 35.
16. От группы Народников-Мессианистов // Третья Россия. — 1932. — № 1. — С. 3–16.
17. От гр. Народников-Мессианистов. Против нац.-историч. пораженчества // Третья Россия. — 1932. — № 2. — С. 3–5.
18. Степун Ф. «Третья Россия» // Новый Град. — 1932. — № 3. — С. 80–83.
19. Ульянов Н. И. На Драгомановские темы // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1963. 9 июня. — С. 2.
20. Ульянов Н. И. Об одном проекте разрешения национального вопроса в России // На темы русские и общие: Сб. в честь проф. Н. С. Тимашева. — Нью-Йорк, 1965. — С. 297–304.
21. Ульянов Н. И. Один из забытых // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1963. 26 мая. — С. 2–3.
22. Ульянов Н. И. Один из забытых // Спуск флага. — New Haven, 1979. — С. 99–121.

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.026

УДК 82.09

А. В. Святославский, Е. В. Егорова*

В. И. ЛЕНИН В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ В. В. НАБОКОВА**

В настоящей статье исследуется личность Владимира Ильича Ленина в художественном осмыслении писателя-эмигранта Владимира Владимировича Набокова. Несмотря на однозначность оценки личности Ленина и исторических событий, с ним связанных, Набоков оригинально интерпретирует его образ и деяния в большинстве своих произведений. Если даже Ленин напрямую не называется, его образ в текстах Набокова угадывается по двум-трем штрихам. Ленин, на наш взгляд, явился своего рода триггером творчества Набокова, повлияв коренным образом не только на его личную судьбу и судьбу семьи Набоковых, но и стимулировав к писательской деятельности.

Ключевые слова: В. И. Ленин, В. В. Набоков, В. Д. Набоков, Э. Уилсон, рецепция, «Говорят по-русски», «Бритва», «Приглашение на казнь», «Дар», «Под знаком незаконорожденных», «Смотри на арлекинов!».

*A. V. Svyatoslavsky, E. V. Egorova
V. I. LENIN IN THE LITERARY AND ARTISTIC RECEPTION OF V. V. NABOKOV*

This article examines the personality of Vladimir Ilyich Lenin in the artistic interpretation of the emigrant writer Vladimir Vladimirovich Nabokov. Despite the unambiguous assessment of Lenin's personality and the events associated with him, Nabokov originally interprets his image and deeds in most of his works. Even if Lenin is not directly named, his image in Nabokov's texts is guessed by two or three strokes. Lenin, in our opinion, was a kind of trigger for Nabokov's creativity, will radically affect not only his personal fate and the fate of the Nabokov family, but also stimulating creativity.

* Святославский Алексей Владимирович, доктор культурологии, профессор Института филологии Московского педагогического государственного университета; e-mail: pokrov1988@gmail.com

Егорова Екатерина Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43080 «Советский Союз как цивилизация: от расцвета до заката».

Keywords: V. I. Lenin, V. V. Nabokov, V. D. Nabokov, E. Wilson, reception, «They speak Russian», «The Razor», «The Invitation to Execution», «The Gift», «Under the Sign of Illegitimate», «Look at the Harlequins!».

24 января 1924 года Владимир Набоков, находясь в Праге, пишет своей в то время невесте Вере Слоним в Берлин привычно откровенное и трепетное письмо, где в ряду упоминаний о семейных «хлопьях хлопот» [8; с. 73], размышлений о том, как надо бы изображать в литературе святого Петра, а именно — «греющимся у костра на холодной заре» [8; с. 75], когда «кричат... вторые петухи» [8; с. 75] и «сдержанно кланяются кипарисы» [8; с. 75], сразу же после признания, что он уже мысленно гуляет по тропинкам унаследованного от дяди Василия Ивановича Рукавишникова имения Рождествено, внезапно, через многоточие: «А сегодня в газетах весть о том, что Ленин умер» [8; с. 75] (он умер тремя днями ранее, 21 января). И тут же, кажется, как следствие безумной радости от сказанного выше: «Любовь моя, какое счастье снова увидеть тебя, услышать пенье твоих гласных...» [8; с. 75], а потом и вовсе не о политике: «иду проветриться» к «совершенной прелестной» Марине Цветаевой [8; с. 75]. Все нечаянно смешалось в его мире, и, быть может, воскресла надежда на возможное преодоление ставшей привычной эмигрантской стагнации — на возвращение домой.

Отец писателя Набокова, Владимир Дмитриевич, был заметным участником оппозиционного движения в дореволюционной России, видной политической фигурой в период с 1905-го по 1917-й год, главой казначейства и членом нескольких комитетов Временного правительства. Семья Набоковых переживала обе — Февральскую и Октябрьскую — революции в Петрограде.

В. Д. Набоков ощущал разрозненность, хаотичность, броуновское движение Временного правительства: в течение всего двух месяцев было предпринято множество реформ, при этом Набоков был ведущей фигурой в Юридическом совете и в комиссии по пересмотру Уголовного кодекса; однако его тревожило противостояние А. Ф. Керенского П. Н. Милюкову (Набоков был членом партии кадетов, конституционных демократов, которую возглавлял Милюков), занимавшему крайне негибкую позицию, особенно в отношении окончания войны. Находясь под обаянием последнего, Набоков чувствовал себя словно между Сциллой и Харибдой.

Насколько плохо он подходил для роли революционного деятеля, можно судить по его признанию от июля 1921 года газете «Руль»: «Когда мне приходилось выступать в России на митингах, <...> я часто испытывал чувство тягостной неловкости. Мне казалось, что я совершаю духовное насилие над слушателями, которые сами должны были бы разобраться, за какой партией идти» [2; с. 159].

В течение пяти дней после октябрьского переворота Владимир Дмитриевич находился под стражей в Смольном. 29 ноября 1917 г., подобно пилигриму, он покинул Петроград с заплечным мешком.

Совершенно аполитичного по своей природе Владимира Владимировича Набокова в это самое революционное время в Тенишевском училище обязывают высказывать свою политическую позицию: «Чтобы пробудить в юноше поли-

тическую сознательность, <Владимир Васильевич Гиппиус — преподаватель словесности> задал ему в качестве наказания дополнительную работу — сочинение о восстании декабристов, вдохновившем революцию 1905 года, а затем, вместе с ней, и Февральскую революцию 1917 года. Прочитав его работу, Гиппиус прошипел, едва скрывая ярость: «Вы не тенишевец» [2; с. 156–157]. Впрочем, вследствие этого давления Набоков преисполнился еще большей решимости сохранять свою особую позицию в отношении политических распрея.

Осенью 1917-го года у него был последний семестр в Тенишевском училище, наполненный, помимо прочего, многочисленными любовными увлечениями. (Дома же он был по боксерской груше прямо под выстрелы.) Сдав сессию и заработав «четыре» по физике, «пять с минусом» по Закону Божьему и «пятерки по всем остальным предметам» [2; с. 163], 15 ноября 1917 г. вместе с братом Сергеем он провел последний своей день в Петрограде. В жарко натопленном вагоне по дороге в Крым раскрылась куколка бабочки, семь лет пролежавшая в коробке.

16 декабря 1917 г., по прибытии в Гаспру отца, Набоков напишет стихотворение «К свободе», где скажет, что у свободы «подбито» крыло, с такими строчками: «Ты медленно бредешь по улицам бессонным; / на горестном челе нет прежнего луча...», «в одной руке дрожит потухшая свеча...» [15; с. 12]. Тогда же в Крыму он создает и другие стихотворные тексты об утраченной Россией свободе и бесчинствах большевистского террора. Фигура В. И. Ленина и его деяния, несомненно, побуждают его к творчеству.

Во время обучения в Кембридже Набоков произнесет «первую и последнюю» [2; с. 201] в своей жизни политическую речь, длившуюся «18 минут 50 секунд» [2; с. 201]. Её основные тезисы таковы: «Ленин — сумасшедший, остальные — негодяи» [2; с. 201]; большевизм — «отвратительная болезнь» [2; с. 201]. Там же он яростно призывает Англию помочь России [2; с. 201]. В дальнейшем же ни в каких политических дебатах он не участвовал. Признавался, что у него не было и нет логически выверенной системы аргументации, как у виртуозно владевшего ею его отца [2; с. 202].

Но в частные споры о большевистском лидере время от времени Набоков все-таки вступал. Так, например, говорил о Ленине, что он вовсе не такой «мудрый, как Соломон» [2; с. 213], и не такой «чувствительный, как институтка из повести Чарской» [2; с. 213].

Первый опубликованный опыт Набокова в прозе оказывается тесно связанным с революционными событиями, потрясшими Россию. 7 января 1921 года «Руль», популярное в Берлине ежедневное русскоязычное издание, газета, одним из основателей которой был его отец, напечатала рассказ Набокова «Нежить», в котором описывается, как лесные духи, персонажи русского фольклора, сталкиваются с новой большевистской реальностью: русские поля завалены обезглавленными гниющими трупами («у того голова на одной красной ниточке висит, у того вместо живота — ворох толстых червей...» [9; с. 48]), а по рекам плывут мертвецы «гроздями» [9; с. 49], и по этой причине некогда «задорной» нежити пришлось покинуть родные места «с котомкой» [9; с. 49]: «И все мы ушли, изгнанные безумным землемером» [9; с. 49]. «Рассказ, короткий и незамысловатый, может служить свидетельством того, что с первых

шагов писателя Набокова миф и фантазия в его творчестве переплетаются с ужасом современности» [16; с. 120], — констатирует А. Питцер.

В стихотворении Набокова же 1922 г. «Петербург» («Он на трясине был построен...»), напротив, сам Ленин соотнесен с нежитью, а именно с болотным бесом, проснувшимся в сонном городе грез, в котором скрывался до времени «мстительно-живой» мир, дышащий «смертою отравой» [6; с. 269]. Вдруг в «сумрачной трясине» что-то «вздрогнуло»: «раскрывшиесь, бездна отдавала / завороженных мертвцев» [6; с. 269], «И пошатнулся всадник медный, / и помрачился свод небес, / и раздавался крик победный: / “Да здравствует болотный бес”...» [6; с. 269].

Даже в смерти отца, который пал от руки эмигранта-монархиста, покушавшегося на П. Н. Милюкова, Набоков усматривал вину Ленина. Это случилось весной 1922 г., а 30-го декабря того же года было юридически закреплено образование Советского Союза, что лишило Набокова всякой надежды вернуться на родину.

7 января 1923 года в «Руле» был опубликован рассказ Набокова «Слово», проблематика которого так или иначе связана с происходившим в Советском Союзе и, опосредованно, с фигурой Ленина. Оказавшись во сне в раю, герой рассказа вымаливает у доброго ангела для своей «босой и нищей» [9; с. 50], «умирающей в тяжких мороках» родины «подаянье» [9; с. 51] и слышит от него «единственное слово» [9; с. 53]. Под «словом» подразумевается, по всей видимости, искусство, в котором Набоков с этой поры усматривал единственное спасение для себя и всего эмигрантского мира.

Симптоматичен в этом смысле и сюжет рассказа Набокова 1923 г. «Говорят по-русски». Место действия — табачная лавка эмигранта, бывшего «благополучного помещика» [9; с. 17] Мартина Мартыныча, ныне проживающего в Берлине. Его сын Петя хлопочет о возвращении их родственницы в Москву, для чего ходит в «представительство», и однажды слышит там от одного из «представителей»: «...шляется всякая белогвардейская шваль» [9; с. 18]. После этого Петя отправляется в советский книжный магазин, охарактеризованный в рассказе как портящий «своим присутствием одну из прелестнейших берлинских улиц» [9; с. 18]. Он выбирает молоток, «разрисованный маками и украшенный соответственной для большевицкого молотка надписью» [9; с. 18], а также «небольшой гипсовый бюст господина Ульянова» и «тут же на прилавке» «кокает» «этим молотком по этому бюсту», «да так, что господин Ульянов рассыпался» [9; с. 18]. Через некоторое время в табачную лавку заходит тот самый «представитель» — гэпэушник, чекист, «честный коммунист» двадцати четырех лет от роду, и Петя дает ему «кулачищем <...> по скуле» [9; с. 21]. Прямо в лавке вся семья Мартина Мартыныча устраивает над «представителем» «судебное разбирательство» [9; с. 21], приговаривая его к пожизненному сидению (по крайней мере, до того дня, как «lopнут большевики») «в комнатке темной-претемной, с белой железной ванной» [9; с. 22], чтению басен И. А. Крылова и «Князя Серебряного» А. К. Толстого. Эпизоды «коканья» бюста Ленина и заточения чекиста в рассказе отчетливо соотносятся друг с другом — с «представителем» проделывается то, что надлежало бы совершить, с точки зрения семьи Мартина Мартыныча, по отношению к самому Ленину.

В рассказе «Бритва», опубликованном в «Руле» 19 февраля 1926 года, Ленин, при всей маскарадности своего облика, явлен уже собственной персоной. Можно сказать, «Бритва» — своеобразная ему, уже к тому времени почившему, эпитафия. Герой рассказа — капитан Иванов (по прозвищу Бритва) — ранее служил в императорском полку, теперь же служит в берлинской парикмахерской, чем, понятно, решительно недоволен: «Его большую, благородную, великолепную отчизну какой-то скучный шут погубил ради красного словца, — и это он простить не мог» [9; с. 212]. Однажды в парикмахерскую приходит «плотный, низенького роста господин в черном костюме», «с черным портфелем под мышкой», «восковой лысиной» [9; с. 212], «подвижным лицом», «пронзительными глазками», «блестящими, как мерцательные колесики часовочного механизма» [9; с. 212–213]. В этом посетителе нетрудно узнать Ленина. Правда, он не в рабочей кепке, а в черном котелке, как Чарли Чаплин, и «с толстым родимым прыщом у правого крыла носа» [9; с. 212]. Впрочем, прямо о том, что это Ленин, не говорится. Как и в рассказе «Говорят по-русски», он как бы заменен неким своим «представителем», который, как выясняется, допрашивал Бритву «в Харькове, лет шесть тому назад» [9; с. 213]. Теперь же, покорившись парикмахеру, вознамерившемуся его убить, в «белом саване простыни» [9; с. 213] «представитель» сидит, как мертвый. «Покойников всегда бреют», «бреют и приговоренных к смертной казни» [9; с. 214], — говорит ему Иванов-Бритва, позиционируя себя в этот момент как палача. В finale рассказа Бритва намеченную жертву все же помиловал — отпустил, так и не «гильотинировав». «И все той же механической походкой, сжимая вытянутой одеревеневшей рукой портфель и глядя в солнечную муть улицы пустыми, как у греческих статуй глазами, — ушел» [9; с. 214] этот квази-Ленин, словно восставший на короткое время из мертвых. Не отклик ли в таком случае «Бритва» на возведение мавзолея Ленина. (Заметим, что первый — деревянный — мавзолей был построен в январе 1924 г., второй — в мае 1924 г.).

В рассказе «Письмо в Россию» («Руль», 29 января 1925 г.) «мокрое отражение фонаря» и «черные воды канала» [9; с. 193] в Берлине ощутимо рифмуются со сходными петербургскими реалиями, будто «реинкарнирующими» Петербург Н. В. Гоголя, и в первую очередь, Петербург «Невского проспекта». Ностальгия по России здесь нарастает крещендо. И то же самое в рассказе «Путеводитель по Берлину» («Руль», 24–25 декабря 1925 г.), где вновь сквозь Берлин по принципу палимпсеста проступает Петербург. Вместе с тем, в изображаемом в этом рассказе Зоологическом саду, «земном раю», заставляющем вспомнить ветхозаветный сюжет изгнания из рая, «за <...> витринами, в сияющих углублениях, скользят, вспыхивая плавниками, прозрачные рыбы, дышат морские цветы, и на песочке лежит живая пурпурная звезда о пяти концах» [9; с. 209]. Черная воспоминания о своей России словно со дна океана, даже морскую звезду герой-наблюдатель, играя с самим собой в ассоциации, вынужден рифмовать с эмблемой Советского Союза: «Вот, значит, откуда взялась пресловутая эмблема: с самого дна океана — из темноты потопленных Атлантид, давным-давно переживших всякие смуты, — опыты глуповатых утопий, — и все то, что тревожит нас» [9; с. 209].

В рассказе «Истребление тиранов» («Русские записки», август — сентябрь 1938 г.) перед нами своего рода заклинание тоталитаризма словом — словом

творчески одаренного человека. Скромный учитель рисования, служащий в провинциальной гимназии, создает собирательный образ тирана и пишет что-то вроде его жития. Тиран под его пером предстает «самодуром, жестоким и мрачным пошляком с болезненным гонором» [9; с. 448], который «только наряжается богом» [9; с. 448]. У этого «торжествующего чудовища» [9; с. 450] «толстая морщина через весь лоб» [9; с. 447], «кесарская плешивость» [9; с. 451], «гнусное задыханьице» в конце произносимых им фраз [9; с. 451]; обитает он «в камере главной столичной тюрьмы, превращенной для него в замок» [9; с. 455]. И — главное — он не что иное, как «мираж», превращенный «в тираж» [9; с. 459], а также — «воплощенное отрицание поэта» [9; с. 459], ибо гений и злодейство, по Набокову, идущему здесь вслед за Пушкиным, «две вещи несовместные». (Позднее в эссе «Искусство литературы и здравый смысл» (1942) Набоков будет настойчиво утверждать, что «преступники — обычно люди без воображения», а «преступление — настоящее торжество пошлости, и чем оно удачнее, тем глупее выглядит» [7; с. 497].) Тем не менее герой-повествователь «Истребления тиранов» сначала грезит об «истреблении» как физическом уничтожении деспота, но задается закономерным вопросом «зачем?», если в его стране за этим убийством последует непременное «усиление гнета по инерции» [9; с. 462]. Таким образом, герою ничего более не остается, как только мимикрия под деспотичного правителя, обусловленная то ли погружением его в бездну безумия, то ли игрой в таковое. И вот герой уже чувствует себя *им*. Цель тирана, получается, реализована, так как цель эта — сделать всех без исключения жителей подвластного ему государства своей уменьшенной копией, точнее, своим жалким, рабским подобием. В финале же «Истребления тиранов» герой-протагонист заклинает тиранического государя смехом. Однако ощущение, что мир находится «накануне новых неприятностей, не менее забавных, чем нынешние» [9; с. 468], остается у него неизменным.

Итак, в рассказах и стихах Набокова 1920-х — 1930-х годов фигура Ленина практически не вуалируется. Напротив, в своих романах берлинского периода писатель обходится, как правило, без политических ассоциаций, хотя в некоторых из них политическая тематика все же присутствует, но обязательно подвергаясь сильной художественной трансформации. Так, в романе «Машенька» (1925–1926) исследуется феномен эмигрантского психологического эскапизма — внутреннего побега от всего, что напоминает об СССР; в романе «Подвиг» (1930–1932) объектом утонченной рефлексии становится желание автора тайно вернуться на родину.

Среди берлинских романовых текстов особенно выделяются «Приглашение на казнь» (1934–1936) и «Дар» (1938), которые вместе с более поздним романом американского периода «Под знаком незаконнорожденных» (1947, на английском языке), по мнению С. Карлинского, «образуют своего рода набоковскую трилогию» об ужасах XX века, исследующую тоталитаризм от его истоков до крайних пределов [3; 41]. Интересно, что в этой трилогии, как и в рассказе «Истребление тиранов», Набоков изучает фигуру Ленина вкупе со Сталиным и Гитлером.

В «Даре» сквозь один политический режим более или менее явно просвечивает другой, что отмечалось и самим Набоковым в предисловии к роману:

«К тому же у моего молодого человека <Федора Константиновича Годунова-Чердынцева> это <негативное отношение к Германии> усугубляется влиянием тошнотворной диктатуры того времени, когда я писал книгу (1930-е гг. — Е. Е.), а не того, которое в ней фрагментарно отразилось» [11; с. 412]. (Имеется в виду большевистская диктатура, в сознании героя и автора как бы накладывающаяся на национал-социалистическую, торжествующую в Германии, где происходит действие романа.)

В 1928 году в СССР праздновалось столетие со дня рождения Н. Г. Чернышевского [2; 466] (родился 24 июля 1828 г.). Важно отметить, что Чернышевский был любимым писателем Ленина [2; с. 33] и в советском идеологизированном литературоведении считался предтечей социалистического реализма.

В жизнеописании Чернышевского, включенном в роман «Дар» как отдельная — четвертая — глава, набоковское «презрение к трусости царского правительства, заточившего в тюрьму и сославшего Чернышевского, и горькое сострадание к его судьбе сочетаются с сокрушительной критикой идей писателя» [2; с. 33]. Это не столько разоблачение Чернышевского, сколько художественно оркестрованная попытка понять, почему именно его этические и эстетические идеи были усвоены русским марксизмом и способствовали подчинению искусства государству в Советской России.

На исследование биографии Чернышевского у Набокова ушли 1933 и 1934 годы. Кроме того, он тщательно изучал труды Г. Гегеля, Л. Фейербаха, Ш. Фурье, А. Сен-Симона, К. Маркса, пытаясь отыскать в них корни русской революции.

Набоков в «Даре» показывает, как жизнь последовательно опровергает все умозрительные теории Чернышевского. Любопытно, что ситуация заключения его в Петропавловскую крепость прочитывается и в «Приглашении на казнь» — романе, создававшемся параллельно с «Даром». Соотносимы имена Чернышевского и Чердынцева (Федора Константиновича Годунова-Чердынцева, главного героя романа, который может считаться хотя бы частично *alter ego* автора; от полного отождествления себя с ним Набоков откращивался категорически); это ономастическое соотнесение зиждется на том, что Чернышевский наделен Набоковым чертами не только чудака и шута, но и одинокого короля и непонятого творца [2; с. 532].

Также Набоков в романе задается вопросом, не была ли диктатура радикально-utilitaristской критики журнала «Современник» своеобразной репетицией большевистского террора, а драма раскола «Современника» чем-то вроде предвестия Октябрьской революции.

Нельзя обойти вниманием и известный набоковский афоризм из романа «Дар», всплывающий в разговоре Федора Константиновича Годунова-Чердынцева с поэтом Кончеевым: «Стойте! Неужто вы желаете помянуть добрым словом Обломова? Россию погубили два Ильича...» [13; с. 256]. Под вторым Ильичом — Обломовым — Набоков подразумевал, вероятно, бессильную и вялую российскую либеральную общественность, позволившую прийти к власти большевикам.

Роман «Под знаком незаконнорожденных» значительно углубляет и усугубляет проблематику «Приглашения на казнь», где мыслящий не как все герой сначала оказывается в заключении, а потом подвергается казни. Главного героя

романа «Под знаком незаконнорожденных», философа и университетского профессора Адама Круга, принуждают подписать письмо, подтверждающее его безусловную верность тирану Падуку: без подписи всех работников университета последний перестанет функционировать. Управляет тираническим Паукоградом в романе Партия Среднего Человека, исповедующая теорию эквилибризма — уравнивания всего и вся. Мир Паукограда — это мир повсюду снувших соглядатаев на полицейских машинах, слежек, шантажа и пыток. Единственный выход из этого ужаса — безумие, приравниваемое в романе к творчеству.

Герб тиранического государства в романе — паук на красном фоне, что вызывает ассоциации одновременно и с «серпом и молотом», и со свастикой.

В предисловии к более позднему изданию романа Набоков прямо говорит о преломлении в нем большевистской и фашистской идеологий:

Влияние моей эпохи на эту мою книгу столь же пренебрежимо мало, сколь и влияние моих книг или по крайней мере этой моей книги на мою эпоху. Нет сомнения, в стекле различимы кое-какие отражения, непосредственно созданные идиотическими и жалкими режимами, которые всем нам известны и которые лезли мне под ноги во всю мою жизнь: мирами терзательств и тирании, фашистов и большевиков, мыслителей-обывателей и бабуинов в ботфортах. Нет также сомнений и в том, что без этих мерзостных моделей я не смог бы нашпиговать эту фантазию кусками ленинских речей, ломтями советской конституции и комками нацистской лжерасторопности [12; с. 41].

Переписка Набокова с влиятельным американским критиком Эдмундом Уилсоном может послужить выразительным комментарием ко всему выше-сказанному. Знакомство Набокова с Уилсоном состоялось в октябре 1940 года. Уилсон сделался своего рода литературным агентом Набокова как начинающего американского писателя. В самом начале общения он предложил Набокову написать рецензию на книгу Г. П. Максимова «Гильотина за работой» (1940), рассказывающую о политическом терроре в Советском Союзе. Рецензия так и не была напечатана, но известно, что Набоков отозвался о книге так: «Эта страшная и немногословная книга тем важнее, что она поможет развенчать печальный миф, будто Ленин был чем-то лучше своего последователя» [17; с. 51]. В ответ Уилсон направил Набокову свою книгу «К Финляндскому вокзалу» (1940), где, в частности, рассматривается вопрос о западных корнях марксизма-ленинизма, в надежде переменить мнение собеседника о Ленине в лучшую сторону.

Перу Уилсона на тот момент принадлежала также книга об СССР «Путешествие по двум демократиям», вышедшая в 1936 г. Ее автор ведет спор с Набоковым как человеком, побывавшим в Советском Союзе: в 1935 году Уилсон получил Гуггенхаймскую стипендию для учебы в Москве в Институте Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП (б).

Уилсон отстаивал мысль, что Советский Союз справился бы с «великой депрессией», поскольку его руководство уделяет повышенное внимание «промышленным и экономическим вопросам» [17; с. 53], в отличие от тогдашнего президента США Г. Гувера.

Однако к 1940-му году, времени знакомства с Набоковым, Уилсон уже считает СССР полицейским государством: в книге «К Финляндскому вокзалу» он описывает царящую в среде советских интеллигентов атмосферу страха, называет толпу на улицах Москвы неряшливой и скучной и замечает, что социализм ни в малой мере не развеял всепоглощающую русскую тоску.

В то же время Уилсон постоянно сравнивает СССР и США: «...обе страны так похожи: кругом «степи, бурные реки и дикие леса» — «никогда не знаешь, что таится в глухи этих земель...» [17; с. 54].

В свою очередь, Набоков в своем письме Уилсону от 15 декабря 1940 вычленяет в его позиции «фальшивки большевистской пропаганды» [5; с. 55] и напрочь развеивает усвоенные им мифы об СССР:

Вот мы и подобрались к фигуре Ильича — что-то я зачесался сгоряча (извините). Боюсь, что для портрета его отца Вы взяли многовато небесной лазури по примеру советских биографов. Ульянов-старший, по свидетельству знавших его людей, был самым обыкновенным, примечательным разве своими либеральными взглядами господином [5; с. 55]. И далее: «Если бы к голубому и розовому Вы добавили немного сепии, <...>, он <отец В. И. Ленина> вышел бы у Вас не столь «иконописным» [5; с. 56].

Или такой вот выпад по адресу Ленина и одновременно Н. К. Крупской:

Воспоминания близких часто бывают невыносимо приторны, а бедной Крупской не хватало ни юмора, ни вкуса. Ироничный читатель, дойдя до пассажа, где Ленин не выстрелил в лисицу, потому что она была «красивой» (из книги Н. К. Крупской «Воспоминания о В. И. Ленине» [4; с. 31] — Е. Е.), может в ответ бросить: «Жаль, что Россия ему такой не показалась» [5; с. 56].

Речь по-прежнему идет о Ленине:

Эта преувеличенная сердечность, этот взгляд *c prishchurinkoy*, этот мальчишеский смех и все такое прочее, чему умиляются его биографы, кажутся мне особенно безвкусными. Вот эту атмосферу общего веселья, когда тебе подносят полное ведро обожания с лежащей на дне дохлой крысой, я воспроизвел в своем «Приглашении на казнь» (надеюсь, Вы его еще прочтете). Вас так радушно «приглашают», все будет исполнено в лучшем виде, только НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ (говорит заплечных дел мастер своему «пациенту»). Мой друг немец, не пропускавший ни одной смертной казни, рассказывал мне о палаче в Регенсбурге, который с тортом в руке совершенно по-отечески опекал осужденного [5; с. 56–57].

Уилсон упорно паририует:

...Вы воображаете монстра, а не объясняете его в человеческих терминах» [5; с. 57]; взывает к авторитету М. Горького: «Я не верю, что Горький <...> мог находиться в близких отношениях с таким человеком, какого Вы себе представляете [5; с. 58] (письмо от 19 декабря 1940).

В ответ по аналогии с «Владимиром Красное Солнышко» [5; с. 59] Набоков издавательски называет Ленина «Ленин Доброе Сердце» [5; с. 59] (письмо от 20 декабря 1940 г.).

С. Карлинский, поясняя контекст переписки, говорит о «склонности американцев к сентиментальной идеализации» [3; с. 28] Ленина, как, впрочем, и Сталина, и добавляет, что Уилсон не имел возможности познакомиться с полным собранием сочинений Ленина, которое стало выходить лишь в 1960-е годы.

По мнению Б. Бойда, «Уилсон восхищался Лениным за то, что тот мечтал о лучшем будущем для человечества и имел мужество попытаться воплотить свои мечты в жизнь» [1; 28]. Не исключено, что позицию Набокова Уилсон объяснял себе тем, что тот просто не интересуется политикой и, следовательно, ничего в ней не понимает. Но он явно недооценивал своего друга: в 1933 году Набоков даже намеревался читать лекции по истории русского марксизма.

29 марта 1943 года, на пике советско-американского сотрудничества во время Второй мировой войны, вышел русский номер журнала «Life». Помимо фотографии добродушного Сталина на обложке, он предлагал читателям панегирический очерк о Ленине («величайшем человеке современности»), а также обзор русской истории и культуры, по характеристике Набокова, «повторявший перекосы и фальсификации советской пропаганды» [5; с. 139]. К обзору прилагался портрет Пушкина с абсурдной,искажающей факты биографии поэта подписью под ним: «Пушкин, поэт-аристократ, присоединился к заговору офицеров против царя, был выслан на Кавказ, убит на дуэли» [5; с. 140], что особенно разозлило Набокова: «Вотъ говнюки! Эта непотребная фотография...» [5; с. 139] (письмо Уилсону от 29 марта 1943 г.).

И в дальнейшем Набоков не раз укорял друга Уилсона в том, что тот не может освободиться от иллюзии, будто Ленин был «душкой» [5; с. 192] (из письма от 8–9 июня 1944 г.). В письме от 23 февраля 1948 г. подобное отношение Уилсона к Ленину Набоков выводит из его «оптимизма, идеализма и молодости» [5; с. 284].

Все политические изменения, происходившие после Октябрьской революции, с точки зрения Набокова, «сводились к перемене декора, так или иначе камуфлировавшего неизменную черноту бездны насилия и террора» [5; с. 285] (из того же письма).

Но самым яростным оказался в этом письме спор Набокова с Уилсоном об искусстве Серебряного века: писатель принципиально не согласен с критиком, фактически отождествлявшим русский авангард (преимущественно имелся в виду футуризм) и большевистскую революцию [5; с. 283]. (Отметим, что на Уилсона во время его пылкой увлеченности СССР в 1930-е гг. повлияла книга Льва Троцкого «Литература и революция» (1923) [3; с. 39], во многом дискредитирующая писателей начала XX века.)

Самому Набокову так нравилось это его письмо, что он вознамерился его «отшлифовать» и напечатать отдельно. Напечатать не получилось, но существенная часть письма позднее вошла в двенадцатую главу автобиографической книги «Другие берега» (1953–1954).

В письме от 4 января 1949 года Набоков разбирает книгу Уилсона «Величайшие мыслители» 1948 года издания и вновь спорит с другом о месте Ленина в истории: «Ты всерьез полагаешь, что в первые годы своего существования советский режим строил (окровавленными руками) фундамент (из папье-маше, пропитанного кровью) для нового человечества?» [5; с. 311].

В этом же письме Набоков спорит с Уилсоном о литературных вкусах Ленина. В эссе «Марксизм и литература» Уилсон утверждал, что Ленин «любил прозу, поэзию и театр и отнюдь не был доктринером в своих художественных пристрастиях» [5; с. 311]. Набоков на это безапелляционно заявляет: что до литературных вкусов Ленина, «тут он был стопроцентный буржуа (во всех смыслах)» [5; с. 311]:

«Когда он говорит «Пушкин», он имеет в виду не нашего (твоего, моего и т. д.) Пушкина, а то, что складывается в голове русского обывателя из а) школьных учебников, б) переложений Чайковского; в) расхожих цитат и г) приятного убеждения, что Пушкин писал «классически просто». То же можно сказать о его восприятии Толстого (его статьи о Толстом по-детски наивны). Сталин тоже любит Пушкина, Толстого и Ромена Роллана» [5; с. 311–312].

Точно так же в эссе «Пошляки и пошлость» (1957) Набоков настаивает на том, что «у Ленина, Сталина и Гитлера представление об искусстве и науке было насквозь буржуазным» [10; с. 426]).

Публикация Набоковым «Лолиты» (1955) и высокая оценка Уилсоном о «Доктора Живаго» (1957) Б. Л. Пастернака подорвали дружбу писателя и критика. Причиной глубокой обиды Набокова на бывшего друга стало также утверждение Уилсона в изданном им в 1956 томе рассказов А. П. Чехова, что будто бы чеховские персонажи были теми самыми людьми, которые пришли к власти во времена Сталина [3; 44].

По прочтении переписки Набокова с Уилсоном, касающейся фигуры Ленина и созданного им государства, создается впечатление, что писатель ведет спор не только с Пончиком (Bunny), как он называл Уилсона, но и с самим Лениным, — настолько ожесточенными выглядят иные выпады в адрес вождя русской пролетарской революции. На наш взгляд, переписка взяла на себя еще и терапевтическую функцию, позволив Набокову максимально полно высказаться о ненавистном ему человеке.

Показательно для нас и еще одно признание Набокова в письме Рене Миша 1961 года, исчерпывающее объясняющее его отношение к любой диктатуре, и ленинской в том числе:

«Я против любой диктатуры, правой или левой, земной или небесной, белой, серой или черной, розовой, красной или пурпурной, Ивана Грозного или Гитлера, Ленина, Сталина или Хрущева <...>. Я приемлю только правительства, которые позволяют человеку говорить то, что он хочет» [1; с. 566–567].

Характерно также, что в стихах второй половины 1920-х гг. Набоков никогда не использует нового — советского — названия своего родного города Петербурга, 26 января 1924 года, после смерти В. И. Ленина, II Всесоюзным съездом Советов СССР переименованного в Ленинград; он навсегда так и остался для него Петербургом.

Впрочем, много позднее, в 1947 г., им будет написано стихотворение в форме письма именно из Ленинграда «Князю С. М. Качурину». Виртуальное возвращение на родину становилось темой набоковских произведений неоднократно. Эта тема присутствует в романе «Подвиг», в рассказе 1939 г.

«Посещение музея», в finale которого герой-эмигрант таинственным образом оказывается в СССР, где его арестовывают на «равнодушном снегу» [9; с. 476], и в ранней, созданной в 1925–1926 гг. пьесе «Человек из СССР».

Но виртуальное возвращение — это одно, реальное — совсем другое. Показательно, что всех известных ему людей, посещавших СССР, Набоков называл «дураками или лакеями» [1; с. 678].

В июне 1969 года сестра Набокова Елена Сикорская провела две недели в Ленинграде, став первым человеком из набоковской родни, посетившим Страну Советов. Елена привезла в Швейцарию фотографии Выры и Рождествено, а также камень из фундамента главной лестницы старого поместья. Она регулярно посещала СССР и в последующие десять лет.

Американский славист, литературовед Саймон Карлинский однажды заехал к Набокову в Монтрё. Писатель попросил Карлинского поделиться впечатлениями о СССР. «Громкие женские голоса, грязно ругающиеся» [1; с. 738] — это первое, что пришло на память Карлинскому.

Считается, что именно от этого впечатления Набоков отталкивается в своем последнем завершенном романе «Смотри на арлекинов!» (1973–1974). Путешествие в «Страну Чудес», как называет он в романе СССР, здесь наконец-то предпринято. Писатель отправляется в Ленинград своего героя Вадима Вадимыча, являющегося в чем-то пародийным alter ego самого автора. Ингредиентами «царства советской пошлости» оказываются «веяния пота», «звесь Красной Москвы», взлетные леденцы в самолете, запах лука, котлета по-киевски, «нечто», отдаленно напоминающее цыпленка табака, непригодное для питья грузинское вино, «кусок багряного мыла» «в уродливой громаде» «Астории». Герою пеняют на то, что он «не заглянул в комнату Ленина в Смольном» [14; с. 272]! Все в Ленинграде кажется Вадиму Вадимычу чуждым и вульгарным, пропитанным советской столовой.

Б. Байд отмечает, что путешествие Вадима Вадимыча «описывается с такой зрительной, слуховой и обонятельной точностью, что побывавшие в Советском Союзе читатели были уверены: Набоков точно ездил туда, но инкогнито» [1; 739].

Настоящее — пусть и посмертное — возвращение Набокова в Ленинград произошло только в 1986–88 гг., когда он был признан в СССР «национальным достоянием» [1; с. 792–793].

Знаковым представляется то, что родились Ленин и Набоков в один день — 22 апреля — с разницей в 29 лет. Писатель, без сомнения, придавал значение этому совпадению и даже предпочитал отмечать свой день рождения на день позднее — 23 апреля, когда, согласно общепринятыму мнению, родился Шекспир.

Ненависть в свою очередь вдохновляла и творчески стимулировала Набокова. Показательно его отношение к Ф. М. Достоевскому, которого он в «Лекциях по русской литературе» и многочисленных интервью клеймит и разоблачает как переоцененного классика, однако буквально в каждом своем произведении ведет с ним диалог, развивая, интерпретируя и трансформируя его образы, мотивы и сюжеты. Отношение Набокова к Ленину, казалось бы, однозначное, может быть понято и в этом ключе.

Ленин в понимании и художественном сознании Набокова неотделим от Сталина и Гитлера. Сталинский режим видится ему продолжением ленинского без заметных отличий. В становлении же фашизма в 1930-е гг. в Германии он узрел зеркальное отражение революционных событий 1917 г. и последующего большевистского террора в России.

Таким образом, в Ленине Набоков видел некую универсалию тоталитаризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойд Б. Владимир Набоков. Американские годы: биография. Пер. с англ. — СПб.: Симпозиум, 2010. — 648 с.
2. Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы: биография. Пер. с англ. — СПб.: Симпозиум, 2010. — 695 с.
3. Карлинский С. Предисловие. Дорогой Пончик — дорогой Володя, или Сближения и разногласия. // Набоков В., Уилсон Э. Дорогой Пончик. Дорогой Володя: Переписка. 1940–1971. Пер. с англ. С. Таска. — М.: Ко Либри, Азбука-Аттикус, 2013. — 496 с. — С. 12–46.
4. Крупская Н. К. Воспоминания о В. И. Ленине. Ч. I и II. — М.: Партиздат, 1933 (на обл. 1934). — 290 с.
5. Набоков В., Уилсон Э. Дорогой Пончик. Дорогой Володя: Переписка. 1940–1971. Пер. с англ. С. Таска. — М.: Ко Либри, Азбука-Аттикус, 2013. — 496 с.
6. Набоков В. В. Другие берега: Автобиография, рассказы, стихотворения. — СПб.: Азбука, 2002. — 416 с.
7. Набоков В. В. Искусство литературы и здравый смысл. Пер. с англ. Г. Дащевского. // Лекции по зарубежной литературе. Пер. с англ. — СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 210. — 512 с.
8. Набоков В. В. Письма к Вере. Пер. с англ. А. Глебовской. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 704 с.
9. Набоков В. В. Полное собрание рассказов. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 752 с.
10. Набоков В. В. Пошлики и пошлость. Пер. с англ. А. Курт. // Лекции по русской литературе. Пер. с англ. — СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. — 448 с.
11. Набоков В. В. Предисловие автора к американскому изданию. Пер. с англ. Г. Барабтарло. // Дар: Роман. — СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 210. — 416 с. — С. 411–413.
12. Набоков В. В. Американский период. Собрание сочинений в 5 томах. Пер. с англ. С. Ильина. — СПб.: Симпозиум, 1999. — 608 с. (Т. 1).
13. Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах. — СПб.: Симпозиум, 2009. — 784 с. (Т. 4).
14. Набоков В. В. Смотри на арлекинов!: Роман. Пер. с англ. С. Ильина. — СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. — 320 с.
15. Набоков В. В. Стихи. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 304 с.
16. Питцер А. Тайная история Владимира Набокова. Пер. с англ. Е. Горбатенко. — М.: Синдбад, 2016. — 528 с.
17. Роупер Р. Набоков в Америке. По дороге к «Лолите». Пер. с англ. Ю. Полещук. — М.: Издательство ACT: CORPUS, 2017. — 384 с.

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.027

УДК 002.2+ 371. 69

A. A. Димяненко*

**КРИТИКА ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «НАКАНУНЕ» БЕРЛИН, 1922–1924****

В статье рассматриваются критические обзоры и рецензии на новые детские книги, вышедшие в эмиграции, в газете «Накануне» (Берлин, 1922–1924), а также издательскую деятельность «Акционерного общества «Накануне». Особое внимание сосредоточено на рецензиях наиболее частотного автора — Н. И. Петровской (1879–1928) (10 рецензий), которая являлась сотрудником газеты в период с 1922 по 1924 гг. В статье рассматривается структура рецензий и набор критических критериев, которые характеризуют идеальную и вредную книгу для чтения детей на русском языке в русском зарубежье. Основным содержательным компонентом новой книги должен стать отказ от влияния дореволюционной традиции при описании героев детской литературы и дореволюционного быта. Содержание рецензий и выбор книг для анализа исследуется с позиции влияния просоветского вектора газеты «Накануне».

Ключевые слова: газета «Накануне»; детская книга русского зарубежья; критика детской литературы; Н. И. Петровская.

A. A. Dimianenko
**CRITICISM OF CHILDREN'S LITERATURE OF THE RUSSIAN ABROAD
IN THE PAGES OF THE NEWSPAPER “NAKANUNE” BERLIN, 1922–1924**

The article considers critical reviews and reviews of new children's books which were published in emigration in the «Nakanune» newspaper (Berlin, 1922–1924), as well as the publishing activity of the «Nakanune» Joint-Stock Society (Aktzionernoje obshchestvo «Nakanune»). The special attention is focused on the reviews of the most frequent author

* Димяненко Анна Андреевна, канд. филол. н., мл. науч. сотрудник Центра исследований детской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН; ann.dimyanenko@gmail.com.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00783 «Социально-философская и политическая просоветская мысль первой волны эмиграции русского зарубежья в периодических изданиях 20–50-х гг. XX века».

— N. I. Petrovskaya (1879–1928) (10 reviews), who worked for the newspaper in the period from 1922 to 1924. This article examines the structure of reviews and the set of critical criteria which characterize ideal and harmful books for children reading in Russian abroad. The main content component of the new book is to reject the influence of pre-revolutionary tradition in the description of the heroes of children's literature and the pre-revolutionary everyday life. The content of the reviews and the choice of books for analysis are examined from the point of view of influence of pro-Soviet vector of «Nakanune» newspaper.

Keywords: «Nakanune» newspaper; children's book of Russian abroad; criticism of children's literature; N. I. Petrovskaya.

Критика детской литературы в эмиграции возникла на фоне ненормированного и эпизодического книгоиздания и книгообеспечения детей. Фонды школьных и гимназических библиотек пополнялись преимущественно литературой учебной или вовсе доставались библиотекам по наследству от ликвидированных русских учебных заведений или организаций (комитетов), как, например, библиотеке Русской гимназии Земгора в Праге.

Сами читатели в одном из отзывов на «Книжки-картинки» В. В. Каррика, опубликованном в «Журнале Содружества» (Выборг, 1924 г.), отмечают недостаток и отсутствие детской книги на эмигрантском книжном рынке: «...детских книг в Зарубежье мало, и поэтому каждое новое детское издание, каждая новая детская книжка нам очень нужна и полезна» [6, с. 38].

В таких условиях изучение детской литературы кажется практически невозможным. Однако в середине 1920-х годов, в период издательского берлинского книжного бума^{*}, произошедшего в результате падения немецкой марки и удешевления качественных типографских услуг, появляются журнальные и газетные площадки для публицистических высказываний писателей эмигрантов, журналистское мастерство воплощается в публикациях оперативных печатных источников, эмигрантская общественность обращается ко всем формам литературы.

Вопреки сложившемуся делению истории детской литературы на дореволюционную и послереволюционную, разделенной 1917 годом, детская литература русского зарубежья начинает оформляться только к середине 1920-х годов, поскольку расселение эмигрантов, поиск работы и устройство в новой стране представлялись эмигрантами более значимыми, первостепенными задачами. К этому стоит добавить затруднения в обмене информацией и сложное экономическое положение, в котором оказались эмигранты. Для понимания основных этапов изучения детской литературы за рубежом, нам представляется важным выделить две даты, обозначившие внимание к явлению детской литературы, детским писателям в частности, в общем литературном процессе русского за-

* Историки эмиграции связывают издательский подъем в Берлине с несколькими факторами, начиная от традиционной высокой технической постановки печатного дела в Германии и заканчивая близостью контактов с Россией и возможностью сбыта продукции. Благоприятное соотношение валютного курса, в пользу германского экспорта, и состояние экономики: охватившая Германию инфляция повлекла за собой дешевизну немецкой марки, дешевизну полиграфических услуг, а тесные контакты с советской Россией и советским правительством, способствовали созданию и стимулированию издательств и издательских организаций.

рубежья. Первая из них связана с составлением исчерпывающей библиографии новой русской книги, подготовленной пражским Комитетом Русской книги (1923–1925) в 1924 году к большой книжной выставке, где книги и журналы для детей выделены в отдельный раздел, с описанием текущего состояния книжного рынка в этом сегменте. В этот же период, с 1920 года, детская литература становится объектом внимания критиков в крупнейшем книговедческом журнале «Русская книга» и также имеет свою рубрику. Вторая дата закрепляет всеобщее внимание к проблеме денационализации детей эмигрантов на Всеэмигрантском писательском съезде в Белграде 1928 года. Помочь решить эту проблему должно было единство — русский язык, школа и русская литература. По результатам съезда был подготовлен план издания серии книг «Детская библиотека». Её основой стали произведения писателей русской эмиграции, которые были отобраны Издательской комиссией, способные повлиять на формирование национальной идентичности ребенка вдали от родины.

Разделы с рецензиями на новые детские книги, изданные в русском зарубежье, появлялись практически во всех периодических изданиях, которые имели разделы с обзорами литературы: «Руль» (Берлин), «Журнал содружества» (Выборг), «Последние новости» (Париж), «Возрождение» (Париж), «Сегодня» (Рига), «Русская школа за рубежом» (Прага) и др. Редакторы и критики оценивали детскую литературу в общем потоке выходящей литературы и периодических изданий в русском зарубежье. Русские писатели и педагоги стремились создать социальное представление об осознании проблем детства в изгнании. Поэтому в рецензиях и обзорах, появляющихся на страницах периодических изданий, особое внимание уделялось вопросам сохранения русского языка, русской речи как основы сохранения национальной идентичности: «...самым сильным орудием является печатное слово, что книга в деле воспитания — все. <...> Должна быть удовлетворена потребность в книгах для чтения, для внеклассного употребления, в том чтении, которое, говоря воображению и чувству ребенка, перенесет его в необъятную ширь “русских полей” русских рек и лесов, раскроют ему глубины прошедших времен и свяжут его коренным образом с отчизной его предков и его самого» [5, с. 2]. Несмотря на то, что выпуск некоторых периодических изданий был кратковременным, а объективными задачами редакций были отражение эмигрантской жизни и возможность передачи информации, разделы обзоров и рецензий иногда имели существенное влияние на восприятие того или иного литературного произведения, автора или иллюстратора. Кроме того, журналы имели различную оптику на содержание литературного произведения, которое, как правило, отражало общественно-политическую позицию редакции.

Одним из таких авторитетных критико-библиографических изданий в русском зарубежье было «Литературное приложение» в газете «Накануне» (1922–1924), в котором публиковались произведения авторов-эмигрантов и авторов советской России. Редактором «Литературного приложения» был А. Н. Толстой. Издание стремилось отразить печатный рынок двух полюсов — советской и эмигрантской литературы.

В 1922 году при газете был организован издательский отдел: литературно-художественным отделом руководил А. Н. Толстой, иностранным — пере-

водчик и литературный критик, З. А. Венгерова*. Издательство выпустило серию «Детская библиотека «Накануне», куда входили книжки о Гришке-путешественнике в 6 томах, «Книжка про веселое житьишко», «Сказка про Нику, Джека и Феофана» и сборник стихов «Веселые пустяки», написанные женой А. Н. Толстого — Н. В. Крандиевской-Толстой, «Приключения Пиноккио» К. Коллоди в переводе Н. И. Петровской и обработке А. Н. Толстого. Практически все эти произведения получили положительные рецензии в критическом разделе газеты «Накануне»: «Детские пальчики будут перелистывать без конца эти два альбома, запоминая воздушно-милье строчки и рифмы, где даже правила повседневного детского обихода облечены в такую шутливую форму, что человеку с выпачканным в саже носом только остается расхочотаться над самим собой... <...> Талант глубоко женственный, тонкий и вдумчивый веет над двумя этими книжечками, как над всей поэзией Натальи Крандиевской» [9, с. 5].

Наиболее частотным автором рецензий на детскую литературу в газете была Нина Ивановна Петровская (1879–1928) (10 рецензий). Будучи переводчиком и долгое время прожив в Италии, Петровская в своих рецензиях обращала внимание на качество перевода литературного текста и язык, на котором авторы говорят с ребенком: «Своим необычайно свежим, насыщенным какой-то бодрой земной силой языком, увлекательно и просто рассказывает он, как росла и приобщалась к жизни душа маленького человека» [7, с. 5]; «С редкостным даром настоящей детской писательницы весело и увлекательно, рассыпая пригоршнями сверкающие камни грациозных примитивов рифм, Н. Крандиевская руководит в легендарных путешествиях «Гришкой» — смельчаком, «Гришкой» — героем. Эту чудесную синематографическую историю будут несомненно разыгрывать в лицах во всех тех домах, куда только суждено попасть 6-и томам веселых приключений» [10, с. 6]. В своих рецензиях Петровская пишет о необходимости «дать образцы художественной детской литературы» [8, с. 7] детям, находящимся вдали от родной культуры и родного языка, но при этом круг чтения детей должен быть сформирован на качественных литературных текстах другой эпохи, дореволюционной России. Например, в рецензии на серию детских книг, вышедших в издательстве З. И. Гржебина, Петровская пишет: «Издатель, не берущий материала на ощупь, а строго взвешивающий свою задачу и возвращающийся за неимением лучшего к старинным образцам, проявляет много чуткости и вкуса» [11, с. 7]. Вместе с тем отрицательные рецензии получают книги, в которых, по мнению рецензента, описаны устаревшие нормы, искусственные образы детей, обладающие только качествами добродетели и порока, присущими персонажам нравоучительных повестей, а также тексты, в которых описывается дореволюционный быт: «Все эти рассказы о Колях и Мишах, лопающихся от сытости и в благородном порыве делящихся одним пирожным с уличным оборванцем, о наградах за проступки и наказаниях за подвиги, о елках и подвалах, устраиваемых добродетельными мещанами, — все эти произведения, засаривающие детскую душу плевелами

* Подробнее про газету «Накануне» и издательскую деятельность «Акционерного общества «Накануне» см.: [3; 4].

отгнившего быта, давно пора выбросить за окошко»; «Кальма — вся под влиянием добрых старых традиций “детских книг с картинками”. Вероятно, эти книжки, литературный возраст которых подходит едва ли не к полстолетию, в некоторых кругах пользуются успехом» [8, с. 6]. Позиция Петровской и других рецензентов соотносилась с политикой газеты и программой издательства — продвижение литературы новой России, новых героев и образов в детской литературе. «Задача «Библиотеки» — «дать юному читателю при помощи художественных образов возможность глубже уразуметь и осознать окружающую его жизнь, воспитать в нем лучшие человеческие стремления и чувства, что особенно важно для страны...» — цитирует Н. И. Петровская авторов предисловия сборника с говорящим заглавием «Два мира», вышедшего в 1923 году в издательстве «Книга». В стремлении подчеркнуть устаревший и несчастливый дореволюционный мир для детей «в рассказах... подчеркнуты темные стороны русского дореволюционного быта со всеми его мрачными деталями... — поучительная картина для новых детей» [12, с. 5]. Отражение советской действительности освещалось в рецензиях на новые детские книги советских авторов. Например, отзыв на поэму К. Чуковского «Крокодил», изданную по дореволюционной орфографии: «“Крокодил” с первых дней появления вызвал заслуженный восторг маленьких читателей и слушателей. Это одна из лучших детских книг на русском языке за последние годы. Только большая широта, ясность и многогранность духа позволила К. Чуковскому так свободно перейти от серьезной работы исследователя литературы к созданию прелестной, остроумной “поэмы для маленьких”, написанной с удивительным пониманием детской психологии!» [1, с. 5].

Эстетическая ценность детской литературы имела высшую ценность в обсуждении ее задач, поскольку она способствовала развитию литературно-художественного вкуса и поэтического сознания у ребенка. Сообщество писателей и критиков предлагает рассматривать детскую литературу не только с воспитательной позиции, но и с точки зрения ее литературно-художественных качеств. При этом позиция критиков демонстрировала отсутствие таких свойств у литературы, созданной за рубежом для детей, за исключением нескольких авторов. Это связывали с преобладанием в издательском репертуаре писателей, пишущих ради издательского гонорара, не заботящихся о качестве детской литературы: «Художественно-синтетическая линия его остается неясной, размеры дарования невыясненными» [13, с. 6]; «Книга по существу своему не умная, не забавная и не поучительная. Дети, чуткие ко всему живому и талантливому, едва ли примут ее с восторгом. Приключения “Пчелки Майи”, нечаянно вылетевшей из улья, построены тяжеловесно и совершенно лишены того тонкого сказочного правдоподобия, на котором должны базироваться полунаучные, полубеллетристические замыслы. Элементарные явления из естественной истории набросаны зря, без малейшей системы и в высшей степени поверхностны» [14, с. 6].

Взамен стилистической фальшивости и чрезмерной наивности критики советуют обращать внимание на литературу без маркировки, т. е. взрослую литературу, а также на книги, написанные некоторыми авторами-эмигрантами: «Содержание книги подобрано с тщательностью, делающей честь начинающему

редактору. Во всяком случае, книга заслуживает гораздо большего сочувствия, чем множество макулатуры, изданной “для детей” просвещенными интеллигентами спекулянтского типа» [2, с. 4].

Критические обзоры в газете «Накануне» по структуре и набору критических критериев не имеют существенных отличий от критических статей и рецензий в других ведущих периодических изданиях русского зарубежья, например, таких, как газета «Руль» (1920–1931; Берлин) или газета «Возрождение» (1925–1940; Париж). При этом авторы рецензий пытаются демонстрировать разную оптику: старого мира дореволюционной России и нового советского мира, которая, по мнению критиков, находит отражение в литературе, изданной на русском языке в эмиграции и советской России. Неактуальность старой нормы проявляется в критике поведения персонажей детской литературы, описания атмосферы и быта, в которые помещены герои, а также иллюстраций, орфографии и оформления детских книг. Основными положительными характеристиками обладает литература, в которой автор находится в диалоге с ребенком, говорит с ним, как со взрослым и не допускает искусственности и искажения действительности. При этом авторы намекают на создание новых образов и героев в детской литературе, которые могут предложить модели поведения и поступков для детей в новом мире.

Внимание эмигрантской общественности к деталям оформления детской книги или вопросам воспитания «лучших человеческих стремлений и чувств» с помощью книги, однако, оставляет за рамками много важных вопросов, определяющих статус и место детской литературы в детском чтении в эмиграции вообще. Обсуждение детских книг выводило авторов собственно за границы литературных проблем — языка, стиля, традиции, в область социальных проблем, личного переживания травматического опыта эмиграции и оторванности от прежнего социального окружения, языка и культуры. Все эти переживания отражались в рецензиях на детскую литературу, в которой писатели и рецензенты ожидали увидеть самих себя в счастливом детстве. Авторы критических статей не отделяют понятие «детская литература» от понятий «детская книга» и «детское чтение». За исключением наименований рубрик в указателях и журнале «детская литература», как предмет исследования детская литература в эмиграции не получила терминологического статуса. Резюмирующее определение рекомендации или предостережения от чтения детьми того или иного издания демонстрирует цензорский подход.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. В. [Рецензия] // Накануне. — 1922. — № 183, 11 ноября. — С. 5. Рец. на кн.: Чуковский К. Крокодил: Поэма для маленьких / рис. Ре-Ми. — Эпоха: Петербург-Берлин, 1922. — 54 с.
2. А. Х. [Рецензия] // Накануне. — 1922. — № 215, 20 дек. — С. 4. Рец. на кн.: Ёлочка: Сб. рассказов / под ред. А. И. Белокопытова; рис. худож. С. В. Животовского. — Вюнсдорф: Изд. детских книг «Ёлочка», 1922.

3. Базанов П. Н. Берлинская газета сменовеховцев «Накануне» и русская философская мысль // Вестник РХГА. — 2020. — Т. 21. — № 2. С. 134–144.
4. Базанов П. Н. Акционерное общество «Накануне» и издательская деятельность сменовеховцев // Библиография. — Научный журнал по библиографоведению, книгоизданию и библиотековедению. — 2019. — № 4 (423). — С. 102–113.
5. Бобринская В. Н. Наш долг перед русскими детьми // Возрождение. — Париж. — 1926. — № 22, апр. — С. 2.
6. Л. Л. К приезду В. В. Каррика // Журнал Содружества: Литературно-общественный ежемесячник, издающийся обществом «Содружество бывших учащихся Выборгского русского реального лицея» и Выборгским культурно-просветительским о-вом. — Viipuri: Б. и., 1934. — № 4. — С. 37–38.
7. Н. П. [Петровская Н. И.] [Рецензия] // Накануне. — 1923. — № 333, 15 мая. — С. 5. Рец. на кн.: Дроздов А. Мой Дед: Рассказы для детей. Берлин: Изд. Гутнова, 1922 (Детская библиотека).
8. Н. П. [Петровская Н. И.] [Рецензия] // Накануне. — 1924. — № 522, 6 янв. — С. 7. Рец. на кн.: Кальма [Кальманович Э. С.] Проказники-шалуны. — Берлин: Новая книга, 1924; Кальма Золотое детство. — Берлин: Новая книга, 1924; Кальма Веселый год. — Берлин: Новая книга, 1924; Кальма Вокруг света. — Берлин: Новая книга, 1924; Кальма Железная дорога. — Берлин: Новая книга, 1924.
9. Петровская Н. И. [Рецензия] // Накануне. — 1923. — № 408, 15 авг. — С. 5. Рец. на кн.: Крандиевская Н. В. Книжка про веселое житьишко / рис. Г. Каспари. — Берлин: Накануне, 1923 (Детская библиотека «Накануне»).
10. Петровская Н. И. [Рецензия] // Накануне. — 1923. — № 463, 18 окт. — С. 6. Рец. на кн.: Крандиевская Н. В. Гришкины путешествия: Веселые приключения в 6 томах. Америка, Китай, Африка, Сибирь, Северный полюс / рис. Е. Кутцер. — Берлин: Накануне, 1923. — Т. 1–6 (Детская библиотека «Накануне»).
11. Петровская Н. И. Детские книги изд-ва З. И. Гржебина // Накануне. — 1923. — № 480, 7 ноября. — С. 7.
12. Петровская Н. И. [Рецензия] // Накануне. — 1923. — № 274, 2 марта. — С. 5. Рец. на кн.: Два мира. — Книга: Москва-Петроград, 1923.
13. Петровская Н.И. [Рецензия] // Накануне. — 1923. — № 444, 26 сент. — С. 6. Рец. на кн.: Жак Нуар. Картонный паяц: стихи. Берлин: Север.
14. Петровская Н.И. [Рецензия] // Накануне. — 1923. — № 271, 26 февр. — С. 6. Рец. на кн.: Бонзель В. Пчелка Майя / перевод с немецкого М. Ш. — Берлин: Изд. Эфрон, 1923. — 187 с.

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.028

УДК 101.9

Д. Е. Самойлов*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИА: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье проводится антропологический анализ субъекта коммуникативного пространства информационного общества, активно участвующего в формировании и распространении актуальных для современных масс-медиа аксиологических установок. Сопоставление информационного общества и античного полиса как моделей жизненного мира, в которых взаимосвязано коллективное и общественное, приводит нас к пониманию того, что современные медиа превращаются в подлинную среду обитания субъекта информационного общества. Этот субъект инфантилен, он живет в постоянно изменяющемся потоке информации и вынужден проявлять гибкость и податливость для того, чтобы оставаться в информационном тренде, не выпадая из коммуникативного процесса. Таким образом, главными признаками этой коммуникативной среды являются нестабильность и релятивность, что обуславливается отсутствием трансцендентального этического принципа и атомизированным характером пространства всемирной паутины. Все это позволяет ожидать конкуренцию ценностных ориентиров в коммуникативном пространстве глобальной сети.

Ключевые слова: философская антропология, информационное общество, масс-медиа, субъект, коммуникативная среда, аксиология, глобальная сеть, атомизация.

D. E. Samoilov

*THE FEATURES OF THE FORMATION OF THE AXIOLOGICAL SPACE
IN MODERN MASS MEDIA: AN ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS*

The article provides an anthropological analysis of the subject of communicative space in the information society, which actively participates in the formation and dissemination of axiological attitudes, that are relevant to modern mass media. The comparison of the information society and the ancient polis as models of the life world, in which the general and the public are interconnected, leads us to the fact that modern media are turning into

---

* Иеромонах Дмитрий (Самойлов Дмитрий Евгеньевич) — насельник Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, аспирант кафедры теологии Русской Христианской Гуманистической Академии (Санкт-Петербург). E-mail: samoyloff.dmitr@yandex.ru

a real life world of the information society. This subject is infantile, he constantly shows a changing flow of information and is forced to show flexibility and pliability in order to stay in the information trend, without falling out of the communicative process. Thus, the main features of this communicative environment are instability and relativity, which is due to the absence of a transcendental principle and the atomized nature of the world wide web space. All this allows us to expect the attractiveness of value benchmarks in the communicative space of the global network.

Keywords: information society, mass media, subject, communicative environment, axiology, global network, atomization.

В В Е Д Е Н И Е

Аксиологические вызовы в современном постиндустриальном информационном обществе являются насущной теоретической проблемой. С одной стороны, мы обнаруживаем себя в глобальном мире, а значит и ценностные ориентиры для всех членов единого мирного сообщества должны быть едиными. С другой стороны, единство аксиологической системы в условиях информационного общества предполагает включение в эту систему самых разнородных ценностей. Некоторые из них могут способствовать поддержанию и воспроизведству образа человека, сложившегося в рамках определенной традиции (например, национальной или религиозной), а другие — быть этому образу враждебными. Если мы понимаем, что сами эти сложившиеся традиционные образы человека несут на себе отпечаток безусловной ценности, мы не можем игнорировать то, что элементы аксиологической системы современного общества вступают друг с другом в противоречие.

Несомненно, что средства массовой информации, масс-медиа играют существенную роль в распространении и организации ценностных установок современного общества. И для того имеются вполне конкретные основания. Так, уже в начале XX в. К. Ясперс обращает внимание на такую специфическую особенность современного человека, как его функциональная многогранность, востребованность в обществе в качестве носителя набора соответствующих социальных ролей. Эта многоаспектность человека становится важным залогом его преимущественно коллективного самосознания: «Он мыслит свое бытие только как «Мы»» [22, с. 52]. Многое из высказанного К. Ясперсом актуально до сих пор, и современные масс-медиа только подтверждают этот тезис. Медиа одновременно и создают коммуникативное пространство, и представляют собой ту среду, в которой артикулируются аксиологические доминанты. Нет сомнений в том, что именно средства массовой информации вкупе с различными социальными сетями, форумами, мессенджерами и прочими коммуникативными площадками являются сегодня главными инструментами по созданию, распространению и прививанию ценностей. И если технический аспект действия различных медиа на формирование коммуникативной среды и создание аксиологического контента достаточно хорошо изучен [3; 19; 21], то антропологический аспект такого воздействия нуждается в прояснении.

Кто является реципиентом современных медиа? Разумеется, на этот вопрос можно ответить в математизированных социометрических терминах,

продемонстрировав разнообразие и многоаспектность коммуникативного пространства современных медиа. Однако нам интересно выяснить, каковы черты этого реципиента, позволяющие ему усваивать и поддерживать порой самые противоположные ценностные ориентиры. В нашей статье мы предложим антропологический анализ субъекта коммуникативного цифрового пространства, который активно участвует в формировании и распространении актуальных для современных медиа ценностных установок. Мы предлагаем применить следующий эвристический прием: отталкиваясь от примера античного полиса как модели жизненного мира, в котором тесно взаимосвязано коллективное и общественное, проанализировать функции участника информационного общества, который воспринимает себя вовлеченным в коллективный процесс глобальной коммуникации.

ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА КАК ПОЛИСНАЯ СИСТЕМА

Вспронаикающая природа современных информационных и телекоммуникационных технологий позволяют формировать устойчивые сетевые сообщества по всему земному шару, что в свою очередь демонстрирует принципиальное изменение отношения к этим технологиям. Очевидно, что для поколений, появившихся на свет с 1980-х гг., интернет является ничем не заменимой, уникальной средой обитания, в которой они не только получают информацию и обмениваются ею, но и создают оригинальные социальные структуры, которые поддерживаются ими сформированными сетевыми образами. Это хорошо видно на примере СМИ: прежде (до 1990-х гг.) задачей средств массовой информации было лишь информировать читателей о том, что власти — политические силы или владельцы данного СМИ — считали нужным и правильным. В этом смысле СМИ играли роль инструмента, которым можно оказывать влияние на формирование общественного мнения. Однако такая стратегия была относительно успешна до тех пор, пока общество не стало настолько фрагментарно, раздроблено, атомизировано, как мы видим это сегодня.

В том, что интернет-среда является не заместителем, а подлинным жизненным миром современного человека, сомневаться не приходится. Фактическая атомизация общества в режиме реального успешно восполняется единством, которое достигается во вновь созданных сетевых группах в режиме виртуального. Это означает, что медиа в большей степени становятся объединяющим и одновременно размежевывающим фактором, который позволяет устанавливать отношения участников сети на уровне «свой — чужой». Иными словами, современные медиа играют роль созидающего по отношению к социальным группам фактора, поддерживающего существование жизненного пространства субъекта информационного общества. Несомненно, что индивидуальная личность оказывается в большой степени подвержена влиянию различных технологических воздействий, иначе говоря, человек ощущает на себе господство различных технологических форматов, а в перспективе — переформатируется в нечто сверх-, или во всяком случае, метачеловеческое.

Каковы же характеристики информационного общества как жизненного мира современного человека? Для ответа на этот вопрос мы обратимся к известному месту в «Политике» Аристотеля:

Итак, очевидно, государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому. А тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством» (1253а25–30) [2, с. 379].

Здесь для нас важно во-первых, то, что Аристотель мыслит под государством; во-вторых, то, что человек не может полноценно существовать, будучи изолированным; и, в-третьих, то, что человек занимает срединное место между богом и зверем. Рассмотрим эти положения последовательно, применяя их к современному информационному обществу.

Государство для Аристотеля — это полис, т. е. община, которая вовсе не мыслилась как город, огороженное стенами пространство. Полис — это особого типа сообщество граждан. В этом отношении неважно, как это сообщество выглядит в действительности. Важно, что человек ощущает себя равноправным с другими (принцип «изономии») и лично ответственным за сохранность и жизнедеятельность своего сообщества. Иначе говоря, в полисе каждый ощущает себя неотъемлемой частью общественного организма, как мы сказали бы, применяя более понятную нам метафору эпохи модерна. Аристотель много раз обращает внимание на то, что такой полисный способ существования присущ человеку по природе, т. е. для человека неестественно не быть членом сообщества.

Попытаемся перенести этот тезис на современное информационное общество — очевидно, что естественность (которая и в отношении Аристотелева тезиса требует сегодня тщательного комментария) существования современного человека в виртуальном пространстве глобальной сети, кажется, не подвергается сомнению. Так или иначе в настоящее время все, что происходит в рамках глобального сообщества, отражается на жизни каждого человека на планете. При этом невозможно помыслить себя частью мира, не будучи вовлеченным с ним в коммуникативную связь, не будучи представленным в глобальной сети. Исследователи отмечают, что в виртуальной сетевой реальности коммуникационные связи оказываются даже более устойчивыми и эффективными, чем в это происходит при личном общении людей или крупных бизнес-игроков. Это касается как бизнес-корпораций, различных рыночных структур или международных организаций, так и отдельных людей: они тоже оказываются вовлечены в систему глобальной презентации и объединяются в различные сообщества в зависимости от своих интересов. Например, PR через интернет реализуется посредством того, что участники стремятся установить доверительные отношения друг с другом, а технологичная инфраструктура информационного общества позволяет им обеспечить своевременное и полное информирование, а также успешно поддерживать и управлять коммуникацией

между организацией и общественностью [15, с. 85–96]. Будучи объединенными вокруг, например, определенного СМИ или развлекательного ресурса (скажем, Netflix) или информативно-образовательного (как, например, Википедия), люди склонны составлять самые разные группы, создавать разнообразные сообщества с собственными правилами этикета и даже культурой [11, с. 71–72]. Более того: для различных интернет-сообществ и даже для различных коммуникативных пространств характерно появление и поддержание участниками своеобразного языка — этот феномен сейчас активно привлекает внимание исследователей [5; 12; 13].

Из такого понимания полиса, которое было свойственно античной культуре, логически вытекало, что именно полисная община является естественной средой обитания человека как политического, следовательно — полисного животного. Этот аристотелевский афоризм («Человек — это политическое животное») по сути проливает свет на главную характеристику человека, отличающую его и от зверя, и от растения: человек обладает разумной душой, а это означает, что ему свойственно реализовывать определенный, неживотный образ жизни ($\betaίος$, а не $\ζώή$). Этот образ жизни может быть двояким: практическим, или действенным, и теоретическим, или созерцательным. Второй предпочтительнее, поскольку он позволяет усмотреть причины вещей, т. е. приблизиться к истинному знанию — в то время как в практической жизни человек реализуется именно как политическое, общественное существо. Если развить эту идею Аристотеля, то можно сказать: следствием разумности человеческой души является задача по созданию коллективного организма, который бы функционировал на пользу всем своим членам, а это и есть тот самый полис. Поэтому когда мы, например, вспоминаем о трагической гибели Сократа, нам следует иметь в виду, что он, осознавая себя членом полиса, не мог просто так позволить попустительски отнести к вынесенному против него приговору членами родного ему сообщества. Он сам расценивал свою смерть как в том числе и достаточное свидетельство своей любви к горожанам, как свой гражданский долг.

Итак, для греков полис был в соответствии с формулировкой Фукидида не стенами города или кораблями, а самими людьми. Ю. В. Андреев в связи с этим замечает: «В принципе грек классической эпохи мог представить себе полис, даже и не связанный с каким-то одним определенным местом, с территорией города и его ближайших окрестностей, а, так сказать, свободно перемещающийся в пространстве» [1, с. 54–55]. Пожалуй, не будет слишком большой натяжкой назвать способ организации полиса сетевым, чему также способствуют отношения колоний и городов-«метрополий», откуда колонисты отплывали в поисках неизведанных и необжитых земель. Эта сетевая структура позволила создать подлинную космополитическую культуру греческих городов-государств, создавших экономическое пространство и связав различные отдаленные уголки Эллады воедино за счет смыслообразующего единства ценностей.

Точно такое же сетевое устройство мы находим и в сегодняшнем информационном обществе, когда каждый отдельный его участник или группа участников — сознательные «колонисты» ими прежде неизведанных про-

сторов в океане интернет-контента. Преимущество сетевой организации — в ее гибкости и мобильности, однако здесь же таится и ее слабость, а именно: непрочность устанавливаемых связей. Подобно тому, как полисы Пелопонесского полуострова умело заключали друг с другом союзы против наступавшего персидского войска, а потом столь же умело ссорились между собой, привлекая на свою сторону ресурсы из дружественных им колоний, так же и современные игроки в информационном пространстве проявляют силу и готовность к установлению связей, которые не могут оставаться прочными на долгое время в силу динамизма внутренней организации сети. Иными словами, информационное общество слишком лабильно, чтобы выработать единое и разделяемое большинством игроков аксиологическое поле, а потому никакие связи в нем в перспективе не могут быть устойчивыми или даже предсказуемыми. Из этого следует, что они подвластны внешнему влиянию.

И в этом пункте мы подходим к третьему аспекту, обозначенному Аристотелем, а именно о срединном положении человека относительно животных и богов. Человек с его точки зрения оказывается как бы «золотой серединой» между природным миром и миром жителей горных вершин. Это означает, что в самой природе человека сосредоточено то, что свойственно и животным, и богам. Безусловно, он имеет в виду разум человека, который позволяет ему осуществлять характерным для него способом порядок мира. Замечательно, что и боги, и животные занимаются удержанием космоса — причем каждый с помощью своих способностей [16, с. 29–30]. Однако известно, что все существа в мире образуют лестницу в соответствии с той степенью совершенства, который каждый из них обладает. И здесь для нас интерес представляет промежуточная ступень между человеком и зверем. Как указывает комментатор, согласно учению Стагирита, «дети и животные — это сумма питательного, возрастительного, влекущегося и стремящегося начал [...]; их жизнь — это «жизнь с точки зрения чувства»» [2, с. 697, прим. 38]. Дети, которые еще только нуждаются в образовании и воспитании, еще не стали полноправными гражданами полиса, т. е. не осознали ценность общины и жизненно важный смысл совместного существования, не могут быть признаны вполне людьми. Научить их быть людьми должно общество, которое через систему воспитания прививало детям ценности, характерные для конкретного полиса. В. Йегер, исследовавший систему воспитания в античности, в связи с этим связывал политический модус существования человека с образом жизни животного как его противоположностью:

Характер общества накладывает на его членов свой отпечаток, и для человека, *ζωον πολιτικόν*, это всегда источник его образа действий, причем в той мере, какая недоступна животным. Нигде определяющее влияние общества на его членов не осуществляется полнее, чем в стремлении сознательно формировать путем воспитания дух новых, постоянно совершенствующихся индивидуумов. [...] Потому воспитание — непосредственное проявление живого осознания нормы в человеческом обществе, касается ли это семьи, профессии, сословия или же более широких объединений, таких как племя или государство [8, с. 12].

Таким образом, дети — это животные, теряющие свою близость к природному миру и входящие в мир культурный, созданных их воспитателями.

В информационном обществе дела обстоят сходим образом, но срединное положение детей переосмысляется. Ребенок становится ближе к богам, нежели к животным. Причем, если мы учитываем аристотелевское понимание богов не как творцов (или Творца) мира, а как «совершенных людей», как и все прочие в мире занимающих присущее им по природе место, то ребенок становится здесь идеальным участником сети. Он податлив, эмоционально не устойчив, в то же время гибок и способен к быстрому обучению. Стихия технологического для него оказывается родной: он играет виртуальным миром, как Эон Гераклита, «дитя на троне», — Вселенной. И действительно, в современном мире эта инфантильность, а также гибкость и обучаемость чрезвычайно важна, ведь эти качества субъектов сети, будучи востребованными, позволяют постоянно изменяющемуся постиндустриальному обществу предлагать или даже навязывать новый аксиологический контент.

МАСС-МЕДИА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Предложенный нами эвристический прием сопоставления полиса и постиндустриального общества в его информационной ипостаси вполне оправдан теми принципами, на которых основаны современные социальные структуры. Заметим, что обращение исследователей современного мира к опыту античности является не является чем-то из ряда вон выходящим. В качестве примера приведем недавнее исследование того, как принципы демократии, реализуемые в классическом полисе (прежде всего, равенство всех граждан перед законом, исconomия, и возможность свободы высказывания, исогория), переосмысляются в актуальной политической практике стран Европейского союза [23]. Из этого можно сделать вывод о том, что плодотворность подобной эвристики демонстрирует фундаментальный характер тех ценностных ориентиров, которые по-прежнему воспроизводятся в том числе и в современном информационном обществе.

Исследователи обращают внимание на вовлеченность современной России в общемировые процессы формирования актуальной аксиологической повестки: «Сегодня современное человечество имеет новое мышление, философы призывают к единым общечеловеческим ценностям. Проблема их изучения с позиции философии — не временное увлечение, а жизненная необходимость, продиктованная включением нашей страны в общемировую систему ценностей» [7, с. 10]. При этом следует помнить, что любого участника глобальной сети, все равно, индивидуального или коллективного, до тех пор можно будет однозначно идентифицировать, пока ценностная парадигма, способствовавшая формированию образа этого участника, будет сохраняться и воспроизводиться.

Вместе с тем, одной из характерных особенностей постиндустриального общества является его нестабильность. Этую ее специфику описывали уже ведущие исследователи XX в. Анализируя систему информационного общества, классик социологии Д. Белл утверждал: «В организации производства и труда система требует от своих членов расчетливого поведения, трудолюбия и

самодисциплины, стремления к карьере и успеху. В сфере же потребления она создает культ сегодняшнего момента, возвышает мотовство показуху и поиск игровых ситуаций. Но в обоих этих сферах система совершенно нестабильна, поскольку в обществе уничтожены всех признаки трансцендентальной этики» [4, с. 648]. М. Элиаде отмечал ритуальный характер многих публичных мероприятий, подкрепленный «мифологическим поведением», который поддерживается СМИ и различными периодическими изданиями [20, с. 182–184]. Закономерно, что именно масс-медиа оказываются тем инструментом, который позволяет формировать субъект такого нестабильного общества, где отсутствует привязка к вневременным, т. е. фундаментальным нравственным положениям. Как отмечает А. А. Ворожбитова, «необходимость взаимосвязанного изучения проблем ЛР (т. е. лингвоторической. — Д.С.) организации и функционирования политического, масс-медиа- и психолого-прагматического типов дискурса обусловлена их объективной ролью в качестве аксиологических детерминант построения актуальной на данный момент исторического развития общества ЛР картины мира. Последняя выступает в качестве дискурс-универсума, в рамках которого осуществляется жизнедеятельность коллективной языковой личности этноса, совокупной языковой личности этносоциума рассматриваемого исторического периода развития государства и общества» [6, с. 180]. Язык, на котором говорит информационное общество, можно представить как систему мифологических структур, опознаваемых членами этого сообщества в качестве смыслопорождающих моделей.

Как же функционируют эти структуры? Л. В. Ефимова предлагает трехчастную модель формирования общественно-значимых ценностей средствами масс-медиа. Первым этапом является достижение консенсуса общественного мнения по отношению к вновь создающейся ценности; для этого отдельные факты социальной жизни тщательно фиксируются, а затем публично демонстрируются. Вторым этапом оказывается «прощупывание почвы» для внедрения сконструированной ценности или идеала путем распространение информации о нем в системе сложившихся общественных предпочтений. На финальном этапе сконструированная ценность внедряется в общественное сознание посредством пропаганды [7, с. 12–13]. Таким образом, медиа оказывают влияние на участников коммуникационного пространства на двух уровнях: во-первых, предлагая им коммуникативные инструменты для эффективного общения, во-вторых, формируя ценностные модели на основе сконструированного ими же дискурса. Ясно при этом, что описанное Д. Беллом отсутствие трансцендентальной этики, позволяет постоянно менять эти дискурсы, создавая для динамично изменяющегося информационного общества все новые и новые ценностные ориентиры.

Теперь обратимся к нашему примеру с полисом. Гибкое и стремительно меняющееся общество требует столь же податливого субъекта, воспринимающего всякую новую свою функцию как элемент игровой практики. Инфантильность оказывается одной из наиболее заметных черт современного коммуникативного пространства, которое сформировалось в глобальной сети [10; 14]. А в этом отношении ценностные ориентиры будут также восприниматься не в

качестве некоей безусловной системы нравственных координат, а как еще одна переменная в пространстве глобальной коммуникации.

Об этом предупреждал теоретик игровой природы культуры Й. Хёйзинга: «Платон высказал мысль, глубина которой выходит за пределы нашей понятийной системы: люди суть игрушки богов. Сейчас можно сказать, что люди превращают в игрушку весь свет» [18, с. 328]. Именно к этому тезису пришли и мы; однако речь здесь не о том, что человеку комфортно быть и оставаться по выражению Э. Фромма «вечным сосунком» [17, с. 196]. Мы видим, что человек выступает в качестве ребенка как в одной из присущих ему разнообразных функций. При этом существует достаточное число факторов или участников коммуникативной сети, которые извне освобождают этого «ребенка» от ответственности за принятия тех или иных решений. То, на что была настроена традиционная образовательная система — воспроизведение носителя незыблемых ценностных установок, — в рамках информационного общества как родной для инфантильного субъекта среды изменяется в связи с объективными динамическими изменениями присущего ему коммуникативного пространства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные масс-медиа превращаются в подлинную среду обитания современного человека-субъекта информационного общества, не ограничиваются более лишь инструментальной функцией. Распространяющиеся с их помощью коммуникативные модели оказывают непосредственное воздействие на образ современного участника глобальной сети. Этот участник, живущий в постоянно изменяющемся потоке информации, вынужден проявлять гибкость и податливость для того, чтобы оставаться в информационном тренде, не выпадая из процесса.

Нестабильность и релятивность — главные признаки коммуникативной среды субъекта современного информационного общества. При этом очевидно, что эти признаки взаимно обусловлены. Нестабильность предполагает, что не существует никакого абсолютного (или трансцендентального, как называет его Д. Белл) нравственного принципа, а это в свою очередь означает, что каждый раз на его месте будет торжествовать принцип относительный. Эта относительность прежде всего связана с динамичными изменениями, которые происходят в контексте современного медийного пространства. Кроме того, коммуникативная среда, в которой возникают и усваиваются ценностные ориентиры сегодня принципиально транспарентна. Это означает, что любой участник глобальной сети может предложить или поддержать вновь возникшую тенденцию, понимая ее как очевидную, хотя и сиюминутную ценность. Этому способствует отсутствие всякой регулирующей инстанции, какой мог бы стать источник этических правил и норм. Примерами таких источников являются религиозные или национальные традиции, который, однако, не оказываются востребованными в атомизированном пространстве всемирной паутины.

Мы подходим в связи с этим к основному выводу нашей статьи. Можно, конечно, спорить, является ли ситуация, в которой ценностные ориентиры

относительны и не выполняют функцию основания для общественных отношений. Однако мы ограничимся тем, что укажем на важнейшее следствие из инфантильности, т. е. несамостоятельности участника глобальной сети. Если всякий участник может (хотя бы потенциально) предлагать аксиологическую повестку, то безусловно найдутся такие игроки, которые начнут ее всеми силами навязывать. Это вовсе не является отличительной чертой информационного общества — о необходимости стороннего, внешнего руководителя для несовершеннолетнего писал еще И. Кант [9]. Однако в рамках информационного общества имеется важное обстоятельство. Поскольку быть в нем означает быть представленным, т. е. адекватным образом репрезентировать себя в медийной среде, носители или сторонники традиционных ценностей также могут проявлять активность в формировании аксиологической повестки. Следовательно, мы можем ожидать своеобразную конкуренцию ценностных ориентиров в коммуникативном пространстве глобальной сети.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. — СПб.: Издательство «Алетейя», 1998.
2. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4 / Общ. ред. А. И. Доватура. — М.: «Мысль», 1983.
3. Бадальянц О. В. Трансформации в обществе и образовании: противоречия и тенденции // Философия и общество. 2020. № 2 (95). С. 81–96.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноzemцева. — М.: Academica, 2004.
5. Бузова О. В. Этикет в виртуальном пространстве сети интернет // В мире научных открытий. 2014. № 5–2 (53). С. 843–849.
6. Ворожбитова А. А. Политический, масс-медиа и психолого-прагматический типы дискурса: лингвогеографическая динамика дискурсивных процессов-детерминант российского социокультурно-образовательного пространства XX–XXI вв. // Известия Сочинского государственного университета. 2012. № 3 (21). С. 177–181.
7. Ефимова Л. В. Аксиологические проблемы СМИ // Сервис plus. 2014. Т. 8. № 2. С. 10–16.
8. Йегер В. Пайдея. Воспитание античного грека. Том 1 / Пер. с нем. А. И. Любжина. — М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2001.
9. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // Кант И. Сочинения в шести томах. — М.: «Мысль», 1966. Т. 6. С. 25–36.
10. Кашина О. П. Негативные тенденции в социализации современных подростков и молодежи // Социально-экономические процессы современного общества. БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии. Чебоксары, 2021. С. 181–184.
11. Коптева В. К. Воздействие интернет-сообщества на формирование личности // Коммуникология: электронный научный журнал. 2017. Т. 2. № 3. С. 67–74.
12. Крылова М. Н. Язык современного интернет-общения (на материале интеллектуального контента социальной сети «ВКонтакте») // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 1. С. 128–137.

13. Минчук И. И. Фатическое общение в Viber-сообществе информационного ресурса: этикетные, игровые, метатекстовые жанры // Медиалингвистика. 2019. Т. 6. № 3. С. 341–353.
14. Моисеева Н. А. Прикладная философия и современные проблемы общества // Право и практика. 2016. № 4. С. 151–156.
15. Скворцова Н. А., Дудина К. Ю. Интернет как среда и инструмент реализации PR // Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг. 2014. № 3. С. 85–96.
16. Тимофеева О. История животных. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. 208 с.
17. Фромм Э. Психологические проблемы старения // Фромм Э. О неповиновении и другие эссе. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2012. С. 194–218.
18. Хёйзинга Й. В тени завтрашнего дня // Хёйзинга Й. *Homo ludens. В тени завтрашнего дня*. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. С. 241–366.
19. Чапля Т. В. Аксиология информационного взаимодействия: теоретико-методологический анализ. — Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2006.
20. Элиаде М. Аспекты мифа / Пер. с фр. В. П. Большакова. — М.: Академический проект, 2010.
21. Яковлева И. В., Косенко Т. С. Эволюция и современное состояние проблемы взаимодействия образования и социокультурных ценностей // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8. № 2. С. 1796–1805.
22. Ясперс К. Духовная ситуация времени / Пер. с нем. М. И. Левиной. — М.: АСТ, 2013.
23. Koljević Griffith B. N. Rethinking democracy in twenty-first century Europe: The role of ancient democracy // Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies, 2020, vol. 36, issue 4, pp. 700–708.

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.029

УДК 1(091)

E. П. Борзова*

РОЛЬ РОССИИ В СОХРАНЕНИИ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ БУДУЩЕГО МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье анализируется понятие духовных ценностей как основания мировоззрений и идеологий различных государств и народов. Делается вывод о синтетической природе духовных ценностей России. Рассматривается вопрос о роли России в воспроизведении духовных оснований мировой культуры.

Ключевые слова: духовные ценности, античность, культура, христианство, Достоевский, Россия.

Borzova E. P.

*THE ROLE OF RUSSIA IN PRESERVING THE UNIVERSAL SPIRITUAL VALUES
OF THE FUTURE WORLD CULTURE*

The article analyzes the concept of spiritual values as the basis of worldviews and ideologies of various states and peoples. The conclusion is made about the synthetic nature of Russia's spiritual values. The question of the role of Russia in the reproduction of the spiritual foundations of world culture is considered.

Keywords: spiritual values, antiquity, culture, Christianity, Dostoevsky, Russia.

На протяжении большей части XX века мировые державы воевали друг с другом. И это была не просто борьба за власть над миром, это была борьба за идеи, мировоззрение, ценности. Главным пунктом в современных глобальных преобразованиях мировоззренческих установок являются прежде всего духовные ценности. Как складывались духовные ценности на протяжении истории мировой культуры у различных народов, какие основы их объединяют, есть ли то общее, что делает человека Человеком, является общечеловеческим, гуманным и отличающим человека от всех остальных существ на Земле?

---

* Борзова Елена Петровна, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы, президент Санкт-Петербургского института искусств и реставрации; borzova_01@mail.ru

Прежде всего отметим духовные (нематериальные) ценности Античности, которые складывались, в основном, в древнегреческой культуре в лоне религии, искусства, философии; в Древнем Риме они проявились преимущественно в системе республиканского управления обществом и в праве. Такие ценности, как истина, красота и нравственность (добро) формировались в науке, в искусстве, в мифологии и философии. Основой, «эталоном», главным понятием в процессе формирования ценностей у греков была гармония. Ей служили и люди, и боги. По мнению греков, если человек был физически красив, то он должен быть и умен, и нравственен, поскольку люди верили, что боги создают гармонию духа и тела (об этом красноречиво свидетельствует известная легенда о красавице Фрине). Гармония, заложенная в природе, содержится во всех ее проявлениях. Главное для человека — ее увидеть, понять и не нарушать. Гармонией природа одухотворена, являясь ее сущностью, познавая ее человек тоже одухотворяется. Духовность природы и человека одна и та же.

Кроме цивилизаций Античности Древний мир представляют страны Востока. На Востоке, где складывались самые ранние цивилизации, для нас представляют интерес особенно те духовные ценности, которые формировались параллельно с античными. Они складывались в восточных религиях: иудаизме, буддизме, даосизме. Сравнение систем духовных ценностей в различных культурах важно, поскольку в них находил отражение образ жизни больших регионов, наций, народностей, на них опиралась жизнь людей, их культура повседневности, мораль, они сохранились в традициях до настоящего времени.

На Востоке иудаизм — древнееврейская религия — является первой монотеистической религией Древнего мира, и в этом ее главный вклад в культуру человечества. Главным принципом иудейской религии является тезис «Бог — один» в том смысле, что есть только один Бог, а не множество богов. Кроме того, одним из главных принципов является принцип полного господства духовного начала над материей. Но при этом необходимо помнить о ценности также и мира материального. Бог — безусловный Владыка материи как ее творец, и он вручил человеку господство над материальным миром, чтобы через материальное тело и в материальном мире осуществить свое идеальное, духовное назначение. Здесь заключен великий принцип опосредованности: через духовную природу человека Бог господствует, управляет в материальном мире, а человек, и это самое важное, — божественен по своей природе.

Буддизм — первая из трех мировых религий, она вышла из лона древней индийской культуры и религии брахманизма. Зародившись первоначально как философское учение, буддизм впоследствии становится своеобразной религией без молитв и Бога, хотя и не отрицающей существование множества почитаемых ранее богов. В буддизме главной ценностью является духовная сущность человека, в ней проявляется стремление освободиться не только от власти общества и природы, но и от законов самой жизни, которая, с точки зрения первой истины буддизма, есть страдание.

Вторая истина говорит о том, что нужно преодолеть неудовлетворенность в любых ее проявлениях, и она кроется в чувствах. Победа духа (души) над ними может привести к духовной свободе человека и обрести власть над самим собой, которая реализуется в полной внутренней свободе — свободе духа.

Буддизм учит, что сущность человека неизменна; под влиянием его поступков меняется лишь бытие человека и восприятие мира. Согласно закону кармы (морального воздаяния), который определяет участь человека и в этой жизни, и в будущих перевоплощениях (по учению о реинкарнации), человек должен учитывать жесткое требование: поступая плохо, человек пожинает болезни, бедность, унижения; поступая хорошо, вкушает радость и умиротворенность. Главная же цель земной жизни, согласно буддизму, — в освобождении от кармы и выходе из круга сансары, в обретении полной внутренней духовной свободы.

В индуизме, который продолжил более раннюю религию брахманизма, состояние человека, достигшего освобождения, называется мокшой, а в буддизме — нирваной. Нирвана — вершина духовного достижения человека — понимается как подлинное освобождение от всяких оков жизни.

Буддизм обещает людям избавление от самых тягостных сторон человеческого существования — страданий, невзгод, страстей, страха смерти. Вечная жизнь, с точки зрения буддизма и других индийских религий, — это бесконечная череда перевоплощений, реинкарнаций, смена телесных оболочек. В буддизме для ее обозначения принят термин «сансара». Буддийская этика распространялась не только на сами поступки, но и на мотивационный мир человека. В результате не только злые деяния, но и неправильные мысли ухудшали карму. Буддийская мораль относится не только к человеку, но и ко всем живым существам, являющимся ступеньками в цепи жизненных перевоплощений, где самой высокой является человек. В целом содержание буддийской религии было построено таким образом, что оставляло множество возможностей для дальнейшего его развития, что и отразилось в новых вариантах буддизма — махаяне, хинаяне.

Буддизм — великая оптимистичная религия, поскольку убеждает человека, что счастье зависит от самого человека, только он сам может добиться и только от него самого зависит собственная свобода, счастье и покой. Но, буддизм, поэтому — индивидуалистическая религия, которая призывает и учит тому, как найти счастье каждому человеку в самом себе: «спаси себя и ты спасешь весь мир». Но великая мысль заключается в том, что, если каждый человек будет счастлив, счастливы будут все.

Духовные ценности, формируемые мировыми религиями, закладывают основы национальных культур. «В этом плане культура — объективированный дух и опредмеченная мысль человечества. Для народившихся поколений, входящих в историю, она предстает некой данностью, чем-то напоминая в этом отношении первую природу. Отличие заключается в том, что культура в принципе не существует без человека и вне его. Более того, человеку, который уже выделился из природы, создав цивилизацию, естественный природный мир предстает уже внешним и противостоит в качестве другого и даже чуждого. В культуре человек существует для себя самого. Однако такое для-себя-бытие требует постоянных усилий, культура непрерывно культивируется. В этом перманентном строительстве (поддержке, реконструкции, обновлении, созидании) человек сам создает среду своего обитания. Каков народ, такова и культура».

Христианство как мировая религия привнесло в мир новые духовные ценности. Их своеобразие — в более адекватном постижении духовной сущности

человека. Христианство пришло в античный мир, в Рим, с Востока, из Палестины. Первохристиане отстояли свои ценности жестокой ценой принесения себя в жертву, и открывая новую страницу в мировой культуре — средние века. Сравнивая Средние века с Древним миром, в свете развития духовных ценностей нужно выделить те, которые христианство принесло и сформировало в мировоззрении европейского человека. Особенно следует выделить то новое в развитии истории, что привнесла в сознание человека христианская Троица, ее глубокая философия. На заре Средних веков человечество переживало величайшую форму духовного кризиса, когда Христос принес действительную истину, согласно которой дух является определяющим моментом материи и всего материального. В отличие от иудаизма, он предстал перед людьми в виде реального человека, наделенного Божиим словом. В личности Иисуса Христа люди увидели воплощение абсолютного духа, иnobытие Бога в реальном лице, а сам Бог предстал как Троица: Бог — Отец, Бог — Сын, Бог — Святой Дух. И это самое сложное и глубокое понимание человеком устройства мира и своего места в нем. Для внедрения в сознание человека христианских ценностей потребовалось целое тысячелетие, и весь период средневековья европейское общество развивалось под абсолютным влиянием христианской веры. За этот продолжительный период истории в мировоззрении людей все же сформировались христианские ценности, суть которых отражается в глубоком понимании Троицы и заключается в вере в Бога-Отца как творца и всеобщего начала, и в гуманное предназначение сформированного им человека по образу своему. Творчество и гуманная природа человека, данная от Бога, дарует ему свободу как великую ценность. Гуманность, или нравственный закон же заключается в том, чтобы каждый человек видел себя в Другом («возлюби ближнего своего как самого себя», «на все — суд Божий»), чтобы соотносил свои поступки со всеобщим (всеобщей Волей), умел услышать Волю Божью. Очень важно было понять что человек — это не индивидуальность сама по себе, а личность, которая осознает себя как таковую в том, чтобы вернуться к себе через понимание Другого. Это позволило на «генетическом» уровне принять Троицу, где всеобщее — Бог, особенное — Другой и единичное — человек, которые находятся в непосредственном единстве, существуют как греческое Единое, о котором говорил Платон в своем диалоге «Парменид».

Еще одна важная черта христианской ценности заключается в понимании того, что на философском языке называется «тождество духа», в котором дух проходит стадию «различия», и это «тождество» есть истинная реальность Бога как абсолютного духа. Бог в качестве духа, проявляясь в сыне-Иисусе, становится конкретным реальным, чтобы человек узнал в нем Бога. В этом смысле Сын принес весть, что действительное Царствие Божие на земле находится внутри нас, внутри каждого человека в качестве духа, который является вестью Отца и об Отце.

Одной из трех христианских добродетелей (вера, надежда, любовь) является истинная любовь. Она понимается как полное погружение из себя в иное бытие духа вне себя в процессе чувства любви. Но исчезая там и, казалось бы, пропадая и превращаясь в ничто, человек выходит оттуда и возвращается к себе, обогащенный моментом всеобщности иного духа. Это разговор о тех

отношениях, о той истинной любви, которая должна быть между людьми и должна быть духовной. Это то, что говорил и хотел, чтобы люди поняли, Христос: «Когда двое сберутся во имя мое, я буду среди вас».

В этой фразе глубокая сущность христианской Троицы.

Очень важно понять, что до Первого пришествия Иисуса Христа, этого исторического события, у человечества не было вообще понятия духа. Философия и религия говорили об идее, о душе. Христос принес в человеческий мир идею всепобеждающего духа в материальном мире, и понимание той идеи, что благодаря духу материя — не мертвая, а живая, и живет она, поскольку есть в себе самой дух. В средние века мировой истории в религиозной форме, в халастике, человек поднялся на очень высокую ступень познания чистого духа: материя в себе есть дух, как возможность и необходимость саморазвития в дух.

Христианство, особенно православие, воспитывает в человеке эмпатию, сопереживание, понимание «другого», и это самое важное достоинство человека, как Человека, которое объясняет его социальную, гуманную, божественную (духовную и разумную) природу. Православие по-своему воспринятое и переработанное народом, заложило в русских людях генетическую программу нравственного совершенства, стремление внести во все: любовь, веру во второстепенность земного и в бессмертие личной души, совесть, искусство страдать и терпеть, религиозное осмысление всей жизни и всего мира, уверенность в необходимости единения человека с Богом, преодоление страха смерти через созерцание жизни и земной смерти Христа. Православие в духовно-нравственной области дало русскому народу обостренное чувство совести, мечту о праведности и святости, осознание греха, идею аскетического очищения, острое чувство правды, справедливости, добра и зла, жертвенности во имя другого по примеру Иисуса Христа.

Высшим добром для русского человека благодаря православному христианству становится любовь, которая понимается как любовь к человеку. Любовью строится совместная жизнь на земле, из любви рождается вера, как еще одна христианская добродетель. Характерным для русского народа стал дух милосердия и сочувствия к бедному, слабому, больному, угнетенному и даже преступнику. В России создавали на частные пожертвования богадельни, больницы и клиники. Православие воспитывало в русском народе тот дух жертвенности, служения, терпения и верности, без которого Россия не победила бы своих врагов и не построила бы огромного государства. Вместе с принятием христианства на Руси ее культура стала приобретать форму, которая наполнилась новым духовно нравственным содержанием, привнесенным православием и заключающимся в идеалах жертвенности, подвига во имя Христа, служения его заповедям любви к людям, обожению, состраданию. В культуре русского народа по сравнению с предшествующими эпохами появились идеи, наполненные новым содержанием: тема подвига, мученичества, и особенно — жертвы во имя «другого» (ребенка, друга, народа, царя, Бога). Пример принесения себя в жертву Иисуса Христа во имя спасения всех людей является важным для понимания каждого верующего, это осознание «большой идеи» мира — необходимость жертвы единичного во имя существования рода, во имя всеобщего.

Еще в средневековый период истории именно в христианстве появилась идея, данная Богом как заповедь, отношение к другому человеку с любовью: «Возлюби ближнего своего как самого себя», а любовь к себе стала считаться эгоизмом. Но важно еще то, что в отношении к «другому» появилась идея сострадания и изменилось понимание о счастье. Буддизм, возникший в VI в. до н. э., и философия античности, развивающаяся с этого же времени, обращали мысль человека к самому себе, и лишь христианство — к возвращению к себе через «другого».

Именно дух православия до 1917 г. определял русское национальное самосознание. Русские люди в течение всей своей дареволюционной истории учились строить Россию «целованием Креста» и получать личную нравственную силу в молитве. Православие воспитало у русского народа христианское правосознание, определяющее волю к миру, к братству, справедливости, лояльности и солидарности, чувство достоинства, способность к взаимному уважению, к жертвенности ради другого в лихие времена.

Достоевский подчеркивал, что именно православие дает то объединяющее начало, которое в будущем потребуется всему человечеству, и русский народ будет тем, кто способен к всепримирению, и к всечеловеческому нравственному обновлению. «В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести новый свет миру, при условии самобытности нашего развития». Согласно Достоевскому, этот «новый свет» есть слово об истине Христа-Бога: Всё назначение России заключается в православии, в свете с Востока, который потечет к ослепшему на Западе человечеству, потерявшему Христа. Всё несчастие Европы, всё, всё безо всяких исключений произошло оттого, что с Римскою церковью потеряли Христа, а потом решили, что и без Христа обойдутся».

Восточный идеал, т. е. идеал русского православия, есть сначала духовное единение человечества во Христе, а потом уж в силу этого духовного соединения всех во Христе, и несомненно вытекающее из него правильное государственное и социальное единение. Такой идеал есть применение формулированного Хомяковым принципа соборности не только к строю Церкви, но и к строю государственному, к строю экономическому и даже международной организации человечества. Именно смирение, самоутвержение, простота жизни становятся характерными чертами для христианских святых.

В России двадцатилетие третьего тысячелетия от Рождества Христова заканчивается возрождением многих православных храмов, церквей и монастырей, большое количество из них восстановлено и отреставрировано, духовенство активно включилось в воскрешение «духа места» России на Земле, организуется много международных культурных, экономических и политических мероприятий восточного и евразийского характера: форумы, съезды, конкурсы, симпозиумы. Россия стала евразийской державой. Но в отличие от Запада в целом, который встал на путь активного изменения традиционных ценностей, Россия включилась в этот меняющийся глобальный мир, сохраняя традиционные ценности семьи, общества и государства. В России, исторически

сформировавшись, принцип соборности проявлялся у русских и в отношении к личности, и в отношении к Церкви, и к государственному строю, к экономическому строю и даже к международной организации человечества. Та особенная форма духовных ценностей, сформированных мировыми религиями, которая характерна для современной России, заключает в себе и всеобщее содержание. Воспроизведение этого всеобщего содержания во многом определяет будущее мировой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатырёв Д.К., Сальников В. П. Ценности, мышление, культура в пространстве духовной жизни // Мир политики и социологии. 2019. № 9.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Т. 29, кн. 1. Письма 1869–1874. — Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1986.

Учредитель журнала
Частное образовательное учреждение высшего образования
«Русская христианская гуманитарная академия»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Богатырёв Дмитрий Кириллович —
доктор философских наук, профессор,
ректор РХГА

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ермичёв Александр Александрович —
доктор философских наук, профессор
РХГА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Преображенская Кира Владиславовна —
кандидат философских наук (РХГА)

Рахманин Алексей Юрьевич — кандидат
философских наук (РХГА)

Кулиев Олег Игоревич — кандидат фило-
софских наук (РХГА)

Синицын Александр Александрович — кан-
дидат исторических наук, доцент (РХГА)

Хромцова Марина Юрьевна — кандидат
философских наук (РХГА)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Масленников Дмитрий Владимирович —
доктор философских наук, профессор,
проректор РХГА по научной работе (пред-
седатель редакционного совета)

Светлов Роман Викторович — доктор
философских наук, профессор, директор
Института философии человека

РГПУ им. А. И. Герцена

Смирнов Игорь Павлович — профессор
Констанцского университета (ФРГ)

Григорьев Григорий Игоревич —
доктор медицинских наук, доктор богословия,
профессор РХГА

Корольков Александр Аркадьевич —
академик РАО, доктор философских
наук, профессор кафедры философской
антропологии и истории философии РГПУ
им. А. И. Герцена

Быстров Михаил Юрьевич — доктор фило-
софских наук, профессор, заведующий

кафедрой философской антропологии

Института философии СПбГУ

Гутров Владимир Александрович, доктор
философских наук, профессор Института
философии СПбГУ

Маслин Михаил Александрович — доктор
философских наук, профессор фило-
софского факультета МГУ имени М. В.
Ломоносова

Самарина Марина Сергеевна — доктор
филологических наук, профессор СПбГУ

Руберт Ирина Борисовна — доктор фило-
логических наук, профессор РХГА

Фролова Елизавета Александровна — док-
тор юридических наук, профессор МГУ
имени М.В. Ломоносова, Юридический
факультет, Кафедра теории государства
и права и политологии

Шапошников Лев Евгеньевич — доктор фи-
лософских наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ, президент ФГБОУ ВПО
«Нижегородский государственный педаго-
гический университет им. К. Минина»

Гарсия Куадrado Хосе Анхель — доктор
философии, ординарный профессор
Университета Наварры (Памплона,
Испания)

Пизери Маурицио — профессор истории
образования факультета социальных
и гуманитарных наук Университета Аосты
(Италия)

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

Галат Александр Анатольевич —
директор издательства РХГА

Кулиев Олег Игоревич — ответственный
секретарь редколлегии

Информация для авторов

В журнале «Вестник Русской христианской гуманитарной академии» публикуются научные работы, отражающие широкий спектр проблем современного гуманитарного знания в области филологии, философии, теологии, культурологии, педагогики и психологии.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал. При представлении в журнал рукописи статьи для опубликования автор передает права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Публикация платная. Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Представленные авторами материалы проходят внутреннее и внешнее рецензирование и должны удовлетворять принятым критериям качества. В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись статьи до переработки рукописи автором в соответствии с данными требованиями.

Публикация структурируется по принятому международному стандарту в следующем порядке:

- в верхнем левом углу присвоенный статье УДК,
- в правом верхнем углу фамилия и инициалы автора,
- название публикации на русском языке, не должно быть набрано прописными буквами,
- аннотация и ключевые слова на русском языке,
- фамилия и инициалы автора на английском языке (в правом углу),
- название статьи на английском языке,
- аннотация и ключевые слова на английском языке,
- текст статьи,
- список литературы.

Рекомендованный объем публикации — от 0,5 до 1 а. л.

Аннотации составляются на русском и английском языках, объем — 800–1000 знаков. Машинный перевод русской аннотации недопустим.

Ссылки на источники оформляются в тексте в квадратных скобках, например [5, с. 56–57].

Цитаты свыше 200 знаков (четырех строк) выделяются втяжкой и шрифтом 10 кегля, 1,0 пт.

Список литературы обязателен и оформляется по действующему национальному стандарту (ГОСТ Р7.0.5–2008).

Примечания, приложения и фотографии в публикации не используются. Справочная и графическая информация помещается внутри статьи.

В отдельном файле, приложенном к электронному письму, автор указывает свою фамилию, имя, отчество полностью, место работы и занимаемую должность, учennуу степень, звание, электронный адрес и/или контактный телефон. Также автор, при необходимости, сообщает информацию о проекте, в рамках которого подготовлена статья (название организации-спонсора № гранта/соглашения, название проекта) для размещения указанной информации в специальном подстрочном примечании.

В случае если статья написана двумя или более авторами, сведения о последних даются в одном файле последовательно, по отдельности о каждом из авторов, при этом указывается один, удобный им для связи, электронный адрес и/или контактный телефон.

Автор гарантирует, что все данные в его публикации реальны и аутентичны, его работа не является plagiatом. Все авторы обязуются в случае необходимости представлять опровержения и исправление ошибок.

Адрес редакционной почты: vestnik.rhga@mail.ru.

Information for contributors

The «Journal of the Russian Christian Academy for the Humanities» is a publication of the eponymous institution of higher learning. The issues include original contributions dealing with the topic relevant to the scope of the humanities including philology, philosophy, theology, cultural studies, education and psychology.

The members of the editorial board are required to ensure (1) that all papers comply with the publication guidelines; (2) that the papers are properly checked for language problems and style. The changes effected by the board are not to interfere with the ideas of the authors. The author enjoys a right to submit the contribution on the Journal's Internet website when submitting the manuscript for publication.

The Journal charges a publication fee, from which contributions by graduate students are exempted.

All proposals are reviewed by the Editorial Board and by official referees. Proposals that do not comply with the standards of the Journal, can be rejected or returned to the author for further improvements to be made.

The submission guidelines for contributors to the Journal are:

- UDC should be given in the top left corner,
- the author's last name and initials in Russian — in the top right corner,
- the title of the manuscript in Russian,
- an abstract and keywords in Russian should be included,
- the author's last name and initials in English in the right corner,
- the title of the manuscript in English,
- an abstract and keywords in English should be included,
- the manuscript,
- references.

The length of the manuscript should not exceed 10 000–12 000 words (1,0 typographic unit).

Abstracts in Russian and English should not exceed 100 words (1000 characters with spaces). It is advisable to have abstracts in English proofread, computer-aided translations of abstracts are not under consideration.

References and essential notes should be given in square brackets as follows — [5, p. 56–57].

Quotations exceeding four lines (over 200 characters) should be given with hanging indent (in 10-point font).

References are to be in full compliance with the National State Standard — GOST Certification System (ГОСТ_Р_7.0.5–2008).

Notes, comments, appendices and photographs are not used in the publication. Background information, reference sources, diagrams are embedded within the text.

In a separate file attached contributors provide their full name (last and first), place of work, position, academic degree, email address and / or contact telephone number. When needed, contributors can provide information on the grant program under which the research results presented have been obtained (sponsoring organization, grant number / contract, title of the project) to have this information given in a special footnote.

If a contribution is written by two or more authors, the personal data concerning all of them should be given in a single file, one by one, with a contact e-mail address and/or a telephone number of a contact person.

Contributors must guarantee that the manuscripts submitted are original, are not published or under consideration elsewhere, are not plagiarism. All authors agree to provide a refutation and corrections be it deemed necessary.

Proposals should be sent to: vestnik.rhga@mail.ru

Адрес редакции:

Русская христианская гуманитарная академия
Наб. реки Фонтанки, 15. Санкт-Петербург, 191023
vestnik.rhga@mail.ru
www.rhga.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 35196

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» 40971

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» ВАК России и Российской индекс научного цитирования.

**ВЕСТНИК
РУССКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ АКАДЕМИИ**

2021. Том 22. Вып. 4. Часть 2

Подписано в печать _____.2021. Формат 70 × 100 ¼₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. _____. Тираж ____ экз. Заказ № ____

Отпечатано в типографии ____

—